

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1983

ТИТ
ЛУКРЕЦИИ
КАР

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

*Перевод с латинского
Ф. Петровского*

А (Рим)

Л84

Издание «Библиотеки античной литературы»
осуществляется под общей редакцией

С. Алта, М. Гаспарова, С. Ошерова,

А. Тахо-Годи и С. Шервинского

Вступительная статья

Т. ВАСИЛЬЕВОЙ

Художник

В. НОСКОВ

Л $\frac{4703000000-271}{028(01)-83}$ 186-83

© Вступительная статья, переводы, отмеченные в содержании *, комментарии, оформление. Издательство «Художественная литература», 1983 г.

© Сканирование и обработка: glarus63

ФИЛОСОФИЯ И ПОЭЗИЯ ПЕРЕД ЗАГАДКОЙ ПРИРОДЫ

В одной книге собраны произведения, созданные в разные эпохи и в разных краях античного мира, достаточно далекие друг от друга, связанные тем не менее не только общей темой, но и отношением глубокой и живо ощущаемой преемственности. В каждом из них литература соединяется с философией, чтобы в одновременной работе проицательной мысли и творческого воображения построить перед взором читателя картину мироздания, видимой и невидимой природы, окружающей человека, включающей его в себя, определяющей его существо и его судьбу.

Что такое природа? Природа — это всё, вся вселенная в целом, но природа — это и топенький ствол деревца, выросшего где-то на стене многоэтажного городского дома, природа — это мощные стихии, с которыми человеку трудно спорить, но природа — это и нечто хрупкое, слабое, нуждающееся в человеческой заботе, требующее охраны. Человек — это тоже природа, и когда человек наших дней обращается мыслью к природе, желая узнать, что она такое, он помнит, что тем самым он обращается к познанию самого себя. Мы изучаем законы

природы в убеждении, что законы эти распространяются и на нас.

Когда греческие философы впервые начали думать о природе, они отчетливо противопоставили ее закону как сугубо человеческому изобретению и воле богов как причине неисповедимой и для разума неуловимой. Даже в разных эллинских городах законы различны, в мире же варварском они зачастую противоположны эллинским. Природа — это то, что везде одинаково, в эллинском мире и среди варваров. Природу то или иное существо получает вместе с рождением и на всю жизнь, независимо от собственной или посторонней воли. И греческое обозначение природы «фюсис», и латинское «натура» сохраняют живую связь с корнем рода, рождения и породы.

Превратности судьбы заставляют Одиссея вернуться в свой собственный царский дом под видом нищего странника. Бесчинствующие там гости не признают в нем законного хозяина. Но вот он натягивает свой богатырский лук — и всем становится видна природа этого мужа, он царь по рождению и остается им даже тогда, когда законная власть не в его руках. Природа важнее закона. Природа есть у дерева и у зверя, у камня и у воздуха, природа есть у человека, но у закона природы нет, и для природы «закон» — слишком мелкое и поверхностное представление о ее силе. «Затем, что ветру и орлу и сердцу деды нет закона» — эти пушкинские слова помогут нам представить, в каком смысле природа и закон противоположны друг другу.

Говоря о природе, греки употребляли другое слово — «космос». В русском языке есть слово «ряд». От него происходят и «наряд», и «порядок». В слове «космос» соединяются эти два значения закономерности и красоты, это «нарядный порядок», в этом же смысле римские философы стали употреблять латинское слово «мундус». В мифологическом предании сохранился рассказ о том, как однажды Зевс задержал наступление утра, когда ему было угодно, и семь ночей длились без перерыва, — в мире Гомера и Гесиода это, пожалуй, еще было возможно, но в космосе античной философии порядок смены дня и ночи, зимы и лета уже не подвластен никому. «Солнце своей не преступит границы, а не то его Эринии, Правды помощницы, схватят тотчас же». Так писал Герак-

лит. Закон можно заменить другим, богов можно умиловить жертвами,— природа неизменна и неумолима.

Природа — сфинкс, и тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Так Тютчев выразил свое предчувствие того понимания природы, к которому вело человека естествознание нового времени. Природа — не загадка, природа — отгадка, природа — это истина,— так понимали природу первые философы. Загадка — это мир с его видимым разнообразием. Откуда набегают на небо тучи? Почему проливается дождь? Как воспринимает его земля? Что позволяет ей выводить на свет дня деревья и травы? Как она питает их и как они, в свою очередь, обращаются в пищу птицам и зверью? Земля — это земля, трава — это трава, коза — коза, лев — лев. Как переходит земля в траву, трава — в козье молоко, козье мясо — в львиную силу, а кости и жир козьих туш — в дым жертвенных алтарей? Видимое многообразие вещей в этом мире — иллюзия. Так решили первые философы. На самом деле, по истине, все существующие вещи едины. Это единое во всех вещах есть единая природа всех вещей в отличие от отдельных природ, какими различаются разные вещи. Загадка — в другом. Как из одной единой природы получается множество отдельных природ, или пород? Вот эту загадку природы и решала греческая философия со дня своего возникновения. На первых порах философии в этом помогала поэзия.

Когда Фалес, первый из первых греческих мудрецов, сказал, что единая природа всех вещей — вода, он говорил как поэт. Во-первых, потому, что этому учил мифологический эпос, называя отцом бессмертных бога Океана, а во-вторых, понять это можно было только как поэму. Для человека, желавшего высказать истину, обращение к поэзии было в те времена в высшей степени естественным. Истина пахотилась под покровительством Муз, как и поэзия. Поэтическое вдохновение, по тогдашнему общему мнению, было сродни пророческому. Изяснить свою мысль в стихах или в поэтических оборотах вовсе не значило «сочинительствовать» или манерничать. А повсеместное распространение и влияние поэм Гомера и Гесиода побуждало философию к соревнованию с этими поэтами тем настоятельнее,

чем больше несообразностей и нелепостей находила она в их рассказах о божественных и человеческих деяниях. Вероятно, больше и горячее других критиковал Гомера с Гесиодом философ Ксенофан, «Гомеровых кривд бичеватель задорный», как окрестили его два столетия спустя, он же, по преданию, первый написал поэму в гомеровских гексаметрах о природе всего существующего. Вслед за ним подобные поэмы написали Парменид, величайший из философов досократовской поры, и Эмпедокл, гордость, краса и слава Сицилии, как писал о нем в своей поэме «О природе вещей» римский поэт Лукреций, восторженно его почитавший. Что в этих сочинениях философии соседствует и сотрудничает с поэзией, это ни у кого не вызывало сомнений. Если их за что и критиковали, так за то, что они больше философы, чем это подобает поэтам. А вот что не менее их поэтами были и Фалес, и Анаксимандр, и Анаксимен — это понять труднее, во-первых, потому, что поэзию мы привыкли связывать со стихами, во-вторых, потому, что от сочинений их вообще не сохранилось ни строчки. Из века в век передавали: Фалес учил, что всеобщая природа есть вода, Анаксимандр — что она есть «ни вода, ни воздух, а нечто неопределепно-беспредельное», Анаксимен — что она есть «воздух и беспредельное».

И философия, и поэзия дают определения вещам, только философия определяет вещь через то, что ей непременно принадлежит как ее часть или как включающее ее целое, и одна лишь поэзия может определять вещь через то, что не имеет к ней подчас никакого касательства.

«Все есть вода» (то есть и огонь есть вода, и камень) — это слишком расплывчатое для философии определение, зато как поэтическое выражение это каждый поймет без труда. В том-то и смысл поэзии, что она есть творчество и в читателе своем обращается к творческой способности, но поэзию каждый понимает по-своему, и она знает, что будет понята неоднозначно. Философия преследует цель всеобщего однозначного понимания. Чтобы всем легче было попасть в одну цель, проще всего расширить мишень. И если мишенью сделать белый свет, то каждый попадет в него не хуже, чем меткий стрелок попадает в копеечку. Если сказать, что все есть неопределепно-беспредельное, то уж такое определение, можно ручаться, не даст

промаха. Но именно потому, что под такое определение попадает и все на свете, и любая вещь в отдельности без различия от другой, как и любое число любых вещей,— оно тоже не годится для философии. Определение Анаксимандра — это тоже поэтическое «ничто» и «туманна даль», недаром Платон и Аристотель «беспредельное» приравнивали к абсурду. Что же до сочетания слов, которое приписывают Анаксимену,— «воздух и беспредельное», так ведь это и есть тот самый «белый свет», о котором говорит русская пословица, только названный по-гречески. Посмотрите поверх вещей, и вы сразу увидите его, этот «белый свет»: это есть воздух без конца и без края, «воздух и беспредельное».

Загадка мира была в принципе разгадана — хотя детали уточнялись в течение веков и уточняются еще и по сей день — когда природу вещей стали искать не в какой-то одной очень большой и очень неопределенной вещи, которую за величину и неопределенность стали называть уже не вещью, а веществом,— но в движении и в сочетании нескольких таких вещей. Если природа вещей едина, а мир мы видим многообразным, то многообразие неминуемо должно оказаться иллюзией. Поэтому зрение Гераклит именовал ложью. Но если мир не иллюзия, а зрение не ложь, то различие должно быть в природе вещей, то есть не единство должно быть положено в основание мира, а многообразие, вернее сказать, оба эти начала: единство и многообразие.

Одной общей природы у мира нет. Общая природа мира — сочетание четырех стихий: земли, воды, огня и воздуха,— об этом писали поэты Ксенофан и Эмпедокл. Вот где поэзия, кажется, в своей стихии! А кстати, что такое стихия? — Да то, что мы только что перечислили: огонь, ветер, вода, земля. Пожар, землетрясение, ураган, наводнение мы называем стихийными бедствиями. Привычное местопребывание для птиц — воздух, для рыб — воду, для зверей — землю мы называем их родной стихией. А что значит само слово «стихия»? Откуда оно взялось? Происходит слово «стихия» от греческого слова «стой-хейон», что значит по корневому смыслу «составная часть», а обозначалась им буква в греческой письменности. У римлян то же самое обозначалось латинским словом «элементум» — знакомое нам обозначение «элемент». Вода, огонь, земля,

воздух стали стихиями как раз тогда, когда они были признаны составными элементами природы вещей.

Итак, истинная природа этого многообразного мира — не большое, единое всеобъемлющее материнское тело, извергающее из себя вещи, отличные только тем, больше или меньше досталось им этого материнского вещества, плотнее или разреженной наполнены этим веществом их видимые оболочки, — природа уже не порождение, а построение. Элементы, как воины в строю, производя перестроения и перегруппировки, создают все новые и новые вещи. Но солдатам кто-то должен дать команду сомкнуться или разомкнуться. Взаимным расположением стихий огня, воздуха, воды и земли правят поочередно, преодолевая друг друга, Любовь и Вражда; нет ни рождения, ни смерти, нет ни единой вещи — существуют лишь временные стечения неизменных и бессмертных элементов, — такова разгадка природы, сочиненная Эмпедоклом.

Основанная на началах множественности картина природы, изображенная у Эмпедокла, не сразу утвердилась в сознании античного человека. Еще Гомер говорил:

Нет в многовластии добра, единый быть должен властитель.

Греческая философия искала способы совместить представление об элементарном строении природы с традиционным идеалом единовластия и однородности. Если природу каждой вещи определяет ее внутренний склад, взаиморасположение составляющих ее стихий, то этот внутренний склад — по-гречески он называется «логос» — и есть распорядитель природного космоса. Этим же словом «логос» обозначалась у греков и складная человеческая речь, причем понятая не как бессмысленное звучание голоса, но как членораздельное выражение отчетливо сформулированной мысли. Перед рядом стихий Логос мог выступать и как заданный им строй, и как самая команда строиться так, а не иначе, и как та мысль, сообразно которой дано было распоряжение. Более того, Логос космоса для чуткой души звучит как обращенная к человеку речь. Природа, которая любит скрываться от взора, через посредничество Логоса вещей говорит с человеческой душой, и если за своей многообразной причудливой паружностью, как у сфинкса, льво-птице-девы, природа скрыта от человека, то каждым своим словом сфинкс раскрывает истину, все его загадки — разгадки бытия, — такую

поэму о природе вещей сочинил Гераклит. Его природа состоит из тех же стихий огня, воздуха, воды и земли, но ему эти четыре стихии видятся переменчивыми ликами одной единой стихии огня. Чувственные впечатления обманывают нас,— говорил он,— учитесь умом видеть и умом слышать, внимайте Логосу космоса и логосу человеческой мысли, воплощенному в слове, в глаголе,— вот почему поэзия Гераклита ищет не зрительных образов, а словесных созвучий, его речь о природе еще более загадочна, чем сама природа, уже в древности Гераклита прозвали «Темным» и «плачущим» философом — за то, что на привычный нам мир он смотрел мрачно, как на непрерывную смерть всего, что, вечно изменяясь, погибает, едва успевая возникнуть.

«Смеющимся» философом прозвали Демокрита, потому что его взгляд за текучестью вещей пронизательно усмотрел такое постоянное, неизменное и неделимое, которое помогло человечеству разгадать загадку сфинкса раз и навсегда, причем с помощью той самой отгадки, от которой сверглась со скалы фиванская мучительница — сфинкс Эдипа. Самая главная загадка природы — человек.

У Демокрита составными элементами всех вещей становятся мельчайшие неделимые тела, их уже не четыре, а бесчисленное множество; как буквы в азбуке, они различаются очертаниями, а разнообразие вещей, как разнообразие слов на письме, создается переменой их сочетания и взаимного расположения. Неделимое по-гречески называется «атом», по-латыни — «индивидуум». Безоговорочное, почти механическое уподобление физического атома личности человека мы встретим у Эпикура, философа послеаристотелевской поры, продолжавшего и развивавшего атомистическое учение о природе. Но уже у Демокрита в изображении атома есть черты, недвусмысленно говорящие о том, что сознательно или бессознательно мыслитель-художник держал в памяти человеческий прообраз. Человеческая индивидуальность начинает выделяться из общей людской массы не раньше того, как в толпе мы начинаем различать отдельные лица. Атомы Демокрита — это плотные, значительные и вечные тела с индивидуальной физиономией — они отделяются мыслью друг от друга, поскольку они различны по своему внешнему виду, по форме. Внешний вид, форма вещи, обозначается по-гречески словами «эйдос» и «идея». Атомы Де-

мокрита, которые он называл также «идеями»,— это первые элементы постижимого различия. Зачем же атомам внешние различия, если они так малы, что никакое восприятие не способно ощутить ни этих различий, ни даже самих атомов? Но ведь атомы—это телесные начала в противоположность пустоте, а чем тело явственнее всего отличается от пустоты?—Тело ощутимо, пустота—нет. И тело приобретает ощутимую индивидуальность, хотя бы и некому было ее ощущать. Но тем самым человек делает очень важное признание: ощутимый мир остается тем же даже тогда, когда прекращается ощущение, мир бодрствующего сознания и мир угасшего сознания—один и тот же.

Слепой мудрец—пзлюбленная фигура античных преданий. Прозревший мыслью Эдип ослепляет свои неразумные очи. Отец всякой мудрости Гомер слеп, и оттого он видит дальше и глубже, чем многие зрячие. Пусть мир обманчив, но природа вещей, что постигается мыслью, *есть*, эта поистине судая природа получает название *бытия* в отличие от воспринимаемого чувствами *явления*. Парменид, написавший вслед за Ксенофаном поэму в гексаметрах «О природе», заложил краеугольный камень европейской философии своим утверждением «мысль и бытие—одно и то же».

Мысль говорит нам о единстве всего мира, значит, первое, что мы можем сказать о бытии мира, это то, что бытие едино, поэтому существует Одно-единственное-единое бытие,

оно нерожденно, песмертно,
Цельно, однородно, недвижно, полнопредельно,
Не было и не будет, но есть, но ныне, но вкупе,
Слитно, едино,—

а небытия нет. Но если нет ничего, кроме этого одного единственного единого бытия, то какая сила может заставить его развернуться на множество воспринимаемых чувством вещей? Солнце, луна, земля—есть или нет? Поистине или нет существует один человек в отличие от другого человека? По Пармениду, истинно существует одно бытие, но не истинной единой жив человек, человек живет мнением; все, что мы можем построить на фундаменте единственной истины, будет ближе к ней или дальше от нее, но это будет уже мнением, истина же одна: бытие.

Парменид как бы вовсе отнял у философии способность разрешить загадку мира, но зато он помог мышлению осознать себя в отличие от чувства, а еще — он помог философии определить границы природы. Как истинное бытие природа стала единым целым, всеобъемлющим и единичным.

Парменид допускал одну лишь истину, по Демокриту получалось, что истины нет и вовсе — ибо атомы Демокрита, как буквы в ящике наборщика, готовы были сложиться в любое слово, рассыпаться опять и вновь сложиться в другое слово, по-прежнему без смысла и без цели. И у того, и у другого мыслителя загадка природы становилась человеческим домском.

Так, «может статься, никакой от века загадки нет и не было у ней»? Но ведь для человека загадка природы никогда не бывает загадкой только природы, она имеет смысл прежде всего постольку, поскольку она есть загадка человека — чудовище ли он, замысловатее и яростнее Тифона, или же существо более простое и по природе своей причастное какому-то божественному уделу? — как говорил Сократ в начале платоновского «Федра», философ, решившийся познать вещей начат с самого себя.

«Природа — не храм, а мастерская», — бросивший эти слова тургеневский герой вряд ли понимал, что природу по образу мастерской живо представили за много столетий до него Сократ, Платон и Аристотель. Загадка природы не просто в том, что за многообразием отдельных пород мысль усматривает некоторое общее единство, загадочно уже то, что за непременно существующими отличиями одного дерева от другого, одной маслины от другой, одной телеги, одного челнока от других, носящих то же имя, человеческий ум схватывает общность единой породы. Внутри одной породы сходных черт больше, чем отличий, между разными породами больше различия, чем сходства, но и тут людское обыкновение усматривает то, что оно именует растением, орудием, семенем или плодом. Не говоря уже о таких вещах, как высота, теплота, доброта — есть они в природе или их нет вовсе? Для решения этой загадки Сократ предложил аналогию из быта мастерской скульптора, кузнеца, сапожника — кого угодно. Еще только приступая к работе, ремесленник видит свое изделие готовым, причем этот умственный образ вещи, по-гречески «идея» ее, всегда

остается более совершенным, чем выходит на проверку готовое произведение — то рука подведет, то материал, но несовершенство сделанной вещи никак не умаляет совершенства ее идеального образца. И все эти более или менее удачные челноки, кувшины, плащи, повозки называются и считаются таковыми постольку, поскольку они видом своим подобны своему образу, и до тех пор, пока они способны отвечать своему назначению. Если предположить, что наш мир — не порождение неведомого гиганта и не случайное скопление груды бескачественных или однокачественных частиц, а произведение большого мастера, становится ясным, почему каждая порода в этом мире имеет облик, наилучшим образом отвечающий ее потребностям, почему сходный вид имеют предназначенные для одной цели вещи, почему, наконец, такое важное место в мире занимает человек — существо, наделенное душой и разумом, способное усматривать за каждой бременной вещью ее нетленный образец и путем рассуждения приходить к постижению Логоса мироздания. Как смысл слова не складывается из смысла составляющих его букв, а выступает по отношению к ним новой неделимой целостностью (на вопрос, кто есть Сократ, не будем же мы перечислять по порядку С, О, К, Р, А, Т), так и природа вещи, ее идея, не тождественна структурному расположению составляющих ее элементов, вещь имеет природу, поскольку она прирождена к чему-то, как любое произведение ремесла имеет форму и структуру, приспособленную к выполнению своего назначения.

Каково же назначение этого мира, мира целой природы? И Платон и Аристотель отвечают в один голос: благо. Только благо этого мира — лишь подобие высшего и истинного Блага, идеи всех идей. Человек рождается и живет в мире природы, но душой он принадлежит миру идей, тело человеческое смертно, душа — вечна — так понимал природу и человека Платон. Для Аристотеля аналогия с произведенным мастером была больше аналогией, чем истиной. Безымянного у Платона Мастера, сотворившего этот мир, Аристотель готов назвать именем Природы. Так в античности сложилось представление о природе как о едином целом, творящем себя по своим собственным правилам и образцам. «Природа ничего не делает против природы» — это слова Аристотеля. Душа человеческая, смертная в мире природы, назначение свое, по Аристотелю, имеет в об-

шестве. Как все в этом мире, человек рождается для блага, а благо — не сама по себе жизнь, но жизнь, отданная ежедневной деятельности, сообразной со справедливостью. И даже не тем противна благу смерть, что отнимает жизнь, а тем именно, что лишает человека счастья деятельности.

Наиболее радикальным противником аристотелевского понимания природы человека стал в античности Эпикур. Возне не для общественной деятельности рождается человек. Напротив, чем незаметнее проживет он свой век, тем лучше. Человек — создание природное, как всякому природному созданию, лучше всего ему тогда, когда никто и ничто его не трогает, невозмутимость — вот высшее блаженство в этом мире. Знание природы этого мира требуется человеку лишь настолько, насколько оно способно оградить душу от излишнего беспокойства, прежде всего от чувства страха перед природными явлениями и перед лицом смерти, а затем и от неумеренных appetitов, происходящих от непонимания истинных потребностей человеческой природы. Природу вселенной Эпикур вслед за Демокритом представлял в виде огромного пустого пространства, в котором атомы падают отвесно (а не хаотично, как у Демокрита) и сталкиваются лишь в результате незначительного отклонения от прямой линии, непредсказуемого и неопределенного. От этих первых столкновений происходят все последующие сцепления и сплочения, возникают все вещи, и нет в этом мире ни цели, ни смысла, но есть зато в природе множество миров наподобие нашего, а в пространствах между мирами, возникающими на время, подверженными разрушению, живут бессмертные боги, сотканные из атомов тончайшей материи, блаженные, прекрасные и делами человечества никак не занятые. Поэтому гнева богов бояться в этом мире нечего, как нечего бояться и смерти, поскольку никакого загробного царства в природе нет, а душа человеческая также состоит из атомов, как и тело, вместе с гибелью тела также расторгается на составные элементы, и никакого беспокойства ощущать по смерти некому и нечем. Пока мы живы — смерти нет, а когда смерть есть, нет уже нас — таким представлением предлагал Эпикур руководствоваться человеку и по возможности не забивать себе голову вопросами о природе природных явлений. Достаточно знать, что все в природе происходит по естественным причинам, а по каким именно — это уже не столь важно

и вовсе не всем нужно. Живите и радуйтесь, довольствуйтесь простыми, естественными удовольствиями, любите друг друга и будьте счастливы, а природа позаботится о себе сама. Учеников своей школы Эпикур учил, как тогда было принято, и физике (науке о природе мироздания), и канонике (логике и науке о природе знания), и этике (житейской мудрости), однако широкое распространение в античности получило только его этическое учение, причем, оторванное от учения о природе, оно потеряло смысл руководства к естественному существованию человека, зато приобрело хождение как призыв к беззаботному и безответственному наслаждению всевозможными благами жизни. Эпикуровская картина природы, возможно, так и осталась бы сухим умозрительным представлением, если бы один из выучеников эпикурейских школ, рассеянных по просторам эллино-римского мира, не оказался поэтом редкостного по силе дарования.

Не так много крупных эпических поэм сохранила нам в целостности рукописная традиция от времен античности до времени первых печатных изданий: «Илиада» и «Одиссея», «Аргонавтика» Аполлония Родосского, «Энеида» Вергилия, «Метаморфозы» Овидия, «Фарсалия» Лукана и еще не более полудюжины менее прославленных. Шесть книг в латинских гексаметрах о природе вещей, подписанные именем Лукреция, именем почти неизвестным, занимают в ряду этих поэм очень значительное место. В этой поэме впервые в истории европейской литературы ценность эпически важного предмета наряду с величественными природными стихиями приобрела тысяча житейских мелочей, от стертого в работе сошника до повисающей на ветке паутины, которую случайный путник, пробирающийся лесом, уносит на плечах, не замечая ее прикосновения, от горького вкуса растертой в пальцах полыни до прозительного визга пилы, от запотевшей чаши ледяной воды, вынесенной из погреба во двор, где в нее тотчас же как бы падают с неба крупные звезды, до обманчиво переломленного поверхностью воды весла, опущенного с борта судна, одного из тех, что во множестве стеснились в гавани. Подобного рода мелочи прекрасно замечал и Гомер, в эпосе гомеровского образца эти драгоценные печатки с тонкими изображениями простых и обыденных вещей находят себе место в сравнениях, там они рисуются, — в поэме Лукреция они становятся не косвенным, а прямым

предметом повествования, созерцания и осмысления, каким у Гомера были деяния богов и людей. Все эти веди,— говорит поэт,— реально существуют в мире. Они складываются из атомов и раскладываются после гибели на атомы, но от этого не меньшей истинностью обладает бытие последнего комара со всеми его неуследимо легчайшими лапками, чем небесный свод или даже чем вся совокупность материи в целом.

Поэт объявляет себя слабым подражателем Эпикура (как ласточка, которая стала бы тягаться с лебедем в мощном размахе крыл и силе полета), но только в мудрости,— в поэзии он смело прокладывает путь среди бездорожного поля, срывает цветы, которых нет и не было в венке какого-либо из поэтов. При всем своем почтении к священным высказываниям Демокрита, к вдохновенным пророчествам Эмпедокла, к славе Эпиппия, отца римской поэзии, Лукреций вполне справедливо ощущает себя творцом нового, небывалого и великолепного создания — такой поэмы о природе вещей, где отразилась бы вся мудрость свободного греческого духа, воспринятая сознанием римлянина с дальнего расстояния как единство, в котором порой теряются различия и противоборства отдельных догматов, как видятся единым сверкающим пятном на склоне горы два столкнувшихся в ожесточенном сражении войска.

Когда над землей низко нависали тучи невежества и единственным прибежищем умов была религия, когда все ужасные явления природы — громы и молнии, смерчи и землетрясения, засухи и болезни, люди приписывали гневу и могуществу богов (не ведая ни природы вещей, ни истинной природы божественности) и жили в постоянном страхе,— впервые человек Греции осмелился высоко поднять голову, взглянуть поверх устрашающего лика религии, проникнуть взором в светлые выси неба,— он увидел там размеренное движение небесных светил, сверху окнул взглядом землю, постиг причины небесных и земных явлений, движущие силы природы и конечные пределы каждой вещи. Греки попрали религию, и мы вознесемся до неба, если последуем их примеру.

Честный римлянин может испугаться такой дерзости,— привыкший к ежедневному ритуалу благочестия, творимого с открытой головой и опущенными очами, он подумает, пожалуй, что его вовлекают в преступное сообщество. Но нет преступления страшнее невежества, особенно соединенного с религиоз-

ным пылом и рвением — вспомните жертвоприношение Ифигении: за что погибла юная девушка? Чтобы ветер переменял направление? Если бы вождям, собравшимся в Авлиде, известны были причины образования ветров, их обычные направления и условия их перемены, кто подумал бы совершать это бессмысленное злодеяние! А разве в наши дни религия перестала требовать человеческих жизней?

Чем питается религия в человеческих душах? Страхом смерти и еще большим страхом бессмертия души в загробных мучениях, так красочно расписанных в эпических сказаниях. Страх этот может изгнать из души только знание природы вещей, строения вселенной, где нет места царству мертвых, и знание природы души, ее материальной структуры и, наконец, ее смертности,— знание, может быть, не очень утешительное, но необходимое для жизни счастливой и справедливой (заметьте: как будто Эпикура слова, но тон совсем иной, обращенный к жизни, а не отверженный от смерти).

Римляне считали себя потомками Энея, гомеровского героя, воспетого в «Илиаде», где матерью Энея называется сама богиня Афродита. Чтобы представить себе существо римской поэзии вообще и поэтики Лукреция как ее первого энергичного выразителя в частности, достаточно проследить хотя бы, какими многообразными смыслами наполняет поэт сравнительно короткое вступление к своей поэме сугубо философского содержания. «Вы, что считаете себя потомками воинственного Энея, вспомните, что матерью Энея была Венера, благая Венера, подательница жизни для всего живущего, источник юной силы, свежести, веселья, наслаждений. Все радуется Венере, светлеет небо с ее появлением, разбегаются тучи, стихают ветры, улыбается море, сияет солнце, зеленеют травы, щебечут птицы; дикие звери и мирные стада — все опьяняются любовью, все устремляются к продолжению рода, к обновлению жизни. Природой вещей правит Венера, и вы, ее дети, оглянитесь и вспомните, что все живое на земле — одна большая семья,— помогите мне, Венера,— помогите внушить им желание мира, успокой воинственные страсти, позволь им отдохнуть от ратных забот и предаться тихой радости познания, пошли мне наслаждение творчества, сообщи предельно моим стихам, — ведь ты одна умеешь смирать свирепое буйство Марса, в твоих объятиях и он способен смягчиться,— вымоли у него мира для римлян: ведь

боги проводят свои бессмертные годы, наслаждаясь глубочайшим миром, не ведая никакой нужды, ни страха, ни скорби, недоступные ни корысти, ни гневу,— и властью своей и примером внуши этим людям желание мирной отрады».

Можно считать, что здесь философ-материалист, страстный противник официальных и неофициальных религиозных культов, отдает дань эпической традиции, но ведь традиционный эпический прием воззвания к божеству в начале поэмы обращен на пользу материалистической философии — как-никак, на гомеровском Олимпе не Афродита была главным божеством, а тут она одна-единственная правит кормило природы вещей, это уже и не богиня вовсе, а любовь, царица рождений, смиряющая вражду и гибель — как воспоминание о поэме Эмпедокла,— но она и божество, ибо у эпикурейцев были свои боги — совершенные, полувоздушные, беспечальные, но Венера здесь и мать Рима, любезная отчизна, которую он призывает смирить кровавадную дикость внутренних и внешних войн, наконец, это еще и прекрасная женщина, обольстительный образ любовных наслаждений, блаженной радости на лоне мирной и счастливой природы, противостоящий заботам общественной жизни, как военным, так и не военным — вот уж где поистине неисчерпаемая глубина, а внешний риторический прием, здесь использованный, предельно прост: несколько раз одно значение имени «Венера» незаметно подменено другим, вследствие чего одна область ассоциаций накладывается на другую, все смыслы размываются, становятся прозрачными, просвечивают один сквозь другой; но вместе с тем с первых же строк поэмы читатель приготавливается к тому, что накладываться друг на друга и просвечивать одна через другую будут разнообразные области человеческого бытия: умозрительная природа вещей и чувственные образы реальности, общественная жизнь и мифические предания, внутренний мир души и волнения природных стихий, знание и опыт, наблюдательность и воображение, пронизательность и остроумие.

Столь же неоднозначно употребляет Лукреций и слово «природа». Следуя традиции греческой философии, он именует «природой» прирожденные свойства той или иной вещи, ее истинную сущность в противоположность не всегда правдивой видимости, поэтому он говорит о «природе вещей». Однако после Аристотеля за «природой» — в противоположность ремеслу —

закрепилось значение мира самородных вещей, не сотворенных человеческими руками. Тогда-то и стали понимать природу не только как порядок и целое космоса, по-нашему — «неживую природу», но и как то, что мы называем «живой природой» — растительный и животный мир, но понимание это оставалось еще научным, в бытовом смысле «природой» можно было называть характер человека, но ландшафт или пейзаж — как это делаем мы — природой не называли. Поэма Лукреция, несомненно, послужила сильным толчком к новому пониманию природы, тому, которым сплошь и рядом пользуемся мы, когда говорим о «прогулках на природе», об «общении с природой», «охране природы».

Во-первых, как ни один поэт в античности, Лукреций внимателен к картинам сельского и городского пейзажа. Он описывает стертую шарканьем ног каменную мостовую на улицах (и камень стирается), бронзовые статуи у городских ворот (и бронза не вечна), квадратные городские башни, которые издали кажутся круглыми (глазу свойственно ошибаться), напоминает, как трещит и хлопает от ветра натянутый над театром покров и бросает фиолетовый, красный или желтый отсвет на белоснежные одежды сенаторов и матрон (цвет тоже бывает обманом зрения), как в небольшой луже между камней на мостовой неизмеримой глубиной отражается небо с плывущими по нему облаками (природа отражения), но гораздо чаще и подробнее рассказывает он о загородных прогулках, когда ветер ударяет в лицо морскими брызгами, тучи несутся над головой, а кажется, будто звезды летят нам навстречу, как заливает расплавленным огнем восходящее солнце вершины гор, как увлажняется на берегу моря одежда и высыхает под лучами солнца, как бурная река, вздувшаяся от ливней, выдирает с корнем деревья, увлекая за собой искалеченные стволы и сучья, сносит мосты, переворачивает каменные глыбы. Не перечить всех описанных в поэме рассветов, гроз, затмений Солнца и Луны, живительных весенних ливней, созревающих плодов, резвящихся стад, тевистых рощ — обо всем этом успевает вспомнить поэт, рассуждающий вовсе не о красотах природы, но о строении материи, о движении первоначал, об истории возникновения мира и человеческого общества, об истинности ощущений и о причинах неизбежных иллюзий. Так Лукреций добивается того, что чуждый читателю предмет

философской теории становится предметом чрезвычайно близким и непосредственно его касающимся. «Натура» философов оказывается ежедневно окружающей человека средой, не один римский читатель Лукреция, вероятно, впервые понял из его поэмы, что живет не просто в Риме, а в природе.

Древние философы изображали природу скрытой от глаз сущностью вещей, противопоставляли ее обыденному миру, между природой и непосвященным вырастала стена, а постигший природу тем самым как бы изымался из общества, живущего законом. Еще одна заслуга Лукреция в том, что он направляет свои усилия к уничтожению непрозрачной стены между человеком и природой, между чувством и мыслью. Он помогает человеческому взгляду научиться проникать в сердцевину предметов, не останавливаясь на их поверхности, как, скажем, проникает он в сердцевину расколотого дерева или растертого камня. Пусть невозможно увидеть атомы, но атомы, толкаясь, сообщают движение более крупным скоплениям материи, те, в свою очередь, подталкивают мельчайшие пылинки — по их-то уже каждый может видеть, стоит только взглянуть в их беспорядочные и бесконечные метания и сражения внутри солнечного луча, проникшего в темное помещение. Это подобие движения атомов, сравнение, но это и его видимое проявление, изображение. Нет эксперимента, нет электронной техники, но у человека есть воображение — серией зрительных аналогий Лукреций помогает человеку представить самые невообразимые вещи. Как можно, чтобы вселенная была беспредельна во всех направлениях? Ну, представим война с копьем, бегущего по пространствам вселенной: вот он достиг, скажем, ее края — сможет он бросить копье еще дальше? Если сможет бросить копье, то сможет и догнать его, а догнавши, сможет бросить еще раз. Так строится вполне зримый образ бесконечного пространства. Еще более энергичным образом рисуется бесконечность материи: если где-то предположить недостаток вещества, тотчас же в этом месте откроется для вселенной дверь смерти и вся, какая ни на есть, материя хлынет толпой в распахнувшиеся ворота, — с точки зрения логики, аргумент этот, возможно, и малоубедителен, но впечатляющая картина с успехом заменяет научное доказательство.

Лукреций заставляет человека свободно путешествовать по мировым пространствам, как это было дано только божествам

у Гомера, пробегая их вместе с солнечным лучом или яркой молнией, внушая тем самым читателю, что не только природа ежедневно окружает человека, но и человек — свой брат в необъятных просторах вселенной; этот поэт умеет летать и увлекать в полет воображение того, кто, может быть, впервые поднял взор к небу, оторвав его от строки: «Что может быть изумительнее созерцания чистого неба — а часто ли вы удивляетесь его взглядом, любезный читатель?»

Философы убеждали человечество изучать природу, чтобы предвидеть то зло и добро, какое она посылает, подражать природе в практической деятельности ради достижения наивысшего успеха, Лукреций учил человека доверять природе и доверяться ей. Когда он приглашает читателя покинуть раззолоченные чертоги и узорчатые ковры, чтобы найти себе приют на мягкой траве, под ветвями высокого дерева, среди цветов, на берегу ручейка, под струями легкого ветерка, при ясной погоде — это уже не просто призыв довольствоваться малым, как это делал Диоген, который жил в лохмотьях и в пресловутой бочке, — здесь человеку предлагается из возможных удовольствий выбирать те, которые может предоставить ему природа, ибо они всего приятнее. Пока человек довольствуется природными дарами, ему не приходится силой оружия и ценой кровопролития добывать себе благополучную и счастливую жизнь. Природа породила человечество, выкормила его в пору младенчества, научила труду и искусствам, любви и семейной жизни, воспитанию детей — но зачем она породила также племя диких зверей, зачем насылает грозные стихийные бедствия? Нет, не для нас, разумеется, создан этот мир, уносятся мирные пейзажи, и человек остается один, голый и сирый, как потерпевший кораблекрушение пловец, выброшенный бурей на чужой неприветливый берег. Зачем же я родился и почему я должен умереть? То сцепление атомов, которое образовало мое тело и мою душу, — куда разлетится оно? А может быть, мои атомы когда-нибудь еще раз соберутся в том же порядке — ведь это вполне вероятно, — буду ли это я, или это будет кто-то другой? Если бы возможно было этим атомам сохранить память о прожитой мною жизни, это было бы я, но у расторгнутой и исторгнутой из этой жизни души нет памяти, как нет ее у зеркала. Кто же ты, моя природа, — мать или мачеха человеку? Зачем, подобно обезумевшей Ме-

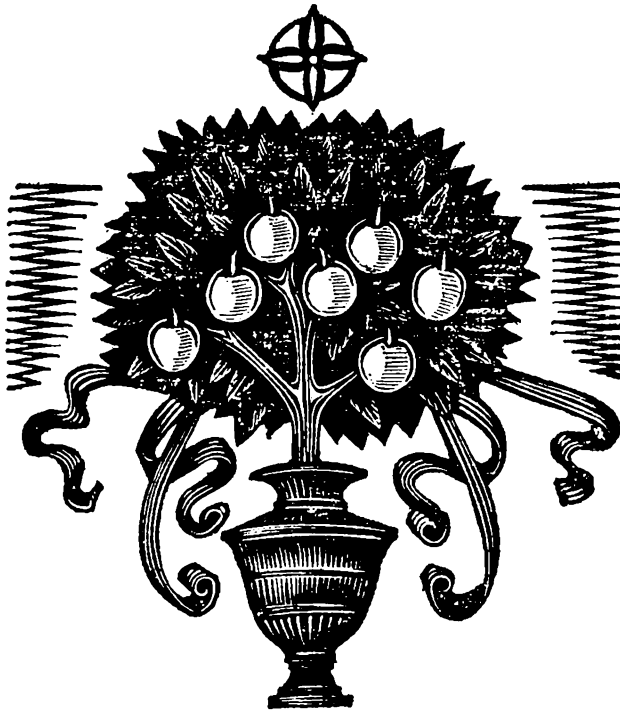
дее, ты убиваешь собственных детей? Лукреций первый поставил природе эти вопросы. Поставил и оставил без ответа, хотя все рассуждения Эпикура о том, что смерть не имеет к нам отношения, были им добросовестно повторены. К нам смерть не имеет отношения, но к природе как относится смерть человека и любого другого ее создания? — этого вопроса не задавал Эпикур, да и никто другой из учителей Лукреция — ведь никто из них не возлагал столько надежд на природу, впервые возвеличенную римским поэтом от философской категории до мечты о материнском заботливом и ласковом лоне. И, пытаясь ответить на этот непредвиденный вопрос, Лукреций рисует еще один образ природы, уже не матери, а художницы. Природа не убивает нас, как и не рождает. Она больше рождения и смерти. Природа — творческая сила, она создает, как художник, который воплощением замысла занят больше, чем хрупкостью творения. Когда в мастерской скульптора кончается свободный материал, а вдохновение требует воплощения в новом образе, мастер делает новое творение из старого, освобождая от формы использованный однажды материал. Материя бесконечно велика, но эту бесконечность нельзя представлять бездонным сосудом Данаид — не беспочвенен рост, не бесконечны рождения. Жизнь не дается в собственность, она предоставляется в пользование, но пока бессмертна смерть, бессмертна и жизнь. Человек не есть нелепая случайность, но он — временное создание. Заключительные картины поэмы — знаменитая чума в Афинах времен Пелопоннесской войны, страдания умирающих, вопли осиротевших, погребальные костры. Итого нет, как нет его и у поэм Гомера. Как ученик Эпикура, Лукреций мог бы сказать: у природы нет загадок, какие не в силах был бы решить человеческий ум, — но, поэт природы и глубокий ее философ, он признается: я вижу, как, из чего и почему происходит то, что зовется жизнью природы, но я не знаю, зачем это происходит; я могу не ставить этого вопроса, и тогда я буду всеведущ, как Дельфийский бог, но я человек и не могу чувствовать себя спокойным и уверенным в этом мире, пока я не знаю, зачем я родился, зачем я нужен этому миру и почему мне так неистребимо хочется жить.

Свежим, смелым поэтическим властителем мира назвал Лукреция К. Маркс. Изображенная в поэме Лукреция картина

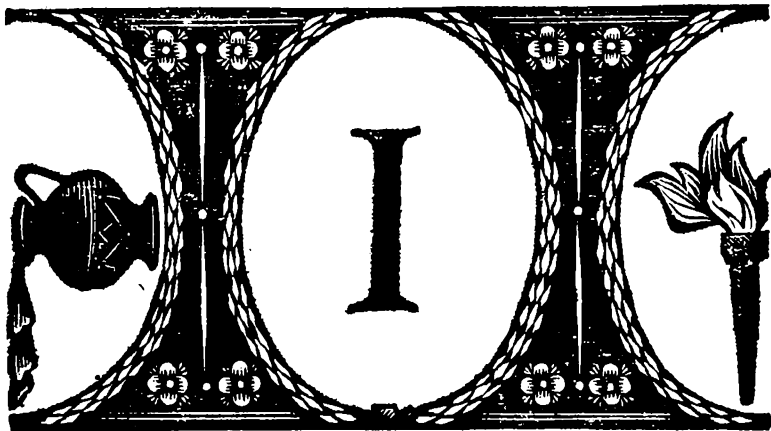
природы вобрала в себя все наиболее плодотворные идеи античной натурфилософии, но поэт сумел пройти много дальше своих учителей, избрав для себя путь жизненной правды и высокой человеческой ответственности за выводы и предписания философской теории,— вот почему наш современник найдет в этой поэме и созвучные нашему веку проблемы, и поучительные уроки.

Т. Васильева

КНИГА ПЕРВАЯ

Рода Энеева мать, людей и бессмертных улада,
О благая Венера! Под небом скользящих созвездий
Жизнью ты наполняешь и всё судоносное море,
И плодородные земли; тобою все сущие твари
Жить начинают и свет, родившись, солнечный видят.
Ветры, богиня, бегут пред тобою; с твоим приближеньем
Тучи уходят с небес, земля-искусница пышный
Стелет цветочный ковер, улыбаются волны морские,
И небосвода лазурь сияет разлившимся светом.

¹⁰ Ибо весеннего дня лишь только откроется облик,
И, востепенувшись от пут, Фавоний живительный дует,
Первыми весть о тебе и твоём появлении, богиня,
Птицы небес подают, пронзенные в сердце тобою.
Следом и скот, одичав, по пастбищам носится тучным
И через реки плывет, обаяньем твоим упоенный,
Страстно стремясь за тобой, куда ты его увлекаешь,
И, наконец, по морям, по горам и по бурным потокам,
По густолиствецным птиц обиталищам, долам зеленым,

Всюду внедря любовь уповательно-сладкую в сердце,
20 Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желанье.
Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы,
И ничего без тебя на божественный свет не родится,
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.
Будь же пособницей мне при создании этой поэмы,
Что о природе вещей я теперь написать собираюсь
Меммию милому сыну, которого ты пожелала
Всеми дарами почтить и достоинством щедро украсить.
Даруй поэтому ты словам моим вечную прелесть,
Сделав тем временем так, чтоб жестокие распри и войны
30 И на земле, и в морях повсюду замолкли и стихли.
Ты ведь одна, только ты можешь радовать мирным покоем
Смертных людей, ибо всем военным делом жестоким
Ведает Марс всеоружный, который так часто, сраженный
Вечною раной любви, на твое склоняется лоно;
Снизу глядя на тебя, запрокинувши стройную шею,
Жадные взоры свои насыщает любовью, богиня,
И, приоткрывши уста, твое он впивает дыханье.
Тут, всеблагая, его, лежащего так, наклонившись
Телом священным своим, обоями и, отрадные речи
40 С уст изливая, проси, достославная, мира для римлян,
Ибо ни мы продолжать работу не можем спокойно
В трудные родины дни, ни Меммия отпрыск не смеет
Этой тяжелой порой уклониться от общего дела.

* * *

50 Ты же теперь напряги свой слух и свой ум прозорливый
Освободи от забот, достоверному внемля ученью,
Чтобы дары, приносимые мной с беспристрастным усердьем,
Прежде чем их оценить, с презрением прочь не отринул,
Ибо о сущности высшей небес и богов собираюсь
Я рассуждать для тебя и вещей объясняю начала,
Всё из которых творит, умножает, питает природа
И на которые всё после гибели вновь разлагает.
Их, объясняя их суть, материей мы называем
И для вещей родовыми телами обычно, а также
60 Их семенами вещей мы зовем и считаем телами
Мы изначальными, ибо началом всего они служат.

В те времена, как у всех на глазах безобразно влачила
Жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом,
С областей неба главу являвшей, взирая оттуда
Лицом ужасным своим на смертных, поверженных долу,
Элин впервые один осмелился смертные взоры
Против нее обратить и отважился выступить против.
И ни молва о богах, ни молнии, ни рокотом грозным
Небо его запугать не могли, но, напротив, сильнее
70 Духа решимость его побуждали к тому, чтобы крепкий
Врат природы затвор он первый сломить устремился.
Силою духа живой одержал он победу, и вышел
Он далеко за предел ограды огненной мира,
По безграничным пройдя своей мыслью и духом
пространствам.

Как победитель, он нам сообщает оттуда, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
Так, в свою очередь, днесь религия нашей пятою
Попрана, нас же самих победа возносит до неба.
80 Тут одного я боюсь: чтобы как-нибудь ты не подумал,
Что приобщаешься мной к нечестивым ученьям, вступая
На преступлений стезю. Но, напротив, религия больше
И нечестивых сама и преступных деяний рождала.
Было в Авлиде ведь так, где жертвенник Тривии Девы
Ифианассиной был осквернен неповинною кровью,
Проливой греков вождами — героями лучшими войска.
Только лишь девы власы повязкой обвили священной
И по обеим щекам равномерно концы опустили,
Только узрела она, что подавленный горем родитель
90 Пред алтарем предстоит, а прислужники нож укрывают,
Что проливают, глядя на нее, сограждане слезы,
В страхе немея, она к земле преклонила колени.
И не могло ей тогда, несчастной, помочь, что впервые
Имя отца даровала она, родившись, Атриду.
На руки мужи ее, дрожащую телом, подъяли
И к алтарю понесли. Но не с тем, чтобы после обряда
При песнопеньях идти громогласных во славу Гимена,
Но чтобы ей, непорочной, у самого брака порога
Гнусно рукою отца быть убитой, как жертве печальной,

- 100 Для непосланья судам счастливого выхода в море.
Вот к злодеяньям каким побуждала религия смертных.
Ты, ужасающим сам поддаваясь вещаньям пророков,
Будешь стремиться отпасть от меня ежечасно, пожалуй,
Сколько ведь, право, они способны придумать нелспых
Бредней, могущих смутить и нарушить все жизни устои
И безмятежность твою отравить окончательно страхом!
Да и понятно вполне: если б знали наверное люди,
Что существует конец их мытарствам, они хоть какой-то
Дать бы отпор суеверьям могли и угрозам пророков.
- 110 Ныне ж ни способов нет, ни возможности с ними бороться,
Так как по смерти должны все вечной кары страшиться,
Если природа души неизвестна: рождается ль вместе
С телом она или в тех, кто родился, внедряется после,
Вместе ли с нами она погибает, расторгнута смертью,
Или же к Орку во тьму и к пустынным озерам нисходит,
Или в животных иных воплощается вышнюю волей,
Как это Эний вешал, с живописных высот Геликона
Первый принесший венок, сплетенный из зелени вечной,
Средь италийских племен стяжавший блестящую славу.
- 120 Впрочем, помимо того, в бессмертных стихах как оракул
Эний вешает, что есть Ахерузии некая область,
Место, куда не тела и не души являются наши,
Но только призраки их удивительно бледного вида,
Он говорит, что ему появился оттуда Гомера
Вечно цветущего лик, начавший горькие слезы
Лить и природу вещей открывать в своих изречениях.
Вот почему мы должны не только в небесных явлениях
Дать себе полный отчет: в движениях солнца с луною
Как происходят они и какой совершается силой
- 130 Всё на земле, но и то со вниманием разумом чутким
Выяснить, в чем состоит души природа и духа;
Так же, как то, что порой пугает во время болезни
Нас наяву иль когда мы покоимся сном непробудным,
Так что как будто бы мы иль воочию видим, иль слышим
Тех, кого смерть унесла и чьи кости объаты землею.
Не сомневаюсь я в том, что учения темные греков
Ясно в латинских стихах изложить затруднительно будет:
Главное, к новым словам прибегать мне нередко придется
При нищете языка и наличии новых понятий.

440 Доблесть, однако, твоя и надежда с тобой насладиться
Милою дружбой меня побуждает к тому, чтобы всякий
Труд одолеть и без сна проводить за ним ясные ночи
В поисках слов и стихов, которыми мне удалось бы
Ум твой таким озарить блистающим светом, который
Взорам твоим бы открыл глубоко сокровенные вещи.

Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.
За основание тут мы берем положенье такое:

150 Из ничего не творится ничто по божественной воле.

И оттого только страх всех смертных объемлет, что много

Видят явлений они на земле и на небе нередко,

Коиx причины никак усмотреть и понять не умеют,

И полагают, что всё это божьим веленьем творится.

Если же будем мы знать, что ничто не способно возникнуть

Из ничего, то тогда мы гораздо яснее увидим

Наших заданий предмет: и откуда являются вещи,

И каким образом всё происходит без помощи свыше.

Если бы из ничего в самом деле являлись вещи,

160 Великих пород существа безо всяких семян бы рождались:

Так, например, из морей возникали бы люди, из суши —

Рыб чешуйчатых род и пернатые, с неба срывался б

Крупный и мелкий скот и породы бы диких животных

Разных, неведомо как, появлялись в полях и пустынях.

И на деревьях плоды не имели бы стойкого вида,

Но изменялись бы все произвольно на дереве каждом.

Ведь, коль бы тел родовых у отдельных вещей не имелось,

Определенную мать эти вещи имели бы разве?

Но, так как всё из семян создается определенных

170 И возникают на свет и рождаются все вещи оттуда,

Где и материя есть и тела изначальные каждой,

То потому и нельзя, чтобы всё из всего нарождалось,

Ибо отдельным вещам особые силы присущи.

Кроме того, почему распускается роза весной,

Летом же зреют хлеба, виноградные осенью гроздья,

Иначе, как потому, что, когда в свое время сольются

Определенных вещей семена, возникают созданья

Благоприятной порой, когда безопасно выводит

Нежные вещи на свет земли животворная сила?

180 Иначе, из ничего возникая, внезапно бы вещи
Неподходящей порой в неизвестные сроки являлись,
Ибо тогда б никаких не имелось начал первородных,
Что от стеченья могли б удержаться в ненужное время.
Да и развитие вещей для соития семени в сроке
(Если бы из ничего возникали они) не нуждалось.
В юношей сразу тогда б превращались грудные младенцы,
Из-под земли бы внезапно деревья выскакивать стали.
Но очевидно, что так никогда не бывает, и вещи
Все постепенно растут из известных семян, как и должно,
190 Род свой при этом всегда сохраняя. Ты видишь отсюда,
Что из материн всё вырастает своей и живет ей.
Также заметь: без дождей ежегодных в известную пору
Радостных почва плодов приносит никогда не могла бы,
Да и порода живых созданий, корму лишившись,
Род умножать свой и жизнь обеспечить была бы не в силах.
Можно скорее признать, что имеется множество общих
Тел у различных вещей,— как в словах одинаковых знаков,—
Чем, что возможно вещам без первичных начал зародиться.
И, наконец, почему не была в состояньи природа
200 Сделать такими людей, чтобы вброд проходили по морю
Или руками могли расторгнуть великие горы
И поколенья людей превзойти продолжительной жизнью,
Иначе, как потому, что всему, что способно родиться,
При зарожденьи дана материи точная доля?
Из ничего, словом, должно признать, ничто не родится,
Ибо все вещи должны иметь семена, из которых
Выйти могли бы они и пробиться на воздух прозрачный.
И, в заключение, раз почва полей обработанных лучше
Дикой земли и дает она пахарю лучшие всходы,
210 То, очевидно, начала вещей обретаются в почве;
Мы же, ворочая в ней сошником плодородные глыбы
И разрыхляя земельный покров, побуждаем их к жизни.
Если же не было б их, ты бы видел, что всё без работы
Нашей само по себе возникало бы лучше гораздо.
Надо добавить еще: на тела осповные природа
Всё разлагает опять и в ничто ничего не приводит.
Ибо, коль вещи во всех частях своих были бы смертны,
То и внезапно из глаз исчезали б они, погибая;
Не было б вовсе нужды и в какой-нибудь силе, могущей

- 220 Их по частям разорвать и все связи меж ними расторгнуть,
Но, так как все состоит из вечного семени вещи,
То до тех пор, пока им не встретится внешняя сила
Или такая, что их изнутри чрез пустоты разрушит,
Гибели полной вещей никогда не допустит природа.
Кроме того, коль всему, что от старости в ветхость приходит,
Время приносит конец, материю всю истребляя,
Как и откуда тогда возрождает Венера животных
Из роду в род иль откуда земля-искусница может
Из роду в род их кормить и растить, доставляя им пищу?
- 230 Как и откуда ключи и текущие издали реки
Полнят моря? И откуда эфир питает созвездья?
Должно ведь было бы всё, чему смертное тело присуще,
Быть истребленным давно бесконечного времени днями.
Если ж в течение всего миновавшего ранее века
Были тела, из каких состоит этот мир, обновляясь,
То, несомненно, они обладают бессмертной природой
И потому ничему невозможно в ничто обратиться.
И, наконец, от одной и той же причины и силы
Гибла бы каждая вещь, не будь материя вечной
- 240 И не скрепляй она всё своим большим иль меньшим
сцепленьем:

Прикосновенье одно всему причиняло бы гибель,
Ибо, ведь, если ничто не имело бы вечного тела,
Всякая сила могла б сплетенье любое расторгнуть.
Но, раз на деле начал сцепления между собою
Многоразличны и вся существует материя вечно,
Тело вещей до тех пор нерушимо, пока не столкнется
С силой, которая их сочетанье способна разрушить.
Так что, мы видим, отнюдь не в ничто превращаются вещи,
Но разлагаются все на тела основные обратно.

250 И в заключение: дожди исчезают, когда их низвергнет
Сверху родитель-эфир на земли материнское лоно.
Но наливаются злаки взамен, зеленеют листвою
Ветви дерев, и растут, отягчаясь плодами, деревья.
Весь человеческий род и звери питаются ими,
И расцветают кругом города поколением юным,
И оглашается лес густолиственный пением птичьим;
Жирное стадо овец, отдыхая на пастбище тучном,

В неге ленивой лежит, и, белея, молочная влага
Каплет из полных сосцов, а там уже и юное племя
260 На неокрепших ногах по мягкому прыгает лугу,
Соком хмельным молока опьяняя мозги молодые.
Словом, не гибнет ничто, как будто совсем погибая,
Так как природа всегда возрождает одно из другого
И ничему не дает без смерти другого родиться.

Так как теперь доказал я уже, что вещам невозможно
Из ничего возникнуть и, родившись, в ничто обратиться,
То, чтоб к словам моим ты с недоверием всё ж не отнесся
Из-за того, что начала вещей недоступны для глаза,
Выслушай то, что скажу, и ты сам, несомненно, признаешь,
270 Что существуют тела, которых мы видеть не можем.
Ветер, во-первых, морей неистово волны бичует,
Рушит громады судов и небесные тучи разносит
Или же, мчась по полям, стремительным кружится вихрем,
Мощные валит стволы, неприступные горные выси,
Лес низвергая, трясет порывисто: так, налетая,
Ветер, беснуясь, ревет и проносится с рокотом грозным,
Стало быть, ветры — тела, но только незримые нами.
Море и земли они вздымают, небесные тучи
Бурно крутят и влекут внезапно поднявшимся вихрем;
280 И не иначе текут они, всё пред собой повергая,
Как и вода, по природе своей хоть и мягкая, мчится
Мощной внезапно рекой, которую, вздувшись от ливней,
Полнят, с высоких вершин низвергаясь в нее, водопады,
Леса обломки неся и стволы увлекая деревьев.
Крепкие даже мосты устоять под внезапным напором
Вод неспособны: с такой необузданной силой несется
Ливнем взмущенный поток, ударяя в устои и сваи,
Опустошает он всё, грохоча; под водою уносит
Камней громады и все преграды сметает волнами.
290 Так совершенно должны устремляться и ветра порывы,
Словно могучий поток, когда, отклоняясь в любую
Сторону, гонят они всё то, что встречают, и рушат,
Вновь налетая и вновь; а то и крутящимся смерчем
Всё, захвативши, влекут и в стремительном вихре уносят,
Стало быть, ветры — тела, повторяю, незримые нами,
Раз и по свойствам они, и по действиям могут сравниться
С водами мощными рек, обладающих видимым телом.

Далее, запахи мы обоняем различного рода,
Хоть и не видим совсем, как в поздрии они проникают.
300 Также палящей жары или холода нам не приметить
Зреньем своим никогда, да и звук увидать невозможно.
Но это всё обладает, однако, телесной природой,
Если способно оно приводить наши чувства в движенье:
Ведь осязать, как и быть осязаемым, тело лишь может.
И, наконец, на морском берегу, разбивающем волны,
Платье сырее всегда, а на солнце вися, оно сохнет;
Видеть, однако, нельзя, как влага на нем оседает,
Да и не видно того, как она исчезает от зноя.
Значит, дробится вода на такие мельчайшие части,
310 Что недоступны они совершенно для нашего глаза.
Так и кольцо изнутри, что долгое время на пальце
Носится, из году в год становится тоньше и тоньше;
Капля за каплей долбит, упавая, скалу; искривленный
Плуга железный сошник незаметно стирается в почве;
И мостовую дорог, мощенную камнями, видим
Стертой ногами толпы; и правые руки у статуй
Бронзовых возле ворот городских постепенно худеют
От припадания к ним проходящего мимо народа.
Нам очевидно, что вещь от стирания становится меньше,
320 Но отделение тел, из нее каждый миг уходящих,
Нашим глазам усмотреть запретила природа ревниво.
И в заключение: того, что и дни придают, и природа
Мало-помалу к вещам, заставляя расти постепенно,
Нам не увидеть никак и при всей изощренности зренья.
Также в вещах, что хиреть начинают от старости дряхлой,
Как и в приморских камнях, изъеденных едкой солью,
Ты не усмотришь того, что из них каждый миг убывает.
Так при посредстве невидимых тел управляет природа.
330 Но не заполнено всё веществом и не держится тесно
Сплоченным с разных сторон: в вещах пустота существует.
Знать это будет тебе полезно по многим причинам
И не допустит тебя заблуждаться в бесплодных исканьях,
Сущность вселенной познать, не давая словам моим веры.
Вот почему несомненна наличность пустого пространства:
Без пустоты никуда вещам невозможно бы вовсе
Двигаться было; ведь то, что является признаком тела:
Противодействовать и не пускать — препятствием вечным

Было б вещам, и ничто бы тогда не могло продвигаться,
Ибо ничто, отступив, не дало бы начала движенью.

340 В самом же деле в морях, на земле и в небесных высотах
Многоразличным путем совершается много движений
Перед глазами у нас; а не будь пустоты, то не только
Вещи никак не могли б пребывать в непрестанном движеньи,
Но и на свет никогда появиться ничто не могло бы,
Ибо лежала б всегда материя стиснутой всюду.
Кроме того, и при всей своей видимой плотности, вещи
Всё ж, как увидишь сейчас, всегда будут пористы телом:
Так, сквозь каменья пещер сочится текучая влага
Вод, и слезается они обильными каплями всюду;

350 Всюду по телу живых созданий расходится пища;
Да и деревья растут и плоды в свое время приносят,
Так как от самых корней растекается пища повсюду,
Вверх по стволу проходя и по веткам везде пробегая;
Звуки идут через стены домов и замкнутые двери,
Внутрь пролетая; мороз до костей проникает жестокий.
Если б пустот никаких, по каким бы тела проходили,
Не было, ты бы никак явлений таких не увидел.
И, наконец, почему мы видим, что многие вещи
Весом тяжеле других, по объему нисколько не меньших?

360 Ведь, коль в клубке шерстяном содержится столько же тела,
Сколько и в слитке свинца, то и весить он столько же должен,
Ибо всё книзу давить является признаком тела,
Наоборот: пустота по природе своей невесома.
Так что, коль что-нибудь легче другого того же размера,
Больше в себе пустоты заключает оно очевидно.
Наоборот: если что тяжелее, то, стало быть, больше
Тела имеется в нем, а порожного меньше гораздо.
Значит, бесспорно к вещам примешано то, что стремимся
Разумом чутким найти и что мы пустотой называем.

370 Здесь мне придется тебя, чтобы от истины ты
не отвлекся,
Предостеречь от того, что иные порой измышляют.
Так говорят, что вода, уступая чешуйчатым рыбам,
Путь им во влаге дает, ибо сзади они оставляют
Место, где могут опять сливаться отшедшие струи;
Также и прочим вещам, взаимно меняясь местами,
Двигаться можно, хотя и заполнено всюду пространство.

- Но основанье таких объяснений заведомо ложно,
Ибо куда ж, наконец, в самом деле, продвинуться рыбам,
Ежели места вода им не даст? И обратно: куда же
380 Смогут струи отступить, если двигаться рыбы не смогут?
Так что иль надо тела лишить совершенно движенья,
Или же надо признать, что в вещах пустота существует
И что отсюда берут начало движения вещи.
И в заключенье: коль два обширные тела, столкнувшись,
Быстро отскочат одно от другого, то воздух, конечно,
Должен всю ту пустоту захватить, что меж них получилась;
Но, и врываясь туда отовсюду стремительным током,
Все-таки сразу всего заполнить пространства не сможет:
Он непременно займет сначала ближайшее место,
390 Следом другое за ним, а затем уж и все остальные.
Если же думает кто, что тела оттого разлететься
Могут, что воздух тогда сжимается, — мыслит неверно.
Ибо пустым тут становится то, что им не было раньше,
И заполняется то, что прежде пустым пребывало;
Да и не может никак таким образом воздух сгущаться;
А если б даже и мог, то не мог бы он сжаться, считаю,
Без пустоты и свои все части сплотить воедино.
Сколько поэтому ты не медлил бы, мне возражая,
Все же придется признать, что в вещах пустота
существует,
- 400 Также и много других собрать бы я мог доказательств,
Чтобы еще подтвердить несомненность моих рассуждений;
Но и следов, что я здесь слегка лишь наметил, довольно,
Чтобы ты чутким умом доследовал все остальное.
Ибо, как гончие псы чутьем на горах открывают
Логова диких зверей, густою укрытые чащей,
Только на след нападут и на верную выйдут дорогу,
Так же усмотришь и ты постепенно одно из другого
В этого рода вещах и, повсюду по следу проникнув,
Истину сам извлечешь, в потаенных сокрытую дебрях.
410 Если ж ты медлишь теперь и склонен еще сомневаться,
Вот что открыто тогда могу обещать тебе, Мемний:
Столь изобильной струей, исходящей из мощных истоков
Полного сердца, моя вдохновенная речь изольется,
Что прокрадется, боюсь, тем временем дряхлая старость
В наши с тобою тела и жизни нам узы расторгнет,

Прежде чем я исчерпать успею запас доказательств
Хоть для одной из вещей, что я здесь излагаю стихами,

Но продолжаю я нить своего рассуждения снова.

Всю, самоё по себе, составляют природу две вещи:

420 Это, во-первых, тела, во-вторых же, пустое пространство,

Где пребывают они и где двигаться могут различно.

Что существуют тела — непосредственно в том убеждает

Здравый смысл; а когда мы ему доверяться не станем,

То и не сможем совсем, не зная, на что положиться,

Мы рассуждать о вещах каких-нибудь тайных и скрытых.

Если ж пространства иль места, что мы пустотой называем,

Не было б вовсе, тела не могли бы нигде находиться

И не могли б никуда и двигаться также различно,

Как я на это тебе указал уже несколько раньше.

430 Кроме того, привести ничего ты не мог бы такого,

Что и не тело и что к пустоте вместе с тем не причастно

И оказаться могло б какой-нибудь третьей природы.

Ибо наличное всё непременно быть чем-нибудь должно,

Будь оно иль велико, или самых ничтожных размеров:

Коль осязанью оно хоть несколько будет доступно,

Тел совокупность умножит собой и к итогу причтется;

Если же будет совсем недоступно оно осязанью

И не поставит преград прохождению любого предмета,

Полостью будет оно, что мы пустотой называем.

440 Кроме того всё то, что само по себе существует,

Действует или само, иль подвержено действию будет,

Иль будет тем, где вещам находиться и двигаться можно.

Действовать иль подвергаться воздействию тело лишь может,

Быть же вместилищем тел может только пустое

пространство.

Так что самой по себе среди вещей оказаться не может,

Вне пустоты и вне тел, какой-нибудь третьей природы,

Иль ощутимой когда-либо помощью нашего чувства,

Или такой, что она разуменью была бы доступна.

Ибо всё то, что мы можем назвать, то окажется *свойством*

450 Этих обоих начал иль *явлением*, как ты увидишь.

Свойство есть то, что никак отделить иль отнять невозможно

Без разрушенья того, чему оно будет присуще:

Вес у камней, у огня теплота, у воды ее влажность,

Тел ощущаемость всех и неощутимость пустого.

Рабство, напротив того, иль бедность, или богатство,
Как и свобода, война и согласие, и всё, что природу,
При появлении своем иль уходе, отнюдь не меняет,
Всё это мы, как и должно, явлением здесь называем.
Также и времени нет самого по себе, но предметы
460 Сами ведут к ощущенью того, что в веках совершилось,
Что происходит теперь и что воспоследует позже.
И неизбежно признать, что никем ощущаться не может
Время само по себе, вне движения тел и покоя.
Также, когда говорят об увозе Тиндаровой дщери
Иль поражения Трои сынов на войне, то не должно
Думать, что сами собой существуют события эти,
Так как людей, при которых явления эти свершились,
Невозвратно уже унесло миновавшее время.
Ибо всё то, что свершится, явленьем быть названо может
470 Иль поколений людских, или мест, где всё это случится.
Если б, к тому ж, у вещей ни материи не было вовсе,
Ни пространства и места, в котором всё происходит,
То никогда красотой Тиндариды раздутое пламя
Страсти любовной, в груди Александра Фригийца пылая,
Славных боев не зажгло бы на поприще брани свирепой
И никогда бы и конь деревянный тайком от троянцев
Ночью Пергама не сжег, извергнув грекорожденных.
Ясно ты видишь теперь, что у всех без изъятя деяний
Ни самобытности нет, ни сущности той, как у тела,
480 И не имеют они никакого сродства с пустотою;
По ты по праву скорей называть их явленьями можешь
Тела, а также и места, в котором всё происходит.
Дальше, тела иль вещей представляют собою начала,
Или они состоят из стеченья частиц изначальных.
Эти начала вещей ничему не под силу разрушить:
Плотностью тела своей они всё, наконец, побеждают.
Правда, представить себе затруднительно то, что возможно
Что-нибудь в мире найти с безусловною плотностью тела:
Даже сквозь стены домов проникают небесные молнии,
480 Как голоса или крик; огонь раскаляет железо,
Скалы трещат, рассыпаясь в куски от свирепого жара,
Золото крепость свою теряет, в пылу расплавляясь,
Жидким становится лед побежденной пламенем меди,
Сквозь серебро и тепло и пронзительный холод проходят.

То и другое всегда мы чувствуем, взявши, как должно,
Чашу рукою, когда она полнится влагой росистой.
Видимо, нет ничего, таким образом, плотного в мире.
Но коль и разум, а с ним и природа вещей принуждают
Думать иначе, то здесь мы в немногих стихах истолкуем,
500 Что существуют такие тела, что и плотны и вечны:
Это — вещей семена и начала в учении нашем,
То, из чего получился весь мир, существующий ныне.

Прежде всего, раз уж найдено здесь основное различье
Между вещами двумя, по их двоякой природе, —
Именно, телом и местом, в котором всё происходит, —
То существуют они непременно вполне самобытно.

Ибо, где есть то пространство, что мы пустотой называем,
Тела там нет, а везде, где только находится тело,
Там оказаться никак не может пустого пространства.

510 Значит, начальные плотны тела, и нет пустоты в них.
Так как, затем, в производных вещах пустоту мы находим,
Плотное должно ее вещество окружать непременно;
Да и нельзя допустить на основе разумной, чтоб вещи
В теле своем пустоту, сокровенно тая, содержали,
Ежели плотность того отрицать, что ее заключает,
Далее: только одно вещества сочетание может
Быть в состоянии в себе заключать пустое пространство;
И потому вещество, состоя из плотного тела,
Может быть вечным, хотя разлагается всё остальное.

520 Далее, если б нигде никакой пустоты не встречалось,
Плотным являлось бы всё; и напротив, коль тел бы

известных

Не было, чтобы заполнить места, что они занимают,
Всё б оказалось тогда и пустым, и порожним пространством,
Значит, везде пустота, очевидно, сменяется телом,
Ибо ни полностью нет совершенной нигде во вселенной,
Ни пустоты, а тела существуют известные только,
Что полнотой разграничить способны пустое пространство,
Эти тела ни от внешних толчков разлагаться не могут,
Ни, изнутри чем-нибудь пораженные, врозь распасться,
530 Ни от воздействия силы иной уничтожиться вовсе,
Как я на это тебе указал уже несколько раньше.
Без пустоты ведь ничто, очевидно, разбиться не может
Или же сломленным быть, или надвое быть рассеченным,

Или же влагу вбирать, а равно и пронзительный холод,
Или палящий огонь, от чего разрушаются вещи.
Так что чем более вещи в себе пустоты заключают,
Тем и скорей это всё до конца уничтожить их может.
Если ж начальные плотны тела, если нет пустоты в них,
540 Как я учил, то должны они вечными быть непременно.
Если же, кроме того, не была бы материя вечной,
То совершенно в ничто обратились давно бы все вещи,
Из ничего бы тогда возрождалось и всё, что мы видим.
Но, раз уж я доказал, что ничто созидаться не может
Из ничего и всё то, что родилось, в ничто обращаться,
Первоначалом должно быть присуще бессмертное тело,
Чтобы все вещи могли при кончине на них разлагаться.
И не иссяк бы запас вещества для вещей возрождения.
Первоначала вещей, таким образом, просты и плотны.
Иначе ведь не могли бы они, сохраняясь веками,
550 От бесконечных времен и досель восстанавливать вещи.
И, наконец, не поставь никакого предела природа
Для раздробленья вещей, телá материи ныне,
Силой минувших веков раздробившись, дошли до того бы,
Что ничему уж, из них зачатому, в известное время
Было б пробиться нельзя до высшего жизни предела.
Ибо, мы видим, скорей что угодно разрушиться может,
Чем восстановленным быть; поэтому то, что доселе
Долгие дни и века бесконечных времен миновавших
Врозь разнесли, раздробив и на мелкие части расторгнув,
560 Вновь в остальные века никогда не могло б воссоздаться.
Но, несомненно, предел раздробленью известный положен,
Так как мы видим, что вещь возрождается каждая снова,
И установлен вещам, сообразно с их родом, предельный
Срок, когда могут они достигнуть жизни расцвета.
Надо добавить сюда еще то, что, хотя совершенно
Плотны тела основные, однако вполне объяснимо,
Как из них воздух, вода, и земля, и огонь — всё, что мягко, —
Может возникнуть, какой созидается всё это силой,
Если в составе вещей пустоты заключается примесь,
570 Если ж, напротив, вещей начала мягкими были б,
Взяться откуда могли и твердый кремь и железо, —
Это нельзя объяснить, потому что тогда изначальных
Всех оснований своих совершенно лишится природа.

Значит, начала вещей в существе своем просты и плотны.
Большая сплоченность их доставляет предметам возможность

Более твердыми быть и выказывать большие силы.
Далее, если б совсем не положено было предела
Для раздробления тел, то должны бы, однако, от века

580 Даже донныне в вещах тела сохраняться, которых
Не постигала еще до сих пор никакая опасность.
Но если эти тела по природе дробленью доступны,
То непонятно тогда, почему же они сохранились,
Испоконь века всегда подвергаясь несчетным ударам.

Так как затем, наконец, положены твердые грани
Каждому роду вещей для их разрастанья и жизни,
Раз установлено, что, сообразно законам природы,
Могут они породить и чего совершенно не могут,
Раз перемен никаких не бывает, а всё неизменно,
Так что и птицы всегда в своем оперении пестром
590 Пятна на теле хранят, присущие каждой породе,
То и материя вся должна пребывать неизменной
В теле отдельных пород. Ведь, если б могли изменяться
Первоначала вещей, подчиняясь каким-то причинам,
Было б неясно для нас и то совершенно, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.

И не могли б столько раз повторяться в отдельных
породах

Свойства природные, нрав и быт, и движения предков.

Далее, так как есть предельная некая точка

600 Тела того, что уже недоступно для нашего чувства,
То, несомненно, она совсем не делима на части,
Будучи меньше всего по природе своей; и отдельно,
Самостоятельно, быть не могла никогда и не сможет,
Ибо другого она единая первая доля,
Вслед за которой еще подобные ей, по порядку
Сомкнутым строем сплотясь, образуют телесную сущность;
Так как самим по себе им быть невозможно, то, значит,
Держатся вместе они, и ничто их не может расторгнуть.
Первоначала вещей, таким образом, просты и плотны,
610 Стиснуты будучи крепко, сцепленьем частей наименьших,
Но не являясь притом скоплением отдельных частичек,
А отличаясь скорей вековечной своей простотою.

И ничего ни отторгнуть у них, ни уменьшить природа
Не допускает уже, семена для вещей сберегая.
Если не будет, затем, ничего наименьшего, будет
Из бесконечных частей состоять и мельчайшее тело:
У половины всегда найдется своя половина,
И для деленья нигде не окажется вовсе предела.

Чем отличишь ты тогда наименьшую вещь от вселенной?

620 Ровно, поверь мне, ничем. Потому что, хотя никакого
Нет у вселенной конца, но ведь даже мельчайшие вещи
Из бесконечных частей состоять одинаково будут.
Здравый, однако же, смысл отрицает, что этому верить
Может наш ум, и тебе остается признать неизбежно
Существование того, что совсем неделимо, являясь
По существу наименьшим. А если оно существует,
Должно признать, что тела изначальные плотны и вечны.
Если бы всё, наконец, природа, творящая вещи,
На наименьшие части дробиться опять заставляла,
630 Снова она никогда ничего возрождать не могла бы.
Ведь у того, что в себе никаких уж частей не содержит,
Нет совсем ничего, что материи производящей
Необходимо иметь: сочетаний различных и веса,
Всяких движений, толчков, из чего созидаются вещи.

Вследствие этого те, кто считал, что все вещи возникли
Лишь из огня, и огонь полагали основой мира,
Кажется мне, далеко уклонились от здравого смысла.
Их предводителем был Гераклит, завязавший сраженья,
По темноте языка знаменитый у греков, но больше
640 Слава его у пустых, чем у строгих искателей правды.
Ибо дивятся глупцы и встречают с любовным почтеньем
Всё, что находят они в изречениях запутанных скрытым;
Истинным то признают, что приятно ласкает им ухо,
То, что красивых речей и созвучий прикрашено блеском.

Как же, спрошу я, могли получиться столь разные вещи,
Если единственно лишь из огня они чистого вышли?
Ведь не могло бы помочь нимало, коль жгучий сгушался б
Иль разрежался огонь, если б части огня сохраняли
Ту же природу, какой обладает огонь в его целом.
650 Ведь, при стяженьи частей, только резче бы пыл

становился,
При разделеньи же их и рассеяньи — был бы слабее.

Большого тут ничего, будь уверен, случиться не может,
Не говоря уж о том, что никак не могло бы возникнуть
Столько различных вещей из огней, то сгущенных, то редких,
Также еще, допускай в вещах пустоты они примесь,
Было б возможно огням и сгущаться и делаться реже;
«Музы» однако же их, замечая, что часто впадают
В противоречья они, допускать пустоту избегают,
В страхе пред трудным путем уклоняются с верной дороги,
660 Вовсе не видя того, что, не будь пустоты, непременно
Всё бы сгуститься должно, из всего бы должно получиться
Тело одно, ничего не способное выделить быстро,
Как раскаленный огонь испускает и жар и сиянье,
Изобличая, что в нем совершенно не сплочены части.
Если ж считают они, что каким-нибудь образом может
В соединении огонь потухать и менять свою сущность,
То, очевидно (коль так доводить до конца рассужденье),
Сгинет весь огненный пыл и в ничто обратится, и будет
Из ничего возникать таким образом всё, что творится.
670 Ведь коль из граней своих что-нибудь, изменяясь,

выходит,

Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше,
А потому и должно пребывать нерушимое нечто,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи,
И возникать из него вещей изобилие будет.
Так как, однако, тела несомненные есть, у которых
Без изменений всегда остается всё та же природа,
Кои их уход, иль приход, или смена порядка меняют
Всё существо у вещей и одно превращают в другое,
То, очевидно, они и не огненной вовсе природы.

680 Было б, поверь, всё равно, что одни исчезали б, другие
Вновь притекали б, и свой изменяли б иные порядок,
Если б природу огня они все сохраняли при этом;
Ибо всегда бы огнем оставались и все их созданья.
Дело же, думаю, в том, что тела существуют, которых
Встречи, движения, строй, положения их и фигуры
Могут огонь порождать, а меняя порядок, межают
Также природу, и нет ни с огнем у них сходства,

ни с вещью

Кроме того никакой, способною к чувствам направить
Нашим тела и касаньем своим осязанье затронуть.

Между вещей ни одной помимо огня не бывает,
Как утверждает опять всё он же, ведь это безумье!
Ибо он сам восстает против чувств, отправляясь от чувства,
И потрясает он то, на чем зиждется вся достоверность,
Сам же постигнув из них и то, что огнем называет.

Чувства, он верит, огонь постигают вполне достоверно,
А остальное, что нам не менее явно,— нисколько.

Мнение такое пустым я считаю и прямо безумным.

Ибо на что же еще полагаться нам? Что достоверней

700 Чувств может быть для того, чтобы правду и ложь
разграничить?

Кроме того, почему, отвергнувши всё остальное,
Нам предпочтенье отдать одной только пыла природе,

А не отринуть огонь и что-то иное оставить?

То и другое, поверь, одинаково будет нелепо.

Вследствие этого те, кто считал, что все вещи возникли

Лишь из огня, и огонь полагали основой мира,

Так же, как те, кто почел за основу всего мирозданья

Воздух, равно как и те, кто думал, что влага способна

Вещи сама созидать, или мнил, что земля образует

710 Всё, превращаясь сама в природу вещей всевозможных,

Кажется мне, далеко от истины в сторону сбились.

К этим прибавь еще тех, кто начала вещей удвоит,

С воздухом вместе огонь сочетая иль воду с землею,

Иль за основу всего принимает четыре стихии,

Именно: землю, огонь, дыхание воздуха, влагу.

Первым из первых средь них стоит Эмпедокл Акрагантский,

Коего на берегах треугольных вырастил остров,

Что омывают кругом Ионийские волны и горькой

Солью зеленых валов орошают его побережье,

720 Узким проливом стремясь, и проносятся вдоль побережья,

От Итальянской земли границы его отделяя.

Дикая здесь и Харибда, и здесь же глухие раскаты

Огненной Этны грозят разразиться накопленным гневом,

Чтоб, изрыгая опять из жерла могучее пламя,

Снова она к небесам взнесла огненосные молнии.

Но, хоть и много чудес представляется взору людскому

В этой стране, и слывет она посещения достойной,

Полная всяких богатств, укрепленная силой народа,

Не было в ней ничего, что достойнее этого мужа

730 И драгоценней, святей и славней бы его оказалось,

И песнопенья его из глубин вдохновенного сердца

Так громогласно звучат, излагают такие открытия,

Что и подумать нельзя, что рожден он от смертного корня,

Всё же и он, и все те, о которых мы раньше сказали,

Что и ничтожней его и во многом значительно ниже,

Хоть вдохновенно открыть удавалось им ценного много,

И из святилищ сердец изрекать приходилось ответы

Много священной и тех достоверней гораздо, какие

Пифия нам говорит с треножника Феба под лавром,

740 Всё же, дойдя до начатков вещей, потерпели крушение,

И велико для великих падение тяжкое было.

Прежде всего, потому, что они допускают движение

Без пустоты, вместе с тем принимая и мягкость, и редкость

Воздуха, влаги, огня, земли, плодов и животных,

Но пустоту в их тела не желают примешивать вовсе.

Дальше, не знают они и пределов деления тела

И никогда никакой границы дробленью не ставят,

Предполагая, что нет у вещей величин наименьших,

Хоть мы и видим, что есть в каждой вещи предельная точка,

750 Что представляется нам наименьшей для нашего чувства,

Можешь из этого ты заключить, что предельная точка

В том, что увидеть нельзя, и есть наименьшее нечто.

Так как к тому же еще они полагают, что мягки

Первоначала вещей, каковыми рожденные вещи

С телом, подверженным смерти, мы видим, то, значит,

должна бы

Вся совокупность вещей давно уж в ничто обратиться,

И возникать из него должно бы вещей изобилье.

То и другое, как ты убедишься, от правды далеко.

Эти стихи, затем, во многом враждебны, и ядом

760 Служат одни для других, и поэтому или погибнут,

Вместе сойдясь, или врозь они все разбегутся, как, видим,

Молнии, ветер и дождь разбегаются, бурей гонимы.

И, наконец, если всё из стихий четырех создается,

Если все вещи затем на них разлагаются снова,

То почему же считать, что *они* представляют собою

Первоначала вещей, а не те им началами служат?

Ведь и рождаются они друг от друга и цветом взаимно
768 Да и природою всей меняются испоконь века.
770 Если ж подумаешь ты, что, входя в сочетанья друг

с другом,

Тело огня и земли или воздух и жидкая влага
Соединяются так, что природы своей не меняют,
То ничего у тебя из них получиться не сможет:
Ни оживленных вещей, ни бездушных, подобно деревьям.
Ибо природу свою в разнородном смешении этом
Всё обнаружит, сойдясь: ты увидишь, как вместе с землею
Воздух мешается там, и огонь остается во влаге.
А между тем, при созданыи вещей, ведь должны непременно
Первоначала вносить потаенную, скрытую сущность,
780 Чтоб не являлось ничто препятствием или помехой
Всяким созданьям иметь свои самобытные свойства.

Больше того: от небес и огней их они начинают
И говорят, что сначала огонь обращается в токи
Воздуха, воздухом дождь порождается, дождь образует
Землю, и снова затем из земли всё выходит обратно:
Влага сначала, а там уж и воздух и сызнова пламя.
И непрерывно всё это сменяет друг друга, нисходит
С неба к земле и с земли обратно к светилам небесным,
Но невозможно никак так действовать первоначалам,
790 Ибо должно пребывать всегда неизменное нечто,
Чтобы не сгнуло всё совершенно, в ничто обратившись.
Ведь, коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше,
И потому, если то, о чем только что мы говорили,
Вечно сменяется так, то оно состоит из другого,
Что измененьям совсем подвержено быть уж не может,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи.
Так не признать ли скорей, что тела есть с такою природой,
Что, породивши огонь как-нибудь, точно так же

способны, —

800 При удалении из них немногих, с прибавкой немногих,
Коль изменился их строй и движение, — воздух составить,
И что таким же путем всё одно из другого выходит?

«Но, возражишь ты, гласит сама очевидность, что в токи
Воздуха всё из земли вырастает и кормится ею,
И коль дождей не пошлет в надлежащую пору погода,

А потому несомненно, что так же двойную ошибку
Делает он, как и те, о которых мы раньше сказали.
Первоначала, к тому ж, у него неустойчивы слишком,
Ежели только считать допустимо за первоначала
То, что природы такой же, как вещи, что так же страдает
850 И погибает и что уберечь от конца невозможно.
Что же могло бы из них удержаться под натиском

мошным

И от кончины бежать под самыми смерти зубами?
Воздух, вода иль огонь? Или что еще? Кровь или кости?
Нет, я уверен, ничто. Ибо все одинаково вещи
Смертными будут вполне, как и то, что, мы видим,

открыто

Гибнет на наших глазах, какой-нибудь сломлено силой.
Но невозможно вещам ни в ничто отходить, ни, обратно,
Из ничего вырастать, как я то доказал уже раньше.
Кроме того, так как пища растит и питает нам тело,

860 Надо считать, что и вся наша кровь, наши жилы и кости

860а Из чужеродных вещей должны состоять непременно,

Если же тут возразят, что всякая пища имеет
Смешанный, сложный состав и что в ней заключаются

тельца

Мускулов, части костей и кровинки, и мелкие жилки,
Выйдет, что надо считать, будто всякая твердая пища,
Так же, как жидкость, сама состоит из вещей чужеродных:
Из сухожилий, костей, и гноя, и крови в смешеньи.

Далее, если всему, что растет из земли, заключаться
Надо в самой же земле, то земля состоит непременно
Из чужеродных вещей, что на свет из земли возникают.

870 То же ты можешь сказать и о прочем, коль будет угодно:

Если таятся в дровах и пламя, и дым вместе с пеплом,
Из чужеродных вещей и дрова состоят несомненно,

874 Из чужеродных вещей, что из дров, выходя, возникают,

Здесь остается одна небольшая возможность увертки,

Анаксагор за нее и хватается, предполагая,
Будто все вещи во всех в смешеньи таятся, но только
То выдается из них, чего будет большая примесь,
Что наготове всегда и на первом находится месте.

880 Правдоподобия нет никакого в таком объясненьи,

Ибо тогда и зерно, дробимое камнем тяжелым,

Крови следы оставлять должно бы на нем постоянно
Или еще что-нибудь, что в нашем питается теле;
Были б и травы должны подобным же образом часто
Кровь источать из себя при треньи их между камнями;
Стали бы воды струить такие же сладкие капли,
Как молоко, что течет из сосцов у овец густорунных;
Было бы видно тогда, как и в комьях земли размельчённых
Разного рода трава и хлебные злаки, и листья

890 В маленьком виде в земле потаенно рассеяны всюду;
И, наконец, расколовши дрова, мы увидеть могли бы
Пепел и дым, и огни потаенные в маленьком виде.
Но, очевидно, раз нет подтвержденья тому никакого,
Надо считать, что в вещах не бывает такого смешенья,
А сокровенно должны в вещах семена заключаться,
Общие многим вещам в сочетании многообразном.

«Но на высоких горах,— возражаешь ты,— часто бывает,
Что у громадных стволов вершины соседние трутся,
Если их ветры гнетут могучею силой, и, ярко

900 Вспыхнув, взвивается тут языками горящими пламя».
Правильно. Но не огонь заложен в деревьях, а только
Множество жара семян, и они-то от сильного тренья,
Вместе друг с другом сплотясь, порождают лесные пожары,
Если же было б в лесах потаенным готовое пламя,
То не могли б ни на миг, скрываясь, огни оставаться,
Но сокрушали б везде все леса и деревья сжигали б.
Видишь ли ты, наконец, о чем только что мы говорили,
Что постоянно имеет большое значение, с какими
И в положеньи каком войдут в сочетание те же

910 Первоначала и как они двигаться будут взаимно;
Как, лишь слегка изменив сочетанья, они порождают
Дерево или огонь? И подобным же образом так же,
При изменении лишь сочетания букв, создаются
Разного рода слова совершенно различного смысла.
И, наконец, если всё, что в вещах наблюдаешь ты явных,
Может, по-твоему, быть не иначе, как если представить,
Что и у тел основных такая же точно природа,—
Первоначала вещей у тебя совершенно погибнут:

920 И по лицу и щекам текут у них горькие слезы,

Что остается теперь, — ты узнай и внимательно слушай,
Я не таю от себя, как это туманно, но острый
В сердце глубоко мне тирс вонзила надежда на славу
И одновременно грудь напоила мне сладкою страстью
К Музам, которой теперь вдохновляемый, с бодрю мыслью
По бездорожным полям Пиэрид я иду, по которым
Раньше ничья не ступала нога. Мне отрадно устами
К свежим припасть родникам и отрадно чело мне украсить
Чудным венком из цветов, доселе неведомых, коим
930 Прежде меня никому не венчали голову Музы.
Ибо, во-первых, учу я великому знанью, стараясь
Дух человека извлечь из тесных тенёт суеверий,
А во-вторых, излагаю туманный предмет совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием всюду.
Это, как видишь ты, смысл, несомненно, имеет разумный:
Ведь коль ребенку врачи противной вкусом полыни
Выпить дают, то всегда предварительно сладкою влагой
Желтого меда кругом они мажут края у сосуда;
И, соблазненные губ ошущеньем, тогда легковерно
940 Малые дети до дна выпивают полынную горечь.
Но не становятся жертвой обмана они, а, напротив,
Способом этим опять обретают здоровье и силы.
Так поступаю и я. А поскольку учение наше
Непосвященным всегда представляется слишком суровым
И ненавистно оно толпе, то хотел я представить
Это ученье тебе в сладкозвучных стихах пиэрийских,
Как бы приправив его поэзии сладостным медом.
Может быть, этим путем я сумею твой ум и вниманье
К нашим стихам приковать до тех пор, пока ты
не познаешь

950 Всей природы вещей и законов ее построенья.

Раз уже я доказал, что плотны тела основные
И что летают они нерушимые в вечном движении,
То мы рассмотрим теперь, бесконечна ли их совокупность
Или же нет; а затем, бытие пустоты доказавши
Или пространства и места, где все создаются вещи,
Выясним, есть ли конец у пространства во всем его целом
Или безмерно оно и зияет бездонною бездной.

Нет никакого конца ни с одной стороны у вселенной,
Ибо иначе края непременно она бы имела;

- 960 Края ж не может иметь, очевидно, ничто, если только
 Вне его нет ничего, что его отделяет, что б видно
 Было, доколе следить за ним наше чувство способно.
 Если ж должны мы признать, что нет ничего за вселенной,
 Нет и краев у нее и нет ни конца ни предела.
 И безразлично, в какой ты находишься части вселенной:
 Где бы ты ни был, везде, с того места, что ты занимаешь,
 Всё бесконечной она остается во всех направленьях.
 Кроме того, коль признать, что пространство вселенной
 конечно,
 То если б кто-нибудь вдруг, разбежавшись в стремительном
 беге,
- 970 Крайних пределов достиг и оттуда, напрягши все силы,
 Бросил с размаху копьё, то,— как ты считаешь? — оно бы
 Вдаль полетело, стремясь неуклонно к намеченной цели,
 Или же что-нибудь там на пути бы ему помешало?
 То иль другое признать придется тебе неизбежно,
 Но ни одно не дает тебе выхода, и согласиться
 Должен ты, что без конца распространено пространство
 вселенной,
 Ибо мешает ли тут что-нибудь и препятствием служит,
 Не допуская копьё до намеченной цели домчаться,
 Или летит оно вон,— оно пущено все же не с края.
- 980 Так я и дальше пойду и повсюду, где б ты ни наметил
 Крайних пределов, спрошу: «Что ж с копьём, наконец, этим
 будет?»
 Выйдет лишь то, что нигде никакого конца не поставить,
 И для полета всегда беспредельно продлится возможность.
 Кроме того, если всё необъятной вселенной
 пространство
- Замкнуто было б кругом и, имея предельные грани,
 Было б конечным, давно уж материя вся под давлением
 Плотных начал основных отовсюду осела бы в кучу,
 И не могло бы ничто под покровом небес созидаться:
 Не было б самых небес, да и солнца лучи не светили б,
- 990 Так как материя вся, оседая всё ниже и ниже
 От бесконечных времен, лежала бы сбившейся в кучу.
 В самом же деле, телам начал основных совершенно
 Нету покоя нигде, ибо низа-то нет никакого,
 Где бы, стеченье свое прекратив, они оседали,

Все в постоянном движеньи всегда создаются веши,
Всюду, со всяких сторон, и нижние с верхними вместе
Из бесконечных глубин несутся тела основные.

И, наконец, очевидно, что вещь ограничена вещью,
Воздух вершинами гор отделяется, воздухом — холмы,
1000 Морю пределом — земля, а земле служит море границей,
Но бесконечной всегда остается вселенная в целом.
И по природе своей настолько бездонно пространство,
Что даже молнии луч пробежать его был бы не в силах,
В долгом теченьи чреды бесконечных веков ускользая
Дальше вперед, и никак он не смог бы приблизиться

к цели,

Вот до чего для вещей необъятны повсюду просторы,
Всяких границ лишены и открыты во всех направлениях,
Дальше, природа блюдет, чтоб вещей совокупность

предела

Ставить себе не могла: пустоту она делает гранью
1010 Телу, а тело она ограждать пустоту принуждает,
Чередуваньем таким заставляя быть всё бесконечным,
И, если б даже одно не служило границей другому,
Всё же иль это, иль то само бы простерлось безмерно.
1013 а Ибо, коль был бы предел положен пустому пространству,
1013 б Всех бы бесчисленных тел основных оно не вместило;
1013 в Если ж в пространстве пустом их число ограничено было б,
То ни моря, ни земля, ни небес лучезарная область,
Ни человеческий род, ни тела бы святые бессмертных
Существовать не смогли даже часа единого доли.
Ибо материи всей совокупность, расторгнув все связи,
Вся унеслась бы тогда, в пустоте необъятной рассеясь,
Или, вернее сказать, никогда не могла бы стукнуться
1020 И ничего породить, неспособная вместе собраться.
Первоначала вещей, разумеется, вовсе невольно
Все остроумно в таком разместились стройном порядке
И о движеньях своих не условились раньше, конечно,
Но многократно свои положения в мире меняя,
От бесконечных времен постоянным толчкам подвергаясь,
Всякие виды пройдя сочетаний и разных движений,
В расположенья они, наконец, попадают, из коих
Вся совокупность вещей получилась в теперешнем виде
И, приведенная раз в состояние нужных движений,

1030 Много бесчисленных лет сохраняется так и при этом
 Делает то, что всегда обновляется жадное море
 Водами рек; и земля, согретая солнечным жаром,
 Вновь производит плоды; и живые создания, рождаясь,
 Снова цветут; и огни, скользящие в небе, не гаснут.
 Всё это было б никак невозможно, когда б не являлось
 Из бесконечности вновь запасов материи вечно,
 Чтобы опять и опять восполнялася всякая убыль.
 Ибо, как все существа, лишённые пищи, тошуют
 И начинают худеть, так же точно и всё остальное
 1040 Должно начать исчезать, как только материи станет
 Недоставать и приток постоянный ее прекратится.
 Да и наружных толчков недостаточно, чтоб отовсюду
 Всю совокупность вещей сохранять и поддерживать в целом,
 Частым ударом они удержать ее могут отчасти,
 До появления того, что вещей совокупность восполнит,
 Но и назад между тем им отпрядывать надо, и этим
 Место началам вещей и время давать для побега
 Так, чтоб свободно могли они оставлять сочетанья.
 Значит, всё новый приток изобильный начал неизбежен.
 1050 Да, чтоб и сами толчки непрерывно могли повторяться,
 Необходимо должна материя быть бесконечной.
 Тут одного берегись и не верь утверждению, Меммий,
 Что устремляется всё к какому-то центру вселенной,
 Будто поэтому мир и способен держаться без всяких
 Внешних толчков; и никак никуда разложиться не может
 Верх или низ у него, ибо всё устремляется к центру
 (Если, по-твоему, вещь на себя опираться способна),
 Что, находясь под землей, стремятся к ней тяжести снизу
 И пребывают на ней, обернувшись кверху ногами,
 1060 Как отраженья, что мы на поверхности вод наблюдаем:
 Будто бы вниз головой и животные также под нами
 Бродят, и будто с земли упасть им никак невозможно
 В нижние своды небес, как и наши тела не способны
 Сами собой улететь к высоким обителям неба;
 Будто бы солнце у них, в то время как ночи светила
 Мы созерцаем; что мы взаимно меняемся с ними
 Сменой времен, а их дни ночам соответствуют нашим.
 Но лишь надменным глупцам допустимо доказывать это,
 Ум у которых всегда к извращению истины склонен.

1070 Центра ведь нет нигде у вселенной, раз ей никакого
Нету конца. И ничто, будь даже в ней центр, совершенно
Не в состоянии в нем удержаться поэтому больше,
Чем, по причине другой, от него быть отторгнутым вовсе.
Всё ведь пространство и место, что мы пустотой называем,
Иль через центр или не через центр уступает дорогу
Всяким весомым телам, куда б ни влекло их движенье,
Нет и места к тому ж, куда бы тела попадая,
Тяжесть теряли свою и могли в пустоте удержаться;
И пустота не должна служить для другого опорой,
1080 В силу природы своей постоянно всему уступая.
Так что не могут никак в сочетании вещи держаться
Лишь потому, что они отдаются влечению к центру.

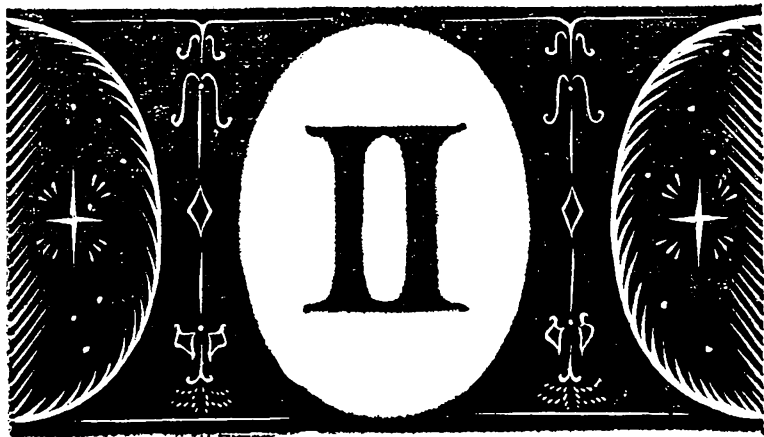
Кроме того, они мнят, что не всякое тело стремится
К центру, но только земли и жидкости лишь это свойство
Или того, что в земном, так сказать, заключается теле:
Влаги морей или с гор стекающих мощных потоков.
И говорят, что, напротив, и воздуха тонкие токи
Так же, как жаркий огонь, в то же время несутся от центра;
И потому весь эфир сверкает созвездьями всюду,
1090 И на лазури небес питается солнечный пламень,
Что собирается там всё тепло, уходя от центра.
И не могли б зеленеть и высокие ветви деревьев,
Если для каждой из них от земли понемногу питание
(Не притекало бы в ствол, доходя по ветвям до вершины.
Но заблуждаются все, очевидно, кто так рассуждает,
И доказательства их совершенно противоречивы,
Так как основой для них неверное мнение служит.
Ибо раз я доказал, что нет конца у пространства
И распростерто оно повсюду, во всех направлениях,
1100 То неизбежно признать, что материи также предела
Нет нигде, и она должна притекать отовсюду),
Чтобы, подобно летучим огням, мироздания стены
Врозь не распались вдруг, в пустоте необъятной рассеясь,
И чтобы прочее всё не пошло точно так же за ними;
Чтобы не рухнули вниз громоносные области неба;
Чтобы внезапно земле из-под ног целиком не исчезнуть
Вместе с распадом вещей, в смешеньи с обломками неба,
При разложении тел не пропасть в пустоте необъятной
Так, что в какой-нибудь миг исчезло бы всё, и остались

4110 Только пустыни пространств и незримые первоначала.
Ибо, раз где-нибудь ты предположишь в телах недостаток,
Здесь распахнутся вещам широкие смерти ворота,
И через них, уносясь, толпою материя хлынет.
Так без большого труда ты всё это можешь постигнуть,
Ибо одно за другим выясняется всё. Не сбиваясь
Темною ночью с пути, ты узнаешь все тайны природы,
И постоянно одно зажигать будет светоч другому.

КНИГА ВТОРАЯ

Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого,
Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны,
Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко.
Сладко смотреть на войска на поле сраженья в жестокой
Битве, когда самому не грозит никакая опасность.
Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно
Светлые выси, умом мудрецов укрепленные прочно:
Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду,
¹⁰ Как они бродят и путь, заблуждаясь, жизненный ищут;
Как в дарованьях они состязаются, спорят о роде,
Ночи и дни напролет добываясь трудом неустанным
Мощи великой достичь и владыками сделаться мира.
О вы, ничтожные мысли людей! О чувства слепые!
В скольких опасностях жизнь, в каких протекает потемках
Этого века ничтожнейший срок! Неужели не видно,
Что об одном лишь природа вопит и что требует только,
Чтобы не ведало тело страданий, а мысль наслаждалась

Чувством приятным вдали от сознания заботы и страха?

- 20 Мы, таким образом, видим, что нужно телесной природе
Только немного: то, что страдания все удаляет.
Пусть наслаждения ей предоставит и многие можно,
Но и приятней порой и не против воли природы,
Если в хоробах у нас не бывает златых изваяний
Отроков, правой рукой держащих зажженные лампы,
Чтобы ночные пиры озарять в изобилии светом;
И серебром не сверкают дома, и золотом не блещут,
И не гудят под резным потолком золоченым кифары;
Люди же вместо того, распростершись на мягкой лужайке
- 30 На берегу ручейка, под ветвями высоких деревьев,
Скромными средствами телу дают усладительный отдых,
Если к тому ж улыбается им и погода, и время
Года усыплет цветами повсюду зеленые травы.
Не покидает и жар лихорадочный тела скорее,
Коль на узорных коврах и на ярком пурпуровом ложе
Мечешься ты, а не должен лежать на грубой подстилке,
И потому, так как нет от сокровищ для нашего тела
Проку нисколько, равно как от знатности или от власти,
То остается считать и душе это все бесполезным.
Разве, когда ты порой глядишь на свои легионы,
Что по равнине снуют, представляя примерную битву,
Вместе с большим подкреплением в запасе и конницей

сильной,

- С равным оружием в руках, с одинаковой силою духа,
- 43 а Иль когда видишь ты флот снующим повсюду на море,
Что ж, убегают тогда, уstraшенные зрелищем этим,
В ужасе все суевья твои? Разве страх перед смертью
Сердце покинет твое, оставив его беззаботным?
Если ж мы видим, что это смешно и глумленья достойно,
В самом же деле боязнь и заботы, преследуя смертных,
Не уstraшаются звоном доспехов и грозным оружием,
- 50 Но пребывают всегда средь царей и властителей смело,
И не робеют они ни пред золотом блеском нисколько,
Ни перед пышностью яркой роскошных пурпуровых тканей,
То усомнишься ли ты, что сила здесь в разуме только,
Если к тому же вся жизнь пробивается наша в потемках?
Ибо как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто

Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.

Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
60 Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.

Ныне зиждительных тел основных объясню я движенье,
Коиим все вещи они порождают и вновь разлагают;
Сила какая к тому принуждает их, скорость какая
Свойственна им на пути в пустоте необъятной пространства,
Ты же внимателен будь и выслушай то, что скажу я.

Знай же: материя вся безусловно не сплочена тесно,
Ибо все вещи, как мы замечаем, становятся меньше
И как бы тают они в течение долгого века,
70 И похищает их ветхость из наших очей незаметно;
В целом, однако, стоит нерушимо вещей совокупность
В силу того, что тела, уходящие прочь, уменьшают
Вещи, откуда ушли, а другие собой приращают:
Те — заставляя стареть, а эти — цвести им на смену,
Всё же не медля и тут. Так весь мир обновляется вечно;
Смертные твари живут, одни чередуясь с другими,
Племя одно начинает расти, вымирает другое,
И поколенья живущих сменяются в краткое время,
В руки из рук отдавая, как в беге, светильники жизни.

80 Если же думаешь ты, что стать неподвижно способны
Первоначала вещей и затем возродить в них движенье,
Бродишь от истины ты далеко в заблужденьи глубоком.
Ведь, в пустоте находясь и витая по ней, неизбежно
Первоначала вещей уносятся собственным весом
Или толчками других. И часто, в движеньи столкнувшись
Вместе, одни от других они в сторону прыдают сразу.
И удивляться нельзя: ведь они в высшей степени крепки,
Плотны и вески, и вспять отскочить им ничто не мешает.

Дабы ты лучше постиг, что тела основные мнутся
90 В вечном движеньи всегда, припомни, что дна никакого
Нет у вселенной нигде, и телам изначальным остаться
Негде на месте, раз нет ни конца, ни предела пространству,
Если безмерно оно и простерто во всех направлениях,
Как я подробно уже доказал на основе разумных,
Раз установлено так, то телам изначальным, конечно,
Вовсе покоя нигде не дано в пустоте необъятной.

Наоборот: непрерывно гонимые разным движеньем,
Частью далёко они отлетают, столкнувшись друг с другом,
Частью ж расходятся врозь на короткие лишь расстоянья,
100 Те, у которых тесней их взаимная сплоченность, мало
И на ничтожные лишь расстояния прядая порознь,
Сложностью самых фигур своих спутаны будучи цепко,
Мощные корни камней и тела образуют железа
Стойкого, так же, как всё остальное подобного рода.
Прочие, в малом числе в пустоте необъятной витая,
Прядают прочь далёко и далёко назад отбегают
На промежутки большой. Из них составляется редкий
Воздух, и солнечный свет они нам доставляют блестящий,
Множество, кроме того, в пустоте необъятной витает
110 Тех, что отброшены прочь от вещей сочетаний и снова
Не были в силах еще сочетаться с другими в движеньи,
Образ того, что сейчас описано мной, и явленье
Это пред нами всегда и на наших глазах происходит,
Вот посмотри: всякий раз, когда солнечный свет проникает
В наши жилища и мрак прорезает своими лучами,
Множество маленьких тел в пустоте, ты увидишь, мелькая,
Мечутся взад и вперед в лучистом сиянии света;
Будто бы в вечной борьбе они бьются в сраженьях и битвах,
В схватки бросаются вдруг по отрядам, не зная покоя,
120 Или сходясь, или врозь непрерывно опять разлетаясь.
Можешь из этого ты уяснить себе, как неустанно
Первоначала вещей в пустоте необъятной мятутся.
Так о великих вещах помогают составить понятие
Малые вещи, пути намечая для их постиженья.
Кроме того, потому обратить тебе надо вниманье
На суматоху в телах, мелькающих в солнечном свете,
Что из нее познаешь ты материи также движенья,
Происходящие в ней потаенно и скрыто от зора.
Ибо увидишь ты там, как много пылинок меняют
130 Путь свой от скрытых толчков и опять отлетают обратно,
Всюду туда и сюда разбегаясь во всех направленьях.
Знай же: идет от начал всеобщее это блужданье.
Первоначала вещей сначала движутся сами,
Следом за ними тела из малейшего их сочетанья,
Близкие, как бы сказать, по силам к началам первичным,
Скрыто от них получая толчки, начинают стремиться,

Сами к движенью затем понуждая тела покрупнее.

Так, исходя от начал, движение мало-помалу

Наших касается чувств, и становится видимым также

140 Нам и в пылинках оно, что движутся в солнечном свете,
Хоть незаметны толчки, от которых оно происходит.

Ныне в коротких словах объясню тебе, Меммий, какая

Скорость присуща телам основным при движеньи в
пространстве,

Утром, когда от зари по земле разольется сиянье

И, запорхав по лесам и по зарослям, пестрые птицы

В воздухе нежном везде заливаются звонкою песней,

Видишь, с какой быстротой восходящее солнце внезапно

Всё облакает кругом потоками яркого света!

В этом мы можем всегда совершенно легко убедиться.

150 Но и тот жар, что идет от солнца, и свет его ясный

Не в пустоте совершают свой путь; и двигаться тише

Свет принужден, пока он рассекает воздушные волны.

Не в одиночку идут и жара отдельные тельца,

Но подвигаются, все сплотившись и скучившись вместе;

А потому и назад друг друга они отвлекают,

Да и преграды извне заставляют их двигаться тише.

Первоначала же все, которые просты и плотны,

Чрез пустоту совершая свой путь, никаких не встречая

Внешних препятствий, одно составляя с частями своими

160 И неуклонно несясь туда, куда раз устремились,

Явно должны обладать быстротой совершенно безмерной,

Мчась несравненно скорей, чем солнца сияние мчится,

И по пространству лететь во много раз дальше в то время,

Как по небесному своду проносятся молнии солнца.

* * *

И не исследовать тут по отдельности первоначала,

Чтобы узнать, по каким создаются вещи законам.

Те же, которые свойств материи вовсе не знают,

Думают нам вопреки, что без воли богов не способна,

Приноровляясь ко всем человеческим нуждам, природа

170 Года меняет времена и выращивать хлебные злаки

И остальное творить, чем смертных к себе привлекает

Страсти божественной зов, вождя нашей жизни, и манит

В сладких утехах любви порождать поколенья живущих,
Чтоб не погиб человеческий род, для которого боги
Будто бы создали всё. Но они в измышлениях этих,
Кажется мне, далеко уклонились от здравого смысла.
Ибо, коль даже совсем оставались бы мне неизвестны
Первоначала вещей, и тогда по небесным явлениям,
Как и по многим другим, я дерзнул бы считать достоверным,
180 Что не для нас и отнюдь не божественной волею создан
Весь существующий мир: столь много в нем всяких пороков,
Это впоследствии я объясню тебе, Мемний; теперь же
Мы возвратимся к тому, что осталось сказать о движеньи.

Я полагаю, теперь доказать тебе будет уместно,
Что никакие тела не имеют возможности сами
Собственной силою вверх подниматься и двигаться кверху,
Чтобы тебя не ввело в заблужденье горящее пламя.
Ибо, лишь вспыхнет оно, всегда разгорается кверху
Так же, как злаки растут и тянутся кверху деревья,
190 Хотя в силу веса телá всегда устремляются книзу.
И если, взвившись, огонь достигает до кровли строений,
Пламенем быстрым лизать начиная и балки и бревна,
То не подумай, что он это делает собственной силой.
То же бывает, когда, при пускании крови из тела,
Хлещет и брызжет она, выбиваясь высокой струею.
Да и не видишь ли ты, с какой силою балки и бревна
Вон выпирает вода? Ведь чем глубже мы их погружаем
Сверху отвесно, на них напирая сильней и сильнее,
Тем их стремительней вверх вытесняет она, извергая,
200 Так что наружу они половиною большей взлетают.
Но и сомнения нет, полагаю, что сами собою.
Эти тела в пустоте всегда устремляются книзу.
Так совершенно должно оказаться и пламя способно,
Будучи выжато, вверх подниматься в воздушном пространстве,
Хоть в силу веса само по себе оно тянется книзу.
Разве не видишь того, как факелы неба ночные
Огненный след за собой оставляют на своде небесном,
В том направлены летя, куда путь им указан природой?
Или как падают вниз на землю блестящие звезды?
210 Также и солнце с высот небосвода везде разливает
Жар и поля и луга осыпает своими лучами;
Значит, и солнечный жар точно так же к земле тяготеет.

Наискось, видишь, сквозь дождь пролетают и молнии сверху,
И, вырываясь из туч, то туда, то сюда постоянно
Перебегают огни, и на землю их падает пламя.

Я бы желал, чтобы ты был осведомлен здесь точно так же,
Что, уносясь в пустоте, в направлении книзу отвесном,
Собственным весом тела изначальное в некое время
220 В месте неведомом нам начинают слегка отклоняться,
Так что едва и назвать отклонением это возможно.
Если ж, как капли дождя, они вниз продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождилось,
И ничего никогда породить не могла бы природа.

Если же думает кто, что тела тяжелее способны
В силу того, что быстрее в пустоте они мчатся отвесно,
Сверху на легкие пав, вызывать и толчки, и удары,
Что порождают собой движения жизни, то, право,
Бродит от истины он далеко в заблуждении глубоком.
230 Ибо всё то, что в воде или в воздухе падает редком,
Падать быстрее должно в соответствии с собственным весом
Лишь потому, что вода или воздуха тонкая сущность
Не в состоянии вещам одинаковых ставить препятствий,
Но уступают скорей имеющим большую тяжесть.
Наоборот, никогда никакую нигде не способна
Вещь задержать пустота и явиться какой-то опорой,
В силу природы своей постоянно всему уступая.
Должно поэтому всё, проносясь в пустоте без препятствий,
Равную скорость иметь, несмотря на различие в весе.

240 Значит, нельзя и телам тяжелее на легкие сверху
Падать никак и рождать при падении этом удары,
Чтобы движения менять, из каких созидаются вещи.
Вновь повторяю: тела непременно должны отклоняться,
Но незаметно совсем; чтоб отнюдь никому не казалось,
Что мы движение вкось вопреки очевидности мыслим.
Ибо мы можем всегда совершенно легко убедиться,
Что в силу веса тела, поскольку мы можем заметить,
Вкось устремляясь, идти при падении сверху не могут.
Но что они куда от линии строго отвесной

250 Не уклонятся ничуть, — разве кто-нибудь это усмотрит?
Если ж движения все непрерывную цепь образуют
И возникают одно из другого в известном порядке,

И коль не могут путем отклонения первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Чтобы причина не шла за причиною ископоть века,
Как у созданий живых на земле не подвластная року,
Как и откуда, скажи, появилась свободная воля,
Что позволяет идти, куда каждого манит желанье,
И допускает менять направленье не в месте известном
260 И не в положенный срок, а согласно ума побужденье?
Ибо сомнения нет, что во всем этом каждому воля
Служит начальным толчком и по членам движенья проводит,
Также не видишь ли ты, что в тот миг, как отворят ворота
Перед конями, они всё же вырваться вон и помчаться
Столь же мгновенно, как дух их стремительный жаждет,
бессильны?

Ибо материи вся совокупность должна возбудиться
В теле повсюду, чтоб ей, возбудившись во всех его членах,
Духа порыву затем последовать было возможно.
Видишь из этого ты, что движенье рождается в сердце
270 И начинает идти, руководствуясь волею духа,
Передаваясь затем по телу всему и по членам.
Это совсем не похоже на то, когда мы поддаемся
Внешним толчкам и вперед их силою движимся мощной.
Ибо тогда целиком вся материя нашего тела
Двигаться будет, от нас, очевидно, совсем не завися,
Вплоть до того, как она удержится нашею волей.
Видишь ли ты, наконец, что хоть сила извне и толкает
Многих людей и влечет их часто стремглав, понуждая
Против их воли идти, но всё же в груди нашей скрыто
280 Нечто, что против нее восстает и бороться способно,
По усмотренью чего совокупность материи также
И по суставам должна, и по членам порой направляться
Или сдержаться, умчавшись вперед, и вернуться на место?
И потому в семенах, помимо ударов и веса,
Должен ты также признать и другую причину движений,
Чем обусловлена в нас прирожденная эта способность;
Из ничего ведь ничто, как мы видим, не может возникнуть.
Правда, прелитствует вес появившись всего от ударов,
Силою как бы извне; но чтоб ум не по внутренней только
290 Необходимости всё совершал и чтоб выпущен не был

Всадники скачут вокруг и в патиске быстром внезапно
330 Пересекают поля, потрясая их топотом громким.
Но на высоких горах непременно есть место, откуда
Кажется это плтном, неподвижно сверкающим в поле.
Ну а теперь ты узнай из дальнейшего сущность
и свойства
Мира начал основных; сколь они, различаясь по формам,
Многообразны и как разнородны они по фигурам.
Не оттого, что из них лишь немногие сходны по форме,
Но что они вообще не все друг на друга похожи.
Не удивляйся: ведь раз их количество столь изобильно,
Что ни конца у них нет, как указано мной, ни итога,
340 То и не могут они, разумеется, все совершенно
Склад однородный иметь и похожими быть по фигуре.
Кроме того, посмотри на людей, посмотри на немое
Племя чешуйчатых рыб, на стада, на зверей и на стаи
Пестрые птиц, что, у вод собираясь повсюду веселых,
По берегам ручейков, и озер, и потоков толпятся
Или по дебрям лесов и по зарослям частым порхают;
В особь любую взглядишь по отдельности в каждой породе,
Ты убедишься, что все они разниться будут фигурой.
Иначе дети своих матерей узнавать не могли бы,
350 Как и детенышей мать; а они это могут, как видишь,
Да и не хуже людей друг друга всегда различают.
Так у святыхиц богов, разукрашенных, часто теленок
Падает пред алтарем, в дыму фимнама заколот,
Крови горячий поток испуская с последним дыханьем.
Сирая мать между тем, по зеленым долинам блуждая,
Ищет напрасно следы на земле от копыт раздвоенных,
Всю озирая кругом окрестность, в надежде увидеть
Свой потерявшийся плод; оглашает печальным мычаньем
Рощи тенистые; вспять возвращается снова и снова
360 К стойлам знакомым в тоске по утраченном ею теленке.
Нежные лозы, трава, орошенная свежей росой,
И глубоко в берегах текущие реки не могут
Ей утешения дать и отвлечь от заботы пеждавной;
Не занимают ее и другие телята на тучных
Пастбищах и облегчить не могут ей тяжелой заботы:
Так она жаждет найти то, что близко и дорого сердцу.
Нежное стадо козлят с голосами дрожащими также

- Знает рогатых своих матерей; и бодливый ягненок —
Матки бляенье своей. И, голосу внемля природы,
370 Обыкновенно бежит к материнскому вымени каждый.
Если возьмешь, наконец, ты отдельные хлебные зерна
Злаков любых, то и тут не найдешь совершенно похожих
Так, чтобы не было в них хоть каких-нибудь мелких отличий.
То же различие мы замечаем средь раковин всяких,
Доно пестрящих земли, там, где мягкими волнами море
Влагу сосущий песок убивает в изгибе залива.
Так что опять повторю, что должны точно так же иные
Первоначала вещей,— раз они порожденья природы,
А не при помощи рук на один образец создавались,—
380 В формах различных летать и несхожими быть по фигурам,
Нам не составит труда объяснить на основе разумной
То, почему проникать несравненно пронзительней может
Молнии огонь, чем земной, исходящий от факелов наших:
Будет довольно сказать, что небесное молнии пламя
Тошнее гораздо и всё состоит из мельчайших частичек,
А потому проходить оно может в такие отверстия,
Где не пробиться огню ни от дров, ни от факелов наших.
Кроме того, через рог фонаря проникает свободно
Свет, но не дождь. Почему? Ибо света тела основные
390 Мельче, чем те, из каких состоит благодатная влага.
И хоть мгновенно вино, когда цедишь его, протекает,
Но потихоньку идет и сочится ленивое масло;
Иль потому, что его, очевидно, крупней элементы,
Иль крючковатей они и спутаны больше друг с другом;
И получается так, что не могут достаточно быстро
Связь меж собой разорвать по отдельности первоначала
И вытекать, проходя чрез отверстие каждое порознь.
Надо добавить еще, что и мед и молочная влага
На языке и во рту ощущаются нами приятно;
400 Наоборот же, полынь своей горечью или же дикий
Тысячелистник уста нам кривят отвратительным вкусом.
Так что легко заключить, что из гладких и круглых частичек
То состоит, что давать ощущение приятное может;
Наоборот, то, что нам представляется горьким и терпким,
Из крючковатых частиц образуется, тесно сплетенных,
А потому и пути к нашим чувствам оно раздражает,
Проникновеньем своим нанося поранения телу.

Всё, наконец, что для чувств хорошо или кажется плохо,
Разнится между собой и несходные формы имеет;
410 Так, не подумай, что в дрожь приводящий,

пропзительно-резкий

Визг от пилы состоит из гладких равно элементов,
Как и пленительный звук, что певец извлекает искуспый,
Беглыми пальцами струн пробужденной касаясь кифары.
И не считай, что по форме похожие первоначала
В ноздри проходят людей, когда трупы зловонные жгутся
Или когда окропят киликийским шафраном подмостки
И по соседству алтарь благовономьем панхейским дымится.
Не полагай и того, что от сходных семян происходят
Краски, которые взор своим цветом прекрасным ласкают,
420 Так же, как те, что нам режут глаза, заставляя слезиться,
Или же видом своим возбуждают у нас отвращенье.
Ибо всё то, что для нас и отрадпо и чувству приятно,
Должно в себе содержать изначальную некую гладкость;
Наоборот, что для чувств и несносно и кажется жестким,
То несомненно в себе заключает шершавое нечто.
Есть элементы еще, что ни гладкими не назовешь их,
Но и не скажешь про них, что они закорючены остро:
В них выдаются скорей лишь углы небольшие наружу,
Так что скорей щекотать они чувства способны, чем

равить.

430 Винную гущу сюда отношу я и вкус девясила.
Жгучий огонь, наконец, и холодного инея иглы
Не одинаково нам уязвляют телесные чувства,
Как указывает на то осязанье того и другого.
Ведь осязание, да, осязанье, клянуса богами,
Чувства источник у нас, когда в тело извне проникает
Что-нибудь, либо же, в нем зародившись, язвит его больно,
Иль веселит, исходя при зиждительном деле Венеры,
Или, когда семена, столкнувшись, мешаются в теле
И, в беспорядок придя, производят смятение чувства,
440 В чем непосредственно сам убедишься ты, если рукою
Как-нибудь тело свое по любой его части ударишь.
Вот почему и должны далеко не похожие формы
Быть у начал, раз они вызывают различные чувства.

Что, наконец, представляется нам затверделым и плотным,
То состоять из начал крючковатых должно несомненно,

Сцепленных между собой наподобие веток сплетенных.
 В этом разряде вещей, занимая в нем первое место,
 Будут алмазы стоять, что ударов совсем не боятся,
 Далее — твердый кремь и железа могучего крепость,
 450 Так же как стойкая медь, что звенит при ударах в засовы,
 Ведут другие, тела у которых текучи и жидки,
 Будут скорей состоять из гладких и круглых частичек.
 Ибо легко, как вода, растекается горсточка маку:
 Круглые зерна его не держатся, вместе сплотившись,
 А по наклону бегут от малейшего их сотрясенья.
 И в заключение: всё, что мгновенно из глаз исчезает
 И разлетается. — дым, например, или пламя, —
 Пусть состоит целиком не из гладких и круглых частичек,
 Не сплетено из частиц, тем не менее, спутанных цепко,
 460 Так что и тело колоть они могут и в камни проникнуть,
 Не пребывая в связи. Ибо то, что, мы видим, возможно
 Чувствам унять, состоит, как не трудно тебе догадаться,
 Из элементов таких, что не спутаны цепко, но остры.
 Если ж какая-нибудь представляется горькою жидкость, —
 Влага морей, например, — то не надо тому удивляться:
 Жидкость ее состоит из гладких и круглых частичек,
 Но и шершавые к ней примешались, дающие горечь;
 А крючковатыми быть для сцепленья им вовсе не надо.
 Хоть и шершавы они, однако же и шаровидны:
 470 Им и катиться легко, и язвить одновременно чувства.
 А чтоб ты лучше постиг, что и грубые могут начала
 С гладкими смесь составлять в Иептуновом теле соленом,
 Можно для этого их разобщить и увидеть отдельно
 Пресной воду морей, когда, просочившись сквозь землю,
 Каплет она в водоем и, стекая, становится мягкой.
 Ибо, при грубости их, ее горечи мерзкой начала,
 Не уходя в глубину, на поверхности держатся почвы.
 Это тебе разъяснив, продолжаю я следовать дальше.
 Первоначала вещей, как теперь ты легко убедишься,
 480 Лишь до известных границ разнородны бывают

по формам.

Если бы не было так, то тогда непременно иные
 Были б должны семена достигать величин необытных.
 Ибо, при свойственных им одинаково малых размерах,
 Не допускают они и значительной разницы в формах,

Предположи, например, что тела изначальные будут
Три или несколько больше частей заключать наименьших;
Если затем ты начнешь эти части у данного тела
Переставлять или снизу наверх, или слева направо,
Ты обнаружишь тогда, сочетания все их исчерпав,
490 Все изменения форм, что для этого тела возможны;
Если ж иные еще получить ты желаешь фигуры,—
Части другие тебе прибавить придется. И дальше
Новые части опять для дальнейших нужны сочетаний,
Если еще и еще изменять пожелаешь фигуры.
И, таким образом, форм новизна приращение тела
Вслед за собою влечет; а поэтому нечего думать,
Будто вещей семена бесконечно различны по формам:
Иначе надо считать, что иные размеров огромных
Будут, а это принять, как уж я доказал, невозможно.
500 Ткани тогда у тебя иноземные и мелибейский
Пурпур, окрашенный в цвет Фессалии раковин ярких,
И переливы цветов на хвостах золотистых павлинов
Все бы померкли совсем перед яркостью новых предметов;
Были б в презренье у всех и мирра и мед благовонный;
Лебеда песнь и напев пленительный Фебовой лиры
Не раздавались тогда б и замолкли по той же причине:
Ибо одно за другим превосходней бы всё возникало.
Но и обратно: могло б и в худшее всё обращаться
Тем же путем, как оно достигать бы могло совершенства;
510 Ибо одно за другим отвратительней всё бы являлось
И для ноздрей и ушей, и для глаз, и для нашего вкуса.
Если же этого нет, но все вещи в известных пределах
Держатся с той и с другой стороны, то признать ты обязан,
Что разнородность фигур у материи также предельна.
И, наконец, от огня и до стужи зимних морозов
Также положен предел и обратно он точно отмерен.
Всякий ведь холод и жар, переходы тепла между ними
В этих границах лежат, равномерно их все заполняя.
Так что творения все различаются в точных пределах,
520 Ибо с обеих сторон они резкой отмечены гранью:
Пламенем жарким с одной, а с другой — леденящим
морозом.

Это тебе разъяснив, продолжаю я следовать дальше:
Первоначала вещей, как теперь ты легко убедишься,

Сходные между собой по своим однородным фигурам,
Неисчислимы совсем. Ибо, если положены грани
Разнице в формах, должны похожие первоначала
Или бесчисленны быть, иль материи вся совокупность
Будет конечною, что невозможно, как я доказал уж
В этих стихах, говоря, что материи мелкие тельца

530 От бесконечных времен совокупность вещей сохраняют
При непрерывных толчках, возникающих всюду

в пространстве.

Ибо, хоть реже иных ты встречаешь животных и видишь,
Что плодovitость у них значительно меньше, однако
В странах и землях других, далеко отстоящих отсюда,
Может их много найти, и число их окажется полным.

Так укажу я тебе, для примера, из четвероногих
На змееруких слонов. Всю Индию крепкой стеною
Множество тысяч столбов ограждает из кости слоновой,
Так что проникнуть туда невозможно: такая там сила

540 Этих зверей, а у нас лишь изредка можно их встретить,

Но уступлю я тебе и в этом: пускай существует
Вещь среди рожденных вещей лишь одна в своем роде,

которой

Нет подобной нигде на всем протяжении мира;

Если, однако, запас материи для зарождения

Вещи такой бесконечен бы не был, она не могла бы

Ни появиться на свет, ни расти, ни найти себе пищу.

Ведь в самом деле, пускай во вселенной для вещи единой

Будет зиждательных тел число ограничено. Как же,

Где и откуда они и силой какой соберутся

550 В бездне материи всей и в смешеньи начал инородных?

Нет, я уверен, никак сойтись они вместе не могут;

Но, наподобье того, как при страшных кораблекрушеньях

Мощные моря валы разносят кокоры и банки,

Мачты и реи, носы кораблей и плывущие весла,

Так что везде, по всему побережью, видны вырезные

Кормы разбитых судов, указанья дающие смертным,

Чтобы от козней, и сил, и обманов коварного моря

Прочь убегали они и ему бы не верили, даже

Если лукавая гладь улыбается тихого понта,—

560 Так, если вздумашь ты число ограничить известных

Первоначал, то тогда их вечно рассеивать будут,

В стороны врозь разбоя, материи разные токи,
Так что они никогда не смогут, сойдясь и сплотившись,
Ни удержаться в связи меж собой, ни расти, умножаясь;
Но ведь на наших глазах происходит и то и другое:
Вещи способны всегда возникать и, возникнув, развиться,
Первоначала вещей, таким образом, всякого рода
Неисчислимы и всё, очевидно, способны восполнить.

Вот почему никогда нельзя смертоносным движеньям
570 Жизни навек одолеть и ее истребить совершенно.
Но и движенья, что жизнь создают и способствуют росту,
Вечно созданыя свои сохранять нерушимым не могут.
Между началами так с переменным успехом в сраженьях
Испокон века война, начавшись, вечно ведется:
То побеждают порой животворные силы природы,
То побеждает их смерть. Мешается стон похоронный
С жалобным криком детей, впервые увидевших солнце,
Не было ночи такой, ни дня не бывало, ни утра,
Чтобы не слышался плач младенческий, смешанный с воплем,
580 Сопровождающим смерть и мрачный обряд погребальный,

Вот что при этом еще основательно надо запомнить,
Запечатлевши в уме, и всегда принимать во внимание:
Нет ни одной из вещей, доступных для нашего зора,
Чтобы она из начал состояла вполне однородных;
Нет ничего, что различных семян не являлось бы смесью,
Что же имеет в себе и сил и возможностей больше,
Тем указывает на то, что и больше оно заключает
Разного рода начал совершенно различного вида.
Множество, прежде всего, заключает земля изначальных
590 Тел, из которых ключи, прохладу несущие, вечно
Полнят моря, и таких, из которых огни возникают.
Ибо во многих местах пламенеет зажженная почва,
Самый же страшный огонь извергает свирепая Этна.
Дальше, содержит земля и такие тела, из которых
Людям и злаки растит наливные, и рощи густые,
И доставляет ручьи, и листья, и тучные пастбы
Диким породам зверей, бродящим по горным высотам,
Матери имя богов потому и дают ей великой,
Матери диких зверей и праматери нашего тела.

600 Греции древней ее премудрые пели поэты

Будто бы парю львов она правит в своей колеснице,
 Этим давая понять, что повисла в воздушном пространстве
 Наша земля, что земля опираться на землю не может,
 Львов запрягли потому, что и самые дикие дети
 Должны пред силой забот материнских покорно

склоняться.

Голову ей увенчали венком крепостным, указуя,
 Что защищает она города на местах неприступных.
 В этом уборе теперь проносят по целому свету,
 Ужас вселяя везде, божественной матери образ.

- 610 Люди различных племен по старинным священным заветам
 «Матерь Идэя» ее именуют и толпы фригийцев
 В свиту дают ей затем, что из этого края впервые
 Злаки расти на земле, по преданию, начали всюду.
 Галлы сопутствуют ей, указание этим давая,
 Что, оскорбив божество материнское и пепочтенье
 Выказав к родшим, никто не должен считаться достойным,
 Чтобы на свет порождать поколенья живого потомства.
 Бубны тугие гудят в их руках и пустые кимвалы,
 Хриплые звуки рогов оглашают окрестности грозно,
 620 Ритмом фригийским сердца возбуждает долбленая

флейта:

- Свита предносит пожн — необузданной ярости знаки,
 Дабы сердца и умы толпы нечестивой повергнуть
 В ужас священный и страх перед мощною волей богини,
 Лишь колесница ее в городах появилась обширных,
 И одаряет она, безмолвная, благами смертных,
 Путь перед ней серебром устилает и медной монетой
 Щедрой рукою народ, и сыплются розы обильно,
 Снежным покровом цветов осеняя богиню и свиту,
 Вооруженный отряд, которому греки Куретов
 630 Имя фригийских дают, играя оружием острым,
 Тут же пускается в пляс, опьяненный пролитой кровью,
 Страшно при этом тряся косматыми гребнями шлемов;
 Изображают они Диктейских Куретов, на Крите
 Зевса младенческий крик заглушавших, коль верить преданью,

Вместе с детьми, что вокруг дитяти в стремительной пляске
637 Мчались и медью о медь, кружась, ударили размерно,
Чтобы ребенка Сатурн не настиг прожорливой пастью
И не поранил бы тем материнского сердца навеки.
640 Вот потому-то Великую Мать провожают с оружием.
Или хотят указать, что оружием люди отважно
Отчую землю должны защищать по веленью богини
И для родителей быть и опорой надежной и славой.
Как ни прекрасны и стройны чудесные эти преданья,
Правдоподобия в них, однако же, пет никакого.
Ибо все боги должны по природе своей непременно
Жизнью бессмертной всегда наслаждаться в полнейшем
покое,

Чуждые наших забот и от них далеко отстранившись.
Ведь безо всяких скорбей, далеки от опасностей всяких,
650 Всем обладают они и ни в чем не нуждаются нашем;
Благодеяния им ни к чему, да и гнев неизвестен.
Что до земли, то вовек лишена она всякого чувства,
Но, так как многих вещей в ней содержатся первоначала,
Может на свет выводить она многое способом разным.
Если же кто называть пожелает иль море Нептуном,
Или Церерою хлеб, или Вакхово предпочитает
Имя напрасно к вину применять, вместо нужного слова,
То уж уступим ему, и пускай вся земная окружность
Матерью будет богов для него, если только при этом
680 Он, в самом деле, души не пятнает религией гнусной.

660 Так, хоть нередко стада на одной луговине пасутся
И густорунных овец, и племени коней отважных,
И круторогих быков под той же небесною кровлей
И утоляют в одной и той же реке свою жажду,
Разно, однако, живут; и родителей свойства, и нравы
Все сохраняют они по наследству в отдельных породах:
Так велика разнородность материи в каждом отдельном
Виде травы полевой и в каждом источнике водном.
Далее, все состоят живые созданья из крови,
Мяса, костей, из тепла, из жил, сухожилий и влаги;
670 Всё это также совсем не похоже одно на другое,
И образовано всё из начал по фигурам не сходных.
Далее, что на огне разгорается пламенем, также,

Если другого в нем нет, оно всё же в себе заключает
Нечто, откуда огонь выбивает и может светиться,
Искры метать из себя и далеко развеивать пепел.
Если подобным путем проследишь ты и всё остальное,
Ты обнаружишь тогда, что во всем потаенно сокрыты
Многих вещей семена и начала различного вида.

679 Многие есть, наконец, где даны в сочетаньи со цветом

681 Также и запах, и вкус. И, прежде всего, приношенья,

681a Что по обряду богам, на алтарь возложив, сожигают.

Значит, начала должны заключаться в них разного вида:

Запах проходит ведь там в наше тело, где цвет

не пробьется,

Цвет же отдельно идет, и отдельно и вкус проникает
В чувства: ты видишь теперь, что фигуры их первые разны.
В соединенье здесь, таким образом, разные формы
Входят, и всякую вещь образуют семян сочетанья.

Даже и в наших стихах постоянно, как можешь заметить,
Множество слов состоит из множества букв однородных;

690 Но и стихи, и слова, как ты непременно признаешь,

Разнятся между собой по своим составным элементам:

Не оттого, что из букв у них мало встречается общих,
Иль что и двух не найти, где бы всё было точно таким же,
Но что они вообще не все друг на друга похожи.

Так же и в прочем, хотя существует и множество общих

Первоначал у вещей, тем не менее очень различны

Могут они меж собой оставаться во всем своем целом;

Так что мы вправе сказать, что различный состав образует

Племя людское, хлеба наливные и рощи густые.

700 Думать, однако, нельзя, что всему сочетаться

ВОЗМОЖНО

Всячески. Ибо тогда ты повсюду встречал бы чудовищ,

И полузвери везде, полулюди водились, и также

Длинные ветви порой вырастали б из тела живого;

Множество членов морских у земных бы являлось

животных,

Да и химер бы тогда, извергающих пламя из пасти,

На всеродящей земле выращивать стала природа.

Но очевидно, что так никогда не бывает, и вещи,

Лишь от известных семян и от матери также известной

Все возникая, растут, сохраняя все признаки рода,

710 Ясно, что это должно по известным законам свершаться,
Ибо из нищи любой проникают в отдельные члены
Тельца, которые им подходящи, и там, сочетаясь
Вместе, рожают они движения нужные; те же,
Что не пригодны, назад извергаются в землю природой;
Также еще от толчков незаметно выходит из тела
Множество тел, что ни с чем не могли ни войти
в сочетанье,

Ни внутри воспринять и усвоить движения жизни.

Но не подумай смотри, что относятся эти законы
Только к созданным живым: ими все ограничены вещи,

720 Ибо, подобно тому, как природою в целом не схожи
Вещи рожденные все, точно так же они несомненно
Все состоят из начал по фигурам взаимно не сходных;
Не оттого, что из них лишь немногие сходны по форме,
Но что они вообще не все друг на друга похожи.

Далее, коль семена отличны, должны различаться
Все промежутки, пути, сочетания, тяжесть, удары,
Встречи, движения их: всё то, что не только живые
Все разделяет тела, но и землю от моря отдельно
Держит и своду небес не дает на нее опуститься.

730 Выслушай далее то, что познал я путем изысканий
Сладостных, и не считай, что все белые вещи, какие
Светлыми кажутся нам, из начал образуются белых,
Или что черное всё порождается семенем черным;
Словом, не думай, что вещь, коль она обладает окраской
Той иль иной, потому ее носит, что в ней основные
Тельца ее вещества окрашены цветом таким же.
Ибо у тел основных никакой не бывает окраски,
Ни одинаковой с той, что присуща вещам, ни отличной.

740 Если же думаешь ты, что тела таковые не могут
Быть постижимы умом, то находишься ты в заблужденьи,
Ибо, ведь если слепой от рожденья, который ни разу
Солнца лучей не видал, познаёт осязанием вещи,
Что лишены для него с младенчества всякой окраски,
То, очевидно, наш ум составить себе представленья
Может вполне о телах, никаким не окрашенных цветом,
Да ведь и сами-то мы, в темноте осязая предметы,
Не ощущаем того, что они обладают окраской.

Это тебе доказав, покажу я теперь, что бывают
748a Также такие тела, что совсем не имеют окраски.
Всякий ведь цвет перейти, изменившись, способен во всякий;
750 Но невозможно никак так действовать первоначалам,
Ибо должно пребывать всегда нерушимое нечто,
Чтобы не сгнуло всё совершенно, в ничто обратившись.
Ведь, коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше.
Так что вещей семенам берегись придавать ты окраску,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи.

Далее, если признать, что окраска совсем не присуща
Первоначалам вещей и они лишь по формам различны
И порождают из них и меняют цвета как угодно,—
760 Так как имеет всегда большое значенье, с какими
И в положении каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно,—
То доискаться тебе не составит труда никакого,
Как происходит, что вещь, недавно лишь бывшая черной,
Может внезапно предстать блестящей и белой, как мрамор,
Так, если буря начнет вздымать водяные равнины,
Мраморно-белыми тут становятся волны морские.
Будет довольно сказать, что предмет, представлявшийся
черным,

Если смешалась его материя и изменился
770 В ней распорядок начал, и ушло, и прибавилось нечто,
Может на наших глазах оказаться блестящим и белым,
Если же волны морей из семян состояли б лазурных,
То уж никак бы тогда побелеть было им невозможно.
Ибо как хочешь мешай семена ты лазурной окраски,
Но измениться их цвет во мраморно-белый не сможет,
Если ж одни от других отличаются разной окраской
Те семена, что морям сообщают единый оттенок,—
Как из несхожих фигур, разнородных по форме, нередко
Может квадрат, например, получиться единой фигуры,—
780 То, как в квадрате таком различаем мы разные формы,
Так же могли б мы тогда разглядеть на поверхности моря
Иль в чем угодно другом, что имеет единый оттенок,
Множество разных цветов, совершенно друг с другом

не схожих.

Но, коль помехой ничуть и препятствием вовсе не служит
Разность фигур, чтоб из них очертанья слагались квадрата,
То не дает никогда разнородность окраски предметов
Им целиком обладать и единым и чистым оттенком.

Далее, довод, что нас соблазняет порой, заставляя
Первоначалам вещей приписывать цвет, отпадает,
790 Ибо и белая вещь не из белых способна возникнуть,
Черная вещь — не из тех, что черны, а из разных по цвету,
Но вероятней всего, что блестящие белые вещи
Могут возникнуть скорей из бесцветных начал, чем
из черных,
Иль из каких-то других, совершенно по цвету им чуждых.

Кроме того, потому, что без света цветов не бывает
И что начала вещей никогда освещаться не могут,
Надо считать, что они никаким не окрашены цветом,
Ибо какие ж цвета в непроглядных потемках возможны?
Больше того: самый свет изменяет окраску предметов,
800 Падая прямо на них или косвенно их освещая.
Это мы видим, когда освещается солнца лучами
Пух голубей, что венком окружает затылок и шейку:
То багровеет он вдруг, отливая блестящим рубином,
То засияет он так, что покажется, будто лазурный
Камень, сверкая, горит посреди изумрудов зеленых.
Так же павлиньи хвосты под лучами обильного света
При поворотах свою постоянно меняют окраску.
Если ж зависят цвета от падения света, то надо
Нам несомненно считать, что они без него невозможны.

810 И раз удары зрачок испытует различного рода
При ощущении, так называемом, белого цвета,
Или же черного, или другого какого угодно,
И если вовсе не цвет осязаемых нами предметов
Важен, а только какой обладают предметы фигурой,
То очевидно, что он для начал совершенно не нужен,
Но разнородность их форм осязается нами различно.

Если же, кроме того, не имеют особые формы
Также особых цветов, если всех очертаний начала
Могут являться всегда и в окраске любого оттенка,
820 То почему же тогда и всему, что из них возникает,
В каждом разряде вещей не носить всевозможной
окраски?

Воронов ты бы тогда в оперении белом увидел:
Всюду летали б они и сверкали окраскою белой;
Черных тогда лебедей порождало бы черное семя,
Семя цветное — цветных и какого угодно оттенка.

Мало того: если ты на мельчайшие части предметы
Больше и больше дробишь, то ты видишь, как мало-помалу
Цвет пропадает у них и совсем, наконец, потухает.

830 Так происходит, когда багряницу в клочки раздираешь:
Пурпур и даже сама финикийская яркая краска,
Если по ниткам ты ткань разорвешь, целиком исчезает.
Можешь отсюда понять, что лишаются цвета частицы
Раньше еще, чем они на вещей семена разложились.

И, наконец, так как ты не считаешь, что всякое тело
Запах и звук издает, то выходит тогда несомненно,
Что невозможно всему приписывать звук или запах.
Также, раз мы далеко не всё различаем глазами,
То, очевидно, тела существуют лишённые цвета,
Как существуют и те, что и звуку и запаху чужды;
840 Но пронзительный ум познает их не менее ясно,
Чем постигает он то, в чем других не имеется качеств.

Но не подумай смотри, что тела изначальные только
Цвета совсем лишены: и тепла нету в них никакого,
Так же как им не присущи ни холод, ни жар раскаленный;
Да и без звука они и без всякого носятся вкуса.
И не исходит от них и особого запаха также.

Так, если думаешь ты драгоценный бальзам изготовить,
С миррой смешав майоран и букет благовонного нарда,
Запах которого нам представляется нектаром, надо,
850 Прежде всего, отыскать непахучее масло оливы,
Чтобы затронуть оно не могло обонянья и чтобы,
Соком своим заразив, не могло заглушить и попортить
Весь ароматный отвар и душистость его уничтожить.
В силу таких же причин при создании предметов не могут
Первоначала вещей придавать им иль собственный запах,
Или же звук — раз они ничего испускать не способны, —
Равным же образом вкус, наконец, или холод, а также
Жар раскаленный, тепло или прочее в этом же роде,
Ибо и это, и всё, что является смертности свойством:

860 Мягкость и гибкость, и ломкость и рыхлость, и полость
и редкость —

Всё это также должно совершенно быть чуждо началам,
Если построить весь мир мы хотим на бессмертных основах,
Чтобы он мог пребывать нерушимым во всем его целом,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи.

Ты убедишься теперь, что и всё, что, как видно,
способно

К чувству, однако, должно состоять из начал, безусловно
Чувства лишенных. Ничто против этого не возражает
Из очевидных вещей и того, что для каждого ясно,
Но убеждает нас в том, что, как сказано, из совершенно
870 Чувства лишенных начал возникают живые созданыя.
Видеть бывает легко, как из кучи зловонной навоза
Черви живые ползут, зарождаясь, когда разлагаться
Почва сырая начнет, от дождей проливных загнивая;
Так же и прочее всё возникает одно из другого:
В скот переходят ручьи, и листья, и тучные пастьбы,
Скот, в свою очередь, сам переходит, меняя природу,
В тело людей, а оно точно так же нередко собою
Силы питает зверей и способствует росту пернатых.
Так превращает природа всю пищу в живые созданыя
880 И зарождает у них из нее же и всякие чувства
Тем же примерно путем, как она и сухие поленья,
В пламени все разложив, заставляет в огонь обращаться.
Видишь ли ты, наконец, что большое значенье имеет,
Как и в порядке каком сочетаются между собою
Первоначала вещей и какие имеют движенья?

Что же такое еще смущает твой ум и колеблет
И заставляет его сомневаться, что можно началам,
Чувства лишенным, рождать существа, одаренные
чувством?

Это наверное то, что ни лес, ни земля, ни каменя
890 Чувства живого родить и в смешении даже не могут.
Должен, однако же, ты припомнить, что я не считаю,
Будто решительно всё, что рождает способное к чувству,
Тут же должно порождать непременно и самые чувства;
Важно здесь, прежде всего, насколько малы те начала,
Что порождают собой ощущение, какой они формы,
Также какие у них положенья, движенья, порядок.
Этого мы ни в дровах, ни в комьях земли не заметим,
Но, коль загнили они, разлагаясь как будто от ливней,

То производят червей, потому что матерни тельца,
 900 Прежний порядок тогда изменяя в условиях новых,
 Сходятся так, что должны зарождаются живые созданыя.
 Кто ж утверждает затем, что способное к чувству творится
 Из одаренного им, давая его и началам,
 903 а Тот вместе с тем признает за началами смертную
 сущность,
 Мягкими делаю их. Ибо связано всякое чувство
 С жилами, мышцами, мясом; а это, как всем очевидно,
 Мягко и всё состоит несомненно из смертного тела.
 Но тем не менее пусть вековечны такие частицы:
 Всё же им должно иметь или только отдельные чувства,
 Или созданным живым они в целом должны быть подобны.
 910 Чувствовать сами собой, однако же, части не могут:
 В членах отдельных всегда сочетается чувство с другими,
 И невозможно руке, отделенной от нас, или части
 Нашего тела иной сохранять обособленно чувство.
 Значит, частицы подобны живому созданию в целом
 923 И непременно должны ощущать, что и мы ощущаем,
 915 Чтобы их чувства могли совпадать с ощущением жизни.
 Но разве можно сказать, что такие живые частицы —
 Первоначала вещей? Разве можно им смерти избежать,
 Раз всё живое всегда одновременно также и смертно?
 Но коль и можно, то всё ж из их сочетаний друг с другом
 920 Только б одна мешанина созданий живых получалась
 Так же, как если бы все воедино сошлись и смешались
 922 Люди, и звери, и скот, ничего бы от них не родилось.
 Если же чувство свое они, в тело попавши, теряют
 925 И получают взамен другое, к чему придавать им
 То, что отходит от них? И мы вновь к заключенью
 приходим, —
 Если в живого птенца яйцо превращается птичье,
 Если у нас на глазах кишат, из земли выползая,
 Черви, когда от дождей проливных разлагается почва, —
 930 Что для рождения чувств никакого не надобно чувства.
 Если же мне возражат, что только путем изменений
 Чувство из чуждого чувству способно возникнуть, иль
 ТОЛЬКО
 Как бы посредством родов, что приводят к его появлению,
 Я удовольствуюсь тем указанием и разъясненьем,

Что не бывает родов, если не было раньше сонтья,
Что изменения все происходят путем сочетанья.
Чувствам, во-первых, нельзя оказаться в каком-либо теле,
Прежде того, как само народится живое созданье,
Ибо материя вся, пребывая рассеянной всюду —

940 В воздухе, в реках, в земле и во всяких земли

порождениях,

Не образует еще, не сошедши в должном порядке,
Жизни движений в себе, от которых всезрящие чувства,
Вспыхнувши, зорко блюдут и хранят все живые созданья.

Далее, каждый удар, не по силам живому созданию,

Валит на месте его и немедленно следом за этим

В теле его и в душе все чувства приводит в смятенье,

Ибо тогда у начал разрушаются их положенья

И прекращаются тут совершенно движения жизни

Вплоть до того, что материя вся, сотрясенная в членах,

950 Узы живые души отторгает от тела и душу,

Врозь разметав ее, вон чрез отверстия все выгоняет,

Да и чего же еще ожидать при ударе возможно

Кроме того, что он всё разнесет и все связи расторгнет?

Правда, бывает и так, что при менее резком ударе

Могут его одолеть уцелевшие жизни движенья

И, одолев от толчка происшедшую сильную бурю,

Всё возвращают опять к теченью по прежнему руслу,

А завладевшее было всем телом движение смерти

Врозь разгоняют и вновь зажигают угасшие чувства.

960 Иначе как же тогда у самого смерти порога

К жизни вернуться скорей и к сознанию было бы можно,

Чем удалиться навек, предначертанной цели достигнув?

Кроме того, если боль возникает, коль, некою силой

В членах и в мясе живом потрясаясь, тела основные

Во глубине своих гнезд приходиться начинают в смятенье,

А по местам водворяясь, вызывают отрадное чувство,—

Ясно, что первоначал никакая не может затронуть

Боль и самим по себе им не ведомо чувство отрады,

Раз никаких у них нет своих собственных тел

изначальных,

970 От перемены движений которых они бы страдали

Или какой-нибудь плод наслаждений вкушали приятных.

Значит, началам вещей никакое не свойственно чувство,

Если же чувство иметь способны живые создания
Лишь потому, что самим началам их свойственно чувство,
То каковы же тогда в человеческом роде начала?
Верно, способны они заливаться и хохотом звонким,
И орошать и лицо и щеки обильно слезами,
И о составе вещей говорить с пониманием дела,
И рассуждать, наконец, о собственных первоначалах?
980 Ибо ведь, если вполне во всем они смертным подобны,
Значит, и сами должны состоять из других элементов,
Эти — опять из других, и конца ты нигде не положишь:
Ибо, по-твоему, всё способное к речи, ко смеху,
К мысли должно состоять из начал совершенно таких же.
Если ж мы видим, что вздор это всё, да и прямо безумье,
Что и без всяких начал смеющихся можно смеяться
И разуместь и в ученых словах излагать рассужденья,
Не состоя из семян и разумных и красноречивых,
То почему же нельзя, чтобы всё, одаренное чувством,
990 Сложный имело состав из семян, не имеющих чувства?
Семени мы, наконец, небесного все порожденья:
Общий родитель наш тот, от которого всё зачинает
Мать всеблагая, земля, дождевой орошенная влагой,
И порождает хлеба наливные, и роши густые,
И человеческий род, и всяких зверей производит,
Всем доставляя им корм, которым они насыщаясь
Все беззаботно живут и свое производят потомство.
Матери имя земля справедливо поэтому носит.
Также всё то, что земля породила, уходит обратно
1000 В землю, а что изошло из пределов эфира, то снова
Всё возвращается к ним, улета в обители неба.
Но, с истребленьем вещей, материи тел не способна
Смерть убивать, а лишь их сочетанья она расторгает
И производит затем сочетанья иные, и этим
Делает то, что и форму и цвет изменяют все вещи,
Чувства рождаются в них и внезапно опять пропадают.
Видишь из этого ты, что имеет значенье, с какими
И в положеньи каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно;
1010 И не считай, что телам изначальным и вечным присуще
То, что, мы видим, плывет по поверхности всяких предметов,
Что возникает порой и опять исчезает внезапно.

Даже и в наших стихах ведь имеет большое значение
Расположение букв и взаимное их сочетание:

Теми же буквами мы означаем ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных;
Если не полностью все, то всё-таки большая часть их
Те же, и только один распорядок их дело меняет.

1021 То же и в самых вещах: материи все измененья —
Встречи, движения, строй, положенье ее и фигуры —
Необходимо влекут за собой и в вещах перемены.

Ныне внимателен будь, достоверному внемля ученью:
Новый предмет до ушей твоих бурно стремится достигнуть,
В новом обличьи предстать пред тобою должно

мирозданье,

Нет, однако, вещей достоверных, чтоб невероятны
Не показались они нам с первого взгляда, а также
Ни удивительных нет, ни настолько великих явлений,
Чтоб не внушали они изумленья всё меньше и меньше.

1030 Чистую, прежде всего, укажу я лазурь небосвода,
Всё, что объемлется им: и светила, бродящие всюду,
Месяц, блистательный свет, изливаемый солнца сияньем;
Если всё это теперь первый раз бы представилось смертным
И неожиданно всё появилось пред ними внезапно,
Что бы считаться могло изумительней этих явлений,
Иль чему меньше поверить посмели бы раньше народы?
Нет, я скажу, ничему не сравниться со зрелищем этим.
Но уже больше никто, созерцаем его пресыщенный,
Не удостоит взирать на обители светлые неба!

1040 А потому перестань, лишь одной новизны устрасаясь,
Наше ученье умом отвергать, а сначала сужденье
Острым исследуй его и взвесь; и, коль прав окажусь я,
Сдайся, а если неправ, то восстань и его опровергни.
Ведь, коль лежащему вне, за пределами нашего мира,
Нет пространству границ, то стараемся мы доискаться,
Что же находится там, куда мысль устремляется наша
И улетает наш ум, подымаясь в пареньи свободном.

Видим мы, прежде всего, что повсюду, во всех

направленьях

1050 С той и с другой стороны, и вверху и внизу у вселенной
Нет предела, как я доказал, как сама очевидность
Громко гласит и как ясно из самой природы пространства.

А потому уж никак невозможно считать вероятным,
Чтоб, когда всюду кругом бесконечно пространство зияет
И когда всячески тут семена в этой бездне несутся
В неисчислимом числе, гонимые вечным движеньем,
Чтобы лишь наша земля создалась и одно наше небо,
И чтобы столько материн тел оставалось без дела,
Если к тому ж этот мир природою создан, и если
Сами собою вещей семена в столкновеньях случайных,
1060 Всячески втуне, вотще, понапрасну сходяся друг

с другом,

Слиясь затем, наконец, в сочетанья такие, что сразу
Всяких великих вещей постоянно рождают зачатки:
Моря, земли и небес и племени тварей живущих.
Так что ты должен признать и за гранями этого мира
Существованье других скоплений материн, сходных
С этим, какое эфир заключает в объятиях жадных.

Если же, кроме того, и материя есть в изобилии,
Если есть место и нет ни причины, ни вещи, какая
Ей бы мешала, должны из нее развиваться предметы.
1070 Если к тому же семян количество столь изобильно,
Что и всей жизни никак не хватило б для их исчисленья,
Если вещей семена неизменно способна природа
Вместе повсюду сбивать, собирая их тем же порядком,
Как они силочены здесь,— остается признать неизбежно,
Что во вселенной еще и другие имеются земли,
Да и людей племена и также различные звери.

Надо добавить еще, что нет ни одной во вселенной
Вещи, какая б могла возникать и расти одиноко
И не являлась одной из многих вещей однородных
1080 Той же породы. Взгляни, например, на созданыя живые,
И ты увидишь, что так нарождаются горные звери,
Так поколенья людей возникают и так же немое
Племя чешуйчатых рыб и все особи птиц окрыленных.
Следственно, надо признать, что подобным же образом

небо,

Солнце, луна и земля, и моря, и все прочие вещи
Не одиноки, но их даже больше, чем можно исчислить,
Ибо их жизни предел точно так же поставлен и ждет их
Так же, как всё; и у них такое же смертное тело,
Как у созданий, что здесь на земле по породам плодятся,

- 1090 Если как следует ты это понял, природа свободной
Сразу тебе предстает, лишенной хозяев надменных,
Собственной волею всё без участия богов создающей.
Ибо,— святыне сердца небожителей, в мире спокойном
Жизнь проводящих свою и свой век безмятежно и ясно! —
Кто бы сумел управлять необъятной вселенной, кто твердо
Бездны тугие бразды удержал бы рукою искусной,
Кто бы размеренно вел небеса и огнями эфира
Был в состоянии везде согревать плодоносные земли
Иль одновременно быть повсюду во всякое время,
1100 Чтобы и тучами тьму наводить, и чтоб ясное небо
Грома ударами бить, и чтоб молнии метать, и свои же
Храмы порой разносить, и, в пустынях сокрывшись, оттуда
Стрелы свирепо пускать, и, минуя нередко виновных,
Часто людей поражать, не достойных того и невинных?
Много и после того, как мир народился, и после
Дня появления земли и морей и восшествия солнца
Тел накопилось извне, и кругом семена накопились,
В быстром полете несясь из глубин необъятной вселенной,
Чтобы моря и земля разрастаться могли, чтобы небо
1110 Свои далеко распростерло чертог, чтобы подняло кверху
Своды свои над землей и высоко вознесся бы воздух.
Ибо тела, исходя отовсюду, посредством ударов
Распределяются все по местам сообразно их роду:
Влага ко влаге течет, земля же из тела земного
Вся вырастает, огонь — из огней и эфир — из эфира,
Вплоть до тех пор, пока всё до предельного роста природа
Не доведет и конца не положит вещей совершенству;
Что происходит, когда собирается в жизненных жилах
Столько же, сколько из них, вытекая наружу, исходит.
1120 Тут для всего настает предельного возраста время,
Тут на развитии вещей природа узду налагает.
Ибо всё то, что кругом развивается в радостном росте
И достигает, идя шаг за шагом, зрелости полной,
Более тел принимает в себя, чем наружу выводит,
Ежели пища легко еще в жилы проходит и если
Не раздавалось до того, чтобы много оно выделяло
И раздавало скорей, чем питается в возрасте этом.
Ибо, что множество тел из вещей, утекая, выходит,

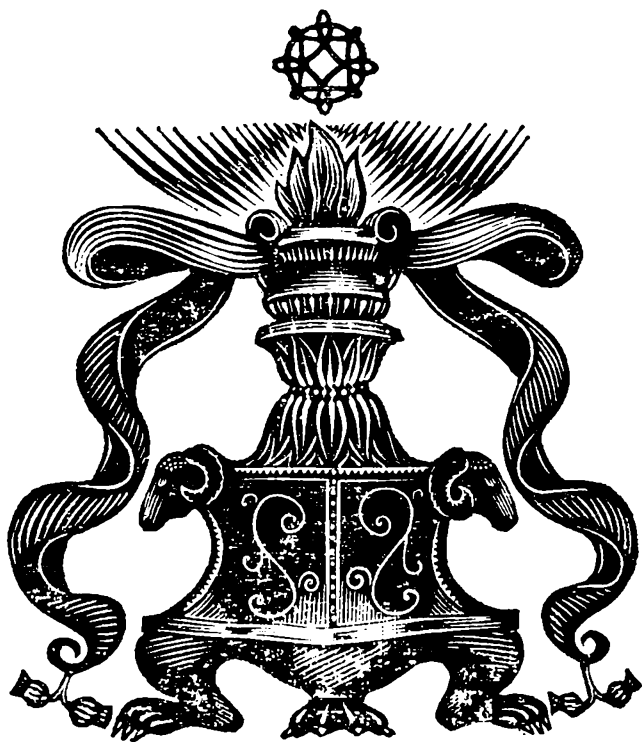
Надо, конечно, признать; но должно притекать еще больше
1130 В вещи, покуда их рост не достигнет предельной
вершины.

Мало-помалу затем возмужалую крепость и силы
Ломят года, и вся жизнь постепенно приходит в упадок.
Ибо, чем больше предмет оказался в конце разрастанья
И чем обширнее он, тем и больше всегда выделяет
Тел из себя, разнося их повсюду во всех направленьях;
Да и по жилам его не легко растекается пища,
И уж источник ее, при таком изобильном отливе,
Не в состоянии течь достаточно мощной струею.
И справедливо должны погибать, таким образом, вещи,
1140 Коль разложились они и от внешних ударов зачухли,
Так как в преклонных годах уже им не хватает питанья,
Да и снаружи тела, продолжая толчки беспрестанно,
Вещи изводят вконец и ударами их добивают.

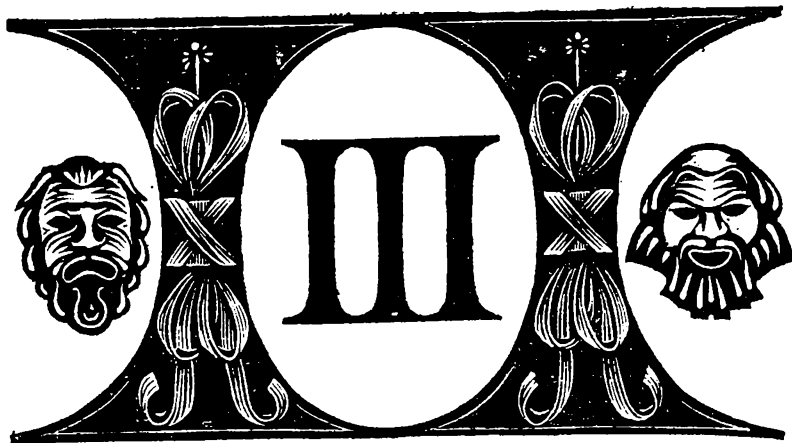
Так же с теченьем времен и стены великого мира,
Приступом взяты, падут и рассыплются грудой развалин.
Пища, конечно, должна восстанавливать всё, обновляя,
Пища — поддерживать всё и пища служить основаньем,
Но понапрасну, когда не способны выдерживать жилы
То, что потребно для них, а природа доставить не может.
1150 Да, сокрушился наш век, и земля до того истошилась,
Что производит едва лишь мелких животных, а прежде
Всяких давала она и зверей порождала огромных.
Вовсе, как думаю я, не цепь золотая спустила
С неба далеких высот на поля поколения смертных,
Да и не волны морей, ударяясь о скалы, создали,
Но породила земля, что и ныне собой их питает;
Да и хлебов наливных, виноградников тучных она же
Много сама по себе сотворила вначале для смертных,
Сладкие также плоды им давая и тучные пастьбы, —
1160 Всё, что теперь лишь едва вырастает при нашей работе:
Мы изнуряем волов, надрываем и пахарей силы,
Тупим железо, и всё ж не дает урожая нам поле, —
Так оно скупое плоды производит и множит работу.
И уже пахарь-старик, головою качая, со вздохом
Чаще и чаще глядит на бесплодность тяжелой работы,
Если же с прошлым начнет настоящее сравнивать время,
То постоянно тогда восхваляет родителей долю.

И виноградарь, смотря на тщедушные, чахлые лозы,
Век, злополучный, клянет, и на время он сетует горько
1170 И беспрестанно ворчит, что народ, благочестия полный,
В деревности жизнь проводил беззаботно, довольствуясь
малым,
Хоть и земельный падеж был в то время значительно меньше,
Не понимая, что всё дряхлеет и мало-помалу,
Жизни далеким путем истомленное, сходит в могилу.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Ты, из потемок таких дерзнувший впервые воздвигнуть
Столь ослепительный свет, озаряющий жизни богатства,
Греции слава и честь! За тобою я следую ныне
И по твоим я стопам направляю шаги мои твердо.
Не состязаться с тобой я хочу, но, любовью объятый,
Жажду тебе подражать: разве ласточка станет тягаться
С лебедем? Или козлят дрожащие ноги способны
С резвою силой коня быстролетного в беге равняться?
Отче! Ты сущность вещей постиг. Ты отечески роду
¹⁰ Нашему ныне даешь наставленья, и мы из писаний,
Славный, твоих, наподобие пчел, по лугам цветоносным
Всюду собирающих мед, поглощаем слова золотые,
Да, золотые, навек достойные жизни бессмертной!
Ибо лишь только твое из божественной мысли возникнув,
Стало ученье нам о природе вещей проповедать,
Как разбегаются страхи души, расступаются стены
Мира,— и вижу я ход вещей в бесконечном пространстве.
Видно державу богов и спокойную всю их обитель,

Где не бушуют ни ветры, ни дождь, низвергаясь из тучи,
20 Не проливается, где и мороз пеленой белоснежной,
Падая, их не гнетет, а эфир безоблачный вечно
Их покрывает и весь улыбается в свете разлитом.
Всё им природа дает в изобилии, ничто не смущает
Вечного мира богов и ничто никогда не тревожит.
Наоборот: никаких Ахеронта владений не видно,
И не мешает земля созерцанию всего остального,
Что под ногами у нас совершается в безднах пространства.
Всё это некий восторг поселяет в меня и овященный
Ужас, когда сознаю, что силой твоею открылась
30 Вся природа везде и доступною сделалась мысли.

После того, как тебе объяснил я и сущность и свойства
Мира начал основных и как, различаясь по виду,
Непроизвольно они летят в движении вечном,
Также и то, как из них создаются всякие вещи,
Я полагаю, теперь своевременно будет природу
Духа, а также души осветить мне стихами своими
И, ниспровергнув, изгнать совершенно боязнь Ахеронта,
Что угнетает людей и, глубоко их жизнь возмущая,
Тьмою крошечною всё омрачает и смертною мглою
40 И не дает наслаждаться нам радостью светлой и чистой.
Ибо хотя говорят, что болезни и жизни бесчестье
Быть нам страшнее должны, чем Тартар — смерти обитель,
Что природа души состоит, как известно, из крови
Или из ветра еще, — коли будет угодно так думать, —
И что потребности нет ни малейшей в учении нашем,
Всё это люди, заметь, говорят из тщеславия больше,
Чем потому, что для них непреложно такое сужденье.
Эти же люди, себя запятнав преступлением гнусным,
Изгнаны будучи вон из отчины и общества близких,
50 Всякие беды терпя, тем не менее жить продолжают;
Всюду, куда ни придут, они тризну творят по умершим,
Жалкие! черных овец закаляют и Манам подземным
Жертвы приносят, творя возлиянья, и в скорби жестокой
Строже гораздо блюдут религии чин и уставы.
Вот почему наблюдать всегда надлежит человека
В бедах и грозной нужде и тогда убедиться, каков он.
Ведь из сердечных глубин лишь тогда вылетает неволью
Истинный голос, личина срывается, суть остается.

- Денег алчба, наконец, и почестей жажда слепая
- 60 Нудят несчастных людей выходить за пределы закона
И в соучастников их обращают и в слуг преступлений,
Ночи и дни напролет заставляя трудом неустанным
Мощи великой искать. Эти язвы глубокие жизни
Пищу находят себе немалую в ужасе смерти.
Ибо постыдный позор и жестокая бедность обычно
Несовместимы для нас с приятною, тихою жизнью
И представляются нам как будто преддверием смерти.
Люди, стремясь убежать от этого дальше и дальше,
Всё это прочь отстранить, объятые ложным испугом,
- 70 Кровью сограждан себе состояния копят и жадно
Множат богатства свои, громоздя на убийство убийство,
С радостью лютой идут за телом умершего брата
И пировать у родных ненавидят они и страшатся.
Точно таким же путем от этого страха нередко
Гложет их зависть, что тот могуществен, этот во блеске
Шествует славы своей, привлекая всеобщие взоры,
Им же приходится жить, валяясь в грязи и во мраке.
Люди иные порой ради имени гибнут и статуи,
Часто же их до того доводит боязнь перед смертью,
- 80 Что, отвращеньем полны и к жизни и к свету дневному,
От безысходной тоски они сами себя убивают,
Вовсе забыв, что тоска их питается этим же страхом.
Он прогоняет и стыд, он и узы теснейшие дружбы
Врозь расторгает, и он извращает вконец благочестье.
Ведь и отчизну свою и родителей милых нередко
Люди, стремясь избежать Ахеронта пучин, предавали.
Ибо, как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы, среди белого дня, опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
- 90 Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.
Я утверждаю, что дух,— мы его и умом называем,—
Где пребывают у нас и сознание живое и разум,
Есть лишь отдельная часть человека, как руки и ноги
Или глаза составляют живого создания части.
- 97a Хоть и считает толпа мудрецов совершенно напрасно,

Что оощуощающй дух не особую часть занимает,
Но представляет собой состояние тела живое,
100 То, что греки зовут «гармонией», что, не имел
Места отдельного, нам дает ощущение жизни:
Как говорится порой о здоровьи телесном, однако
Не занимает оно у здорового части отдельной,—
Так оощуощающй дух помещают не в части особой,
В чем совершенно они заблуждаются, я полагаю.
В части наружной больным наше тело бывает нередко,
В части же скрытой его мы здоровы и бодры при этом.
Так же, с другой стороны, и обратно нередко бывает.
Именно: болен наш дух, а все тело здорово и бодро.
110 Так же, как если нога, предположим, страдает больная,
А голова между тем никакого страданья не терпит,
Кроме того, когда сладкому сну предаются все члены,
И, распростершись, лежит отягченное тело без чувства,
Всё же имеется в нас и другое, что в это же время
Всячески бьется и всё воспримлет притом: и движенья
Радости все, и пустые, ничтожные сердца заботы.
То, что душа, как и дух, во членах находится наших,
И не гармония в нас возбуждает телесные чувства,
Явствует, прежде всего, из того, что коль даже и много
120 Отнято тела у нас, всё же жизнь остается во членах.
Но и обратно: когда ускользает лишь самая малость
Тел теплоты и чрез рот улетучится воздух наружу,
Сразу уходит вся жизнь, покидая и жилы и кости.
Можешь отсюда понять, что далёко не все выполняют
Ту же работу тела и жизнь обеспечить способны,
Но, главным образом, те, что собой семена представляют
Ветра и жара, блюдут, чтобы жизнь оставалась во членах.
Значит, и жизненный жар, и ветер присутствуют в самом
Теле у нас, уходя из него с наступлением смерти.
130 И потому, так как ясно теперь, что духа природа,
Как и природа души, есть некая часть человека,
Слово «гармония» ты отвергни: оно к музыкантам
Иль с Геликона пришло, или сами они раздобыли
Где-то его, чтоб означить предмет, не имевший названья,
Так иль иначе — оставь его им и дальнейшее слушай.
Я утверждаю, что дух и душа состоят меж собою
В тесной связи и собой образуют единую сущность,

Но составляет главу и над целым господствует телом
Разум, который у нас зовется умом или духом.

- 140 Он в середине груди расположен и там пребывает.
Мечутся здесь и боязнь и ужас, и сладко трепещут
Радости. Вот почему ума здесь обитель и духа.
Часть остальная души, что рассеяна всюду по телу,
Двигается волей ума и его мановенью подвластна.
Сам по себе он один разумеет и самодовлеет,
Даже когда ни души, ни тела ничто не волнует.
И, наподобье того как у нас при болезни страдает
Иль голова, или глаз, но при этом не всем своим телом
Мучимся мы, так и дух, случается, страдает нередко
150 Сам иль ликует порой, когда по суставам и членам
Часть остальная души ничем не тревожится новым.
Если же дух потрясен сильнейшей тревогой, мы видим,
Что и душа целиком то же самое чувствует в теле:
Пот выступает на нем, бледнеет вся кожа, немеет
Оцепенелый язык, заплетается речь, застилает
Мраком глаза, звон в ушах, подкосились колени, и видно
Часто нам, как человек от ужаса падает наземь.
Всякий отсюда легко убедится, что связаны тесно
Дух и душа, и как только она поражается силой
160 Духа, сейчас же сама толкает и бьет она тело.

- Эти же доводы нам говорят, что телесна природа
Духа с душой, раз она и членами движет, и тело
Будит внезапно от сна, и меняет лица выраженье,
И человеком она целиком руководит и правит.
Этого можно достичь не иначе, как осязаньем,
А осязания нет без тела. Не ясно ль отсюда
Нам, что и дух и душа обладают телесной природой?
Также ты видишь и то, что дух одинаково с телом
Чувствует в теле у нас, и все действия их обоюдны.
170 Пусть хоть не насмерть сразит нас копьё, с ужасающей

силой

Жилы и кости пронзив и внутрь глубоко проникнув,
Всё же мы замертво тут опускаемся наземь в томленьи
Сладком, во вдруг на земле возбуждается ум, и порою
На ноги смутное в нас возникает желанье подняться.
Значит, нам должно признать, что духа природа телесна,
Раз от оружия она и ударов телесных страдает.

Дальше теперь, какова в этом духе телесная сущность
И состоит из чего, я тебе объясню по порядку.

Прежде всего, укажу, что дух из тончайших, мельчайших
180 Тел основных состоит. В этом можешь легко убедиться,
Если к тому, что скажу я в дальнейшем, внимателен
будешь.

Нет ничего, что могло б, очевидно, свершаться быстрее,
Чем это делает ум, что свершает намеренья тотчас.
Так что гораздо скорей может двигаться дух, чем любые
Вещи, что видимы нам и доступны для нашего взора.
Но, для того чтобы быть настолько подвижным, он должен
Весь состоять из семян совершенно округлых и мелких,
Чтобы и легкий толчок приводил их сейчас же в движение.
Двигается так и вода и течет от толчков незаметных,

190 Ибо она состоит из катких и малых частичек.
Меда же, наоборот, несравненно устойчивей влага,
Каплет лепивее он и гораздо медлительней льется,
Ибо материи вся совокупность гораздо плотнее
Сцеплена в нем, состоя, несомненно, из менее гладких
Тел основных и совсем не из столь же округлых и тонких.
Так вот и маковых зерен высокую кучу рассеять
До основанья легко и ничтожному веянью ветра,
Но никогда ни камней, ни колосьев, наваленных грудой,
Не разнесет он. Итак, чем тела будут меньше и глаже,
200 Тем и подвижность у них непременно окажется большей.
Те же, напротив, тела, что увесистей будут, а также
Шероховатей, всегда обнаружат и бóльшую стойкость.
Так как теперь установлено мной, что духа природа
Крайне подвижна, то он состоит, несомненно, из самых
Маленьких тел, что должны быть также и гладки и круглы.
Сведенья эти, мой друг, будь уверен, во всех отношеньях
Будут полезны тебе и во многом тебе пригодятся.
Вот что еще тебе даст представленье о сущности этой,
Тонкости ткани ее и ничтожности места, в котором
210 Вся бы вместилась она, если только могла бы сжиматься:
Только лишь смерти покой безмятежный постиг человека,
Только лишь дух и душа, покидая его, удаляются,
Убыли ты никакой не заметишь во всем его теле,—
Видом и весом оно неизменно: всё смерть сохраняет,
Кроме лишь жизненных чувств у него и горячего жара.

Значит, душа сплетена в своем целом составе из очень
Мелких семян, находясь в сухожилнях, жилах и мясе.
Ибо когда она вся уже вышла из целого тела,
То очертанья его остаются, однако, снаружи
220 Те же, и в весе оно не теряет при этом нисколько.
Так, коль букет пропадет у Вакховой влаги, иль если
Вдруг улетучится весь аромат благовонного масла,
Или же как-нибудь вкус из чего-либо весь удалится,
Нам не заметить на глаз уменьшения этих предметов,
Да и по весу они остаются нимало не меньше.
Странного нет ничего, ибо множество семечек мелких
В целом составе вещей образуют и запахи и вкус их.
Так что опять повторю, что и дух и душа по природе
Из исключительно мелких семян состоят несомненно,
230 Ибо они, уходя, ничего не уносят из веса.

Но вместе с тем невозможно считать, что проста их
природа:

Тонкое некое вон дуновенье при смерти исходит
С жаром в смешеньи, а жар за собой увлекает и воздух;
И никакого тепла без примеси воздуха нету,
Ибо, раз сущность тепла отличается редкостью, много
Воздуха первоначал в среде ее двигаться должно.
Значит, нашли мы уже, что тройственна духа природа.
Но для создания чувств всего этого все-таки мало,
Ибо нельзя допустить, что из этого могут возникнуть
240 Чувства движения в нас, а тем более —
мысль пробудиться.

Вследствие этого нам четвертую некую сущность
Надо прибавить еще. Никакого ей нету названья,
Тоньше ее ничего и подвижнее нету в природе,
И элементов ни в чем нет более мелких и гладких;
Первая в членах она возбуждает движения чувства,
Ибо, из мелких фигур состоя, она движется первой;
Следом за нею тепло и ветра незримая сила
Движутся, воздух затем, а затем уж и всё остальное:
Бьется кровь, и внутри повсюду по мясу проходит
250 Чувство, пока, наконец, и до мозга костей не достигнет,—
Будь удовольствие то иль противное жгучее чувство.
Но ни страданью нельзя проникнуть, ни боли вонзиться
Так глубоко без того, чтобы всё не пришло в беспорядок

Так, что и жизни самой не останется места, и части
Врозь разбегутся души, проходя через скважины тела.
Впрочем, обычно предел у поверхности тела поставлен
Этим движеньям, и жизнь удержать мы поэтому можем.

Дальше, стремленью тебе объяснить, каким образом

вместе

- Смешаны между собой эти силы и действуют стройно,
260 Служит препятствием мне наречия нашего скудость;
Но, хоть и в общих чертах, набросать попытаюсь я это.
Первоначала вещей, при движеньи взаимном, друг другу
Перебивают пути таким образом, что невозможно
Их обособить и действие их разграничить пространством,
Но как бы множество сил они в теле одном составляют,
Вроде того, как и в мясе любом у животных найдется
Запах особый и цвет, да и вкус, и, однако, все это
При сочетаньи дает единое целое тело.
Так же и воздух, тепло и ветра незримая мощность,
270 Вместе смешавшись, одно существо порождают, и с ними
Сила подвижная та, что дает им начало движенья,
Коем рождаются в нас впервые движения чувства.
Сила ведь эта, таясь, заключается в самых далеких
Недрах, и в теле у нас ничего не находится глубже,
Так что душою души она, в свою очередь, служит.
В этом же роде и в членах у нас и во всем нашем теле
Силы таятся души и способности духа в смешеньи,
Так как тела, из каких они созданы, малы и редки.
Так же и та у тебя безыменная сила из мелких
280 Тел состоит и, сокрыто таясь, представляет собою
Душу для целой души и над целым господствует телом.
Точно таким же путем непременно и ветер и воздух
Должны в смешеньи с теплом проявлять свои действия

в теле,

- Друг перед другом назад отходя иль вперед выступая
Так, чтоб, однако, из них составлялось единое нечто;
Иначе ветер, тепло или воздуха сила расторгнут
Чувства и, действуя врозь, разделением их уничтожат.
Дух развивает тепло, когда, распалившись гневом,
Вдруг закипит, и глаза засверкают неистойвой страстью.
290 Много и веянья в нем холодного, слутника страха,
Что заставляет дрожать сочлененья и корчиться тело;

Но и спокойное есть состояние воздуха также,
Что умиренной груди и ясному взгляду присуще.
Больше горячности в тех, у кого необуздано сердце
И раздражается ум, легко закипая во гневе.
Прежде всего, это свойственно львам, на насилие падким:
Грудь разрывается их от рыканья и дикого воя,
И не способны они в ней гнева удерживать волны.
Ум же оленей скорей обладает холодностью ветра
300 И возбуждает быстрее студеное веянье в теле,
Из-за чего пробегать начинает по членам их трепет.
Ну, а порода быков оживляется воздухом тихим;
Гневного факела дым, застилающий очи туманом,
Не ослепляет ее, чрезмерным огнем разгораясь,
Не цепенеет она и от стрел леденящего страха,
Посередине стоя между бешеных львов и оленей.
То же и в роде людском: сколь иным ни давала б наука
Равного лоска, она тем не менее в каждом изгладить
Первоначальных следов дарований природных не может.
310 Да и не должно считать, что порок можно с корнем
исторгнуть,
Чтоб не склонялись одни слишком сильно к жестокому
гневу,
Чтобы другие не так волновались страхом, а третьи
Не принимали всего с равнодушием большим, чем надо.
Да и во многом другом непременно есть разница в людях
И по природе и всем из нее вытекающим нравам.
Но не могу я теперь изложить оснований сокрытых
Этих различий и дать названия стольким фигурам
Первоначал, из каких зарождается разница эта.
Вот что, однако же, здесь утверждать, полагаю, возможно:
320 Так незначительны те следы изначальной природы,
Коних не в силах у нас уничтожить рассудок, что можем
Мы беспрепятственно жить богам подобающей жизнью.
Это души естество, таким образом, держится телом,
Но и для тела оно и страж и причина здоровья,
Ибо на общих корнях они держатся цепко друг с другом,
И без гибели их обоюдной нельзя их расторгнуть.
Вроде того как нельзя из комочков смолы благовонной
Было бы запах извлечь без того, чтоб она не пропала,
Так же и душу и дух невозможно из целого тела

- 330 Было б исторгнуть, чтоб всё разложено тогда не
подверглось:
- Переплетаются так их начала со дня зароженья,
Что существуют они, наделенные общею жизнью.
И, очевидно, никак ни тело, ни дух не способны
Чувствовать сами собой, без взаимного действия, порознь,
Но раздувается в нас и внутри разгорается чувство
Из согласованных их и совместных друг с другом движений.
Дальше, само по себе никогда не рождается тело
И не растет, и продлить бытия не способно по смерти,
Ибо не так, как вода сообщенный ей жар испускает
- 340 Часто и всё ж оттого никакого не терпит ущерба,
Но остается вполне невредимой, не так, повторю,
Могут разлуку с душой выносить отделенные члены,
Но погибают они окончательно, все гнивая.
И от рожденья всегда, таким образом, тело с душою
В тесной взаимной связи приучаются к жизни движеньям,
Даже еще находясь в материнской утробе и членах,
Так, что разлука для них невозможна без гибели тяжкой.
Видишь из этого ты, что, поскольку причина здоровья
Их обоюдна, должна обоюдною быть и природа.
- 350 Кроме того, если кто отрицает чувствительность тела
И говорит, что душа в смешеньи с телесным составом
Это движенье дает, что у нас называется чувством,
Тем отвергает он то, что для всех несомненно и явно.
Чем же еще доказать в самом деле чувствительность тела,
Если не тем, что гласит и внушает сама очевидность?
«Но ведь с утратой души пропадает и чувство у тела»,
Да, но теряет оно не свое исключительно свойство,—
Много и кроме того оно, жизни лишаясь, теряет.
- А утверждать, что глаза ничего не способны увидеть,
360 Но что глядит через них наш дух, как в открытые двери,
Трудно: ведь зренье само восстает против этого мненья
И заставляет считать, что зрачками мы видим предметы.
Часто к тому же еще мы не видим блестящих предметов,
Так как препятствует свет светильникам нашего тела.
Так не бывает с дверьми: ведь когда через них мы
взираем,
Створы открытые их никаких затруднений не знают.
Кроме того, коль глаза только двери у нас заменяют,

То с устранением их, очевидно, гораздо бы лучше
Видеть способен был дух, коль самих косяков бы не стало.

370 В этих вопросах смотри не держись ты такого же
взгляда,

Как полагает о том Демокрита священное мненье:

Будто одно за другим расположены первоначала
Тела и духа и так, чередуясь, связуют все члены.

Ведь элементы души, разумеется, мельче гораздо
Тех, из которых у нас составляются тело и мясо,

Да и число их не так велико, и рассеяны реже

В членах они; и тебе остается одно заключение,

Именно: столь же малы расстояния между собою

380 Первоначал у души, сколь малы и тела, что впервые

Прикосновеньем у нас вызывают движения чувства.

Ибо не чувствуем мы иногда ни пылинок, прилипших

К телу, ни мела того, что порой осыпает нам члены;

Также, коль ночью туман или тонкая сеть паутины,

Встретившись, нас обовьют, то мы их на ходу не заметим;

Да и покров паука износившийся, сверху упавший

Прямо на голову нам, и пушинки, и семя летучек,

Вследствие легкости их летящие медленно книзу,

Неощутимы для нас, как и ползанье всяческой твари,

И невозможно никак различить прикосание к телу

390 Каждой ноги комара и следов остальных насекомых.

Многое должно у нас, таким образом, тут возбудиться,

Прежде чем в теле души семена, что вмешаны в членах,

Первоначал потрясенье телесных почувствовать смогут

И, несмотря на свои расстоянья, взаимно столкнуться,

Вместе друг с другом сойдясь, и опять растолкнуться

успеют,

Дух же при этом сильней бытия охраняет устон,
Нежели сила души, и над жизнью господствует больше.

Ибо совсем без ума и без духа не может остаться

Часть никакая души и мгновения времени в членах,

400 Но, уходя ему вслед, разлетается в воздухе тотчас,

В холоде смерти лежать коченелое тело бросая.

Но остаются в живых, в ком ум их и дух удержался,

Даже когда у них все изувечены руки и ноги:

Словно колода они, без души, удаленной из членов,

Всё-таки живы еще и вдыхают живительный воздух,

Если души человек лишен не всецело, но большей
 Части ее, то и тут за жизнь он цепляется крепко.
 Так, если око кругом изранено, но невредимым
 Будет зрачок, то живой не лишается зрение силы,
 410 Если глазного совсем не испортишь ты яблока только
 И не обрежешь его, одинокой оставив зеницу:
 Этого сделать нельзя без гибели их обоюдной.
 Если ж разрушишь ее, эту среднюю глаза частичку,
 Сразу закатится свет и сейчас же наступят потемки,
 Хоть бы во всем остальном и сияло яблоко целым.
 Вот как и дух и душа договором связуются вечным.
 Чтобы теперь ты постиг, что как дух, так и легкие души
 Всяких созданий живых и рождаются и умирают,
 Все изысканья свои — плоды моей сладкой работы —
 420 Здесь пред тобою в стихах я, достойных тебя, излагаю.
 Ты ж, под названьем одним понимая и то и другое,
 Знай, что когда, например, говорю о душе я и смертность
 Я доказую ее, то и дух вместе с ней разумею,
 Ибо и дух и душа составляют единую сущность.
 Прежде всего, состоит эта тонкая сущность из мелких
 Тел, как сказал я уже, и начала ее несравненно
 Меньше, чем те, из каких образуется жидкая влага,
 Или туман, или дым, потому что она превосходит
 Живостью их далеко, и малейший толчок ее движет,
 430 Ибо и призрак тумана иль дыма ее уже движет.
 Так в усыплении сна нам может представиться, будто
 Жар высоко алтари выдыхают и дымом курятся;
 Носятся призраки лишь, без сомнения, тут перед нами.
 Так что, коль видишь теперь, что течет из разбитых
сосудов
 Влага и жидкой струей отовсюду из трещин выходит,
 Если туман или дым точно так же уносятся в воздух,
 Верь, что расходится так и душа и, быстрее гораздо
 Вновь разлагаясь в тела изначальные, гибнет скорее,
 Только лишь члены она человека, покинув, оставит.
 440 Ибо, коль тело, что ей как будто бы служит сосудом,
 Душу не может уже, потрясенное, сдерживать больше,
 Ежели кровь из него утекла и оно разредилось,
 Как допустить, что ее в состоянии сдерживать воздух?
 Реже, чем тело, ведь он и не в силах удерживать душу!

Дальше, мы видим, что ум одновременно с телом
родится

И одновременно с ним и растет, и стареет с ним вместе.

Ибо, подобно тому, как дети неровной и зыбкой
Ходят походкой, так дух с его мыслью у них еще слабы.

450 Позже, как, в возраст придя, возмужают они и окрепнут,
Больше рассудка у них, и растет их духовная сила.

После ж, когда уже всё расшаталось от старости тело

И одряхтели от лет всеильных разбитые члены,

Разум хромее, язык заплетается, ум убывает;

Всё пропадает тогда и всё одновременно гибнет.

Следственно, должно совсем и душе, наконец, разлагаться

И, распускаясь, как дым, уноситься в воздушные выси,

Так как, мы видим, она, одновременно, как указал я,

С телом рождаясь, растет и под бременем старости никнет.

Надо добавить еще, что, подобно тому, как и тело

460 Тягостно мучат недуг и жестокие боли порою,

Так же подвержен и дух и заботам, и горю, и страху,

А потому надлежит ему также причастным быть смерти.

Мало того: коль болезнь поражает нам тело, то часто

Дух начинает блуждать и высказывать вздорные мысли;

А иногда погружается он летаргией глубокой

В сон непробудный; тогда и глаза понижают, и шея;

Тут уж не слышит больной голосов, и не в силах он больше

Близких узнать, что его, окружая, стараются к жизни

Снова вернуть и лицо орошают и щеки слезами.

470 Стало быть, надо признать, что и дух разлагается также,

Если глубоко в него проникает зараза недуга.

Ибо и боль и недуг — одинаково зодчие смерти,

Как убедиться могли на погибели многих мы раньше.

И, наконец, почему, когда внутрь человека проникнет

Едкая крепость вина и огонь разольется по жилам,

Все тяжелеет у нас, заплетаются ноги, коснеет

Тело, шатаясь, язык цепенеет, и ум затуманен,

480 Мутны глаза, поднимаются крик, икота и ссоры,

Да и дальнейшее все, что при этом бывает обычно?

Не потому ль это так получается всё постоянно,

Что даже в теле душа возмущается крепостью винной?

То же, что может прийти в возмущенье и быть пораженным,

Явно, конечно, должно, при внедрении несколько большей

Силы, погибнуть вконец, продолжения жизни лишившись,
Мало того: человек, пораженный внезапным припадком,
Часто у нас на глазах, как от молнии удара, на землю
Падают с пеной у рта и, дрожа всеми членами, стонет;
490 Нет сознания в нем, сведены его мускулы корчей,
Дышит прерывисто он и разбитый лежит, обессилен.
Всё это нам говорит, что душа, расторгаясь в суставах
Силой болезни, кипит и пенится, как на соленом
Море бушуют валы под напором неистовым ветра.
Стон вырывается тут, потому что стесняются болью
Члены, и так как всегда семена извергаются крика,
Идя наружу, из уст, и, склудившись вместе, пусется
Торной дорогой, какой выходить постоянно привыкли.
А помраченье ума происходит, когда возмутятся
500 Дух и душа и, как я указал, разделяясь на части,
Врозь раздробятся они и расторгнутся этим же ядом.
После ж, как вспять повернет источник болезни и в недра
Едкая влага назад, отравившая тело, вернется,
Как в опьяненьи, больной поднимается, мало-помалу
В чувство приходит опять, и душа его вновь оживает.
Если ж и душу и дух потрясают такие болезни
В теле самом и такой их ужасный недуг расторгает,
Как же ты можешь считать, что без тела, на воздухе,
вольном,
С буйными ветрами жизнь продолжать они были бы в силах?
510 Если ж мы видим, что ум точно так же, как тело больное,
Можно лечить и что он врачеванью вполне поддается,
Это нам тоже дает указанье, что жизнь его смертна.
Должен ведь что-то придать, или по-новому части
расставить,
Или от целого взять хотя бы ничтожную долю
Всякий, кто вздумал бы дух изменять и к тому приступил бы,
Или еще что-нибудь переделывать стал бы стремиться.
Но не потерпит ничто, одаренное жизнью бессмертной,
Ни прибавленья частей, ни смещения их, ни утечки.
520 Ведь, коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было
раньше,
Значит, болеет ли дух, поддается ль порой врачеванью,—
Признаки смертности он, как уж я указал, проявляет.

Так, очевидно, всегда восстает против ложных учений
Правда и выхода им никуда не дает никакого,
С той и с другой стороны возражением ложь обличая.

И, наконец, человек на глазах у нас часто отходит
Мало-помалу и жизненных чувств он лишается вовсе;
Прежде всего, на ногах его пальцы и ногти синеют,
Там отмирают ступни и голени, следом за ними
530 Смерти холодной следы проникают и дальше в суставы.
Так как при этом душа распадается дальше, не сразу
Вся целиком исходя, то должно считать ее смертной.
Если же думаешь ты, что сама она может в суставах
Сжаться внутри и свои все части сплотить воедино,
В теле все члены лишив таким образом всякого чувства,
Должно, однако, тогда то место, куда накопилось
Столько души, обладать и чувством значительно бóльшим.
Нет нигде таких мест, и душа, как уж мы говорили.
В клячья растерзана, вся разлетается, следственно — гибнет.
Мало того: если я уступлю даже ложному мнению
540 И допущу, что душа в состоянии в теле склудиться
У покидающих свет, умирающих мало-помалу,
Всё-таки смертность души признать непременно придется,
И безразлично для нас: погибает душа, разлетаясь
В воздухе, или, стянув свои части, она цепенеет,
Ежели весь человек всё больше и больше теряет
Чувства, и жизни ему остается всё меньше и меньше.

Кроме того, если ум есть часть человека, в котором
Место известное он занимает, как глаз или ухо,
550 Или любое из чувств, управляющих жизни движеньем,
И, наподобье того, как рука, или глаз, или ноздри
Чувствовать так же, как жить без нас, неспособны отдельно,
Но загнивают всегда, разрушаясь в короткое время,
Так самобытно и дух, вне тела и вне человека,
Быть не способен; оно ему служит как будто сосудом
Или еще чем-нибудь, коль найдешь единение ближе,
Ибо теснейшая связь существует меж духом и телом.

И, наконец, у живых способностей тела и духа
Силы бывают и жизнь, лишь когда они связаны вместе.
560 Сам по себе ведь ни дух самобытно без тела не может
Жизни движений создать, ни бездушное тело не в силах
Ни бытия продолжать, ни остаться владеющим чувством.

И, наподобье того, как, вырванный с корнем, вне тела
Не в состоянии глаз различать никакого предмета,
Так самобытно ни дух, ни душа ни на что не способны.
Да и понятно: они в смешеньи по жилам и мясу,
По сухожильям, костям — во всем заключаются теле;
Первоначалам у них невозможно свободно отпрянуть
На промежуток большой; из-за этого, будучи сперты,
570 Чувств движенья они вызывают, а если их в воздух
Выкинет смерть, то уже они вызвать их будут не в силах,
Ибо в подобной связи они больше не будут держаться.
Телом ведь станет тогда и живым существом будет воздух,
Коль удержаться душе в нем возможно и все те движенья
В нем заключить, что вела она в мышцах и в теле пред
этим.

Должен еще и еще таким образом ты убедиться,
Что, с разложением всей оболочки телесной, с исходом
Жизни дыханья, должны рассеяться чувства у духа
Вместе с душой, раз одна связует их вместе причина.

580 И, наконец, если тело с душой не выносит разрыва
И загнивает всегда, издавая ужаснейший запах,
Что ж сомневаешься ты, что, из самых глубин
устремляясь,

Вон истекает душа и расходится, дыму подобно,
Тело же из-за того, изменяясь гниеньем, так тяжело
Рушится, что до основ все устои его расшатались,
После того как душа, ускользя наружу, по членам
И закоулкам и всем находящимся в теле отверстиям
Вытекла? Всячески ты в состоянии теперь убедиться
В том, что души естество разделенным выходит по членам

590 И, еще в теле самом находясь, расторгается прежде,
Чем, выходя из него, выплывает в воздушные токи.
Мало того, находясь еще в жизни пределах, нередко,
Видимо, всё-таки вон, по какой-то причине колеблясь,
Выйти готова душа и от тела совсем отрешиться;
И выраженье лица, как пред смертью, становится томным,
И без движенья лежит ослабелым бескровное тело.
Это бывает, когда говорится, что «дух захватило»
Или «душа замерла», когда все уж кругом суетятся,
С жизнью последнюю связь удержать в человеке стараясь;

600 Тут ведь и ум потрясен, и душевные силы, в расстройстве

Полном, готовы уже вместе с телом самим развалиться,
Так, что удар посильней окончательно их бы разрушил.
Что ж? сомневаешься ты и теперь, что с изгнанием из тела,
Без оболочки своей и без сил, на открытом просторе
Не в состоянии душа не только прожить вековечно,
Но и на миг лишь один удержаться никак не способна?
И ни один человек, умирая, не чувствует, видно,
Чтобы душа целиком исходила из целого тела

Иль чтоб сначала в гортань проходила она через горло;
610 Нет, убывает она на своем, ей назначенном месте,
Так же как чувства всегда на местах своего положенья
Гибнут. А если бы ум бессмертным у нас оказался,
То не сердился бы он на погибель свою, умирая,
Но, наподобье змеи, вылезал бы наружу из кожи.

Не оттого ль, наконец, и наш ум и сознание духа
Ни в голове, ни в ногах, ни в руках не рождаются, а только
В области точной у всех и в едином содержатся месте,
Что для отдельных вещей отведен и особый участок,
Где и рождаются они и где могут потом развиваться,
620 Располагаясь притом в таком многосложном порядке
Членов, который у них никогда не бывает превратен?
И, таким образом, всё идет по порядку: ни пламя
Не возникает в воде, ни холод в огне не рождается.

Кроме того, коль душа, обладая бессмертной природой,
Чувства способна иметь, отделившись от нашего тела,
Всеми пятью наделить ее чувствами надо, пожалуй,
Ибо никоим путем мы иначе себе и представить
Не в состоянии душ, что блуждают в глуби Ахеронта.
Именно так в старину и писатели и живописцы
630 Изображали их нам наделенными чувствами всеми.
Но ведь ни глаз, ни ноздрей, ни руки у души не бывает,
Ни языка, ни ушей, раз она отделилась от тела;
Значит, ни чувства, ни жизнь без тела для душ
невозможны.

Если же в теле везде ощущение жизни разлито,
Одушевляя его, как мы видим, во всем его целом,
То, коль в средину удар, нанесенный внезапною силой,
Сразу его поразит, и оно пополам расщепится,
Ясно, что сила души, расчлененная тем же ударом,
Врозь разлетится тогда, одновременно с телом распавшись,

640 То же, что может, дробясь, разделяться на разные части,
Не позволяет признать за собою бессмертной природы,
Так, говорят, лезвия колесниц серпоносных нередко
Столь неожиданно рвут тела в беспорядочной бойне,
Что на земле увидеть отсеченные руки и ноги
Можно в то время, как ум и сознание людей не способны
Боли еще оцутить, причиненной стремительной раной;
Ибо весь ум у людей всецело захвачен сраженьем,
И на резню и на бой они рвутся с остатками тела,
Часто не видя, что нет уже левой руки, и волочат
650 Кони ее со щитом средь колес и серпов беспощадных;
Не замечает один, что без правой он на стену лезет,
На ногу хочет другой опереться, которой уж нету,
А шевелит на земле она пальцами в корчах предсмертных;
И голова, отлетев от живого и теплого тела,
Жизнь сохраняет в лице и во взоре, широко открытом,
Вплоть до того, как души не исчезнет последний остаток.
Мало того: коль змею с ее жалом мелькающим, грозно
Кверху подъятым хвостом и растянутым телом на части
Ты бы железом рассек, то увидел тогда бы, как порознь
660 Каждый кусок по земле, отрезанный только что,
В корчах
Бьется и почву кругом заливают отравленной кровью;
Как голова ее хвост укусить устремляется пастью,
Чтоб утолить свою боль, причиненную жгучею раной.
Что же, придется признать у каждой из этих частичек
Целую душу? Но тут воспоследует вывод, что в теле
У одного существа заключались многие души.
Значит, распалась душа, что единой была, вместе с телом,
И потому надо счесть, что смертна она, как и тело,
Ибо на много частей они могут равно рассекаться.
670 Кроме того, коль душа обладает бессмертной природой
И поселяется в нас, при рождении в тело внедряясь,
То почему же тогда мы не помним о жизни прошедшей,
Не сохраняем следов совершившихся раньше событий?
Ибо, коль духа могла измениться столь сильно способность,
Что совершенно о всем миновавшем утратил он память,
Это, как думаю я, отличается мало от смерти.
И потому мы должны убедиться, что бывшие души
Сгибли, а та, что теперь существует, теперь и родилась.

Кроме того, коль уже в совершенно готовое тело
680 К нам бы вселялись всегда способности духа живые,
С нашим рождением на свет и вступлением на́ берег жизни,
То не могла бы душа в совокупности с членами тела,
В самой крови находясь, развиваться всё дальше,

как видно,

Но как бы в клетке тогда самобытно жила одиноко,
Тело же всё-таки быть продолжало б исполненным чувства,
А потому, повторю, невозможно считать, что рожденья
Души не знают совсем и свободны от смерти законов.
Ибо представить нельзя, что так крепко влетались бы

души

В наши тела, коли в них извне бы они проникали,
690 И очевидность гласит, что бывает совсем по-другому:
Ибо связуется так с сухожильями, жилами, мясом,
Да и с костями душа, что зубам даже свойственно чувство,
Как указывает на то их боль от воды ли холодной
Иль от песчинки, на зуб при жеваньи попавшей из хлеба.
Если ж в сплетеньи таком находятся души с телами,
То и распутаться им невреждимо и выйти свободно,
Видно, нельзя изо всех сухожилий, костей и суставов.
Если ж подумаешь ты, что, извне проникая нам в тело,
Обыкновенно душа растекается всюду по членам,

700 То тем скорее она, растворенная в теле, исчезнет.
Ведь разрушается всё, растекаясь, а следовательно — гибнет,
Ибо душа, расчлняясь, по скважинам тела проходит.
Как наша пища, везде расходясь по суставам и членам,
По разложению своем образует иную природу,
Так же и дух и душа, сколь бы целыми в новое тело
Ни проходили, должны они там распускаться, в то время
Как через скважины все проникают в суставы частицы,
Производящие ту наличную духа природу,

Что управляет теперь нашим телом, рожденная раньше
710 Тою душой, что уже, разойдясь по суставам, погибла.
А потому ни рождения дня, очевидно, не может
Быть лишенной душа по природе своей, ни кончины.

Кроме того, семена остаются ль души в бездыханном
Теле иль нет? Коли там пребывают они, оставаясь,
То мы не вправе тогда почитать за бессмертную душу,
Раз при уходе своем она терпит какую-то убыль,

Если ж бежит она вон, целиком сохраняясь и в теле
Вовсе частей никаких от себя не оставив, — откуда,
Гнить начиная, червей испускают смердящие трупы?

720 Да и откуда же тут такую несметную кучей
В теле распушем кишеть бескостным, бескровным
созданиям?

Если же думаешь ты, что, извне проникая, способны
Души внедряться в червей, по отдельности в каждое тело,
И не размыслил о том, почему же собираются вместе
Души несметные там, откуда одна удалилась,
Вот что тебе обсудить и обдумать, однако, придется:

Надо ль признать, наконец, что охотятся души
за каждым

Семенем этих червей, для себя обиталища строя,
Или внедряются к ним в совершенно готовое тело?

730 Но для чего же им так поступать и зачем утруждаться
Этим, сказать мудрено: раз они улетели из тела,
Их не тревожат уже ни болезни, ни голод, ни холод;
Тело ведь больше всего ото всех этих недугов страдает,
И подвергается дух в сочетаньи с ним множеству
бедствий.

Но, даже если для душ и полезно создание тела,
Чтобы вселиться в него, то не видно, как сделать им это.
Стало быть, членов и тел никогда себе души не строят.

Но и внедриться душе в совершенно готовое тело
Также нельзя, ибо с ним невозможно ей будет связаться,

740 И в сочетаньи таком не проявится общего чувства.

Не оттого ль, наконец, присуща свирепая лютость
Львиной семье, и лисе — коварство, а прыткость оленям
Передана от отцов, и в отцовском дрожат они страхе,
Не оттого ли и все остальные подобные свойства
Всем врождены и живут от младенчества в теле и в нраве,
Что возрастает во всех семенах и семействах отдельных
С телом совместно и дух, одинаково с ним развиваясь?

Если ж была бы душа бессмертна и вечно меняла б
Тело на тело, то нрав у животных тогда бы мешался:

750 Часто бежали бы прочь, нападенья пугаясь рогатых
Ланей, гирканские псы, трепетал бы в воздушных высотах
Сокол парящий и вдаль улетал бы, завидя голубку,
Ум оставлял бы людей, разумели бы дикие зверя.

Ибо, когда говорят, что бессмертна душа, но меняться
Может, сменяя тела, то такое суждение ложно.
Ведь разрушается всё, что меняется, следственно —

гибнет,

Части ж души и смещаются тут и выходят из строя,
А потому разрушаться должны они также во членах
И, наконец, погибать целиком одновременно с телом.

- 760 Если же скажут, что души людей возвращаются вечно
Снова в людские тела, почему же, спрошу я, из умных
Можно им глупыми стать, почему неразумны младенцы
И жеребенок не так попятлив, как взрослые кони?
«Да потому,— говорят,— что становится в немощном теле
Немощен ум». Но тогда ты обязан признать непременно
Смертность души, раз она изменяется в теле так сильно,
Что совершенно и жизнь и начальное чувство теряет,
Да и каким же путем одинаково с телом возможно
770 Было б, окрепнув, достичь желанного жизни расцвета
Силе духовной, не быв от рождения связанной с телом?
Что ж она вырваться вон из дряхлеющих членов

стремится?

Иль она в теле гнилом опасается быть заключенной
И погребенною быть под обломками храмины ветхой
При разрушении ее? Но опасностей нет для бессмертных!

И не смешно ль, наконец, что стоят при соитях
любовных

И при рождении зверей в нетерпении души на страже:
Смертного тела они, бессмертные, ждут не дождутся
В неисчислимом числе и, бросаясь стремительно, рвутся
780 Первое место занять и скорее других водвориться?
Или, быть может, у них установлены точно законы,
Что прилетевшая первой душа и внедряется первой,
И никаких состязаний и распрей у них не бывает?

И, наконец, ни деревьев в эфире не может, ни в море
Быть никогда облаков, ни рыб водиться на пашнях;
И не бывает ни крови в дровах, ни сока в камнях:
Точно назначено, где чему быть и где развиваться.
Так же и духа природа не может без тела возникнуть
И пребывать самобытно, отдельно от мышц и от крови.

- 790 Если же это и было б возможно, гораздо скорее
Сила бы духа сама в голове, иль в плечах, или в пятках

Быть бы могла и в любой из частей зародиться, но всё бы
В том же она человеке и в том же сосуде осталась,
Если же в теле у нас, очевидно, назначено точно
Место особое, где существуют и могут развиваться
Дух и душа, то тем больше должны мы всецело

отвергнуть,

Что они могут одни, вне тела, и быть и рождаться.

Вот почему неизбежно признать, что с кончиною тела,

Всюду расторжена в нем, и душа одновременно гибнет.

800 Вечное ведь сочетать со смертным и думать, что вместе

Чувствовать могут они и что действия их обоюдны,—

Это безумье и вздор. Что представить себе мы раздельней

Можем и что меж собой различней и более розно,

Если не смертное всё по сравненью с бессмертным

и вечным,

При сочетаньи в одно для отпора неистовым бурям?

Кроме того, всё то, что вечным должно оставаться,

Или, по плотности тела, должно, отражая удары,

Не допускать, чтобы что-нибудь внутрь проникало и связи

Тесные разъединяло частей,— таковая природа

810 Есть у материи тел, на что я указывал раньше;

Или же может оно потому сохраняться вовеки,

Что не подвержено вовсе толчкам — пустоты это свойство:

Неосязаема вовсе она и ударов не терпит;

Или еще потому, что кругом нет места, куда бы

Всё это будто бы врозь могло разойтись и растаять:

Вечное всё таково мироздание в целом, и места

Вне его нет, чтобы врозь разлететься, и тел нет, какие

Пасть на него бы могли и толчком его мощным разрушить,

Если же душу скорей почитать за бессмертную должно,

820 Как под защитою стен, образуемых силами жизни,

Иль потому, что она никаким недоступна недугам,

Иль, как каким-то путем отражаются все нападенья,

Раньше чем нам ощутить удается всю их вредоносность,

823 а То это к нашей душе не имеет совсем отношенья.

Кроме того, что душа и телесным подвержена болям,

Часто случается так, что она от предчувствий страдает.

Места от страха себе не находит, заботой томится,

И за проступки ее угрызения совести гложут,

866 Ясно, что нам ничего не может быть страшного в смерти,
Что невозможно тому, кого нет, оказаться несчастным,
Что для него всё равно, хоть совсем бы на свет не родиться,
Ежели смертная жизнь отнимается смертью бессмертной.

870 А потому, если кто при тебе сокрушается горько
И негодует на то, что сгниет его тело в могиле,
Или же пламя его иль звериная пасть уничтожит,
Ясно, что он говорит не искренне, что уязвляет
Сердце его затаенная мысль, вопреки уверениям
Собственным, что никаких ощущений со смертью не будет;
Не соблюдает, по мне, он своих убеждений заветных,
С корнем из жизни себя извлечь не желая и вырвать,
Но бессознательно мнит, что не весь он по смерти
погибнет,

Ибо тому, кто живой представляет себе, что по смерти
880 Тело терзают его и птицы и дикие звери,
Жалко себя самого; он себя отделить не способен
И отрешиться вполне от простертого трупа: себя он
Видит лежащим пред ним и свои придает ему чувства.
В негодовании он на то, что смертным родился,
Не сознавая того, что при истинной смерти не может
Быть никого, кто бы мог, как живой, свою гибель оплакать,
Видя себя самого терзаемым или сожженным.
Ибо, коль горестно быть после смерти раздробленным
пастью

890 Диких зверей, почему не ужасно — понять не могу я —
В пламени жарком гореть, на костре погребальном
пылая,

Или положенным в мед задохнуться и мерзнуть от стужи,
Ежели труп распростерт на холодных камнях гробницы
Или могильной землей засыпан и тяжело раздавлен.

«Нет, никогда ни твой радостный дом, ни жена дорогая
Больше не примут тебя, не сбегутся и милые дети
Наперерыв целовать и наполнить отрадою сердце.
Не в состоянии ты уже больше способствовать благу
И процветанию родных. Погубил, о несчастный! —

взывают —

Этот единственный день злополучный все радости жизни!»
900 Но не прибавит никто: «Но зато у тебя не осталось

Больше тоски никакой, ни стремленья ко всем этим
благам».

Если же мысли у них и слова бы их были разумны,
Стал бы свободен их ум от великой заботы и страха.
«Ты ведь, как был, так и впредь в усыпленьи останешься

смертном
Все остальные века без забот и без тягостной скорби,
Мы же пред жутким костром, где твой труп обращается
в пепел,

Мы безутешно тебя оплакали; вечной печали
Нам никогда не унять и не вырвать из скорбного сердца».

Надо спросить у того, кто так рассуждает: «Да что же
910 Горького тут, — коли всё возвращается к сну и покою, —
Чтобы всегда изнывать и томиться в тоске безысходной?»

Люди нередко еще, возлежа на пиру и подъемля
Кубки и лица себе осенивши венком, начинают
Так от души восклицать: «Коротко наслажденье людишек:
Было — и нету его, и никак не вернуть его снова».

Точно по смерти для них нет большего зла и несчастья,
Чем непрерывно страдать иссушающей жгучею жаждой
Иль угнетенному быть неуёмным иным вожделеньем.

Но ведь никто о себе и о жизни своей не жалеет,
920 Если и тело и ум погружаются в сон безмятежный,
Ибо охотно идем мы на то, чтобы сон этот вечно
Длился, и мы никогда о себе не тоскуем при этом.

И тем не менее тут во всем нашем теле и членах
Первоначала всегда сохраняют движения чувства,
Раз, пробудившись от сна, человек ободряется снова.
Смерть, таким образом, нас еще меньше касается, если
Можно быть меньше того, что ничто представляет собою,
Ибо материя тут в беспорядок сильнейший приходит
И расторгается в нас со смертью: никто не проснется,

930 Только лишь хладный конец положит предел нашей
жизни.

Если же тут, наконец, сама начала бы природа
Вдруг говорить и средь нас кого-нибудь так упрекнула:
«Что тебя, смертный, гнетет и тревожит безмерно печалью
Горькою? Что изнываешь и плачешь при мысли о смерти?
Ведь коль минувшая жизнь пошла тебе впрок перед этим
И не напрасно прошли и исчезли все ее блага,

Будто в пробитый сосуд налитые, утекши бесследно,
Что ж не уходишь, как гость, пресыщенный пиршеством

жизни,

И не вкушаешь, глупец, равнодушно покой безмятежный?

940 Если же всё достоянье твое растеклось и погибло,

В тягость вся жизнь тебе стала,— к чему же ты ищешь

прибавки,

Раз она так же опять пропадет и задаром исчезнет,

А не положишь конца этой жизни и всем ее мукам?

Нет у меня ничего, что тебе смастерить и придумать

Я бы в утеху могла: остается извечно всё то же;

Даже копь тело твое одряхлеть не успело и члены

Не ослабели от лет,— всё равно, остается всё то же,

Если тебе пережить суждено поколенья людские

Иль, если, лучше сказать, даже вовсе избежнешь ты смерти».

950 Что же мы скажем в ответ, как не то, что природа

законный

Иск предъявляет, вставая в защиту правого дела?

Если ж печалится так человек пожилой или старый

И о кончине своей сокрушается больше, чем должно,

То не вправе ль она еще более резко прикрикнуть:

«Прочь со слезами, брехун, уйми свои жалобы тотчас!

Жизни все блага познав, стариком ты сделался дряхлым!

Пренебрегая наличным, о том, чего нет, ты мечтаешь:

Вот и прошла, ускользнув, твоя жизнь и без прока погибла,

И неожиданно смерть подошла к твоему изголовью,

960 Раньше, чем мог бы уйти ты из жизни, довольный

и сытый,

Но, тем не менее, брось всё то, что годам твоим чуждо,

И равнодушно отдай свое место потомкам: так надо».

Думаю, так укорять и бранить нас вправе природа,

Ибо отжившее всё вытесняется новым, и вещи

Восстанавливаются вновь одни из других непременно.

И не уходит никто в преисподней мрачную бездну,

Ибо запас вещества поколениям нужен грядущим,

Но и они за тобой последуют, жизнь завершивши;

И потому-то, как ты, они сгинули раньше и сгинут.

970 Так возникает всегда неизменно одно из другого.

В собственности жизнь никому не дается, а только на время,

Ты посмотри: как мало для нас значенья имела

Вечного времени часть, что прошла перед нашим
рождением,

Это грядущих времен нам зеркало ставит природа
Для созерцанья того, что наступит по нашей ковчине:
Разве там что-нибудь ужас наводит иль мрачное что-то
Видится там, а не то, что всякого сна безмятежней?

Всё, что, согласно молве, в глубине Ахеронта сокрыто,
Всё, очевидно, у нас в самой жизни находится здешней,
980 Тантала нет, что боится висящего в воздухе камня,
Как говорят, цепenea, несчастный, от страха пустого;
В жизни скорее гнетет напрасный страх пред богами
Смертных, и каждый судьбы и случайностей рока
трепещет.

И не когтят в Ахеронте лежащего Тития птицы,
Да и не могут они несомненно в груди его мощной
Вечно себе находить предмет для терзаний бессменных,
Как ни громадны его распростертого тела размеры;
Хоть бы распластан он был не на девять югеров только,
А занимали бы всю поверхность земли его члены,
990 Всё-таки он бы не смог ни мучений вытерпеть вечных,
Ни доставлять непрерывно им пищи собственным телом.
Титий у нас — это тот, кто лежит, пораженный любовью;
Птицы терзают его — то мучительно гложет тревога,
Или же рвут на куски иные заботы и страсти.
Также у нас и Сизиф пред глазами находится в жизни:
Кто от народа секир жестоких и ликторских связок
Жадно ждет, но всегда пораженный и мрачный уходит;
Ибо стремиться ко власти, что тщетно всегда и ничтожно,
Тягостный труд вынося при этом еще постоянно,
1000 Это всё то же, что в гору толкать с напряженным
усильем

Камень, который, уже достигнув самой вершины,
Всё-таки катится вниз и опять на равнину несется.
Далее, вечно питать ненасытную духа природу,
Не в состояньи ее удовлетворить благами теми,
Что доставляют для нас времен годовых перемены,
В круговороте своем принося и плоды и утехи
Всякие (мы ж никогда не довольны жизни дарами), —
Это, по-моему, то же, что нам говорят о цветущих
Девах, которые воду в пробитый сосуд наливают,

1010 Он же никак до краев наполниться влагой не может.
Что же до Кербера, Фурий, а также лишнего света
Тартара, что изрыгает из пасти ужасное пламя,—
Этого нет нигде, да и быть безусловно не может.
Страх наказаний зато существует при жизни за наши
Злые дела по заслугам и кара за нашу преступность:
Тюрьмы, свержение вниз со скалы жестокое, плети,
Факелы, пытки, смола, палачи, раскаленные прутья.
Ежели даже их нет налицо, то сознание проступков
Всё-таки мучит людей и стрекалами жалит боязни;
1020 Нет у них и надежд, что конец этим бедам наступит
Иль хоть какой-то предел наказаниям будет положен:
Ждут и боятся они ухудшения их после смерти.
Так и становится жизнь у глупцов, наконец, Ахеронтом.
Вот что еще ты себе говори иногда в наизданье:
«Собственных света очей даже Анк достославный лишился,
Ну, а насколько же был он лучше тебя, нечестивца;
Много затем и других, и царей и владык многомогущих,
Цельми правивших властно народами, тоже погигло;
Даже и тот, кто когда-то по волнам великого моря
1030 Путь проложил и открыл легионам дорогу по глубин,
Кто научил их пешком проходить по соленым
пространствам,
Дерзко скакал на конях по пучинам рокошущим понта,
Света лишился и дух из смертного выпустил тела.
И Сципион, эта молния войн и гроза Карфагена,
Отдал кости земле, как самый последний прислужник.
Вспомни создателей ты и наук и художеств изящных,
Вспомни спутников Муз геликонских, Гомера, который
Скиптром один овладел, но почил, как и прочие люди.
И, наконец, Демокрит, когда уже зрелая старость
1040 Предупредила его о слабеющей силе рассудка,
Сам добровольно понес свою голову смерти навстречу.
Сам Эпикур отошел по свершении поприща жизни,
Он, превзошедший людей дарованьем своим и затмивший
Всех, как и звезды, всходя, затмевает эфирное солнце.
Что ж сомневаешься тут и на смерть негодуешь свою ты,
Чья и живого вся жизнь и зрячего смерти подобна,
Раз ты проводишь во сне ее большую долю бесцельно,
Если, и бодрствуя, ты храпишь и живешь в сновиденьях,

Ужасом вздорным всегда возмущая свой ум беспокойный,
1050 Часто не в силах понять, что тебя угнетает, когда ты,
Жалкий, страдаешь, бедняк, опьяненный заботами вечно
И в помраченьи ума волнуешься ты понапрасну?»

Если бы люди могли настолько же, как они, видно,
Чувствуют бремя, их дух давящее гнетом тяжелым,
Также сознать и причины его, и откуда такал,
Камнем гнетущая грудь, появилась страданий громада,
Жизни бы так не вели, как обычно ведут ее нынче,
Не сознавая, чего они сами хотят, постоянно
К мест перемене стремясь, чтоб избавиться этим

от гнета.

1060 Часто палаты свои покидает, кому опостылел
Собственный дом, но туда возвращается снова внезапно,
Не находя вне его никакого себе облегченья;
Вот он своих рысаков сломя голову гонит в именье,
Точно спешит на пожар для спасенья горящего дома,
Но начинает зевать, и порога еще не коснувшись;
Иль погружается в сон тяжелый, забыться желая,
Или же в город спешит поскорее опять возвратиться.
Так-то вот каждый бежит от себя и, понятно, не может
Прочь убежать; поневоле с собой остается в досаде,
1070 Ибо причины своей болезни недужный не знает.

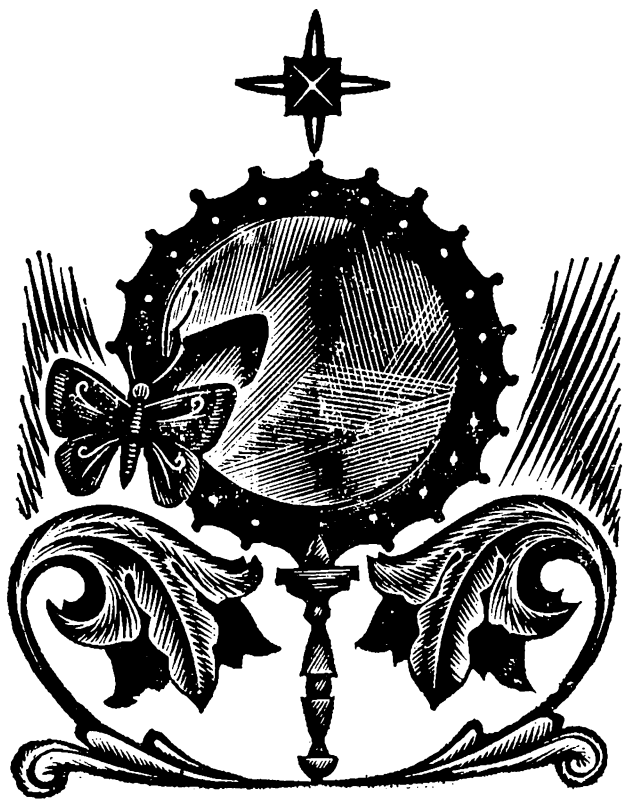
А понимай он ее, он бы, всё остальное оставив,
Прежде всего природу вещей постарался постигнуть.
Дело ведь здесь не идет о каком-нибудь часе едином,
А состояньи, в каком неизбежно все смертные люди
Должны по смерти своей во веки веков оставаться.
Что ж, наконец, за несчастная страсть и привязанность

к жизни

Нас заставляет всегда трепетать в постоянной тревоге?
Определенный предел установлен для века людского,
И ожидает нас всех неизбежная встреча со смертью.
1080 Кроме того, обращаясь всегда в окружении том же,
Новых добиться утех нельзя продолжением жизни:
То, чего у нас нет, представляется нам вожделенным,
Но, достигая его, вожделенно мы ищем другого,
И неуёмной всегда томимся мы жаждою жизни.
Нам неизвестно, какой нам выпадет жребий в грядущем,
Что нам готовит судьба и какой нас конец ожидает.

На волос даже нельзя продлением жизни уменьшить
Длительность смерти никак и добиться ее сокращения,
Чтобы поменьше могли мы пробыть в состоянии смерти.
1090 Сколько угодно прожить поколений поэтому можешь,
Всё-таки вечная смерть непременно тебя ожидает.
В небытии пребывать суждено одинаково долго
Тем, кто конец положил своей жизни сегодня, и также
Тем, кто скончался уже на месяцы раньше и годы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

По бездорожным полям Пиэрид я иду, по которым
Раньше ничья не ступала нога. Мне отрадно устами
К свежим припасть родникам, и отрадно чело мне украсить
Чудным венком из цветов, доселе неведомых, коим
Прежде меня никому не венчали голову Музы.
Ибо, во-первых, учу я великому знанью, стараясь
Дух человека извлечь из тесных тенет суеверий,
А во-вторых, излагаю туманный предмет совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием всюду.

¹⁰ Это, как видишь ты, смысл, несомненно, имеет разумный:
Если ребенку врачи противной вкусом полыни
Выпить дадут, то всегда предварительно сладкою влагой
Желтого меда кругом они мажут края у сосуда;
И, соблазненные губ ощущеньем, тогда легковерно
Малые дети до дна выпивают полынную горечь;
Но не становятся жертвой обмана они, а, напротив,
Способом этим опять обретают здоровье и силы.
Так поступаю и я. А поскольку учение наше

Неносвященным всегда представляется слишком суровым

- 20 И ненавистно оно толпе, то хотел я представить
Это ученье тебе в сладкозвучных стихах пиэрийских,
Как бы приправив его поэзии сладостным медом.
Может быть, этим путем я сумею твой ум и вниманье
К нашим стихам приковать до тех пор, пока ты
не постигнешь
Всей природы вещей и познаешь от этого пользу.

После того, как тебе объяснил я духа природу:

Как он живет, находясь в связи непосредственной с телом,

И, при разрыве ее, возвращается в первоначала,

Я приступаю к тому, что тесно сюда примыкает.

- 30 Есть у вещей то, что мы за призраки их почитаем;
Тонкой подобно плеве, от поверхности тел отделяясь,
В воздухе реют они, летая во всех направлениях.
Эти же призраки, нам представляясь, в испуг повергают
Нас наяву и во сне, когда часто мы видим фигуры
Странные призраков тех, кто лишен лицемерия света;
В ужасе мы от сна пробуждаемся, их увидавши.
Но и подумать нельзя, чтоб могли из глубин Ахеронта
Души уйти, или между живых пролетали бы тени,
Иль чтоб могло что-нибудь от нас оставаться по смерти,

- 40 Если и тело и дух, одновременно с телом погибнув,
Врозь разошлись и опять разложились на первоначала.
Значит, я здесь говорю, что с поверхности всяких
предметов

Отображения их отделяются тонкого вида.

Даже тупому уму понять это будет нетрудно.

- 45 Но, объяснивши тебе предварительно сущность и свойства
Мира начал основных, и как, различаясь по формам,
Непроизвольно они несутся в движении вечном,
Также и то, как из них создаются всякие вещи,
Я приступаю к тому, что тесно сюда примыкает.
- 50 Есть у вещей то, что мы за призраки их почитаем;
Тонкой они подобны плеве, иль корой назовем их,
Ибо и форму и вид хранят отражения эти
Тел, из которых они, выделяясь, блуждают повсюду.
Прежде всего, от вещей очевидных для нас и доступных
Много таких выделяется тел, что расходятся сразу:
Дым от полен, например, или жар, от огня исходящий,

Или таких, что плотней, и гораздо сплетеннее, вроде
Круглой запряжки цикад, оставляемой летней порою,
Или же тонкой плены, что спадает с поверхности тела
60 Новорожденных телят, или скользкой змеи оболочки,
Что оставляет она на колючках; ведь часто мы видим,
Как на ветвистых кустах повисают летучие шкурки.
Если же всё это так, то и тонкие образы также
Должны идти из вещей, от поверхности тел отделяясь,
Ибо никак доказать невозможно, что те выделения
Могут скорей отходить от вещей, чем тончайшие эти.
Да и особенно, раз заключает поверхность предметов
Множество крохотных тел, что способны от них отравляться
В точном порядке, всегда сохраняя их облик и форму,
70 Мчась несравненно быстрее, потому что им меньше

препятствий,

Так как не часты они и на первом находятся месте.
Ибо мы видим, что много вещей к выделениям способны
Не из глубин лишь и недр, как сказали мы раньше, но также
С самой поверхности; так они часто и цвет испускают.
Это бывает, когда фиолетовый, или же красный,
Иль желтоватый покров над обширным театром натянут
И развеивается он, к шестам прикрепленный и к бруслям.
Тут и сидящий народ на ступенях, и сцены пространство
Вместе с нарядом матрон и сенаторов пышной одеждой
80 Эти покровы своей заливают цветною волною.
И чем теснее кругом театрального зданья ограда,
Тем и цветистей на всем отражается отблеск прекрасный,
И улыбается всё при умеренном солнечном свете.
Если ж окраска идет от поверхности тканей, то должны
Всякие вещи давать и подобия тонкие также,
Раз от поверхности тел отлетает и то и другое.
Значит, как видно, следы несомненные форм существуют;
Реют повсюду они, состоя из прозрачайшей ткани,
И, отделяясь, совсем недоступны для зрения порознь.
90 Кроме того, всякий дым, как и запах, и жар, и другие
Вещи, подобные им, истекают в рассеянном виде
Из-за того, что, внутри зародясь, из глубин возникая,
По закоулкам пути раздробляются: нет им прямого
Выхода, чтобы уйти, вырываясь сплоченным целым.
Наоборот же: плеву тончайшую внешней окраски

Не в состоянии ничто разорвать при ее отделении,
Раз наготове она и на первом находится месте.
Призраки все, наконец, что являются нам, отражаясь
В зеркале, или в воде, иль в поверхности всякой блестящей,
100 Так как по виду они настоящим предметам подобны,
Должны из образов быть, что исходят от этих предметов.
104 Значит, у всяких вещей существуют тончайшие формы
Или подобия их, хоть никто не способен их видеть
Порознь, но все же, путем непрерывных своих отражений,
Видны бывают они, отдаваясь от глади зеркальной.
И сохраняться нельзя, очевидно, им иначе, чтобы
В точности отображать всевозможных предметов фигуры.
110 Ну, а теперь ты узнай о тончайшей природе такого
Образа. Прежде всего, ты прими во внимание, насколько
Первоначала лежат за пределами нашего чувства,
Будучи мельче всего, что уже недоступно для глаза.
Чтобы, однако, иметь подтверждение этого, надо
Выслушать вкратце тебе, как тонки основные начала.
Много, во-первых, таких существует животных, которых
Третьей доли уже мы никак не способны увидеть.
А каковы же нутра у них части любые должны быть?
Сердца комок или глаз? Их отдельные члены, суставы?
120 Как они малы! А все по отдельности первоначала,
Сущность откуда души или духа должна получаться?
Разве не видно тебе, до чего они тонки и мелки?
Дальше, растения все, издающие резкий и острый
Запах, полынь, например, горьковатая, иль панацея,
Иль чернобыльник пахучий, иль терпкий тысячелистник,—
Если к любому из них ты хотя бы слегка прикоснешься
126 а Пальцами, всё ж на руке останется запах противный.

* * *

Так что не лучше ль признать, что во множестве,

многообразно
Призраки реют вещей, но без сил и для чувств неприметно?

Но не подумай смотри, будто те лишь летают повсюду

130 Призраки разных вещей, что от самых вещей отделились,
Могут рождаться они самобытно и сами возникнуть
В небе, которое мы называем воздушным пространством.

Вверх улетают они, принимая различные формы.
Так в вышине облака, как мы видим, легко закрутившись,
Светлое мира лицо омрачают порою и воздух
Нежат движеньем своим. И нередко нам кажется, будто
Там исполины летят и стелют широкие тени
Или громада горы надвигается сверху и камни
С гор низвергаются вдруг, заслоня сияние солнца.

140 Следом же тучи бегут, принимая обличье чудовищ,
И, расплываясь затем, непрестанно свой вид изменяют,
Переходя из одних очертаний при этом в другие.

168 Кроме того, небеса, за минуту сверкавшие ясно,
Часто внезапно везде облакаются бурною тьмою

170 Так, что как будто бы весь с Ахеронта поднявшийся сумрак
Вывался вон, захватив и заполнив небесные своды.
Вот до чего, когда черная ночь возникает из тучи,
Ужаса мрачного лик угрожает нам, сверху нависнув;
Сколь же ничтожная часть этой тучи есть ее образ,
Нам не исчислит никто и не выразит этого словом.

143 Ну, а теперь, как легко и как быстро рождаются эти
Призраки, как от вещей постоянным исходят потоком,

144 а Я поясню, чтоб к словам не питал ты моим недоверья.

Ибо поверхность вещей источает всегда изобильно

То, что летит от нее. Истечения эти, встречая

Ткани какие-нибудь, проникают насквозь; но, коль скоро

Твердые камни у них на пути или дерево, тотчас

Врозь расщепляются так, что создать отражений не могут.

150 Если ж столкнутся они с блестящим и плотным предметом,
С зеркалом, прежде всего, — ничего не бывает такого.

Ибо им тут ни пройти, как проходят они через ткани,

Ни расщепиться нельзя: соблюдает их в целости гладкость.

Вот по причине какой отраженья оттуда к нам льются.

И, хоть внезапно поставь, хоть в любое мгновенье любую

Вещь перед зеркалом ты, — отраженья появится сразу.

Ясно теперь для тебя, что с поверхности тел непрерывно

Тонкие ткани вещей и фигуры их тонкие льются.

Множество призраков в миг, таким образом, тут возникает,

160 Так что мы вправе сказать, что они зарождаются быстро;

И, наподобье того, как должно во мгновение солнца

Мягкого лучей испускать, чтобы все постоянно сияло,

Так же совсем от вещей во мгновение ока в несметном

Множестве призраки их непременно должны уноситься,
Многоразличным путем разлетаясь во всех направлениях,
Так как, куда бы вертеть мы ни начали зеркало, всюду
Вещи оно отразит, сохраняя и цвет их и форму.

176 Ну, а теперь, какова быстрота и подвижность, с которой
Призраки мчатся, когда сквозь воздух они проплывают,
Так что мгновенно пройти расстояние далекое могут
К месту любому, куда побуждением различным стремятся,
180 Не многословно тебе объясню, но в стихах сладкозвучных:
Лебедя краткая песнь превосходит тот крик журавлиный,
Что раздаётся вверху, в облаках, нагоняемых Австром,
Легким, во-первых, вещам, из мелких тел состоящим,
Чаще, чем всяким другим, быстрота очевидно присуща,
Солнечный свет, как и жар, относятся к этим предметам,
Так как они состоят из мелких начальных частичек;
Бьются как будто они друг о друга в пространстве

воздушном,

Без промедленья идя непрерывно, под градом ударов.
Тотчас же луч за лучом непременно опять возникает,
190 Молнья за молнией летит, и одна подстрекает другую.
Значит, подобным путем непременно и призраки могут
Неизмеримую даль пробегать во мгновение ока,
Прежде всего потому, что довольно ничтожной причины,
Что бы их, сзади толкнув, далеко уносила и гнала,
Если, к тому же, вперед они столь быстролетно несутся,
И, наконец, потому, что их редкая ткань при полете
Без затрудненья пройти сквозь любые способна преграды
И просочиться везде, где угодно, в пространстве воздушном,
Кроме того, если тельца вещей, как мы видим, способны
200 Вон из глубин вылетать потаенных и мчатся, как мчится
Солнечный свет или жар, вылетая наружу, мгновенно
Всюду по своду небес растекаясь широким потоком,
Перелетая моря, заливая и землю и небо,
Что же ты скажешь о тех, что на первом находятся месте
И наготове стоят, и ничто им нестишь не мешает?
Видишь ли ты, до чего уходить они будут скорее
И по пространству лететь во много раз дальше в то время,
Как по небесному своду пронесится солнца сиянье?
Вот что послужит еще доказательством самым вернейшим
210 Скорости той, что вещей присуща призракам быстрым:

Стоит лишь вынести нам под открытое звездное небо
Полный водою сосуд, как сейчас же в нем отразятся
Звезды небес и лучи засверкают на глади зеркальной.
Видишь ли ты, наконец, как мгновенно является образ
Из поднебесных высот и пределов земли достигает?

Так что, опять повторю: неизбежно признать вылетанье
Телец, которые бьют по глазам, вызывая в них зренье.
Запахи также всегда от известных вещей истекают,
Так же, как холод от рек, зной от солнца, прибой от солевых
220 Моря валов, что кругом изъедает прибрежные стены;
Разные звуки летят постоянно по воздуху всюду;
Часто нам в рот, наконец, попадает соленая влага,
Если вдоль моря идем; а когда наблюдаем, как рядом
С нами полынный настой растворяют, мы чувствуем горечь.
Так ото всяких вещей непрерывным потоком струятся
Всякие вещи, везде растекаясь, по всем направлениям;
Без остановки идет и без отдыха это теченье,
Раз непрерывно у нас возбуждается чувство, и можем
Всё мы увидеть всегда, обонять и услышать звучащим.

230 Дальше, раз ошупью мы, осязая любую фигуру,
Можем признать в темноте ее тою же самой, что видим
Мы среди белого дня, в освещении ярком, то, значит,
Сходным путем возбуждаются в нас осязание и зренье.
Так что, когда мы впотьмах осязаем квадрат и таким он
Нам представляется тут, то что же квадратным при свете
Взора способно достичь, как не образ того же квадрата?
Видим из этого мы, что причину зрения служат
Образы нам, и без них ничего мы не можем увидеть.
Призраки эти вещей, о каких говорю я, несутся
240 Всюду, и мчатся они, разлетаясь по всем направлениям.
Но оттого, что смотреть мы одними глазами способны,
И происходит, что там лишь, куда обращаем мы взоры,
Может по ним ударять и окраска и форма предметов.
И расстояние то, что от нас отделяет предметы,
Образ нам видеть дает и его распознать помогает.
Ибо от вещи, пойдя, он сейчас же толкает и гонит
Воздух, который меж ним и глазами у нас расположен;
Весь этот воздух тогда сквозь наши глаза проскользает
И, задевая зрачки, таким способом дальше проходит.
251 Так происходит, что мы различаем, насколько далеко

- 250 Каждая вещь отстоит. И чем гонится воздуха больше,
Чем протяженной струя, что наши глаза задевает,
Тем отдаленнее нам представляются разные вещи.
Надо сказать, что идет это все с быстротой чрезвычайной,
Так что мы сразу и вещь и ее расстояние видим.
Здесь не должно вызывать удивления в нас, почему же,
Ежели призраков тех, что в глаза ударяют, не можем
Видеть в отдельности мы, различаем мы самые вещи:
Так, когда ветер нас бьет, учащая порывы, иль резкий
261 Холод струится, то мы ведь обычно не чувствуем порознь
260 Ветра отдельных частиц или холода; нет, мы скорее
Их совокупность тогда ощущаем и видим, что наше
Тело удары несет, совершенно как будто бы нечто
Бьет нас, давая извне представленье о собственном теле.
Кроме того, коль стучать начинаем мы пальцем о камень,
То, прикасаясь к самой его внешней, наружной окраске,
Мы осязаньем совсем не ее ощущаем, а только
Самую твердость скалы до глубоких ее оснований.
Ну, а теперь ты узнай, почему нам за зеркалом виден
270 Образ; ведь кажется нам, что он вглубь отодвинут далеко,
Это похоже на то, что наружи действительно видно,
Если отворена дверь и, вид открывая свободный,
Из дому многое нам позволяет наружи увидеть.
Воздухом также двойным вызывается виденье это:
Прежде всего различать начинаем мы воздух пред дверью,
Справа и слева затем появляются створки дверные,
Свет задевает глаза после этого внешний, и воздух
Новый, и далее то, что наружи действительно видно.
Так же и образ: когда отразится от зеркала, тотчас
280 К нашему взору идя, пред собой он толкает и гонит
Воздух, который меж ним и глазами у нас расположен,
Делая так, что его целиком ощущаем скорее,
Нежели зеркало, мы. Но, лишь только мы зеркало видим,
Тотчас приходит от нас до него доносящийся образ
И, отраженный, опять до наших глаз достигает,
И пред собою струю он нового воздуха гонит,
Делая так, что его мы до образа видим; и это
Видеть нам образ дает в расстояньи от зеркала должном.
Так что опять повторю: удивляться нисколько не надо,
289 а Что точно так же, как в дверь, мы многое видим, и образ

- 290 Виден бывает для нас, отдаваясь от глади зеркальной,
Ибо и тут, как и там, двойкий воздействует воздух.
Части же тела, затем, что у нас расположены справа,
В зеркале будут всегда потому находиться налево,
Что, когда образ, идя, ударяется в зеркала плоскость,
Он неизменным никак обернуться не может, но прямо
Он отдается назад точно так же, как маска из глины,
Если сырою ее ударить о столб или балку;
Коль сохранила б она очертания прежние, тотчас
- 323 После удара должна наизнанку у нас обернуться:
Правый глаз у нее тут окажется левым, а бывший
Левым сначала — взамен непременно очутится справа.
Также бывает еще, что, от зеркала в зеркало образ
Передаваясь, дает до пяти и шести отражений.
И, таким образом, все потаенные даже предметы,
Хоть бы скрывались они глубоко в закоулках укромных,
- 330 Могут, извилистый путь проходя, появляться посредством
Многих зеркал и свое обнаружить присутствие в доме.
Так, отражаясь, идет из зеркала в зеркало образ:
Будучи с левой руки, переходит направо обратно
И, обернувшись, опять в положеньи является прежнем.
Мало того: зеркала из бочков, обладающих в целом
Тем же изгибом, какой существует у нашего бока,
К нам отсылают назад расположенный правильно призрак
Иль потому, что несется от зеркала к зеркалу образ
И долетает затем до нас, отразившись дважды,
- 340 Или еще потому, что, идучи, образ крутится
И обращается к нам, искривлению зеркала вторя.
Далее, кажется нам, что призраки ходят и с нами
Вместе шагают и всем подражают движениям нашим
Из-за того, что та зеркала часть, от которой ушли мы,
Перестает от себя отбрасывать призраки тотчас.
Ибо отскакивать всё от вещей заставляет природа
И отражаться назад под таким же углом, как упало.
- 299 Дальше: стремятся глаза убежать и укрыться от блеска.
- 300 Если же станешь смотреть ты на солнце, оно ослепляет,
Ибо и сила его самого велика, да и сверху,
В воздухе чистом летя, его призраки падают тяжело
И ударяют в глаза, приводя в разрушение ткани.
Кроме того, всякий блеск слишком яркой глаза опалает

Часто нам в силу того, что семян в нем огня заключенных
Много, которые боль порождают, в глаза проникая.
Дальше, становится всё желтоватым, на что ни посмотрит
Всякий желтушный больной, ибо тело у них исходит
Много семян желтизны навстречу призраку вещи,
310 Да и в глаза, наконец, у них вмешано много таких же,
Бледный оттенок всему, что затронут они, придающих,
Из темноты ж потому освещенные видим мы вещи,
Что, хотя мрачная мгла ближайшего воздуха раньше
Нам проникает в глаза открытые, их застилая,
Следом, однако, идет белизною сияющий воздух
И очищает наш взор, разгоняя все черные тени
Воздуха темного: он несравненно его и подвижней,
Тоньше гораздо его и гораздо более мощен.
Только лишь светом своим он проходы глазные заполнит,
320 Освободивши пути, что до этого заняты были
Воздухом темным, тотчас появляются призраки следом
Всех освещенных вещей, заставляя нас тут же их видеть.
348 Из освещенных же мест ничего в темноте мы не видим
Из-за того, что вослед надвигается мрачною мглою
350 Воздух густой и собой отверстия все заполняет;
Все занимает он тут проходы глазные, и призрак
Вещи уже никакой, ударяясь, глаза не затронет.
Если же издали мы на квадратные города башни
Смотрим, то нам потому они круглыми кажутся часто,
Что всякий угол вдали представляется нам притупленным,
Или он даже скорей незаметен совсем: пропадает
Всякий толчок от него, и удар не доходит до глаза,
Ибо, коль воздуха слой, чрез который все призраки мчатся,
Толст, то удары слабеть начинают от частых препятствий.
360 Так, когда вовсе углы ускользают от нашего чувства,
Кажется нам под резец округлённой постройка из камня;
Правда, не так, как вблизи действительно круглые зданья,
Но в очертаньях своих приблизительно сходною с ними,
Кажется также, что тень шевелится наша на солнце,
По следу идя и всем подражая движениям нашим,
Ежели только шагать, по-твоему, воздух способен,
Света лишенный, и всем человека движениям вторить:
То ведь, что тенью мы все называем обычно, не может
Что-то иное собою представлять, как не воздух без света.

- 370 Это действительно так, потому что земля постепенно
Света лишается там, где солнце, идя, мы закроем,
И наполняется им в том месте, откуда уходим.
Вследствие этого нам представляется как бы бегущей
Прямо за нами та тень, что своим мы отбросили телом.
Вечно ведь света лучи изливаются прежним на смену
И исчезают, как шерсть, коль в огонь ее тянутся нити,
Вот почему так легко земля и лишается света,
И наполняется им, и смывает все черные тени.
Не допускаем при том мы, чтобы глаз хоть слегка
ошибался,
- 380 Ибо увидеть, где свет, а где тени легли,— это дело
Пашего глаза; но тот же ли свет здесь сияет иль новый,
Та же иль новая тень переходит с места на место,
Иль происходит здесь то, о чем только что мы говорили,—
Этот вопрос разрешить единственно разум обязан;
Глаз же природу вещей познавать совершенно не может,
А потому не вини его в том, в чем повинен лишь разум.
Кажется нам, что корабль, на котором плывем мы, недвижим,
Тот же, который стоит причаленный,— мимо проходит;
Кажется, будто к корме убегают холмы и долины,
- 390 Мимо которых идет наш корабль, паруса распустивши.
Звезды кажутся нам укрепленными в сводах эфирных,
Но тем не менее все они движутся без перерыва,
Так как восходят и вновь к отдаленному мчатся закату,
Путь совершив в небесах и пройдя их сверкающим телом.
Кажется нам, что и солнце с луной остаются на месте,
Стоя спокойно, хотя и несутся они в самом деле.
Горы, которые ввысь из морской поднялися пучины,
Между которых проход кораблям остается обширный,
Издали всё-таки нам представляются островом целым.
- 400 Даже тогда, как уже перестали ребята кружиться,
Всё еще кажется им, что вертится атрий и ходит
Вся колоннада кругом; и едва они могут поверить,
Что не грозят задавить их, обрушившись, стены и крыша,
И над холмами когда поднимать начинает природа
Красную зорю, в лучах переливных горящую ярко,
Кажется, будто холмы, над которыми солнце восходит,
Прямо вплотную огнем раскаленным оно заливает.
Тысячи две лишь полетов стрелы отделяет нередко

Все эти горы от нас иль пятьсот перелетов копейных,
А на пространстве от них и до солнца раскинулись глади
410 Моря огромных равнин, под безбрежным простертым эфиром,
Многие тысячи стран в промежутке находятся этом,
Где и различный народ обитает и всякие звери.
В луже стоячей воды, глубиною не более пальца,
Что меж камней мостовой соберется на улицах наших,
Видно такую же глубь необъятную нам под землею,
Как от земли до небес, распростертую бездной открытой;
Нам представляется тут, что и тучи мы видим и небо,
И в изумленьи глядим на небесные звезды под землею.
420 И, наконец, если конь заупрямится борзый под нами
Посередине реки и мы взглянем на быстрые воды,
Будет казаться тогда, что влечется стремительной силой
Тело коня поперек и уносится против течения;
И, обращая глаза на любые предметы, увидим,
Будто бы мчатся они и плывут точно так же в потоке.
Портик, который в конец из конца равномерно построен,
На протяжении всё утверждённый на равных колоннах,
Кажется всё-таки нам, если вдоль сквозь него мы посмотрим,
Мало-помалу к концу сходящимся конусом узким,
430 Кровлю сближая с землей и правую сторону — с левой,
Вплоть до того, пока весь не сольется в туманной вершине.
А морякам на морях представляется, будто бы солнце
Утром восходит из волн и в волнах, заходя, потухает,
Ибо они ничего, кроме моря и неба, не видят;
Но не подумай смотри, что всегда посрамляются чувства,
Кажется в гавани тем, кто не знает морей, что хромают
Все корабли на воде и стоят с перебитой кормою,
Ибо у весел та часть, что из волн выдается соленых,
Прямо идет, и пряма у рулей их надводная доля;
440 Всё же, что в воду ушло, представляется нам преломленным,
Загнутым будто назад и как будто изогнутым кверху,
Так что на самой почти поверхности плавает водной.
Иль, когда ветры начнут по небу ночью порою
Редкие тучи нести, то нам кажется, будто навстречу
Светлые звезды скользят и поверх облаков убегают,
Идя совсем не туда, куда мчатся они в самом деле.
Если же как-нибудь мы, случайно подпершись рукою,
Снизу надавим на глаз, то покажутся нам почему-то

Будто двойными тогда все предметы, какие мы видим:
450 Станет двоиться в глазах и светильника яркое пламя,
Станет двоиться и вся по дому стоящая утварь,
Так же, как лица людей и тела их начнут раздвоиться,
И, наконец, когда сон дремотою сладкою свяжет
Члены, и тело лежит, безмятежным объято покоем,
Всё-таки кажется нам, что мы бодрствуем будто, и члены
Двигаются наши тогда, и в тумане ночном непроглядном
Будто сияние дня и блестящее солнце мы видим;
И, находясь взаперти, мы по морю, и рекам, и горам
В страны иные идем, и поля мы пешком переходим;
460 Слышим мы звук голосов в суровом безмолвии ночи
И произносим слова, сохраняя, однако, молчанье.
Видим мы много еще в этом роде чудесных явлений,
Словно желающих в нас подорвать всё доверие к чувствам,
Но понапрасну: ведь тут большей частью ведут

к заблуждению

Нас измысленья ума, привносимые нами самими,
Видимым то заставляя считать, что чувствам не видно.
Ибо труднее всего отделить от вещей очевидных
Недостоверную вещь, привносимую умственно нами.

Если же думает кто, что немыслимо знание, не знает,
470 Может ли это он знать, коль свое утверждает незнание.
И с утверждающим так заводит не желаю я спора,
Ибо он голову там помещает, где ноги должны быть.
Но тем не менее я, допуская, что знает он это,
Как же, — спрошу, — если он не видал достоверного раньше,
Знает он то, что собой представляет незнание и знание,
Что породило в нем мысль как об истинном, так и о ложном,
Как разобрался он в том, что сомнительно, что достоверно?
Ты убедишься сейчас, что понятие истины чувства
В нас порождают; и чувств опровергнуть ничем невозможно,
480 Ибо доверие в нас возбуждать наибольшее должно
То, что само по себе своей истиной ложь побеждает.
Что же доверие в нас возбуждать может больше, чем

чувство?

Будет ли разум, идя от ложного чувства, способен
Противу чувств возражать, коль из них целиком он исходит?
Если ж не верны они, то и разум весь должен быть ложен.
Или же ухо глаза опровергнуть окажется в силах,

А осязание — слух? Или вкус уличит осязание,
Или же поздри его укорят, иль глаза образуют?

Я полагаю, что нет: ведь особые каждому чувству

490 Область и сила даны, и поэтому необходимо
Чувству особому в нас ощущать то, что мягко, что твердо,
Холодно иль горячо иль окрашено так иль иначе,
И различать у вещей присущую каждой окраску,
Силой особою вкус обладает, особо рождается
Запах, особо и звук. И поэтому необходимо
Следует, что обличать не способны чувства друг друга,
Да и не могут никак они сами себя опровергнуть,

Так как им всем доверять всегда одинаково должно.

А потому то, что им показалось когда-либо, — верно.

500 Если же разум у нас разобьётся не будет способен
В том, почему тот предмет, что квадратен вблизи, издалёка
Кажется круглым, то всё ж, когда нет оснований разумных,
Лучше ошибочно дать объясненья обоим фигурам,
Чем упускать из-под рук неизвестно куда очевидность
И, подорвав основное доверие к чувствам, низвергнуть
То, на чем зиждется вся наша жизнь и ее безмятежность,
Ибо не только падет всякий разум тогда, но погибнет
Самая жизнь вместе с ним, коль ты ввериться чувству

не смеешь

И от стремния убегать и от прочих опасностей также,

510 Коих бежать надлежит, и идти за противоположным.

Всё это скопище слов, таким образом, что наготове

С чувствами броситься в бой, будь уверен, — одно

пустословье,

Как при постройке домов, коль начальное криво правило,

Коль наугольник фальшив и от линий прямых отступает,

Если хромает отвес и хотя бы чуть-чуть он неровен,

Всё непременно тогда выйдет здание криво и косо,

Будет горбато, вперед и назад отклоняясь нескладно,

Точно готово сейчас завалиться; и валится часто

Дом, если он пострадал от ошибки в начальном расчете;

520 Так и сужденье твое о вещах будет живо и вздорно,

Если исходит оно от заведомо ложного чувства.

Ну, а теперь объяснить, каким образом чувства другие

Свой ощущают предмет, не представит больших затруднений,

Слышится, прежде всего, всякий звук или голос, как
только,

В уши проникнув, своим они телом нам чувство затронут,
Ибо и голос и звук непременно должны быть телесны,
Если способны они приводить наши чувства в движенье,
Голос, к тому же, гортань нам часто скребет, и наружу
Крик исходя, все пути горловые шершавит немало.

530 Ибо, лишь в узкую щель, накопляясь большою толпою,
Первоначала начнут голосов вырваться наружу,
Выход, конечно, в уста, заполняемый ими, скребется.
Так что сомнения нет, что должны состоять из телесных
Голос и слово начал, раз наносят они пораненья.
Также ты знаешь, какой причиняет телу убыток,
Сколько и нервов берет, сколько сил у людей отнимает
Бесперерывная речь, от сиянья зари восходящей
Произносимая вплоть до глубокого сумрака ночи,
Если, к тому же, она произносится голосом громким.

540 Значит, признать мы должны непременно, что голос телесен,
Если от долгих речей убывает часть нашего тела.

551 Голоса грубость всегда порождается грубостью самых
Звука начал основных, а от гладкости гладкость зависит,

542 В уши внедряются нам разнovidные первоначала:

Коль завывает труба, и глубокие звуки глухие
Дико рокочут ее, отдаваясь раскатистым шумом,
Или когда Геликон средь журчания быстрых потоков
Звонкая лебеда песнь оглашает мольбою упылой.

Дальше, когда из глубин вытесняются нашего тела

Звуки, которые мы через рот испускаем наружу,
Гибкий, искусный язык на слова разделяет их быстро,

550 С помощью также и губ, принимающих должную форму,

553 И коль не долог тот путь, по какому до нас долетает
Каждый в отдельности звук, то и сами слова непременно
Ясно доходят до нас и слышатся членораздельно:

Звук ведь тогда сохраняет свой склад, сохраняет и форму,
Если же слишком далек этот путь для отдельного звука,
В толще воздушной слова неизбежно сливаются вместе,
И, проходя сквозь нее, непременно мешается голос.

560 Так происходит, что ты хоть и слышишь какие-то звуки,
Но разобраться в словах и понять их значенье не можешь:
Столь неразборчиво звук долетает до нас и столь смутно,

Часто бывает и так, что в народном собрании до слуха
Всех долетает одно глашатая громкое слово:

Голос единственный здесь дробится на много отдельных

Вдруг, потому что идет, по отдельным ушам разбегаясь,

Звучную форму словам, направляемым в них, придавая,

Та же часть голосов, что до самых ушей не доходит,

Попусту мимо идет и, рассеявшись в воздухе, гибнет;

570 Часть же другая, в пути отскочивши от твердых предметов,

Звук отдает и порой морочит подобием слова.

Это усвоив, теперь ты себе самому в состоянии,

Как и другим, объяснить, каким образом в местности дикой

Скалы слова отдают, соблюдая их склад и порядок,

Ежели спутников мы, заблудившихся в горных ущельях,

Ищем и голосом их созываем, разбредшихся, громким.

Видеть пришлось мне места, где раз шесть или семь отдается

Изданный звук, где холмы от холмов отражают немедля

Слово за словом, на них отвечая и вторя друг другу.

580 Эти места, по словам в соседстве живущего люда,

Служат пристанищем Нимф, козлоногих Сатиров и Фавпов,

Это они, говорят, затевают веселье и ночью

Шумно играют везде, тишину и покой нарушая;

Рокот доносится струн, и жалобно-нежные слышны

Звуки, какие свирель из-под пальцев певцов изливает;

Издали слышит народ деревенский, как Пан, головою

Полузвериной качая венок из веток сосновых,

Часто поджатой губой скользит по стволам тростниковым,

Чтоб на цевнице его заливалась Муза лесная.

590 Всяких других измышляют они и страшилищ и чудищ,

Чтоб не подумал никто, что пустыни их даже богами

Брошены. А потому и слагают чудесные сказки, —

Или, быть может, еще потому они так поступают,

Что человеческий слух до всяческих рассказов падок.

Я продолжаю. Тебе удивляться нисколько не надо,

Что сквозь преграды, глазам ничего не дающие видеть,

Звуки доходят до нас и касаются нашего слуха.

Часто, мы видим, идет разговор за затворенной дверью,

Ибо, действительно, там по извилистым голос отверстиям

600 Может свободно идти, где для образов нету прохода:

Ведь расщепятся они, если эти отверстия не прямые,

Как у стекла, где проплыть может призрак любой
без припятствий.

Кроме того, разлетается голос по всем направлениям,
Ибо одни из других голоса возникают: лишь только
Голос раздался один, как дробится сейчас же на много
Так же, как искры огня рассыпаются в новые искры,
Так в потаенных местах голоса постоянно роятся,
И раздается их звук, пробуждая окрестности всюду;

Призраки ж все по пути устремляются только прямому,
610 Как изначала пошли; и поэтому мы не способны
Видеть сквозь стены домов, голоса же оттуда мы слышим,
Впрочем, и голос, когда он проходит в замкнутые двери,
То заглушается всё ж и невнятно внедряется в уши,
Так что скорей не слова, а лишь звуки мы слышим при этом,
То, чем мы чувствуем вкус, — наш язык или нёбо, —
несколько

Более сложны для нас, при разборе их действий, не будут,
Вкус мы сначала во рту ощущаем, когда при жеваньи
Выдавим сок из еды, наподобье того, как из губки,
Если в руке ее сжать, можно досуха вытянуть воду.

620 Далее, выжатый сок по проходам расходится нёба
И проникает в язык, по извилистым идучи порам.
Коль основные тела сочащейся жидкости гладки,
Сладко щекают они и сладко касаются всюду
Влажных пространств языка, из себя выделяющих слюни,
Чувство, напротив, колоть и его раздирать начинают
Эти тела тем скорей, чем грубее они и шершавей.
Вкуса услада, затем, ограничена полостью нёба.
Если же соки прошли через горло и ниже спустились,
Нет услады уже, когда сок разошелся по членам.

630 И безразлично, какой едою питается тело,
Лишь бы по членам могла разойтись переваренной пища,
А в животе бы всегда сохранялась должная влажность.

Ну, а теперь объясню, отчего для иного иная
Пища подходит и как то, что гадко иному и горько,
Может казаться другим чрезвычайно приятным и вкусным,
Разница здесь велика, и различие вкусов громадно:
То, что питает одних, для других служит ядом смертельным.
Так, если только змеи коснется слюна человека,
Сгинет змея и себя самоё, искусавши, прикончит.

640 А с чемерицы, для нас служащей отравой смертельной,
Козы тучнеют и жир нагоняют себе перепелки.
Чтобы понять, отчего это так происходит, ты должен
Вспомнить, во-первых, о том, о чем ранее мы говорили:
Что семена у вещей перемешаны многообразно.
Далее, все существа, что живут и питаются пищей,
Раз непохожи они по наружности и по породам
Все очертанья у них отличаются внешностью разной,
Значит, они состоят из семян точно так же различных,
Далее, коль семена отличны, должны различаться
650 Все промежутки, пути (что порами мы называем)
В членах повсюду, во рту и в самом, разумеется, нёбе,
Стало быть, надо одним быть поменьше, другим же —
побольше

И треугольны у тех они будут, у этих — квадратны,
Многие круглы из них, а иные и многоугольны.
Ибо, раз требует склад и движенье семян изначальных,
То непременно должны быть несхожи по складу и поры
И различаться пути, сообразно строению ткани.
Так, если сладко одним, что другому становится горьким,
То у того, кому сладко, должны, прикасаясь нежно,
660 Гладкие очень тела расходиться по нёбным проходам;
Наоборот, у того, кому это же кажется терпким,
Грубые в поры идут семена крючковатого складу.
Это поняв, ты легко разберешься и в прочих явленьях,
Так, если желчи приток вызывает у нас лихорадку,
Или иная болезнь по причине другой нас охватит,
Тело приходит тогда в беспорядок полнейший, и всюду
В нем положенья свои изменять начинают начала;
То, что до этого нам подходило и было приятно,
Тут не подходит уже, а другое, напротив, отрадней,
670 Чтò, проникая, могло оказаться скорее несносным.
Смесь и того и другого во вкусе имеется меда,
Как я об этом тебе говорил уже часто и раньше.

Ну, а теперь я скажу, каким образом трогает поздри
Запах. Во-первых, вещей несомненно есть много, откуда
Запахов разных поток, изливаясь, течет и струится;
Надо считать, что они, растекаясь, разносятся всюду.
Но для различных существ приятен и запах различный
Вследствие разности форм. Из-за этого, в воздухе рея,

Издали даже пчела привлекается запахом меда,
680 Коршунов — падаль манит, по следам же копыт раздвоённых
Чуют собаки, куда побежать за укывшимся зверем;
Издали слышит уже хорошо человеческий запах
Римских хранитель твердынь и спаситель их — гусь
белоснежный,

Нюх, таким образом, дан различный различным созданным
И, приводя их к еде, заставляет от смрадного яда
Прочь убегать, и зверей охраняет он этим породы.

Самые запахи все, щекотать нам способные ноздри,
Могут то дальше идти, то на ближнее лишь расстоянье,
Но никогда ни один не проходит столь длинной дороги,
690 Как голоса или звук, доносящийся к нам издадека,
Не говоря уж о том, что глаза поражает и зренье.
Медленно запах идет и, блуждая, в пути погибает,
Мало-помалу легко расходясь в дуновении ветра,
Так как, во-первых, с трудом покидает он недра предметов,
Ибо, всегда из глубин вытекаая, является запах,
Как это видно во всем, что разбито и пахнет сильнее,
Так же как то, что растерто, и то, что разрушило пламя.
Надо заметить затем, что начала у запаха больше,
Нежели звука тела, ибо запах сквозь стену из камня
700 Не в состояньи пройти, голоса же и звуки проходят.
Вот почему не легко нам бывает заметить, как видишь,
В месте каком расположен предмет, от которого пахнет,
Запаха стынет толчок от того, что он в воздухе медлит,
И не доходят до чувств горячими вестники вещи,
Часто поэтому псы блуждают, следы потерявши.

Впрочем, не запахи лишь или вкусы имеют такие
Свойства, как я указал, но и вид и окраска предметов
Не одинаково всем подходящи всегда и приятны:
Могут иные из них быть резче для зренья иного.
710 Мало того: петуха, привыкшего крыльями хлопать
Ночью и громко кричать, призывая зарю на рассвете,
Ярые львы выносить совершенно не в силах и тотчас,
Только завидят его где-нибудь, обращаются в бегство.
Ясно, конечно, для нас, почему это так происходит:
Некие есть семена, что, от тел петухов отлетая,
Львам попадают в глаза и сверлят им зрачки, причиняя
Острую боль, и для них, хоть и лютых, она нестерпима,

Зренье же наше ничуть от подобных семян не страдает
Иль оттого, что нельзя им проникнуть в глаза, иль,

проникнув,

720 Могут свободно уйти и задержкой своей никакого
Глазу страданья они нигде причинить не способны.

Ну а теперь ты узнай, чем движется дух, и откуда
То, что приходит на ум, приходит, ты выслушай вкратце,
Призраки разных вещей, говорю я, во-первых, витают
Многоразличным путем, разлетаясь во всех направлениях
Тонкие; так же легко они в воздухе, встретясь друг с другом,
Сходятся вместе, как нить паутины иль золота блестя.

Дело ведь в том, что их ткань по строенью значительно
тоньше

Образов, бьющих в глаза и у нас вызывающих зренье,

730 Ибо, нам в тело они проникая чрез поры, тревожат
Тонкую сущность души и приводят в движение чувство.
Так появляются нам и Кентавры и всякие Скиллы,
С Кербером схожие псы, и воочию призраки видны
Тех, кого смерть унесла и чьи кости землею объаты:
Всякого вида везде и повсюду ведь призраки мчатся,
Частью сами собой возникая в пространстве воздушном,
Частью от разных вещей отделяясь и прочь отлетая
И получаясь из образов их, сочетавшихся вместе.

Ведь не живым существом порождается образ Кентавра,

740 Ибо созданий таких никогда не бывало, конечно;
Но, коли образ коня с человеческим как-то сойдется,
Сцепятся тотчас они, как об этом сказали мы раньше,
Вследствие легкости их и строения тонкого ткани.
Так же и прочее всё в этом роде всегда возникает.
Необычайно легко и с такой быстротой они мчатся,
Как указал я уже, что любые из образов легких
Сразу, ударом одним, сообщают движение духу.
Тонок ведь ум наш и сам по себе чрезвычайно подвижен.

Что это так, без труда из дальнейшего ты убедишься.

750 Если есть сходство меж тем, что мы видим умом и глазами,
То и причины того и другого должны быть подобны.
Раз уже я указал, что льва, предположим, я вижу
С помощью призраков, мне в глазах возбуждающих зренье,
Можно понять, что и ум приходит в движение так же,
С помощью призраков льва, да и прочее всё различая,

Как и глаза, но еще он и более тонкое видит.

И не иначе наш дух, когда сном распростерты все члены,
Бодрствует, как потому, что его в это время тревожат
Призраки те же, что ум, когда бодрствуем мы, возбуждают.

- 760 Ярки настолько они, что, нам кажется, въяве мы видим
Тех, чьею жизнью давно уже смерть и земля овладели.
Из-за того это всё допускает природа свершаться,
Что в нашем теле тогда все чувства объаты покоем
И не способны к тому, чтобы истиной ложь опровергнуть.
В изнеможении сна к тому же и память слабеет,
В спор не вступая с умом, что добычей могилы и смерти
Стали давно уже те, кто живыми во сне ему снятся.
Не мудрено, наконец, что двигаться призраки могут,
Мерно руками махать да и прочие делать движенья,
770 Как это часто во сне, нам кажется, делает образ.
Что же? Лишь первый исчез, как сейчас же в ином

положены

Новый родится за ним, а нам кажется,— двинулся первый.
Скорость, с которой идет эта смена, конечно, огромна:
Столь велика быстрота и столько есть образов всяких,
Столь необъятен запас частичек в любое мгновенье,
Что ощутимо для нас, и хватить его полностью может.

Много вопросов еще остается и многое надо

Выяснить, ежели мы к очевидности полной стремимся.
Первый вопрос: почему не успело возникнуть желанье,

- 780 Как уж немедленно ум начинается об этом же думать?
Призраки все не следят ли за нашею волей и, только
Стоит лишь нам захотеть, не является ль тут же и образ,
Море ль на сердце у нас, иль земля, или самое небо?
Сходбищ народных, пиров, торжественных шествий,

сражений

Не порождает ли нам по единому слову природа,
Да и к тому же, когда у людей, находящихся вместе,
Дух помышляет совсем о несхожих и разных предметах?
Что же еще нам сказать, когда видим во сне мы, как мерно
Призраки идут вперед и гибкое двигают тело,

- 790 Гибкое, ибо легко, изгибаясь, их вертятся руки,
И пред глазами у нас они вторят движеньям ногами?
Призраки, видно, сильны в искусстве и очень толковы,
Если, витая в ночи, они тешились играми могут?

Или верней объяснить это тем, что в едином мгновеньи,
Нам ощутимом, скажу: во мгновении, нужном для звука,
Много мгновений лежит, о которых мы разумом знаем,
И потому-то всегда, в любое мгновенье, любые
Призраки в месте любом в наличности и наготове?

Столь велика быстрота и столько есть образов всяких,

800 Только лишь первый исчез, как сейчас же в ином положеньи
Новый рождается за ним, а нам кажется,— двинулся первый.

В силу же тонкости их, отчетливо видимы духу

Только лишь те, на каких он вниманье свое остановит;
Мимо другие пройдут, к восприятию каких не готов он,

Приспособляется он и надеется в будущем видеть

Всё, что случится с любым явленьем: успех обеспечен.

Не замечаешь ли ты, что и глаз наш всегда напряженно

809 Приспособляется сам к рассмотрению тонких предметов,

810 И невозможно для нас их отчетливо видеть иначе?

Даже коль дело идет о вещах очевидных, ты знаешь,

Что без внимания к ним постоянно нам кажется, будто

Каждый предмет удален на большое от нас расстояние;

Что же мудреного в том, что и дух упускает из виду

Всё, исключая лишь то, чему сам он всецело отдался?

И, наконец, от примет небольших мы приходим к огромным
Выводам, сами себя в западню вовлекая обмана.

Также бывает порой, что иным, не похожим на первый,
Образ заменится вдруг, и, что женщиной раньше казалось,

820 Может у нас на глазах оказаться неожиданно мужчиной,

Или сменяются тут друг за другом и лица и возраст.

826 Сон и забвение нам помогают тому не дивиться.

822 Здесь существует еще коренное одно заблужденье,

822 а Как я уверен; и мы всеми силами будем стремиться,

Чтоб избегал ты его и берегся от грубой ошибки,

И не считал, что глазам дарованы ясные взоры,

Чтобы могли мы смотреть; или что для ходьбы и движенья

827 Шагом широким вперед устроено так, что способны

Бедро и голени ног в суставах конечных сгибаться;

Или что руки у нас к плечам приспособлены крепким;

830 Или же кисти даны, как служанки, и справа и слева,

Чтобы мы с помощью их исполняли, что нужно для жизни.

Также и прочее всё, что толкуется в этом же роде,

Все отношенья вещей извращает превратным сужденьем,

Для применения нам ничего не рождается в теле,
То, что родится, само порождает себе применение.
До зарождения глаз ведь и зрения не было вовсе,
До появления на свет языка не бывало и речи,
Но, несомненно, возник он значительно ранее слова;
Уши задолго еще до того появились, как первый
840 Звук был услышан, и все, одним словом, отдельные члены
Существовали уже, я уверен, до их применения.
Значит, никак не могли они все для него создаваться.
Наоборот же, вступать в рукопашные схватки и битвы,
Тело терзать и пятнать себе руки пролитой кровью
Стали задолго пред тем, как помчались блестящие стрелы.
И уклоняться от ран людей побудила природа
Раньше искусства щитом ограждать себе левую руку;
Да и привычка верить утомленное тело покою
Много древнее, чем спать, растянувшись на мягких постелях;
850 И утоление жажды родилось раньше, чем кубки.
И, таким образом, всё, что нам жизнь и нужда подсказала,
Было, как можно считать, изобретено для применения.
Иначе с тем обстоит, что само по себе появилось
И уже после того на свою указало нам пользу.
Первое место у нас занимают здесь чувства и члены.
Так что, опять повторю, совершенно немисливо думать,
Будто бы пользой для нас обусловлено их появление.
Также не должно тому удивляться, что в самой природе
Всяких созданий живых заложена пища потребность.
860 Ибо ведь множество тел, из вещей вытекая, выходит
Разным путем, как указывал я, но особенно много
Их из животных идет, потому, что от частых движений
Много летит их из уст, при тяжелом дыхании, и много
Также их потом идет, изнутри вытесняясь наружу.
Тело при этом редеть начинает, и вся его сущность
Рухнуть готова уже, и страдания следуют дальше.
Пища затем и нужна, чтобы ею поддерживать тело,
Чтобы она, расходясь, возрождала в нем сызнова силы
В членах и жилах и пасть ненасытного чрева заткнула.
870 Также и влага течет и проходит повсюду, где тело
Требует влаги себе, да и жара телá, что, скопившись
Кучей у нас в животе, опалить его могут пожаром,
Гасятся жидкостью там, растворяющей их, чтобы пламя

Члены пожечь не могло своим иссушающим пылом.
Так избавляемся мы от жажды, спирающей горло,
Так утоляем мы свой неуёмный мучительный голод.

- Ну, а теперь почему подвигаться вперед мы способны,
Как захотим, и даны нам различные телодвиженья,
Сила какая дает нам возможность столь тяжкое бремя
880 Тела толкать, я скажу, ты же слушай, как я рассуждаю,
Я говорю, что вперед появляется призрак движенья
В духе у нас и его ударяет, как сказано раньше;
Воля родится затем: ведь никто никакого не может
Дела начать, пока дух не предвидит, чего он желает;
Что же предвидит он, то и является образом вещи.
Так что, когда возбуждается дух и охвачен стремленьем
Двигаться, тотчас удар он силе души сообщает,
Что по суставам везде и по членам рассеяна в теле;
Это не трудно ему, ибо тесно с душою он связан.
890 Следом же тело душа ударяет, и мало-помалу
Так вся громада вперед от толчка получает движенье,
Тело же, кроме того, редеть начинает, и воздух,—
Как подобает ему при движеньи его постоянном,—
Входит обильно в него, проникая в открытые поры,
И растекается там, доходя до мельчайших частичек
Тела. Итак, от двойной здесь исходит причины движенье:
Тело как будто корабль, что и вёсла уносят и ветер.
Да и, по правде сказать, ничего тут мудреного нету
В том, что возможно таким ничтожнейшим тельцам свободно
900 Тяжестью править такой и у нас поворачивать тело.
Гонит же ветер, при всей своей сущности легкой и тонкой,
Мощный корабль пред собой, как бы ни был он тяжек
и грузен;
Только одною рукой его бег направляется быстрый,
Только единственный руль руководит им как угодно.
И, при посредстве колес и лебедок, без всяких усилий
Множество тяжестей кран и ворочает и поднимает.
Ну, а теперь, каким образом сон овеает покоем
Тело, заботы души изгоняя из нашего сердца,
Не многословно тебе объясню, но в стихах сладкозвучных:
910 Лебеда краткая песнь превосходит тот крик журавлиный,
Что раздаётся вверху, в облаках, нагоняемых Австром.
Ты же, прошу я, свой слух предоставь мне и ум прозорливый,

- Чтобы возможность того не отвергнуть, о чем говорю я,
И не уйти, оттолкнув от сердца правдивые речи,
Будучи сам виноват, что не видишь своих заблуждений,
Сон наступает тогда, когда разбежится по членам
Сила души, и она выгоняется частью наружу,
Частью же, сбившись плотней, в глубину удаляется тела,
Все расслабляются тут и становятся дряблыми члены.
920 Ибо сомнения нет, что душой возбуждается чувство
В теле у нас, а когда усыпление его пресекает,
То, безусловно, душа пребывает в смятении наша,
Выгнанной вон из него, но не вся, ибо иначе тело
Вечно б осталось лежать, объятое холодом смерти.
Если ж и части души никакой не осталось бы скрытой
В теле, подобно огню, под кучею скрытому пепла,
Чувство откуда могло оживиться бы в теле внезапно
Так же, как может огонь из потухшего пламени вспыхнуть?
Но обусловлена чем перемена такая, откуда
930 Может смятенье души и расслабленность тела явиться,
Я объясню, и смотри, чтоб слова я не на ветер бросил.
Прежде всего, стороной наружною всякое тело,
В силу того, что его окружают воздушные токи,
Быть под ударом должно и толчки их испытывать часто.
Вот почему большинство из созданий покрыто снаружи
Шкурою, иль скорлупой, или толстою кожей, иль коркой.
Внутренних также частей у дышащих касается воздух,
Их поражая всегда при вдыхании и выдыхании.
А потому, что с обеих сторон ударяется тело
940 И проникают толчки через разные мелкие поры
В тело до самых основ и начальных его элементов,
Мало-помалу оно в разрушение как бы приходит.
Ибо тогда у начал нарушаются их положенья
В теле и духе. Душа изгоняется частью наружу,
Частью, гонимая вглубь, забивается в самые недра,
Частью ж, рассеясь везде по суставам, она не способна
Вместе сплотиться уже и взаимные делать движенья:
К соединению ей преграждает дороги природа.
Так удаляется вглубь, с нарушением движения, чувство;
950 А оттого, что уж пет ничего, чтоб поддерживать тело,
Ослабевает оно, и становятся дряблыми члены;
И опускаются руки и веки, и часто колени

Гнутся бессильно, хотя и лежит усыпленное тело.
Также за пищу сон наступает: ведь то же, что воздух,
Делает пища, когда растекается всюду по жилам.
В сон погружаешься ты наиболее тяжкий в то время,
Как или сыт, иль устал, ибо тут постигает смятенье
Многое множество тел, потрясенных тяжелой работой,
Это ведет и к тому, что душа забивается частью
960 Глубже, а вон выходя, она бóльшим потоком стремится
И, разделяясь внутри, дробится гораздо сильнее.
Если же кто-нибудь занят каким-либо делом прилежно,
Иль отдавались мы чему-нибудь долгое время,
И увлекало наш ум постоянно занятие это,
То и во сне представляется нам, что мы делаем то же:
Стряпчий тяжбы ведет, составляет условия сделок,
Военачальник идет на войну и в сраженья вступает,
Кормчий в вечной борьбе пребывает с морскими ветрами,
Я — продолжаю свой труд и вещей неуклонно природу,
970 Кажется мне, я иду и родным языком излагаю.
Да и другие дела и искусства как будто бы часто
Мысли людей, погружившихся в сон, увлекают обманно.
Если подряд много дней с увлечением играми занят
Был кто-нибудь непрерывно, мы видим, что, большею частью,
Даже когда прекратилось воздействие зрелищ на чувства,
Всё же в уме у него остаются пути, по которым
Призраки тех же вещей туда проникают свободно.
Так в продолжение дней эти самые призраки реют
Перед глазами людей, и они, даже бодрствуя, видят
980 Точно и пляски опять и движения гибкого тела;
Пение звонких кифар и говора струн голосистых
Звук раздается в ушах, и привычных зрителей видно,
Сцена открыта опять и пестреет блестящим убранством.
Вот до чего велико значение склонностей, вкусов,
Как и привычки к тому постоянному делу, которым
Заняты люди, а кроме людей и животные также.
Можешь ведь ты наблюдать, в самом деле, как быстрые кони,
В сон погружившись, потеть начинают, дышать учащенно,
Будто упорно скача за пальмою первенства в беге,
990 Иль, из ограды летя открытой, стремительно мчатся.
999 Часто охотничьи псы, несмотря на спокойную дрёму,
991 Вдруг или на ноги вскочат, иль громко внезапно залают,

Нюхают воздух кругом, беспокойно ноздрями поводят,
Будто бы чуют они и по следу рыщут за зверем;
Или, во сне увидав уходящего быстро оленя,
Гонят его наяву, обманный преследуя призрак,
И, лишь очнувшись от сна, прекращают напрасную травлю.
Ласковых племя щенят, к хозяйскому дому привыкших,
То ошетинится вдруг, то хочет с земли приподняться,
1004 Будто бы видят они чужих незнакомые лица.
1005 И чем свирепее норов у каждой отдельной породы,
Тем и неистовой будет она и во сне непременно.
Пестрые птицы летят и трепетом крыльев внезапным
Рощ священных покой нарушают ночью порою,
Коль в усыплении легком почувдится им, что в погоне
1010 Ястреб над ними парит и отважно бросается сверху.
Также и люди во сне постоянно свершать продолжают
Те же деянья, какие и въяве они совершали:
Грады пленяют цари, полоняются сами, воюют,
Крик подымая такой, как будто их режут на месте;
Многие бьются вразмах, жестоко вопят от мучений,
Точно свирепому льву иль пантере даны на съеденье,
И оглашают далеко округу стенанием громким.
Многие также во сне выдают сокровенные тайны
И выдавали не раз иные свои преступленья.
1020 Многим является смерть, а многие будто с высоких
Гор низвергаются вниз и, будто всей тяжестью тела
Рухнув, в безумьи со сна не могут опомниться сразу
В страхе: бросает их в жар, и дрожь пробегает по телу.
Также и жаждущий пить у ручья себя видит и, жадно
Ртом приникая к воде, точно всю ее выпить стремится.
Мальчики часто во сне, представляя себя иль у ямы,
Иль у ночного горшка с приподнятой сверху рубашкой,
Весь выпускают запас накопившейся влаги из тела
И покрывала насквозь вавилонские пышные мочат.
1030 К тем же, в кого проникать и тревожить их бурную юность
Начало семя, в тот день, лишь во членах оно созревает,
Сходятся призраки вдруг, возникая извне и являя
Образы всяческих тел, прекрасных лицом и цветущих.
Тут раздражаются в них надутые семенем части,
Так что нередко они, совершив как будто, что надо,
Вон выпускает струю изобильную, пачкают платье.

И возбуждается в нас это семя, как мы указали,
Тою порою, когда возмужалое тело окрепло.
Вследствие разных причин возбуждаются разные вещи:
1040 Образом только людским из людей извергается семя.
Только лишь выбьется вон и свое оно место оставит,
Как, по суставам стремясь и по членам, уходит из тела,
В определенных местах накопляясь по жилам, и тотчас
Тут возбуждает само у людей детородные части.
Их раздражает оно и вздувает, рождая желанье
Выбросить семя туда, куда манит их дикая похоть,
1048 К телу стремясь тому, что наш ум уязвило любовью.
Обыкновенно ведь все упадают на рану, и брызжет
1050 Кровь в направлении том, откуда удар был получен;
И, если близок наш враг, то обрызган он алою влагой.
Также поэтому тот, кто поранен стрелою Венеры,—
Мальчик ли ранил его, обладающий женственным станом,
Женщина ль телом своим, напоенным всеисильной любовью,—
Тянется прямо туда, откуда он ранен, и страстно
Жаждет сойтись и попасть своей влагою в тело из тела,
Ибо безмолвная страсть предвещает ему наслажденье.

Это Венера для нас; это мы называем Любовью,
В сердце отсюда течет сладострастья Венерина влага,
1060 Капля за каплей сочась, и холодная следом забота.
Ибо, хоть та далеко, кого любишь,— всегда пред тобою
Призрак ее, и в ушах звучит ее сладкое имя.
Но убежать надо нам этих призраков, искореняя
Всё, что питает любовь, и свой ум направлять на другое,
Влаги запас извергать накопившийся в тело любое,
А не хранить для любви единственной, нас охватившей,
Тем обрекая себя на заботу и верную муку.
Ведь не способна зажить застарелая язва, питаюсь;
День ото дня всё растет и безумье и тяжкое горе,
1070 Ежели новыми ты не уймешь свои прежние раны.
Если их, свежих еще, не доверишь Венере Доступной
Иль не сумеешь уму иное придать направленье.

Вовсе Венеры плодов не лишен, кто любви избегает:
Он наслаждается тем, что дается без всяких страданий.
Чище услада для тех, кто здоров и владеет собою,
Чем для сходящих с ума. Ведь и в самый миг обладанья
Страсть продолжает кипеть и безвыходно мучит влюбленных:

Сами не знают они, что насытить: глаза или руки?
Цель вожделений своих сжимают в объятьях и, телу
1080 Боль причиняя порой, впиваются в губы зубами
Так, что немеют уста, ибо чистой здесь нету улады;
Жало таится внутри, побуждая любовников ранить
То, что внушает им страсть и откуда родилась их ярость,
Но в упоеньи любви утоляет страдающа Венера,
Примесью нежных утех ослабляя боль от укусов,
Ибо надежда живет, что способно то самое тело,
Что разжигает огонь, его пламя заставить угаснуть,
Опровергает всегда заблуждение это природа.

Здесь неизменно одно: чем полнее у нас обладанье,
1090 Тем всё сильнее в груди распаляется дикая страстность.
Пища ведь или питье проникает во внутренность тела,
И раз она занимать способна известное место,
То и бывает легко утолить нам и голод и жажду.
Но человека лицо и вся его яркая прелесть
Тела насытить ничем, кроме призраков тонких, не могут,
Тщетна надежда на них и нередко уносится ветром.
Как постоянно во сне, когда жаждущий хочет напиться
И не находит воды, чтоб унять свою жгучую жажду,
Ловит он призрак ручья, но напрасны труды и старанья:
1100 Даже и в волнах реки он пьет, но напиться не может,—
Так и Венера в любви только призраком дразнит

влюбленных:

Не в состояньи они, созерцая, насытиться телом,
Выжать они ничего из нежного тела не могут,
Тщетно руками скользя по нему в безнадежных исканьях.
И, наконец, уже слившись с ним, посреди наслаждений
Юности свежей, когда предвещает им тело восторги,
И уж Венеры посев внедряется в женское лоно,
Жадно сжимают тела и, сливая слюну со слюною,
Дышат друг другу в лицо и кусают уста в поцелуе.
1110 Тщетны усилия их: ничего они выжать не могут,
Как и пробиться вовнутрь и в тело всем телом проникнуть,
Хоть и стремятся порой они этого, видно, добиться:
Так вожделенно они застревают в тенётах Венеры,—
Млеет их тело тогда, растворяясь в любовной уладе,
И, наконец, когда страсть, накопившись в жилах, прорвется,
То небольшой перерыв наступает в неистовом пыле,

Но возвращается вновь и безумье и ярость всё та же,
Лишь начинают опять устремляться к предмету желаний,
Средств не умея найти, чтобы справиться с этой напастью:

1120 Так их изводит вконец неизвестная скрытая рана.

Тратят и силы к тому ж влюбленные в тяжких
страданиях,

И протекает их жизнь по капризу и воле другого;
Всё достойные их в вавилонские ткани уходит,
Долг в небреженьи лежит, и расшатано доброе имя.
На умащенных ногах сикнионская обувь сверкает,
Блещут в оправе золотой изумруды с зеленым отливом,
Треплется платье у них голубое, подобное волнам,
И постоянно оно пропитано потом Венеры.

Всё состоянье отцов, нажитое честно, на ленты

1130 Или на митры идет и заморские ценные ткани.

Пышно убранство пиров с роскошными яствами, игры
Вечно у них и вино, благовонья, венки и гирлянды.
Тщетно! Из самых глубин наслаждений исходит при этом
Горькое что-то, что их среди самых цветов донимает,
Иль потому, что грызет сознание того, что проводят
Праздно они свою жизнь и погрязли в нечистом болоте,
Иль оттого, что намек двусмысленный, брошенный «ею»,
В страстное сердце впился и пламенем в нем разгорелся,
Или же кажется им, что слишком стреляет глазами,

1140 Иль загляделась «она» на другого и, видно, смеется.

Эти же беды в любви пастоящей и самой счастливой
Также встречаются нам; а те, что ты можешь заметить,
Даже закрывши глаза, в любви безнадежной, несчастной,
Неисчислимы. Итак, заранее лучше держаться
Настороже, как уж я указал, и не быть обольщенным,
Ибо избегнуть тенет любовных и в сеть не попасться
Легче гораздо, чем, там очутившись, обратно на волю
Выйти, порвавши узлы, сплетенные крепко Венерой.

Но, и запутавшись в них, ты всё-таки мог бы избегнуть

1150 Зла, если сам ты себе поперек не стоял бы дороги,

Не замечая совсем пороков души или тела

И недостатков у той, которой желаешь и жаждешь.

Так большинство поступает людей в ослеплении страстью,
Видя достоинства там, где их вовсе у жепщины нету;
Так что дурная собой и порочная часто предметом

Служит любовных утех, благоденствуя в высшем почете.
 Часто смеются одни над другими, внушая Венеры
 Милость снискать, коль они угнетаемы страстью позорной,
 Не замечая своих, несчастные, больших напастей.

1160 Черная кажется им «медуницей», грязнуха — «простушкой»,
 Коль сероглаза она, то — «Паллада сама», а худая —
 «Козочка». Карлица то — «грациозная крошечка», «искра»;
 Дылду они назовут «величавой», «достоинства полной»;
 «Мило щебечет» заяка для них, а немая — «стыдлива»;
 Та, что несносно трещит беспрестанно, — «огонь настоящий»;
 «Неги изрядной полна» тщедушная им и больная;
 Самая «сладость» для них, что кашляет в смертной чахотке;
 Туша грудастая им — «Церера, кормящая Вакха»;
 Если курноса — «Силена», губаста — «длбзания сладость».

1170 Долго не кончить бы мне, приводя в этом роде примеры,
 Но, даже будь у нее лицо как угодно прекрасно,
 Пусть и всё тело ее обаянием дышит Венеры.
 Ведь и другие же есть; без нее-то ведь жили мы раньше;
 Всё, что дурные собой, она делает так же, мы знаем,
 И отравляет себя, несчастная, запахом скверным,
 Так что служанки бегут от нее и украдкой смеются.
 Но недопущенный всё ж в слезах постоянно любовник
 Ей на порог и цветы и гирлянды кладет, майораном
 Мажет он гордый косяк и двери, несчастный, целует.

1180 Но лишь впустили б его и пахнуло бы чем-то, как тотчас
 Стал бы предлогов искать благовидных к уходу, и долго
 В сердце таимая им осеклась бы слезная просьба;
 Стал бы себя упрекать он в глупости, видя, что больше
 Качеств он «ей» приписал, чем то допустимо для смертной.
 Это для наших Венер не тайна: с тем большим стараньем
 Сторону жизни они закулисную прячут от взоров
 Тех, кого удержать им хочется в сети любовной.
 Тщетно: постигнуть легко это можешь и вывести наружу
 Все их секреты и все смехотворные их ухищренья,

1190 Или, с другой стороны, коль «она» и кротка и не вздорна,
 Можешь сквозь пальцы взглянуть ты на слабости эти
 людские,

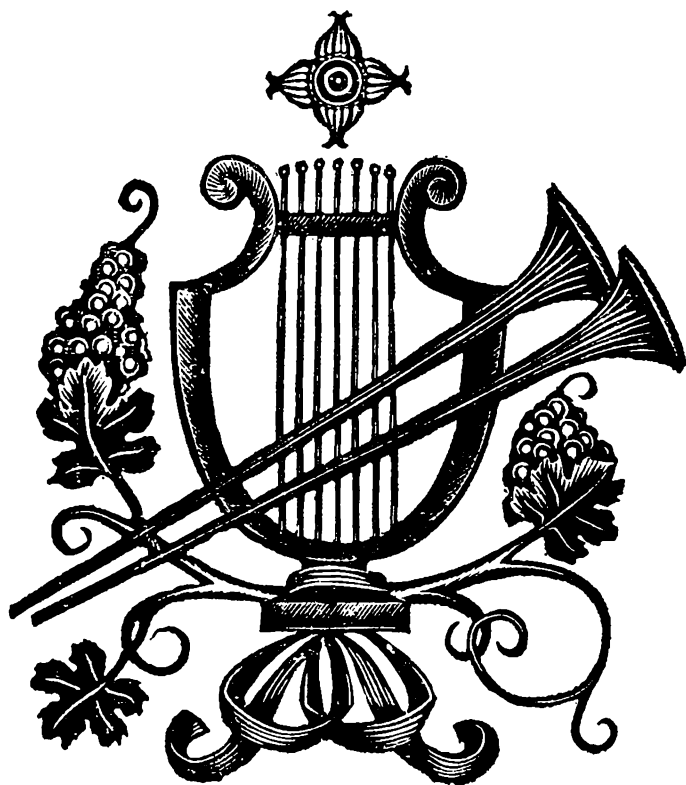
Кроме того, не всегда притворною дышит любовью
 Женщина, телом своим сливаясь с телом мужчины
 И поцелуем вчасос увлажненные губы впивая,

Часто она от души это делает в жажде взаимных
 Ласк, возбуждая его к состязанью на поле любовном.
 И не могли бы никак ни скотина, ни звери, ни птицы,
 Ни кобылицы самцам отдаваться в том случае, если
 Не полыхала бы в них неуёмно природная похоть
 1200 И не влекла бы она вожделенно к Венере стремиться.
 Да и не видишь ли ты, как те, что утехой друг с другом
 Сцеплены, часто от мук изнывают в оковах взаимных?
 На перекрестках дорог нередко, стремясь разлучиться,
 1210 В разные стороны псы, из сил выбиваясь, тянут,
 1204 Крепко, однако, они застревают в тенётах Венеры!
 1205 И никогда б не пошли на это они, коль не знали б
 Радости общих утех, что в обман и оковы ввергают.
 Так что опять повторю я: утехы любви обоюдны.
 Если в смешении семян случится, что женская сила
 Верх над мужскою возьмет и ее одолеет внезапно,
 1211 С матерью схожих детей породит материнское семя,
 Семя отцово — с отцом. А те, что походят, как видно,
 И на отца и на мать и черты проявляют обоих,
 Эти от плоти отца и от матери крови рождаются,
 Если Венеры стрелой семена возбужденные в теле
 Вместе столкнутся, одним обоюдным гонимые пылом,
 И ни одно победить не сможет, ни быть побежденным.
 Может случиться и так, что дети порою бывают
 С дедами схожи лицом и на прадедов часто походят.
 1220 Ибо нередко отцы в своем собственном теле скрывают
 Множество первоначал в смешении многообразном,
 Из роду в род от отцов к отцам по наследству идущих;
 Так производит детей жеребьевкой Венера, и предков
 Волосы, голос, лицо возрождает она у потомков.
 Ибо ведь это всегда из семян возникает известных,
 Так же, как лица у нас и тела, да и все наши члены.
 Дальше: как женщин рождасть способно отцовское семя,
 Так материнская плоть — произвести и мужское потомство.
 1230 Ибо зависят всегда от двоякого семени дети,
 И на того из двоих родителей больше походит
 Всё, что родится, кому обязано больше; и видно,
 Отпрыск ли это мужской или женской то порождение.
 И не по воле богов от иного посея плодотворный
 Отнят, чтоб он никогда от любезных детей не услышал

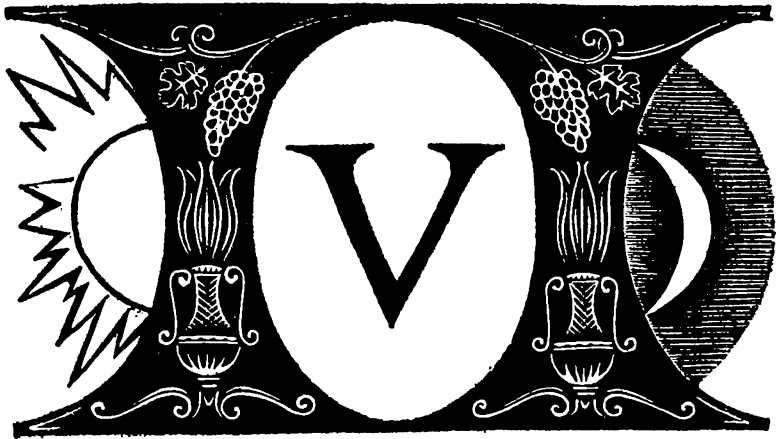
- Имя отца и навек в любви оставался бесплодным.
Многие думают так, и, скорбя, обагрят обильной
Кровью они алтари и дарами святилища полнят,
Чтобы могли понести от обильного семени жены.
Тщетно, однако, богам и оракулам их докучают:
- 1240 Ибо бесплодны они оттого, что иль слишком густое
Семя у них, иль оно чрезмерно текуче и жидко.
Жидкое (так как прильнуть к надлежащему месту не может)
Тотчас стекает назад и уходит, плода не зачавши;
Семя же гуще, из них извергаяся сплоченным больше,
Чем надлежит, иль лететь не способно достаточно быстро,
Иль равномерно туда, куда нужно, проникнуть не может,
Или, проникнув, с трудом мешается с семенем женским.
Ибо висит в любви от гармонии, видимо, много.
Этот скорее одну отягчает, а та от другого
- 1250 Может скорей понести и беременной сделаться легче.
Многие жены, дотоль неплодными бывши во многих
Браках, нашли, наконец, однако, мужей, от которых
Были способны зачать и потомством от них насладиться.
Также нередко и те, у кого плодovитые жены
Всё ж не рожали детей, подходящих супруг находили
И свою старость детьми могли, наконец, обеспечить.
Крайне существенно тут, при смешеньи семян обоюдном,
Чтоб в сочетании они плодотворное вместе сливались:
Жидкое семя — с густым, густое же — с семенем жидким.
- 1260 Также существенно то, какой мы питаемся пищей,
Ибо от пищи одной семена в нашем теле густеют,
Наоборот, от другой становятся жиже и чахнут.
Также и способ, каким предаются любовным утехам,
Очень существен, затем, что считается часто, что жены
Могут удобней зачать по способу четвероногих,
Или зверей, потому что тогда достигают до нужных
Мест семена, коль опущена грудь и приподняты чресла.
И в сладострастных отнюдь не нуждаются жены движеньях.
Женщины сами себе зачинать не дают и мешают,
- 1270 Если на похоть мужчин отвечают движением бедер
И вызывают у них из расслабленных тел истечение.
Этим сбивают они борозду с надлежащей дороги,
Плуга и семени ток отводят от нужного места.
Эти движенья всегда преднамеренно делают девки,

Чтоб не беременеть им и на сносе не быть постоянно,
И утончённей дарить мужчинам любовные ласки,—
То, что для наших супруг, очевидно, нисколько не нужно.
Да и не воля богов, не Венерины стрелы причиной
Служат того, что порой и дурнушка бывает любима.
1280 Ибо порою ее поведенье, приветливость права
И чистоплотность ведут к тому, что легко приучает
Женщина эта тебя проводить твою жизнь с нею вместе,
И, в завершение всего, привычка любовь вызывает,
Ибо всё то, что хотя и легко, но упорно долбитя,
Всё ж уступает всегда и, в конце концов, подается.
Разве не видишь того, как, падая, капля за каплей,
Точит камень вода и насквозь, наконец, пробивает?

КНИГА ПЯТАЯ

Кто в состоянии найти в своем сердце столь мощную силу,
Чтобы достойно воспеть все величие этих открытий?
Кто же владеет словами настолько, что мог бы прославить
Должно заслуги того, кто собственной силою духа
Столько сокровищ добыл и оставил их нам во владенье?
Нет, я уверен, никто из рожденных со смертною плотью.
Ибо, коль выразить мысль сообразно с величием дела,
Богом он был, мой доблестный Меммий, поистине богом!
Он, кто впервые нашел ту основу разумную жизни,
¹⁰ Что называем теперь мы мудростью. Он, кто искусно
Жизнь из волнений таких и такой темноты непроглядной
В полную ввел тишину, озаренную ярким сияньем.
С этим теперь сопоставь ты богов откровения древних:
Так, говорят, обработке полей научила Церера
Смертных, а сок из гроздей виноградных выдавливать.—

Либер.

Хоть и без этих даров продолжалось бы жизни течение,
Как и доныне живут, по слухам, иные народы;

Но безмятежная жизнь невозможна без чистого сердца,
Вот почему еще больше достоин богом считаться
20 Тот, чьи доныне везде, расходясь по великим народам,
Душам отраду дают утешения сладкие жизни.
Если же ты предпочтенье отдашь Геркулеса деяньям,
То еще дальше тогда уклонишься от истинной правды.
Чем бы огромная нам, в самом деле, теперь угрожала
Пасть Немейского льва иль щетинистый вепрь Эриманфа?
Критский бык, наконец, или Лерны пагуба — гидра,
Змей ядовитых кольцом окруженная, разве нам страшны?
Что Герiona для нас трехгрудого сила тройная,
Иль Диомеда Фракийца дышащие пламенем кони
31 На Бистониды полей и на горных отрогах Исмара?
30 Разве бы мучили нас Стимфальские страшные птицы?
32 Да и блестящих плодов золотых Гесперидских хранитель
Зоркий, свирепый дракон, обвивающий телом огромным
Дерева корни и ствол, разве мог бы он вред нанести нам
Там у Атланта берегов и у шумно гудящего моря,
Где появиться ни мы не отважимся, ни чужеземец?
Так и другие, подобные им, истребленные чуда
Чем бы могли угрожать, даже если бы живы остались?
Нет, я уверен, ничем: и доселе земля в избытке
40 Диких рождает зверей и наполнены ужасом смутным
Чаши, и горная высь, и лесные глубокие дебри;
Но избегать этих мест мы почти что всегда в состоянии.
Если же сердце не чисто у нас, то какие боренья,
Сколько опасностей нам угрожает тогда поневоле,
Сколько жестоких забот и терзаний, внушаемых страстью,
Мучат смятенных людей и какие вселяют тревоги!
Гордость надменная, скупость и дерзкая наглость — какие
Беды они за собою влекут! А роскошь и праздность?
И потому, кто всё это низверг при помощи слова,
50 А не оружием изгнал из души, неужель не достойно
Будет нам к сонму богов человека того сопричислить?
Если к тому же еще, одержимый божественным духом,
Многое он говорил о бессмертных богах, постоянно
Всю природу вещей объясняя в своих изречениях.
Я по стопам его ныне иду и ему продолжаю
Следовать, здесь излагаю своими словами порядок,
Кoим и создано всё и в котором всё пребывает,

Времени вечный закон нерушимый не в силах расторгнуть.
Прежде всего, мы нашли путем рассуждений, что сущность
60 Духа телесна, и он, как и всё, что рождается, смертен,
И невредимым вовек пребывать для него невозможно.
Это ведь призраки нас во сне в заблуждение вводят,
Если, нам кажется, видим того мы, кто жизнью покинут,
Мне объяснить остается,— и к этому ход рассуждений
Наших приводит,— что мир образован из смертного тела
И одновременно то, что имел он начало когда-то;
Как получилось, что тут сочетание материи дало
Землю, и небо, и море, и звезды, и солнце, и лунный
Шар, а затем и какие из нашей земли появились
70 Твари живые, а также каких никогда не рождалось;
Как человеческий род словами различными начал
Между собою общаться, названья давая предметам,
Как в наше сердце проник этот ужас и страх пред богами,
Всюду, на всем протяжении земли, охраняющий святость
Капищ, озер и дубрав, алтарей и богов изваяний.
Кроме того, и течением луны, и движением солнца
Силой какой, объясню, руководит кормило природы,
Чтоб не подумали мы, что между землею и небом
Собственной волей они пробегают свой путь постоянный,
80 Произрастающую содействуя нив и живущих созданий,
И не сочли, что вращением их божество управляет.
Ибо и те, кто познал, что боги живут безмятежно,
Всё-таки, если начнут удивляться, каким же порядком
Всё происходит кругом, особенно то, что мы видим
Над головою у нас в беспредельных пространствах эфира,
Часто они обращаются вновь к суевериям древним
И признают над собой, несчастные, строгих хозяев,
Веруя в то, что они всемогущи, не зная, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
90 Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
Впрочем, не буду томить я тебя обещаньями дольше.
Прежде всего, посмотри на моря, на земли и небо;
Все эти три естества, три тела отдельные, Меммий,
Три столь различные формы и три основные сплетенны
Сгинут в какой-нибудь день, и стоявшая долгие годы
Рухнет громада тогда, и погибнет строение мира.
Знаю отлично, что всех поражает и кажется дикой

Нам эта мысль о грядущем небес и земли разрушённы;
Трудно мне будет её доказать убедительной речью.
100 Так происходит всегда, когда преподносится слуху
То, что, однако, нельзя ни глазу сделать доступным,
Ни осязанию рук; а ведь это ближайший и торный
Путь убеждения, в сердце ведущий и в область сознания.
Всё-таки выскажусь я: словам моим самое дело
Веру, быть может, придаст, и ты, при земли колебаньях,
Сможешь увидеть, что всё сокрушается в краткое время —
Да отвратит испытанье такое судьбины кормило!
И не на деле уж лучше уверимся мы, а рассудком,
Что уничтожиться всё с ужасающим грохотом может.

110 Прежде, однако, чем я начну изрекать прорицанья
Много священной и тех достоверней гораздо, какие
Пифия нам говорит с треножника Феба под лавром,
Много разумных вещей сообщу я тебе в утешенье.
Чтобы не счел ты, уздой религии стянутый, будто
Солнце, земля и луна, и звезды, и море, и небо
Вечно остаться должны, обладая божественным телом,
И не подумал бы ты, что должны, по примеру Гигантов,
Каре жестокой подвергнуться все за свои преступления,
Кто мирозданья оплот расторгает своим разуменьем

120 Или дерзает тушить на небе пресветлое солнце,
Смертную речью своей клеймя бессмертное нечто.
Всё это столь далеко от божественной суги, однако,
И не достойно в числе богов почитаться, что, право,
Может скорее помочь составить о том представленья,
Что лишено совершенно движения жизни и чувства.
Ибо никак допустить невозможно для тела любого,
Чтоб обладало оно духовной природой и смыслом.
Так ни деревьев в эфире не может, ни в море соленом
Быть никогда облаков, ни рыб водиться на пашнях,

130 И не бывает ни крови в дровах, ни сока в камнях:
Точно назначено, где чему быть и где развиваться.
Так же и духа природа не может без тела возникнуть
И пребывать самобытно, отдельно от мышц и от крови.
Если же это и было б возможно, гораздо скорее
Сила духа сама в голове, или в плечах, или в пятках
Быть бы могла и в любой из частей зарождалась, но всё бы
В том же она человеке и в том же сосуде осталась,

Если же в теле у нас, очевидно, назначено точно
Место особое, где существуют и могут развиваться
140 Дух и душа, то тем больше должны мы всецело отвергнуть,
Что они могут одни, вне тела и формы животной,
В комьях ли рыхлых земли или где-нибудь в пламени солнца,
Или в воде пребывать, иль в пределах высоких эфира.
Значит, всё это отнюдь не владеет божественным чувством,
Раз не имеет в себе никакого дыхания жизни.

Также поверить никак невозможно и в то, что святые
Где-то жилища богов обретаются в мира пределах,
Ибо природа богов настолько тонка и от чувства
Нашего столь далека, что едва лишь умом постижима.
150 Если ж она осязанью рукой и толчкам недоступна,
То и сама не должна осязать то, что мы осязаем:
То, что нельзя осязать, и само осязанию чуждо.
Так и жилища богов непохожи на наши жилища
Быть непременно должны и тонки сообразно с их телом.
Это потом я тебе докажу в рассуждении подробно.
Думать же, что для людей изготовить изволили боги
Дивную мира природу, что будто по этой причине
Нам подобает богов достославное славить творенье
И полагать, что оно и бессмертным и вечным пребудет,
160 Что нечестиво все то, что божественным промыслом древле
Было для рода людей установлено твердо навеки,
Как-нибудь нам колебать, потрясая в самих основаньях,
Или словами дерзать окончательно все ниспровергнуть,—
Все эти вымыслы, Меммий, и все измышленья такие
Только безумье одно. Какую бессмертным блаженным
Выгоду можно извлечь изо всей благодарности нашей,
Если б они ради нас предприняли что-нибудь делать?
Новость какая могла бы, столь долго дотоль безмятежных,
Их соблазнить и склонить к изменению прежней их жизни?
170 Новшества рады лишь те, кому, очевидно, песносен
Старый порядок вещей. У кого ж не случилось печали
В прежнее время, и кто свой век проводил беззаботно,
Что у того разожжет стремление к новым порядкам?
Или, быть может, их жизнь влачилась в тоске и во мраке,
Прежде чем занялась заря зарождения мира?
Да и для нас что дурного, коль мы не родились бы вовсе?
Всякий рожденный на свет непременно в живых оставаться

Хочет, пока привлекают его наслаждений утехи,
Но для того, кто любви никогда не отведывал к жизни
480 И не причислен к живым, — что плохого совсем не родиться?
Дальше: откуда взялся у богов образец мирозданья,
Да и само представленье о людях запало впервые,
Чтобы сознание того, что желательно сделать, явилось?
Как же узнали они и о силе частиц изначальных
И о возможностях их в сочетаниях между собою,
Если природа сама не давала примера творенья?
Ибо начала вещей во множестве, многообразно
От бесконечных времен постоянным толчком подвергаясь,
Тяжестью также своей гнетомые, носятся вечно,
490 Всячески между собой сочетаясь и всё испытуют,
Что только могут они породить из своих столкновений.
И удивляться нельзя, что они в положенья такие
Между собою пришли и в такое движенье, которым
Держится нынешний мир в постоянном своем обновленье.
Если бы даже совсем оставались мне неизвестны
Первоначала вещей, и тогда по небесным явленьям,
Как и по многим другим, я дерзнул бы считать достоверным,
Что не для нас и отнюдь не божественной создана волей
Эта природа вещей: столь много в ней всяких пороков.
200 Прежде всего, из того, что объято громадою неба,
Часть захватили себе иль чащи лесные и горы,
Полные диких зверей, иль болота и голые скалы,
Или моря, широко разделившие страны земные.
Около двух остальных частей или зной раскаленный,
Или же вечный мороз отнимают у смертного рода.
Что ж остается под пашню, то силой природа своею
Всё бы покрыла бурьяном, когда б не противились люди,
Жизнь защищая свою, привыкнув над крепкой мотыгой
Тяжко вздыхать и поля бороздить нагнетаемым плугом,
210 Если ж, ворочая в них сошником плодородные глыбы
И разрыхляя земельный покров, не пробудим их к жизни,
Самостоятельно в воздух прозрачный ничто не пробьется,
Всё ж зачастую и то, что трудом добывается тяжким,
Даже когда на полях зеленеть и цвести начинает, —
Иль непомерно палит раскаленное солнце с эфира,
Или же вдруг истребляют дожди, или иней холодный,
Или же ветры гнетут, поднимаясь неистовым вихрем,

Кроме того, почему враждебное роду людскому
Племя ужасных зверей природа на суше и в море
220 Кормит, плодит? Почему с переменной погоды болезни
Губят людей? И зачем преждевременно смерть настигает?
Вот и младенец: он, точно моряк, что жестокой волною
Выброшен, так и лежит на земле нагой, бессловесный,
В жизни совсем беспомощный, лишь только из матери чрева
В тяжких потугах на свет его породила природа;
Плач заунывный его раздаётся кругом, и понятно:
Много ему предстоит испытать злоключений при жизни.
Скот, между тем, вырастает и крупный, и мелкий и звери;
Ни в погрешках нужды у них нет, ни в том, чтобы

в детстве

230 Лепетом ломаным их утешала кормилица нежно;
Да и одежды им разной по времени года не надо;
Нет, наконец, им нужды ни в оружьи, ни в стенах высоких,
Чтобы свое охранять достоянье: им всем в изобилии
Всё производит земля и природа готовит искусно.

Прежде всего, если тело земли и текучая влага,
Легкое ветра дыханье, а также и жар раскаленный,—
Что составляет, мы видим, всю эту вещей совокупность,
Всё состоит целиком из рожденного смертного тела,
То почитаться должна таковой же и мира природа,
240 Ибо, коль мы о частях или членах чего-нибудь знаем,
Что и начала имели тела их и формы их смертны,
Мы заключаем тогда, что и в целом предмет этот смертен,
Как и рожден вместе с тем. И если огромные мира
Члены и части,— я вижу,— погибнув, опять возникают,
Ясно, что было когда-то начальное некое время
И для небес и земли и что им предстоит разрушенье.

Ты не подумай, что я поспешил со своим заключеньем,
Если сказал, что земля или пламя подвержены смерти,
Ежели счел несомненным, что гибнут и влага и воздух,
250 Иль утверждал, что родится всё это и вновь вырастает,
Почва, во-первых, когда накаляет ее непрерывно
В части какой-нибудь солнце, когда ее топчут ногами,
То выдыхает она туманные легкие тучи
Пыли, которую мощный разносит по воздуху ветер.
Частью же комья земли растворяются силою ливней,
И берега разъедают и точат бегущие реки.

Но, в свою очередь, то, что дает приращенье другому,
Восстанавливается вновь. И когда появляются вещи
Из всетворящей земли и она же им служит могилой,
260 То, очевидно, земля убывает и вновь вырастает.

Дальше, о том, что всегда источники, реки и море
Новою влагой полны и что воды текут постоянно,
Нет нужды говорить: потоков великих стремленье
Это являет везде; но вода постепенно уходит,
Так, что в целом и нет никакого избытка во влаге.
Частью стремительный ветер, взметая морские равнины,
Воду уносит, а солнце лучами ее распускает,
Частью же в недрах земли она растекается всюду,
Ибо морская вода проникает сквозь почву, и жидкость
270 В землю сочится назад, собираясь к источникам водным,
После чего по земле устремляется пресным потоком
Там, где дорогу для волн она влажной пятою пробила.

К воздуху я теперь перейду: бесконечно состав свой
Множество раз он меняет в течение каждого часа.
Ибо всё то, что течет от вещей, постоянно несется
В бездны воздушных морей; и если бы воздух обратно
Не возмещал эту убыль телами, их вновь восполняя,
Всё бы тогда разложилось уже, превратившись в воздух.
Так порождается он из вещей непрестанно и в них же
280 Вновь попадает назад, ибо всё течет постоянно.

Так же и света родник изобильный — эфирное солнце
В небо сияние льет постоянное свежим потоком,
Тотчас же луч за лучом непрерывно опять посылая,
Ибо сейчас же лучи исчезают одни за другими,
Где б ни упали они. В этом сам ты легко убедишься:
Только лишь тучи начнут проходить, появляясь под солнцем,
И световые лучи прерывают как будто собою,
Тотчас же нижняя часть лучей исчезает бесследно,
И покрывается тенью земля, где проносятся тучи.

290 Ясно, что нужно вещам всегда обновление света,
Что пропадают лучи сейчас же, как только упали,
И невозможно, чтоб вещь освещенною солнцем являлась,
Если бы свет от него бесконечным потоком не лился.
Да и ночные, смотри, светильники наши земные —
Лампы висячие иль горящие трепетным светом
Факелы смольные, дымом и сажей копящие черной,

Точно таким же путем спешат, разгораясь жарко,
Снова и снова светить; мерцают огнями и блещут,
Блещут и будто бы свет непрерывный кругом разливают:
300 Так торопливо огни стремятся все вместе скорее
Света потерю сокрыть рождением пламени быстрым.
Так что должны мы признать, что и солнце, и месяц,

и звезды

Света метают лучи, возмещая их снова и снова,
Пламя теряя всегда, излученное ранее ими;
А потому и не верь, что они нерушимы и вечны.

Иль, наконец, ты не видишь, что век побеждает и камни,
Рушатся башни и в прах рассыпаются твердые скалы,
Храмы ветшают богов и кумиры приходят в упадок,
А божество неспособно продлить роковые пределы
310 И побороть непреложный закон и порядок природы?
Иль, наконец, мы не зрим, что руины мужей монументов
Сами вопрос задают: не уверен ли ты в их истленье?
Что, отрываясь от гор, низвергаются наземь утесы,
И неспособны они выносить сокрушительной силы
Века предельного? Ведь иначе бы вдруг не срывалось
То, что от века веков терпело и стойко сносило
Все истязания лет и не рушилось с грохотом громким.

Ты посмотри, наконец, и на то, что, с высот

распростершись,

Землю обьяло кругом. Коль оно из себя порождает
320 Всё,— как считают иные,— и всё, что погибло, приемлет,
В целом оно состоит из рожденного смертного тела,
Ибо всё то, что растит из себя и питает другие
Вещи, должно убывать, а принимая их вновь, обновляться.

Если же, кроме того, никогда не имели начала
Ни небеса, ни земля и всегда пребывали от века,
То почему до Фиванской войны и падения Трои
Не воспевали иных событий иные поэты?
Кануло столько куда деяний мужей и забылось,
И не цветет, воплотившись в творения славы бессмертной?
330 Нет, я уверен, вещей совокупность нова, и недавня
Мира природа еще и не древле имела начало.
Вот отчего и теперь еще много различных художеств
Всё к совершенству идут. Теперь улучшений немало
В судостроении есть и немало возникло мелодий;

Только теперь, наконец, и природа вещей и порядок
 Были открыты; я сам оказался способен из первых
 Первым его изъяснить, на родном языке излагая.
 Если же думаешь ты, что и ранее было всё это,
 Но поколенья людей от палящего жара погигли,
 340 Или что рухнули все города в мировых потрясениях,
 Иль понеслись по земле от дождей постоянных потоки,
 Всё увлекая кругом, и селения все поглотили, —
 Должен тем более ты уступить и признать непременно,
 Что небесам и земле предстоит неизбежная гибель.
 Ибо, коль вещи таким подвергались несчастьям и стольким
 Недугам тяжким, то, раз их постигла бы худшая участь,
 Сгинули все бы они и разрушились в тяжком падении.
 И не иначе и мы почитаемся смертными также,
 Как потому лишь, что все мы подвержены тем же болезням,
 350 Чтó и другие, кого из жизни природа изъяла.
 Кроме того, всё то, что вечным должно оставаться,
 Или, по плотности тела, должно, отражая удары,
 Не допускать, чтобы что-нибудь внутрь проникало и связи
 Тесные разъединяло частей, — таковая природа
 Есть у материи тел, на что я указывал раньше, —
 Или же может оно потому сохраняться вовеки,
 Что не подвержено вовсе толчкам, — пустоты это свойство:
 Неосязаема вовсе она и ударов не терпит;
 Или еще потому, что кругом нет места, куда бы
 360 Всё это будто бы врозь могло разойтись и растаять, —
 Вечное всё таково мирозданье в целом, и нету
 Вне его места, чтоб врозь разлететься, и тел нет, какие
 Пасть на него бы могли и толчком его мощным расторгнуть.
 Но, доказал я уже, состоит не из плотного тела
 Мира природа: в составе вещей пустота существует;
 И пустотой не является мир; и в телах недостатка
 Нет, что могли бы нежданно всю эту вещей совокупность,
 Из беспредельности выйдя, свалить сокрушительным смерчем
 Или иначе ее уничтожить какой-либо силой.
 370 Места достаточно есть и бездонного много пространства,
 Чтобы рассыпаться в нем могли мироздания стены
 Иль от напора другой какой-нибудь силы погибнуть:
 Смерти не замкнута дверь ни для свода небес, ни для
 солнца,

Ни для земли, ни для вод на равнинах глубокого моря,—
Настежь отверста она и зияет огромною пастью.
И потому неизбежно признать, что всё это начало
Также имело свое: невозможно для смертного тела
Было бы испоконь века досель еще быть в состояньи
Пренебрегать необъятных веков сокрушительной силой.

380 И при борьбе, наконец, меж великими членами мира

И нечестивой войне, которая их охватила,
Разве не видишь, что сей усобице длительной может
Быть и предел положён? Например, если солнцем и жаром
Влага осушится вся и они, наконец, одолеют?

К этому вечно они стремятся, но всё понапрасну:
Столь изобильно текут и грозят, в свою очередь, волны
Сами всё затопить из пучины глубокого моря.

Тщетно! Могучие ветры, взметая морские равнины,
Воду уносят, а солнце лучами ее распускает

390 В твердой надежде на то, что всё иссушить они смогут
Раньше, чем влаге удастся достигнуть намеченной цели.

Так неустанно они ведут с переменным успехом
Этот усиленный бой, добиваясь упорно господства.

Всё-таки раз удалось огню одолеть, и однажды,
Как существует молва, вода на полях воцарилась.

Верх взял огонь, и пожег он многое в пламени жарком,
Как Фэтона, помчав, без дороги в стремительном беге
Кони Солнца несли по эфиру всему и по землям.

По всемогущий отец, распавшийся гневом жестоким,

400 Многоотважного сверг Фэтона внезапно молнией

Наземь с коней, и к нему, ниспадавшему, вышло навстречу
Солнце, успев подхватить извечный светильник вселенной;

Вместе собравши коней, запрягло разметавшихся в страхе
И оживило опять вселенную, правя их бегом.

Именно так воспевали старинные греков поэты.

Правдоподобия нет, однако же, в этих рассказах:

Может огонь одолеть в том случае, если скопилось
Из бесконечности тел его материи много;

После же силы его, побежденные, снова слабеют,

410 Или же губит он всё, сожигая палящим дыханьем.

Некогда также вода прибывать начала и, скопившись,

Много она городов залила, говорят, многолюдных.

После ж, как силы ее, одоленные, вновь отступили,—

Из бесконечности выйдя пред этим и вместе скопившись,—
Лить перестали дожди, и силу убавили реки.

Как же случилось то, что стечение материи дало
Землю и своды небес, а также и моря глубины,
Солнца пути и луны,— разъясню я теперь по порядку.
Первоначала вещей, разумеется, вовсе невольно

- 420 Все остроумно в таком разместились стройном порядке
И о движеньях своих не условились раньше, копецно.
Если ж начала вещей во множестве, многообразно
От бесконечных времен постоянным толчкам подвергаясь,
Тяжестю также своей гнетомые, носятся вечно,
Всячески между собой сочетаясь и всё испытуюя,
Чтó только могут они породить из своих столкновений,—
То и случается тут, что они в этом странствии вечном,
Всякие виды пройдя сочетаний и разных движений,
Сходятся так, наконец, что взаимная их совокупность
430 Часто великих вещей собой образует зачатки:
Моря, земли и небес, и племени тварей живущих.

- Ни светоносного круга высоколетящего солида
Не различалось тогда, ни созвездий великого мира
И ни морей, ни небес, ни земли, ни воздуха так же,
435 Как ничего из вещей, схожих с нашими, не было видно,
Был только хаос один и какая то дикая буря
440 Всякого рода начал, беспорядок нестройный которых
Все промежутки, пути, сочетания, тяжесть, удары,
Встречи, движения их возмущал, затевая сраженья,
Так как, при разнице форм и в силу несходства в фигурах,
Ни соединенными так им нельзя было всем оставаться,
445 Ни произвесть меж собой каких-либо стройных движений.
437 Врозь разбежаться затем стали разные части, со сходным
Сходное в связи входить и мир разграничивать стало,
Члены его разделять и дробить на великие части.
446 Стало тогда от земли отделяться высокое небо,
Стали моря отходить, обособившись водным пространством,
И выделяться огни стали чистые в дальнем эфире.

- Стали сначала земли тела все отдельные купно,—
450 Так как они тяжелы и сцеплены крепко,— сходитьсь,
Все в середине и в самом низу места занимай.
Чем они больше и больше, сцепляясь друг с другом,

сходились,

Тем и сильней выжимали тела, что моря образуют,
 Звезды, солнце, луну и стены великого мира:
 Это ведь всё состоит из семян и круглее и глаже
 И заключает в себе элементы значительно мельче,
 Чем у земли. Потому через скважины пористой почвы
 Вырвался первым эфир огненный и вместе с собою
 Много увлек он огней, поднимаясь с легкостью кверху
 460 Тем же примерно путем, как случается часто нам видеть
 Утром, когда по траве, окропленной росой алмазной,
 Пламенем алым блестят лучи восходящего солнца
 И выдыхают туман озёра и вечные реки,
 Да и земля иногда в это время как будто дымится.
 Только лишь всё это, ввысь поднимаясь, сливается вместе,
 Сплоченным телом вверху облака небосвод обвивают.
 В те времена и эфир, точно так же, текучий и легкий,
 Сплоченным телом наш мир окружая, во свод изогнулся
 470 И, распростершись везде, растекаясь по всем направлениям,
 Всё остальное в своих заключил он объятиях жадных.
 Следом за ним зародились зачатки и солнца с луною,
 Коих вертятся шары посредине в пространстве воздушном,
 И ни земля не присвоила их, ни эфир необъятный,
 Ибо не столь тяжелы они были, чтоб вниз опуститься,
 И не настолько легки, чтобы выскользнуть к высшим
 пределам;
 Как бы живые тела, они кружатся в среднем пространстве
 И представляют собой мироздания целого части.
 Это же мы наблюдаем в себе: в состояньи покоя
 Могут быть члены одни, между тем как другие — в движеньи.
 480 Сразу же после того, как отторглось все это внезапно, —
 Там, где простерлась теперь океана лазурная область, —
 Вниз провалилась земля и пучиной соленой залилась.
 День ото дня, чем сильней и эфир раскаленный и солнце,
 Распространяя лучи, отовсюду давили на землю,
 Так что, под градом толчков на все ее крайние части,
 Плотно сбивалась она, постепенно сгущаясь к центру,
 Тем избыльнее пот у нее выжимался из тела,
 Влагой соленой моря и водные поля равнины;
 Тем избыльней тогда и множество вон улетало
 490 Жара и воздуха тел, далеко над землей поднимаясь,
 И уплотняло вверху обители светлые неба,

Стали поля оседать, выросли высокие горы
Кверху подъемом своим: ведь нельзя было снизиться
скалам,

Как и нельзя было всей равномерно земле опуститься.

Так утвердилось земли, сплотившись, грузное тело,
Будто бы ил со всего мирового пространства тяжелый
Стекся на самое дно и осел наподобие гуши.

Море же, воздух затем, а затем и эфир огненосный
С телом прозрачным своим остались смешения чужды.

500 Всё это легче одно другого, а самый текучий,
Как и легчайший, эфир плывет над потоком воздушным
И не мешает свое текучее тело с мятежным
Воздуха током совсем: допускает он всё там свирепым
Вихрям крутить; допускает вздыматься там бурям

нестройным,

Сам увлекая огни свои стройным и плавным стремленьем,
То, что эфир может течь равномерно, единым напором,
Понт указывает нам — море, текущее стройным потоком,
Вечно плавно в одном направлении скользя неуклонно.

Ныне движения звезд воспоем мы с тобою причину.

510 Прежде всего, если круг обращается неба великий,
Необходимо признать нам, что оба конца его оси
Воздух гнетет и ее замыкает снаружи и держит;
Сверху ж потоком другим он течет в направлении том же,
В коем, мерцая, бегут созвездия вечного мира;
Или же снизу он круг небесный вращает обратно,
Так же, как реки вертят водяные колеса с ковшами.
Но допустимо и то, что весь небосвод пребывает
Вечно недвижим, тогда как несутся блестящие звезды.
Иль потому, что эфира стремительный ток, заключенный,
520 Выхода ищет себе и крутится вверху, он и катит
Всюду огни и несет по Суммановым областям неба;
Иль, притекая извне из другого источника, воздух
Гонит, вращая, огни; или сами скользить они могут
В том направлении, куда привлекает и манит их пища,
Тело питая свое огневое на небе повсюду.
Трудно наверно решить, какая же действует в этом
Мире причина; но то, что возможно и что происходит
В разных вселенной мирах, сотворенных на разных началах,
Я объясняю и ряд излагаю причин, по которым

530 Может движенье светил совершаться в пространстве
вселенной,

Всё же из этих причин непременно одна побуждает
Звезды к движенью и здесь; но какая — предписывать это
Вовсе не должен тот, кто ощупью путь пролагает.

Далее, чтобы земля в середине покоилась мира,
Мало-помалу легчать, уменьшаяся в собственном весе,
Следует ей и иметь естество под собою другое,
Испоконь века в одно сплочённое целое тесно
С мира частями воздушными, где она в жизнь воплотилась,
Вот почему и не в тягость земля и не давит на воздух:

540 Так же, как члены его человеку любому не в тягость,
Как голова не обуза для шеи, и нам не заметно,
Что опирается всей своей тяжестью тело на ноги,
Если же тяжесть извне на нас налегает, то часто
Мы изнываем под ней, будь она и во много раз легче:
Крайне существенно нам учитывать то, что возможно.
Так что не вторглась земля, точно чуждое нечто, внезапно
В чуждый ей воздух извне, откуда-то в нем оказавшись,
Но одновременно с ним зачалась от начала вселенной,
Частью известной ее, как у нас наши члены, являясь.

550 Кроме того, если гром потрясает раскатом внезапным
Землю, она и сама всё то, что над нею, колеблет.
Этого сделать никак не могла бы, не будь она крепко
Связана с мира частями воздушными так же, как с небом.
Ибо на общих корнях они держатся цепко друг с другом,
Испоконь века в одно сплочённое целое тесно.

Да и не видишь ли ты, что тела великую тяжесть
Сущность тончайшая нашей души поддерживать может
В силу того, что в одно они целое сплочены тесно?
Что, наконец, приподнять может быстрым скачком наше

тело,

560 Если не сила души, которая членами правит?
Видишь ли, мощью какой обладает и тонкая сущность,
Ежели с телом она тяжелым сплотилась, — как воздух
Сплочен с землей или сила души с человеческой плотью?

Пламенный солнечный диск, пылающий жаром,

не может

Больше значительно быть или меньше, чем кажется
чувствам,

Ибо, с какого огни расстояния свет ни бросали б
И ни вдыхали бы жар раскаленный во все наши члены,
Пламя в составе своем ничего не теряет при этом,
И отдаленность огня не являет его уменьшенным.
573 Значит, коль свет и тепло, изливаясь обильно из солнца,
570 наших касаются чувств и пространства земли озаряют,
Солнце нам видно с земли в его настоящих размерах,
И полагать, что оно или больше иль меньше, не должно.
Да и луна, — всё равно, несется ль она, озаряя
Светом присвоенным всё, или собственный свет излучает, —
Что бы там ни было, — всё ж и она по размерам не больше,
Чем представляется нам и является нашему взору.
Ибо всё то, что в большом отдалении, сквозь воздуха толщу
580 Мы наблюдаем, скорей представляется в облике смутном,
Чем в уменьшенных чертах. Потому и луну непременно,
Раз ее облик и вид представляется ясным и четким,
Видеть отсюда должны мы на небе такую же точно,
Как она есть по своим очертаньям краев и размерам.
Также эфира огни, наконец, что ты видишь отсюда,
594 Могут на деле совсем незначительно быть или меньше,
595 Или же больше того, чем кажется нашему глазу,
586 Раз и земные огни, которые всюду мы видим,
Ежели явственно их трепетанье, коль пламя их видно,
Кажутся лишь иногда измененными самую малость
В сторону ту иль другую, поскольку они отдаленны.
590 Также не должно тому удивляться, как может такое
Малое солнце давать такое обилие света,
Чтобы волнами его и моря, и все земли, и небо
Полнить и все заливать потоком горячего жара,
597 Ибо возможно, что здесь единственный в мире источник
Света открыт и лучи изливает он мощной струею,
Если из мира всего скопляются жара зачатки
600 Здесь, отовсюду сходясь, и сюда собираются вместе
В общий единый родник, тепло изливающий всюду.
Разве не видишь: порой орошает и малый источник
Водной струею дуга и равнины кругом заливает?
Также возможно и то, что от солнца огня небольшого
Воздух объемлется весь раскаленным, пылающим зноем,
Если допустим, что он настолько к огню восприимчив,
Что распалается весь при малейшем воздействии жара

Так же, как видим порой, и солома, и колос на ниве
Сразу от искры одной загораются в общем пожаре.
610 Может быть также, небес светильник розовый — солнце
Множеством жарких огней обладает, не видимых нами,
Что окружают его совершенно без всякого блеска,
Лишь умножая своей теплотою лучей его силу.

Также нельзя привести простой и единой причины
Для объяснения того, как солнце из летних пределов
До поворота зимой в Козероге идет и обратно
Вновь к остановке своей подходит на тропике Рака,
Или того, почему луна в один месяц проходит
620 Тем же путем круговым, что солнце в год пробегает.
Этим явлениям дать простого нельзя объяснения.
Можно, во-первых, считать, что все это так происходит,
Как полагает о том Демокрита священное мнение.
То есть, чем ближе к земле проходят светила, тем меньше
Могут они увлекаться вращеньем небесного вихря,
Ибо стремление его и напор, постепенно слабея
Книзу, становятся меньше; поэтому мало-помалу
Солнце всегда отстает от движения звездного круга,
Ниже гораздо идя пылающих в небе созвездий.

А еще больше луна: чем путь ее ниже проходит,
630 Дальше от неба лежит и ближе к земле расположен,
Тем еще меньше она поспевать за созвездьями может.
И, чем слабее тот вихрь, которым луна, увлекаясь,
Ниже, чем солнце, идет, тем скорее небесные знаки
Все обгоняют ее и вокруг нее мимо несутся.

Тут-то и кажется нам, что луна достигает скорее
Каждого знака опять, ибо к ней возвращаются знаки.
Но допустимо и то, что от полюсов мира противных
Воздух потоком двойным в положенный срок вытекает.
Может он солнце теснить, прогоняя от летних созвездий
640 До самого поворота зимой и до стужи холодной,
И от холодных теней ледяных отгонять его снова
В жаркие лета края, обратно к созвездиям знойным.
Можно считать, что подобным путем и луна и планеты,
Долгие годы свои обращаясь по долгим орбитам,
Воздуха током двойным подвигаются в неба пространствах.
Разве не видишь, что так, противным гонимым ветром,
Тучи вверху и внизу идут в направлении противном?

Так почему ж по кругам необъятным эфира не могут
Эти светила нестись, противным гонимые вихрем?

650 Ночь же туманною мглой одевает все страны земные,
Или когда, совершив свой бег продолжительный, солнце
К неба подходит краям и гаснет, огни выдыхая,
Долгим путем изнузив и разбив их о воздуха толщу,
Иль потому, что оно под землю уводится силой
Той же, какая его над землей заставляет вращаться.

Также, в положенный срок появляясь на небе, Матуга

В розовом свете зарю разливает повсюду в эфире
Иль потому, что, пройдя под землей, то же самое солнце
Небо спешит упредить, лучами его зажигая,

660 Иль потому, что огни и тепла семена неизменно
Утром в положенный срок во множестве сходятся вместе,
Новое солнце всегда заставляя опять возгораться.
Это, как носится слух, наблюдается с Иды вершины:
Там пред рассветом огней разрозненных видно сиянье;
Сходятся шаром потом они будто и круг образуют,
Но вызывать не должно при этом у нас удивленья
То, что огня семена способны стекаться совместно
В точно положенный срок и блеск восстанавливать солнца,
Видим же мы, что в положенный срок совершается много

670 Всяких явлений других: в положенный срок зацветает
Лес, и в положенный срок увядают цветы на деревьях;
Да и зубам выпадать в положенный возраст также
Срок надлежит, и пушку, на щеках появляясь, одеждой
Мягкою их покрывать и мягкой расти бороною.
Молнии, снег и дожди, наконец, и ненастье, и ветры,—
Все наступают в году в достаточно точное время,
Ибо, когда таковы изначальные были причины,
И оказались такими все вещи с рождения мира,
То и теперь они вновь возвращаются в точном порядке.

680 Также возможно, что дни прибывают, а ночи хиреют,
И уменьшается свет, когда прибавляются ночи,
Иль потому, что в эфирных краях то же самое солнце,
Что под землю бежит и над нею, неравные дуги
Чертит, орбиту свою деля не на равные доли;
Что от одной из долей оно отняло, то прибавляет
К доле орбиты другой, при обратном в нее возвращеньи,
Вплоть до того, как дойдет до небесного знака, где года

- Узел сияние дней уравниет с ночными тенями.
 Ибо в середине пути, между Северным ветром и Южным,
- 690 Солнце равно отстоит от своих поворотов на небе
 В силу того положенья, что Круг Зодиака имеет,
 Где завершает свои обороты годичные солнце,
 Небо и страны земли освещая косыми лучами,
 Как объясняют нам те, которые области неба
 Все разделили, на нем наметив отдельные знаки.
 Иль потому, что в известных местах может гуще быть воздух,
 И оттого под землей застревает и медлит восходом
 Трепетный солнечный свет, не легко пробиваясь наружу.
 Так объясняется то, что тянутся ночи зимою
- 700 Долго, пока не блеснет лучистого утра сиянье.
 Или еще потому, что со сменою времени года
 Медленней или быстрее сливаться огни начинают.
 Вот почему говорят, как мне кажется, сущую правду,
 Кто полагает, что солнце восходит на месте известном,
- 704 а Где ежедневно оно возгорается снова и снова.
 Может луна блеснуть, ударяема солнца лучами,
 День ото дня свой лик обращая всё больше и больше
 К нашему взору, по мере того, как отходит от солнца
 До полнолунья, когда напротив него засверкает
 И на восходе своем увидит его заходящим.
- 710 Мало-помалу затем ей приходится как бы обратно
 Прятать от взоров свой свет, когда она круг завершает,
 К солнца спускаясь огню по другой стороне Зодиака.
 Так представляется тем, кто считает луну шаровидной,
 Напоминающей мяч и бегущею ниже, чем солнце.
 Но допустимо и то, что, собственный свет излучая,
 Катится в небе луна и дает изменения блеска,
 Ибо возможно, что с ней вращается тело другое,
 Что заступает ей путь, постоянно от нас заслоняя;
 Нам же не видно оно, ибо мчится лишенное света.
- 720 Может вращаться луна и как шар или, если угодно,
 Мяч, в половине одной облитый сияющим блеском,
 При обращеньи своем являя различные фазы,
 Вплоть до того, как она откроется нашему взору
 Той стороною, где вся сверкает пламенем ярким,
 Мало-помалу затем обращая вспять и скрывая
 Всю светоносную часть своего шаровидного тела.

Так вавилонские нам указуют халдеи, суждением
Этим низвергнуть стремясь ученые других звездочетов,
Будто нельзя допустить, что возможно и то и другое
730 Иль что учение то нисколько не хуже, чем это.
Иль почему, наконец, невозможно луне народиться
Новой всегда и менять свои фазы в известном порядке
И ежедневно опять исчезать народившейся каждой,
Чтобы на место нее и взамен появлялась другая,—
Было бы трудно найти основанье и довод бесспорный:
Может ведь многое вновь народиться в известном порядке.
Вот и Весна, и Венера идет, и Венеры крылатый
Вестник грядет впереди, и, Зефиру вослед, перед ними
Шествует Флора-мать и, цветы на пути рассыпая,
740 Красками пышными всё наполняет и запахом сладким,
Знойная следом жара и вся покрытая пылью
С нею Церера идет, и годичные дуют Борей.
Осень затем настает, и проносится «Эвоэ-Эван».
Следуют после того и погоды и ветры другие:
Громом гремющий Волтурн и Австр, блистающий молнией.
Солноворот, наконец, приносит снега, и в морозе
Вновь цепенеет Зима, и стучат ее зубы от стужи.
Что же мудреного в том, что в положенный срок зародиться
Может луна, и опять в положенный срок исчезает,
750 Если в положенный срок появляются многие вещи?
И омраченья луны и солнца затмения также
Могут, как надо считать, совершаться по многим причинам.
Ибо коль может лупа от земли загораживать солнцу
Свет и на небе главу возвышать между ним и землею,
Темный свой выставив диск навстречу лучам его жарким,
Разве нельзя допустить, что на то же способно иное
Тело, что может скользить, навеки лишенное света?
Иль почему же нельзя, чтоб теряло огни, угасая,
Солнце в положенный срок и сызнова свет возрождало,
760 В тех областях проходя, где пламени воздух враждебен,
Где потухают огни и где они временно гибнут?
Далее, если земля лишать в свою очередь света
Может луну и собой загораживать солнце, покуда
Конусом тени луна суровым скользит в новолунье,
Разве нельзя допустить, что тогда под лунной пробегает
Или над солнцем скользит какое-то тело иное,

Что прерывает лучи и теченье обильное света?

Если ж луна, наконец, своим собственным блеском сверкает,
То почему ж не тускветь ей в какой-нибудь области мира,

770 Где ее собственный свет встречает препятствия всюду?

772 Ныне тебе объяснив, на каких основаниях может

Всё совершаться и быть в лазури великого мира,

Как о теченьи луны и различных движениях солнца

Можно судить, и какая причина и сила их движет,

Как они могут порой исчезать при закрытии света

И во внезапную тьму погружать неожиданно землю,

Будто смежая глаза, и снова затем открывать их,

Всё озирая кругом, озаренное ярким сияньем,—

780 Я возвращаюсь опять к младенчеству мира и рыхлым

Пашням земли и к тому, что они при начале творенья

Вызвать решили на свет и доверить изменчивым ветрам.

В самом начале травой всевозможной и зеленью свежей

Всюду покрыла земля изобильно холмы и равнины:

Зазеленели луга, сверкая цветущим покровом,

Там и породам различным деревьев на воздухе вольном

Дан был простор состязаться в своем необузданном росте.

Как обрастают сперва пушком, волосами, щетиной

Четвероногих тела и птиц оперенные члены,

790 Так молодая земля травой и кустами сначала

Вся поросла, а потом породила и смертных животных

Множество, разным путем и в условиях разных возникших.

Ибо не могут никак животные с неба свалиться

Или из заводов выйти соленых земные созданья.

Вот почему остается признать, что заслуженно носит

Матери имя Земля, ибо всё из земли породилось.

Много еще и теперь из нее выходит животных,

Влагой дождей воплощенных и жаром горячего солнца.

Не мудрено, что крупней были твари тогда, да и больше

800 Их порождалось, землей молодой и эфиром возвращенных.

Прежде всего, окрыленные птиц разнообразных породы

Яйца бросали свои, вылупляясь весенней порою,

Так же, как сами теперь вылезают из круглых запрядок

Летом цикады, ожить и сыскать пропитанье желая.

Тут же земля создала поколения первые смертных,

Ибо в полях и тепла изобилие было и влаги.

Всюду поэтому, где представлялось удобное место,

В почву корнями вцепясь, выростали утробы; когда же
Их разверзали, созрев в урочное время, младенцы,
810 Влаги стремясь избежать и на воздух выбраться вольный,
Тотчас природа туда обращала все поры земные
И заставляла из них изливаться по жилам открытым
Сок с молоком однородный, как ныне у женщины каждой
Грудь ее после родов молоком наливается сладким,
Ибо питанья приток к сосцам устремляется сразу,
Пищу давала земля, тепло заменяло одежду
Детям, и ложе — трава, обильная мягкой подстилкой.
Юный тогда еще мир не давал ни морозов жестоких,
Ни непомерной жары, ни ветров неистовой силы:
820 Всё ведь растет постепенно и мало-помалу мужает.

Так что опять повторю: очевидно, заслуженно носит
Матери имя земля, потому что сама сотворила
Весь человеческий род и в урочное время извергла
Всякого рода зверей, по нагорным резвящихся высям,
И одновременно птиц всевозможных, летающих в небе.
Но потому, что рожать без конца никому не возможно,
Стала неплодной она, утомившись, как жены, с годами,
Ибо природу всего мироздания время меняет:
Из одного состояния всё переходит в другое.
830 Не остается ничто незыблемым: всё преходяще,
Всё претворяет природа и всё заставляет меняться.
Тут истлевает одно и чахнет, с годами слабея,
Там же другое растет, выходя из ничтожества к блеску,
Так измеяет природу всего мироздания время,
И переходит земля в состоянье одно из другого:
То, что давала, не даст, а дает, чего не было раньше.

Много и чудищ тогда земля сотворить попыталась
Необычайного вида и странного телосложения:
Жено-мужей, не причастных ни полу тому ни другому,
840 Или уродов без ног, или вовсе безруких, напротив,
Или безротых немых и безглазых слепых, порождая
Даже таких, у кого на теле все члены сцепились,
Так что ни делать они не могли ничего, ни податься,
Чтобы избегнуть беды иль достать то, что было им нужно,
Всяких других создавала она и страшилищ и чудищ —
Тщетно: природа запрет на развитие их наложила.
Были не в силах они ни жизни расцвета достигнуть,

Ни пропитанье добыть, ни в объятиях слиться любовных,
Много, как видно, должно сочетаться различных условий,
850 Чтобы породы сковать, размножение их обеспечив.

Нужен, во-первых, им корм, а затем и пути, по которым
В тело могли б семена из расслабленных членов излиться;
А чтобы самки могли входить в сочетанье с самцами,
Им для взаимных утех подходящие надобны члены.

Много животных тогда поколений должно было сгинуть,
Коль размноженьем приплод не могли они выковать новый.
Те же, что, видишь, теперь живительным воздухом дышат,
С юности ранней всегда берегут и блюдут свое племя,
Или отвагой храня, или хитростью, или проворством.

860 Также и много других, которых к себе приручили
Мы ради пользы своей, сохранились под нашей защитой.
Племя свирепое львов и хищников лютых породы
Смелость спасла, а лисиц — коварство и приткость — оленей.
Но легкосонные псы с их привязчивым, преданным сердцем
Вместе с породюю всей подъяремных и вьючных животных,
И густорунные овцы и племя быков круторогих —
Все под защитой людей живут в безопасности, Меммий.
Ибо от диких зверей убежать они страстно стремились
И беззаботно зажить, находя себе корм изобильный;

870 Мы же их кормим за то, что они нам пользу приносят.
Те же, которых совсем этих качеств лишила природа,
Так что они не могли ни сами прожить, ни полезны
Быть нам хоть сколько-нибудь, чтобы мы допускали

кормиться

Их под охраной своей, блюдя в безопасности род их, —
Эти породы другим доставались в добычу и в жертву,
В узы цепей роковых закованы крепко, доколе
Не привела, наконец, их природа к гибели полной.

Но никогда никаких не бывало Кентавров, и тварей
Быть не могло бы с двойным естеством или с телом двояким,
880 Сплоченных из разнородных частей и которых бы свойства
Были различны на той и другой половине их тела.
Даже тупому уму понять это будет нетрудно.
Ведь на исходе трех лет уже в полном расцвете ретивый
Конь, а дитя остается младенцем еще и нередко
Ищет во сне материнских сосцов, молоком отягченных.
Позже, когда у коней начинают от старости силы

И одряхлевшие члены слабеть с убегающей жизнью,
Только тогда для детей наступает цветущая юность
И начинают пушком одеваться их нежные щеки.

890 А потому и не верь, что от семени лошади вьючной
И от людей бы могли получиться живые Кентавры;
Как и немислимы Скиллы, которых тела полурыбы
Ярые псы обвивают кругом, да и прочие твари,
Члены которых живут, как мы видим, в разладе друг

с другом,

И невозможно для них ни расцвета совместно достигнуть,
Ни равномерно мужать, ни утрачивать силы под старость;
Не пламенеют они одинаковой страстью, не сходны
Нравом они, и телам их различная пища полезна.

Так от цыкуты стада бородатые часто жиреют,
900 А человеку она смертоносною служит отравой.
Если же пламя огня желто-бурое львиное тело
Так же и жжет и палит, как и все остальные породы,—
Все, что у нас на земле состоит из плоти и крови,—
Может ли быть, чтобы с телом тройным и единым Химера —
Лев головою, задом дракон и коза серединой —

Страшный из тела огонь выдыхала зияющей пастью?
Кто ж измышляет, что новой землю и небом недавним
Созданы быть бы могли такие творенья живые,
Тот, лишь на имя одно «новизны» опираясь пустое,

910 Много способен еще наболтать несуразностей всяких:
Может, пожалуй, сказать, что тогда по земле золотые
Реки текли и цвели самоцветами всюду деревья,
А человек нарождался таким непомерно огромным,
Что по глубинам морей он шагал совершенно свободно
И поворачивать мог руками небесные своды.

Но хоть и много в земле семян вещества обреталось
В те времена, как она впервые животных извергла,
Нет указаний на то, что могли бы со смешанным телом
Твари возникнуть и в них разнородные члены сплотиться,

920 Ибо и то, что теперь из земли вырастает в избытке,—
Разного рода трава, и злаки, и поросль густая,—
Всё же не может никак в сплетении взаимном возникнуть:
Всё вырастает своим чередом, и все вещи законы
Твердо природы блюдут и отличья свои сохраняют.

Так же порода людей, что в полях обитала, гораздо

- Крепче, конечно, была, порожденная крепкой землею.
Остов у них состоял из костей и плотнейших и бóльших;
Мощные мышцы его и жилы прочнее скрепляли.
Мало доступны они были действию стужи и зноя
- 930 Иль непривычной еды и всяких телесных недугов.
Долго, в течение многих кругов обращения солнца,
Жизнь проводил человек, скитаясь, как дикие звери.
Твердой рукою никто не работал изогнутым плугом,
И не умели тогда ни возделывать поле железом,
Ни насаждать молодые ростки, ни с деревьев высоких
Острым серпом отрезать отсохшие старые ветви.
Чем наделяли их солнце, дожди, что сама порождала
Вольно земля, то вполне утоляло и все их желанья.
Большею частью они пропитанье себе находили
- 940 Между дубов с желудями, а те, что теперь созревают,—
Арбута ягоды зимней порою и цветом багряным
Рдеют, ты видишь,— крупней и обильнее почва давала.
Множество, кроме того, приносила цветущая юность
Мира и грубых кормов для жалких людей в изобилии.
А к утолению жажды источники звали и реки;
Как и теперь, низвергаясь с гор, многошумные воды
Жаждающих стаи зверей отовсюду к себе привлекают.
И, наконец, по лесам пробираясь, они занимали
Капища нимф, из которых, как ведомо было им, токи
- 950 Плавню скользящей воды омывают влажные скалы,
Влажные скалы, росой над зеленым покрытые мохом,
Частью же, воц вырываясь, бегут по открытой равнине.
Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И укрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы.
Общего блага они не блюли, и в сношениях взаимных
Были обычаи им и законы совсем неизвестны.
- 960 Всякий, добыча кому попадалась, ее произвольно
Брал себе сам, о себе лишь одном постоянно заботясь.
И сочетала в лесах тела влюбленных Венера.
Женщин склоняла к любви либо страсть обоюдная, либо
Грубая сила мужчины и ничем неуёмная похоть,
Или же плата такая, как желуди, ягоды, груши,

На несказанную мощь в руках и в ногах полагаясь,
Диких породы зверей по лесам они гнали и били
975 Крепким, тяжелым дубьём и бросали в них мёткие камни;
968 Многих сражали они, от иных же старались укрыться.
Телом своим загрубелым, подобно щетинистым вепрям,
970 Наземь валилися спать нагишом с наступлением ночи
И зарывались в листву или ветви густые с деревьев.
С воплями громкими дня или солнца они не искали,
В мраке ночном по полям пробираясь, объятые страхом,
Но ожидали, в молчаньи и в сон погрузившись глубокий,
976 Как небеса озарит светильником розовым солнце.
Ведь с малолетства уже присмотрелись они и привыкли,
Что нарождаются свет и потемки друг другу на смену,
А потому никогда не могло появиться сомненье
980 Иль опасенье у них, чтобы вечная не распростерлась
Ночь над землею и свет от солнца не сгинул навеки.
Больше заботы им то причиняло, что дикие звери
Часто тревожили их, не давая несчастным покоя.
Крова лишаясь, они из-под каменных сводов бежали
При появлении могучего льва или вспененного вепря
И уступали глухой полуночью свирепым пришельцам,
В ужасе диком, свои листвою покрытые ложа.
Да и не чаще тогда, чем теперь, поколения смертных
Сладостный свет бытия оставляли со стоном печальным.
990 Правда, тогда человек, в одиночку попавшийся, чаще
Пищу живую зверям доставлял и, зубами пронзенный,
Воплем своим оглашал и леса, и дубравы, и горы,
Видя, как мясом живым он в живую уходит могилу.
Те же, кому удавалось спастись и с объеденным телом
Прочь убежать, закрывая ладонью дрожащею язвы
Гнусные, Орка потом ужасающим криком на помощь
Звали, доколе их боль не лишала жестокая жизни,
Их беспомощных, не знавших, чем надо залечивать рапы.
Но не губила зато под знаменами тысяч народа
1000 Битва лишь за день один. Да и бурные моря равнины
Не разбивали судов и людей о подводные камни.
Даром, напрасно, вотще вздымаясь, волны бесились
Часто и так же легко оставляли пустые угрозы,
И не могли никого коварные моря соблазны
Гладью спокойной прельстить и завлечь, улыбаясь волнами,

Дерзкое людям совсем мореходство не ведомо было,
Скудная пища тогда предавала слабевшие члены
Смерти. Напротив, теперь излишество нас убивает,
Те наливали себе по неведению часто отраву

1010 Сами, а ныне другим дают ее с большим искусством.

После, как хижины, шкуры, огонь себе люди добыли,
После того, как жена, сочетавшись с мужем, единым
1012 а Стала хозяйством с ним жить, и законы супружества стали
Ведомы им, и они свое увидали потомство,
Начал тогда человеческий род впервые смягчаться,
Зябкими сделал огонь их тела, и они перестали
Так уж легко выносить холода под небесным покровом,
Да и Венера их мощь ослабляла, и ласкою детям
Грубый родителей нрав сломить без труда удавалось.
Там и соседи сводить стали дружбу, желая взаимно
1020 Ближним не делать вреда и самим не терпеть от насилья.
Требуя к детям притом снисхожденья и к женскому полу,
Смутно давали понять движеньями тела и криком,
Что сострадательным быть подобает ко всем слабосильным.
Правда, достигнуть нельзя было всюду согласия, но всё же
Добрая часть людей договоры блюла нерушимо.
Иначе весь человеческий род уж тогда бы пресекался,
И не могли бы досель поколенья его размножаться.

Что же до звуков, какие язык производит, — природа
Вызвала их, а нужда подсказала названья предметов
1030 Тем же примерно путем, как и малых детей, очевидно,
К телодвиженьям ведет неспособность к словам, понуждая
Пальцем указывать их на то, что стоит перед ними.
Чувствует каждый, на что свои силы способен направить:
Прежде еще, чем на лбу у тельца рога показались,
Он уж сердито грозит и враждебно бодается ими;
И не успели еще зародиться ни когти, ни зубы
У молодого потомства пантер и у львят, как они уж
Когтем и лапою бьют и пускают в защиту укусы.
Птичий весь, далее, род полагается, видим, на крылья
1040 И охраняет себя движением трепетным перьев.
А потому полагать, что кто-то снабдил именами
Вещи, а люди словам от него научились впервые, —
Это безумие, ибо, раз мог он словами означить
Всё и различные звуки издать языком, то зачем же

Думать, что этого всем в то же время нельзя было сделать?
 Кроме того, коли слов и другие в сношеньях взаимных
 Не применяли, откуда зашло в него представление
 Пользы от этого иль возникла такая способность,
 Чтобы сознание того, что желательно сделать, явилось?
 1050 Также не мог он один насильно смирить и принудить
 Многих к тому, чтоб они названья вещей заучили.
 Да и ко слову глухих не легко убедить и наставить
 В том, как им надобно быть: они бы совсем не стерпели
 И не снесли бы того, чтобы их ушам понапрасну
 Надоедали речей дотоле неслыханным звуком.
 Что же тут странного в том, наконец, если род человек
 Голосом и языком одаренный, означил предметы
 Разными звуками все, по различным своим ощущениям?
 Ведь и немые скоты и даже все дикие звери
 1060 Не одинаковый крик испускают, а разные звуки,
 Если охвачены страхом иль чувствуют боль или радость.
 В этом путем наблюдений простых ты легко убедишься:
 Если Молосские псы в раздражении огромною пастью
 Мягкою только ворчат, оскаливши крепкие зубы,
 То по-иному звучат их сдавленной злости угрозы,
 Чем если лают они и голосом всё наполняют.
 Также, когда языком щенят они с нежностью лизут
 Или же лапами их тормошат и хватают их пастью,
 Будто кусая, но к ним едва прикасаясь зубами,
 1070 То по-иному совсем они тявкают с ласковым визгом,
 Чем если в доме одни они воют, иль с жалобным воплем,
 Телом припавши к земле, от побоев хотят увернуться.
 Разве не видно затем и в ржании разницы также,
 Юный когда жеребец, преисполненный силы, беснуясь,
 Носится между кобыл, крылатым прищпоренный богом,
 Иль когда храп из ноздрей раздутых пускает при битве,
 Или же попросту ржет иногда, содрогаясь всем телом?
 Да и крылатая птиц, наконец, разнородных порода —
 Ястреб, гагара, скопа — когда они по морю ищут,
 1080 В волнах соленых себе пропитанье и корм добывая,
 То по-иному совсем кричат в эту пору обычно,
 Чем если спорят за корм или борются с самой добычей.
 Также иные из них с переменной погоды меняют
 Хриплое пенье свое: например, ворон долговечных

Племя и воронов стаи, когда, — говорят, — призывают
Сырость они и дожди или ветер накликают и бури.
Стало быть, коль заставляют различные чувства животных
Даже при их немоте испускать разнородные звуки,
Сколь же естественней то, что могли первобытные люди
1090 Каждую вещь означать при помощи звуков различных!

Во избежанье с твоей стороны молчаливых вопросов,
Знай же, что смертным огонь принесен на землю впервые
Молнией был. От нее и расходится всякое пламя.
Видим ведь, много вещей, огнем небесным объятых,
Блещут, ударом с небес пораженные, вспыхнув от жара.
Но и от ветра, когда, раскачавшись, деревья, ветвями
Сильно шатаясь, начнут налегать одно на другое,
Мощное трение их исторгает огонь, и порою,
Вспыхнувши, вдруг заблестит и взнесется горячее пламя,

1100 Если взаимно они и стволами и сучьями трутся.
То и другое могло огонь доставить для смертных.
После же пищу варить и смягчать ее пламени жаром
Солнце наставило их, ибо видели люди, что силой
Знойно палящих лучей умягчается многое в поле.

День ото дня улучшать и пищу и жизнь научали
Те, при посредстве огня и всяческих нововведений,
Кто даровитее был и умом среди всех выдавался.
Начали строить цари города, воздвигать укрепления,
В них и оплот для себя находя и убежище сами;

1110 И поделили поля и скотину они, одаряя
Всех по наружности их и по их дарованьям и силам,
Ибо наружность тогда почиталась и славилась силы.
Позже богатство пришло и золото было открыто,
Что без труда и красивых и сильных лишило почета,
Ибо за тем, кто богаче, обычною следуют свитой
Те, кто и силой своей и красой богачей превосходит.
Тот же, кто в жизни себе кормилом взял истинный разум,
Тот обладает всегда богатством умеренной жизни;
Дух безмятежен его, и живет он, довольствуясь малым.

1120 Люди же вместо того устремились ко славе и власти,
Думая этим себе благоденствие твердо упрочить
И проводить свою жизнь при достатке в спокойствии полном.
Тщетно! Все те, кто достичь до вершины почета стремятся,
Гибельным сделали путь по дороге, к нему восходящей.

С самых почета высот будто молнией их поражает
Зависть и в Тартара мрак низвергает нередко крошечный,
1131 Зависть ведь чаще всего зажигает, как молния, выси,
Всё, что стоит над другим и вершиной своей выдается,
1127 Лучше поэтому жить, повинаясь в спокойствии полном,
Нежели власти желать верховной и царского сана.
Пусть же напрасно они обливаются потом кровавым,
1130 Изнемогая в борьбе на пути честолюбия узком:
Всё разуменье свое из Фужих они уст почерпают,
Слушают мненья других, а собственным чувствам

не внемлют.

Было так прежде, так есть и теперь, и впоследствии будет.

По убиеньи дарей ниспровергнуты в прахе лежали
Гордые скипетры их и бывшее величие тронов,
И украшенье державной главы, обогренное кровью,
Под ноги черни упав, за великую почесть платилось:
1140 Жадно ведь топчется то, что некогда ужас внушало.
Смуты настали затем и полнейший во всем беспорядок:
Каждый ко власти тогда и к господству над всеми

стремился,

Некие люди затем избранью властей научили
И учредили права, дабы люди держались законов.
Род же людской до того истомился насилем вечным
И до того изнемог от раздоров, что сам добровольно
Игу законов себя подчинил и стеснительным нормам.
Каждый ведь сам за себя порывался во гневе жесточе
Мстить, чем теперь это нам позволяет закон справедливый.
1150 И потому опротивела жизнь при насилни вечном.
Страх наказаний с тех пор омрачает все жизни соблазны:
В сети свои произвол и насиле каждого ловят,
Обыкновенно к тому, от кого изошли, возвращаясь;
Жить для того нелегко спокойной и мирною жизнью,
Чьи нарушают дела договоры всеобщего мира.
Пусть и богов и людей ему обмануть удастся,
Всё ж утратить навсегда преступления нету надежды,
Ибо невольню, во сне говоря иль в бреду при болезни,
Многие сами себя выдавали, бывало, нередко
1160 И открывали свои сокровенные долго злодейства.

Ну, а причину того, что богов почитанье в народах
Распространилось везде, города алтарями наполнив,

И учредился обряд торжественных богослужений,
Ныне в особых местах, совершаемых в случаях важных,
Также откуда теперь еще в смертных внедрен этот ужас,
Что воздвигает богам всё новые капища всюду
На протяженьи земли и по праздникам их наполняет,—
Всё это здесь объяснить не составит больших затруднений,
Дело ведь в том, что уже и тогда поколения смертных
4170 Дивные лики богов случалось и бодрствуя видеть
Иль еще чаще ве сне изумляться их мощному стану.
Чувства тогда приписали богам, потому что, казалось,
Телодвиженья они совершали и гордые речи,
Шедшие к их красоте лучезарной и силе, вешали.
Вечной считалась их жизнь, потому что всегда неизменным
Лик оставался у них и всё тем же являлся их образ;
И тем не менее мощь почиталась их столь непомерной,
Что одолеть никакой невозможно, казалось, их силой,
И потому несравненным богов полагали блаженство,
4180 Что не тревожит из них ни единого страх перед смертью,
И в сновиденьях еще представлялося людям, что боги
Много великих чудес совершают без всяких усилий,
Видели, кроме того, что вращение неба и смена
Года различных времен совершаются в строгом порядке,
Но не могли распознать, почему это так происходит,
И прибегали к тому, что богам поручали всё это,
Предполагая, что всё направляется их мановеньем,
В небе жилища богов и обители их помещали,
Видя, что ночь и луна по небесному катятся своду,
4190 День и ночь, и луна, и ночи суровые знаки,
Факелы темных небес и огней пролетающих пламя,
Солнце и тучи, и снег, и град, и молнии, и ветры,
Бурь стремительный вихрь и грозные грома раскаты,
О человеческий род несчастный! Такие явленья
Мог он богам приписать и присвоить им гнев беспощадный!
Сколько стенаний ему, сколько нам это язв причинило,
Сколько доставило слез и детям нашим и внукам!
Нет, благочестье не в том, что пред всеми с покрытой главою
Ты к изваяньям идешь и ко всем алтарям припадаешь,
4200 Иль повергаешься ниц, или, длани свои простирая,
Молишься храмам богов, иль обильною кровью животных
Ты окропляешь алтарь, или нижешь обет на обеты,

Но в созерцании всего при полном спокойствии духа.
 Ибо, когда мы глаза поднимаем к небесным пространствам,
 Видя в мерцании звезд высоты эфира над нами,
 И устремляется мысль на луны и на солнца движенья,
 То из-под гнета других мучений в груди начинает
 Голову вверх поднимать, пробуждаясь, такая забота:
 Нет ли над нами богов, безграничная мощность которых
 1210 Разным движеньем кругом обращает блестящие звезды?
 Скучность познания мысль беспокоит тревожным сомненьем,
 Именно: было иль нет когда-то рождение мира,
 И предстоит ли конец, и доколь мироздания стены
 Неугомонный напор движения выдержать могут;
 Или, по воле богов одаренные крепостью вечной,
 Могут, в течение веков нерушимо всегда сохраняясь,
 Пренебрегать необъятных веков сокрушительной силой?
 Иль у кого же тогда не спирает дыхания ужас
 Пред божеством, у кого не сжимаются члены в испуге,
 1220 Как содрогнется земля, опаленная страшным ударом
 Молнии, а небо кругом огласят громовые раскаты?
 И не трепещут ли все племена и народы, и разве
 Гордые с ними цари пред богами не корчатся в страхе,
 Как бы за гнусности все, и проступки, и наглые речи
 Не подошло, наконец, и тяжелое время расплаты?
 Также, над морем когда проносясь, сокрушительной силой
 Ветер неистовый мчит по волнам предводителя флота,
 Все легионы его и слонов вместе с ним увлекая, —
 Разве тогда не дает он обетов богам и, обьятый
 1230 Страхом, не молит он их о затишьи и ветре попутном?
 Тщетно: подхваченный вдруг ураганом неистовым, часто
 Он, несмотря ни на что, уносится к заводам смерти.
 Так все деянья людей сокровенная некая сила
 Рушит, а пышные связки и грозные с ними секиры
 Любо, как видно, ей в прах попирать и посмешником делать.
 И, наконец, когда вся под ногами колеблется почва,
 Падают или грозят города потрясенные рухнуть,
 Что же тут странного в том, если так поколения смертных
 Уничужают себя и всецело богам оставляют
 1240 Чудные силы и власть управления всею вселенной?
 Было открыто затем и железо и золото с медью,
 Веское также еще серебро и свинцовая сила,

После того как огонь истребил, охвативши пожаром,
 Лес на высоких горах или от молнии, ударившей с неба,
 Или еще потому, что в лесах воевавшие люди
 Для устрашения врагов зажигали огонь им навстречу,
 Или хотели они, привлеченные щедростью почвы,
 Тучных прибавить полей и под пастбища место очистить,
 Или зверей убивать и добычей от них богатиться,
 1250 Ибо сначала огонь применяли и ямы, охотясь,
 Раньше, чем псами травить научились и ставить тенёта.
 Но какова б ни была причина того, что пожаром
 С шумом зловещим леса пожирало горячее пламя
 До основанья корней, — только недра земли распаялись,
 И, в углубленья ее собираясь, по жилам кипящим
 Золото, медь, серебро потекли раскаленным потоком
 Вместе с ручьями свинца. А когда на земле появились
 Слитки застывшие их, отливавшие ярко, то люди
 Начали их поднимать, плененные глянцем блестящим,
 1260 И замечали притом, что из них соответствует каждый
 В точности впадине той, которая их заключала.
 Это внушило ту мысль, что, расплавив, металлы возможно
 В форму любую отлить и любую придать им фигуру;
 И до любой остроты и до тонкости также возможно
 Лезвий края довести, постепенно сжимая их ковкой,
 Чтобы оружие иметь и орудья для рубки деревьев,
 Чтобы обтесывать лес и выстругивать гладкие брусья,
 Чтобы буравить, долбить и просверливать в дереве дыры.
 Это они серебром или золотом делать пытались
 1270 Так же сначала, как силой могучей и мощною меди.
 Тщетно: слабей была стойкость у этих металлов, и с медью
 Вровень они не могли выдерживать грубой работы.
 Ценной была тогда медь, а золото было в презрени,
 Как бесполезная вещь с лезвиём, от удара тупевшим.
 Пыне в презрени медь, а золото в высшем почете.
 Так обращенье времен изменяет значенье предметов:
 Что было раньше в цене, то лишается вовсе почета,
 Следом другое растёт, выходя из ничтожества к блеску;
 День ото дня всё сильней вождедеют его, и находку
 1280 Славят его, и цветет оно дивным у смертных почетом.
 Далее, как естество железа было открыто,
 Это и сам без труда ты понять в состоянии, Мемний.

Древним оружием людей были руки, ногти и зубы,
Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья,
Пламя затем и огонь, как только узнали их люди.
Силы железа потом и меди были открыты,
Но применение меди скорей, чем железа, узнали:
Легче ее обработка, а также количество больше.

1290 Медью и почву земли бороздили, и медью волнение
Войн поднимали, и медь наносила глубокие раны;
Ею и скот и поля отнимали: легко человекам
Вооруженным в бою безоружное всё уступало,
Мало-помалу затем одолели мечи из железа,
Вид же из меди серпа становился предметом насмешек;
Стали железом потом и земли обрабатывать почву
И одинаковым все оружием в битвах сражаться.
Прежде верхом на коня садился в оружии всадник
И, управляя уздой, он правую бился рукою;
1300 Позже в обычай вошло в колесницах двуконных сражаться,
После же к паре коней припрягать еще пару другую
И в серпоносных нестись колесницах в опасную битву,
Там и луканских волов, змееруких и видом ужасных,
С башней на спинах, сносить приучали ранения пуны
И на войне приводить в смятение полчища Марса.
Так порождалось одно из другого раздором жестоким
Всё, что людским племенам угрожает на поле сраженья,
День ото дня прибавляя всё новые ужасы битвы.

Также пытались быков приспособить к военному делу,
Вепрей свирепых пускать покушались на вражее войско,
1310 А иногда даже львов пред собой выпускали могучих
В сопровожденьи свирепых вождей и погонщиков ратных,
Ведших зверей на цепях и умевших направить искусство.
Тщетно: они, разъярившись, в пылу беспорядочной бойни
Мяли свирело полки и своих и чужих без разбора,
Страшно при этом тряся головами с косматою гривой.
И не могли успокоить коней, перепуганных ревом,
Всадники, ни обуздать, ни направить на вражки отряды.
В ярости львицы неслись и кидались прыжками с разбегу
Всюду; стремились схватить попадавшихся встречных за

горло

1320 Или же, с тылу напад неожиданно, рвали на части.
Раненных тяжело они повергали с размаху на землю,

Цепко зубами схватив и терзая когтями кривыми.
Да и быки на своих же бросались, ногами топтали,
И животы и бока лошадей прободали рогами
Снизу, и землю кругом взрывали в бешенстве грозном.
Мощным пронзали клыком своих же союзников вепри,
1329 В бешенстве кровью своей обагрят обломки оружия,
1330 Производили разгром без разбора и конных и пеших.
Прядали лошади прочь, избегая жестоких укусов,
Иль, становясь на дыбы, по воздуху били ногами.
Тщетно! Им жилы клыки подсекали, и тут же на месте
Падали наземь они, распластавшись в тяжком паденьи.
Даже и те, что, давно приручившись, ручными считались,
Воспламенялись у всех на глазах при сраженьи от шума,
Криков, смятения, ран, беспорядка, разгрома и бегства;
И уже больше никак осадить было их невозможно:
Врозь разбегались тогда все звери различной породы,
Как и луканские ныне волы, недобитые, часто
1340 Все врассыпную бегут, свои же войска попирая.

Может быть, всё это так. Хоть и трудно поверить, что

люди

Были не в силах умом постичь и предвидеть заранее
Гнусности этого зла, угрожавшего сделаться общим.
Можно скорей согласиться бы с тем, что это бывало
В разных вселенной мирах, сотворенных на разных началах,
Чем на одном лишь каком-либо круге земном совершалось.

Но не в надежде врагов одолеть воевали так люди,
А из желанья стенать их заставить, хотя бы погибнув,
По недоверью к числу своему и нуждаясь в оружьи.

1350 Шкуры одеждой сперва, а потом уже ткани служили.
Ткань появилась позднее, уже после открытия железа,
Ибо нельзя без него для тканья изготовить орудий —
Гладких цевок, гребней, челноков и звонких навоев.
Выделке пряжи мужчин научила сначала природа
Раньше, чем женщин, затем, что искусней гораздо мужчины.
Да и способней их пол в его целом к художествам разным.
Но земледельцы потом суровые этой работой
Стали гнущаться и всю ее отдали в женские руки,
Выбрав при этом себе исполнение грубой работы,
1360 И закаляли во грубом труде свои руки и мышцы.

Первый посева пример и образчик прививки деревьев

Был непосредственно дан природою, всё создающей:
 Ягоды, желуди, вниз упадавшие наземь с деревьев,
 Густо роясь у корней, своевременно все вырастали.
 Это и подало мысль прививать к деревьям отростки
 И на полях насаждать молодые отводки растений.
 Всячески стали затем обрабатывать милое поле
 И замечали тогда, что на нем от ухода за почвой
 Диких растений плоды получались нежнее и слаще.
 1370 День ото дня отходить заставляли леса на высоты
 И по долинам места уступать возделанным пашням,
 Чтобы озера, луга, ручьи, виноградники, нивы
 Всюду иметь по холмам и полям, чтобы сетью сеюю
 Рощи олив пробегать могли, среди них выделяясь,
 И разрастаться везде по склонам, равнинам и долам.
 Также поля и теперь, как ты видишь, красиво пестреют,
 Полные сочных плодов, прорезают сады их повсюду
 И окаймляют кругом кустарников ягодных чащи.
 Звонкому голосу птиц подражать научились устами
 1380 Люди задолго пред тем, как стали они в состоянии
 Стройные песни слагать и ушам доставлять наслажденье.
 Свист же Зефира в пустых стеблях камышовых впервые
 Дуть научил поселян в пустые тростинки цевницы.
 Мало-помалу затем научились и жалобно-нежным
 Звукам, какие свирель из-под пальцев певцов изливает,—
 В непроходимых лесах обретенная в рощах и долах,—
 В отдыха сладостный час на пастбищ просторе пустынном.
 1390 Всем этим люди тогда услаждались и тешили души,
 Пищей насытившись: все в это время забавы по сердцу.
 Часто, бывало, они, распростершись на мягкой лужайке
 На берегу ручейка под ветвями высоких деревьев,
 Скромными средствами телу давали сладостный отдых,
 Если к тому ж улыбался им и погода, и время
 Года пестрило цветами повсюду зеленые травы.
 Тут болтовня, тут и смех раздавался веселый, и шутки
 Тут забавляли людей: процветала тут сельская Муза.
 Голову, плечи себе из цветов иль из листьев венками
 1400 Резвость игривая всех украшать побуждала в то время;
 Все начинали плясать без размера, махая руками
 Грубо, и грубой пятой топтали родимую землю;
 Следом за этим и смех возникал, и веселые шутки.

Внове всё было тогда, и всё представлялось чудесным,
Да и тому, кто не смел засыпать, утешением было
То, что на всяческий лад выводил он голосом песни
Или поджатой губой скользил по тростинкам цевницы.
Даже теперь сторожа сохраняют этот обычай.

Но, и размер соблюдать научившись, нисколько не больший
1410 Плод наслаждений они получают от этого всё же,
Чем получало когда-то людей землеродное племя.
Ибо наличная вещь, коль приятней ее мы не знаем,
Нравится больше всего и кажется полной достоинств.
По постепенно затем предмет, оказавшийся лучше,
Губит ее и всегда устарелые вкусы меняет.

Так отвратительны всем стали желуды, так в небреженьи
Ложа из листьев и трав постепенно оставлены были.
Также одежду из шкур оставили люди звериных,
Хоть и внушала она при открытии столь сильную зависть,
1420 Что несомненно убит был тайком ее первый владетель.

Но, на клочки изорвав ее, всю обгавленную кровью,
Всё же убицы извлечь из нее не могли себе пользы.
Стало быть, шкуры тогда, а золото ныне и пурпур
Жизнь отравляют людей заботой и войнами мучат.
В этом, как думаю я, поколение наше виновней:
Стужа нагих и без шкур терзала людей землеродных,
Нам же, по правде, ничем не грозит недостаток багряных,
Золотом шитых одежд, изукрашенных пышным узором,
Если от холода нас защищает простая одежа.

1430 Так человеческий род понапрасну и тщетно хлопочет,
Вечно в заботах пустых проводя свою жизнь бесполезно
Лишь оттого, что не ведает он ни границ обладанья,
Ни предела, доколь наслажденье истое длится.
Это и вынесло жизнь постепенно в открытое море
И подняло из пучин войны великие волны.

Солнце же вместе с луной — караульщики мира, —

великий

Неба вертящийся свод сияньем своим озаряя,
Людям внушили, что смена времен годовых неизменно,
Так же, как всё во вселенной, свершается в строгом порядке,
1440 Жизнь проводили уже за оградю крепкою башен
И, на участки разбив, обрабатывать начали землю,
Море тогда зацвело кораблей парусами, и грады

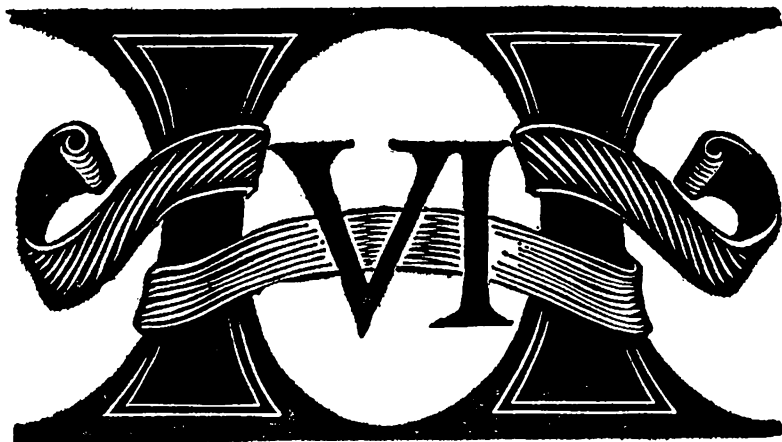
Стали в союзы вступать и взаимно оказывать помощь,
Как появились певцы, воспевавшие века деянья;
А незадолго пред тем изобретены были и буквы.
Вот отчего мы о том, что до этого было, не знаем
Иначе, как по следам, истолкованным разумом нашим.

Судостроенье, полей обработка, дороги и стены,
Платье, оружие, права, а также и все остальные
1450 Жизни удобства и всё, что способно доставить усладу:
Живопись, песни, стихи, ваянье искусное статуй —
Всё это людям пужда указала, и разум пытливый
Этому их научил в движеньи вперед постепенном.
Так изобретенья все понемногу наружу выводит
Время, а разум людской доводит до полного блеска.
Видели ведь, что одна за другой развиваются мысли,
И мастерство наконец их доводит до высших пределов.

КНИГА ШЕСТАЯ

Первые некогда знак, приносящий плоды, даровали
Жалкому роду людей осиянные славою Афины;
Жизнь обновили они и законы для всех учредили,
Первые подали всем утешения сладкие жизни,
Мужа родивши, таким одаренного сердцем, который
Всё объяснил нам, из уст источая правдивые речи.
Даже по смерти его откровений божественных слава,
Распространившись везде, издревле возносится к небу.
Ибо, когда он узрел, что потребное смертным для жизни
И поддержанья ее предоставлено им в изобилии,
Что обеспечена жизнь безопасностью, сколько возможно,
Что возвышает людей и богатство, и знатность, и слава,
И что кичатся они сыновей своих именем добрым,
Но тем не менее всех снедает в сердце забота,
И непрерывно их дух угнетают невольные страхи,
И бесперывно их дух угнетают невольные страхи,
Гложет сомненья всегда и тяжкие жалобы мучат,—
Уразумел, что порок заключается в самом сосуде
И что порочность его постоянно внутри разлагает

- Всё, что приходит извне, даже самые ценные вещи.
- 20 Ибо увидел он тут, что сосуд подтекает и треснул,
Так что наполнить его до краев никогда невозможно,
Да и, с другой стороны, отвратительный вкус принимает,
Видимо, всё, что внутри накаплиется в этом сосуде.
Вследствие этого он правдивую речь очистил
Людям сердца и конец положил он и страсти и страху;
В чем состоит, объяснил он, высшее благо, какого
Все мы стремимся достичь, и путь указал по тропинке
Краткой, какую его достигаем мы прямо и быстро;
Сколько рассеяно зла в делах человеческих всюду,
- 30 Как, разлетаясь, оно различно людей настигает
В силу законов природы, естественно или случайпо;
Он указал и врата, — откуда мы можем навстречу
Выйти ему, — доказав, что род человеческий часто
Вовсе напрасно в душе волнуется скорбной тревогой.
Ибо как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
- 40 Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.
И потому продолжаю я нить своего рассужденья.
После того, как уже объяснил я, что мира строенье
Смертно и что небеса состоят из рожденного тела,
И разобрал большинство явлений, что в них происходят
И совершаться должны, узнай теперь остальное,
Раз уж однажды взойти на высокую я колесницу

* * *

Ветров вздымается вихрь, а затем наступает затишье

* * *

- Было, меняется вновь, умиривши свое бушеванье.
- 50 Всё остальное, что здесь на земле созерцают и в небе
Смертные, часто притом ощущая и страх и смущенье,
Дух принижает у них от ужаса перед богами

И заставляет к земле поникать головой, потому что
В полном незнании причин вынуждаются люди ко власти
Вышних богов прибегать, уступая им царство над миром,
Этих явлений причин усмотреть и понять не умеют
И полагают, что все это божьим веленьем творится,
Ибо и те, кто познал, что боги живут безмятежно,
Всё-таки, если начнут удивляться, каким же порядком
60 Всё происходит кругом, особенно то, что мы видим
Над головою у нас, в беспредельных пространствах эфира,
Часто они обращаются вновь к суевериям древним
И признают над собой, несчастные, строгих хозяев,
Веря в то, что они всемогущи, не зная, что может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
Так в ослеплении с пути еще больше сбиваются люди,
Если же ты из души не извергнешь, отринув далеко,
Мысли, какие богов недостойны и миру их чужды,
70 За умаление тобой святости божественной вышних
Тяжко заплатишься ты; потому что, хотя невозможно
Вышних прогневать богов и заставить отмщеньем ушиться,
Вообразишь ты, что их, пребывающих в мирном покое,
Будто бы гнева валы, вздымаясь высоко, волнуют;
С сердцем спокойным тогда не пойдешь ты к святилищам
божьим,
Также и призраков тех, что от плоти священной исходят
В мысли людей и дают представление о божеском лике,
Ты не сумеешь принять в совершенном спокойствии духа.
Можно отсюда понять, что за жизнь воспоследует дальше!
80 Чтобы подобную жизнь познание истины вовсе
Нам помогло устранить, то хотя уже многое раньше
Я объяснил, но еще остается немало стихами
Гладкими мне изложить и законы небесных явлений
В них охватить, и воспеть непогоды и молний блистанье, —
Что производят они, от какой возникают причины,
Чтоб, на участки разбив небосвод, не дрожал ты безумно,
Силясь всё время понять, откуда явился летучий
Неба огонь и куда повернулся, и как через стены
Внутрь он проник и оттоль, находзяйничав, выбился снова.
90 Этих явлений причин усмотреть и понять не умеют
И полагают, что все это божьим веленьем творится.

Ныне ж, когда я стремлюсь последней намеченной цели
Бега достичь, укажи мне путь, хитроумная Муза,
Ты, Каллиопа, отрада людей и бессмертных улада,
Чтобы, ведомый тобой, стяжал я венок достославный.

Прежде всего, небеса лазурные гром сотрясает
В силу того, что, летя высоко в пространствах эфира,
Тучи сшибаются там под натиском ветров противных.
Ведь не доносится звук из части безоблачной неба,
100 Там же, где тучи, толпой собравшись, сплотятся, оттуда
Чаще всего раздаются раскаты громовых ударов.
Далее, тучи никак из такого же плотного тела,
Как и камня и лес, состоять безусловно не могут
Или же редкими быть, как летучие дым и туманы,
Ибо от тяжести вниз они падали б грузно, как камни,
Иль, как и дым, никогда не могли бы ни крепко держаться,
Ни заключать ни холодных снегов, ни дождей градоносных.
Звук раздается из туч по просторам обширного мира,
Шуму подобный тому, что, натянутый сверху театра,
110 Парус порой издает, меж шестов колыхаясь и брусьев,
Или неистово он, своевольным разодранный ветром,
Треск производит такой, как будто бы рвется бумага;
Можешь подобный же звук различить ты и в рокоте грома
Или же платье когда висящее или бумаги
Листья летящие бьет и крутит по воздуху ветер.
Может случиться и так, что не только сшибаются тучи
В лоб, а идут иногда навстречу друг другу обходом,
Двигаясь с разных сторон, и медленно трутся краями;
Звуки сухие тогда раздрают нам уши и долго
120 Длятся, пока не пройдут теснинами узкими тучи.

Также бывает еще, что порой представляется, будто
Громом колеблется все и что будто распались внезапно
Мощные все на куски мироздания обширного стены,
Если, мгновенно скопив свои силы, неистовый ветер
Бурей влетит в облака и, ворвавшись туда, заключенный,
Вихрем крутящимся он сильнее и сильнее отовсюду
Тучи сжимает края, образуя внутри ее полость;
После ж, как силой ее и напором он резким ослабит,
Тотчас ужаснейший треск производит она, разорвавшись.
130 Странного нет: и пузырь, наполненный воздухом, так же
Хлопает громко, когда разрывается, лопнув внезапно.

Можно и так объяснить, что когда через облако дует Ветер, разносится шум. Мы же видим, что часто по небу, Всячески тучи ветвьясь, громадой неровною мчатся. Так, когда в чаще лесной, проносья от полуночи, ветер Дует, шумит и листва, и ветви трещат на деревьях. А иногда, наскочив с необузданной силой на тучу, Ветер с налёту ее разрывает и в клочья разносит. Сила порыва его совершенно для нас очевидна:

140 Даже и здесь, на земле, где гораздо слабее он дует, Он вырывает легко деревья высокие с корнем. В тучах бывают еще и волны, которые будто Рокот глухой издают, разбиваясь. В прибое глубоких Рек и обширных морей подобный же звук раздается. Также бывает еще, коли в тучу из тучи палящий Молнии ударит огонь, то, обдавши обильною влагой, Туча на месте его убивает с неистовым ревом. Так и железо шипит, когда раскаленным из горна Жаркого сразу его погружаем в холодную воду.

150 Если ж, напротив, огонь попадает на тучу сухую, С шумом великим она загорается, вспыхнув мгновенно. Так, когда пламя бежит горами, поросшими лавром, Всё сожигает оно с налёту, гонимое ветром, Ибо ничто не горит с таким ужасающим шумом И не трещит, запылав, как Феба Дельфийские лавры. Часто гремят, наконец, и рушатся с грохотом громким Лдины и град, высоко в облаках сокрушаясь огромных, Ибо, коль ветер сожмет и стеснит их, ломаются горы Сдавленных туч снеговых, перемешанных с градом

холодным.

160 Молния также блестит, когда тучи в своем столкновеньи Много семян выбивают огня. Точно так же, как камень Если о камень другой иль железо ударится, тотчас Вспыхнет огонь и кругом рассыпает блестящие искры. Гром раздается в ушах поздней, чем глаза различают Молнии блеск, потому что всегда до ушей достигают Медленней звуки, чем то, что дает впечатления глазу. В этом нетрудно тебе убедиться: коль издали смотрим, Как дровосек топором двусторонним деревья срубает, Видим мы раньше удар, а потом уже звук раздается

170 В наших ушах. Потому мы и молнию видим сначала,

Прежде чем слышится гром, с огнем возникающий вместе,
В силу таких же причин и таких же совсем столкновений.

Также бывает еще, что тучи окрасят окрестность
Светом летучим в грозе, сверкающей трепетным блеском,
Ежели, в тучу влетев, закружится ветер, сжимая,
Как указал я уже, изнутри по краям ее полость;
Разгорячается он от движенья, как всё остальное,
Двигаясь, — видишь, — горит, распалившись: свинцовые даже
Ядра, коль долго летят, растопляются в быстром вращеньи.

180 Так что, когда разорвет, раскаленный, он черную тучу,
То рассыпает огня семена, как бы силой внезапной
Выжавши их, и дают они молний сверкающих пламя,
Следом за этим и звук раздается, но он поражает
Уши позднее, чем то, что доходит до нашего глаза.
Это, конечно, всегда при густых облаках происходит,
Мощною кучей вверху взгроможденных одно на другое.
Пусть не вводит тебя в заблужденье, что снизу мы видим
Больше, как вширь раздались, чем как ввысь облака

громоздятся.

Ты посмотри как-нибудь, как горам подобные тучи
190 В воздухе мчатся вперед, накрываясь под натиском ветра,
Или взгляни, как они, на высоких горах накопившись,
Кучами в небе сошлись, напирая одна на другую,
И неподвижно стоят, когда замерли ветры повсюду.
Сможешь тогда ты понять, насколько громады их мощны,
И различить среди них пещеры, как будто из камней
Сверху нависших. И вот, при поднявшейся буре, их полнят
Ветры и бесятся там, в облаках заключенные, с громким
Рокотом, грозно ворча в глубинах, как дикие звери,
И то оттуда их рев в облаках, то отсюда несется:

200 Выхода ищут они и огня семена извлекают,
Вихрем крутясь, из туч, и, добыв их во множестве, гонят
Пламя внутрь очагов раскаленных, и там его вертят
Вплоть до того, как сверкнут они молнией, тучи прорвавши.

Также еще и по той причине подвижно-летучий
Блеск золотистый огня текучего наземь слетает,
Что и в самих облаках семян огневых несомненно
Множество есть; а когда в них влажности нету нисколько,
Обыкновенно тогда они огненно-яркого цвета.
Дело ведь в том, что они должны позаимствовать много

- 210 Света от солнца, чтоб так и алеть и сиять, пламенел.
Если же ветер, гоня и сжимая, собьет их все вместе,
Тотчас они из себя семена испускать начинают,
Производящие блеск и сияние огненных молний.
Молния также блестит, когда тучи редеют на небе.
Ибо, когда на ходу их ветер легонько развеет
И разорвет, то из них, поневоле тогда выпадая,
Молний летят семена. Но при этом ужасных раскатов
Грома не слышно: блестит безо всякого шума зарница.
Мне остается сказать, какой обладает природой
- 220 Молния. Это удар выясняет ее огневые
Знаки, что выжжет она, и удушливый запах их серный.
Всё это — знаки огня, но отнюдь не дождя и не ветра.
Молнии, кроме того, зажигают и крыши построек,
Да и внутри их они начинают хозяйничать быстро.
Этот тончайший огонь из огней, существующих в мире,
Сделан природою весь из мельчайших и самых подвижных
Тел, для которых ничто не в силах поставить преграды,
Даже сквозь стены домов проникают могучие молнии,
Как голоса или крик: пропикают сквозь медь, сквозь камень
- 230 И расплавляют они как медь, так и золото мигом;
Делают так, что вино, — хотя бы кувшин и не треснул, —
Всё испаряется вдруг, потому что, конечно, легко им
Стенки сосуда везде и расширить и редкими сделать,
Их раскаляя огнем, который, внутрь проникая,
Первоначала вина разлагает и живо разносит.
Этого солнечный жар и ввек не способен, как видно,
Сделать, как бы он ни был сверкающим пламенем мощен:
Столь несравненно мощней и подвижнее молнии сила,
Ну, а теперь почему рождаются молнии и могут
- 240 Столь сокрушительны быть, что способны разрушить ударом
Башни, дома развалить и вывертывать балки и бревна,
И монументы мужей потрясать и крушить, низвергая,
Насмерть людей убивать и стада поражать где угодно, —
Силой какую они производят и всё остальное,
Я объясню и тебя не буду томить ожиданьем.
Молнии, надо считать, из высоких и толстых рождаются
Облачных куч потому, что из чистого неба иль легких
И негустых облаков никогда их у нас не бывает.
Ибо сомнения нет, да и всем очевидно и ясно,

250 Что при грозе небосвод целиком облака застилают,
Так что как будто бы весь с Ахеронта поднявшийся сумрак
Вырвался вон, захватив и заполнив небесные своды:
Вот до чего, когда черная ночь возникает из тучи,
Ужаса мрачного лик угрожает нам, сверху нависнув,
Только лишь станет гроза собираться и молнии заблещут.
Часто же, кроме того, надвигается издали в море
Грозная туча, густой напоенная тьмою, как черный
С неба поток смоляной, и чреватую молнией бурю
Мрачную тащит с собой; и сама, и огнями и ветром
260 Обремененная, так низвергается сверху на волны,
Что и на суше дрожат и под кровли бросаются люди.
Значит, должны мы считать, что высоко скопляются грозы
Над головою у нас. Ибо иначе тучи на землю
Мглы не спускали б такой, не будь они кучей на кучу
Взгромождены наверху, затмевая сияние солнца;
И не могли бы они раздражаться такими дождями,
Чтобы и реки вздувать и водами полнить равнины,
Если б строения их не вздымались высоко в эфире.
Значит, наполнено здесь и ветрами всё и огнями,
270 А из-за этого гром и молния всюду бывают.
Ибо, как я указал, в облаках заключается полых
Множество жара семян, и к тому ж они много вбирают
Их и от солнца лучей и от пламени их несомненно.
Так что, коль где-нибудь вдруг облака соберутся, и ветер
Тот же, какой их согнал, из них выжимать начинает
Множество жара семян и с огнем их мешается вместе,
Вихрем он мечется там и крутится, проникнув в теснины,
И заостряет внутри очага раскаленного молнии.
Ибо от двух он причин загорается: иль накаляясь
280 Быстрым движеньем своим, или тем, что к огням
прикоснется.
Лишь накалится он сам своей собственной силой иль мощным
Пылом огня наконец, то молния, как бы созревши,
Вдруг разорвет облака, и проносится пламенем ярким
Быстро сверканье ее, заливая окрестности светом.
Следует тяжкий удар, как будто бы, лопнув внезапно,
Рушится весь небосвод и грозит обвалиться на землю.
Там и земля сотрясается вся, и проносится в небе
Дальнем громовый раскат, грохоча, ибо этой порою

Буря повсюду уже раздражается рокотом грозным.
290 А за ударом такой раздражается дождь изобильный,
Будто бы весь целиком эфир обращается в ливень
И, низвергаясь, опять земле угрожает потопом:
Сколько тут хлещет воды в урагане бушующем ветра
Вниз из разорванных туч при сверкании молний и грома.
Также откуда-то вдруг налетает с неистовой силой
Ветер на тучу уже с готовой свалиться вершиной.
Лишь разорвет он ее, как сейчас же тут вихрь вылетает
Огненный, что на родном языке называем мы молнией.
300 Это бывает везде, откуда бы ветер ни мчался.
А иногда без огня поднявшийся с силою ветер
Воспламеняется всё ж в продолжение долгой дороги.
Двигаясь, он на ходу теряет такие из крупных
Тел, для которых нельзя с остальными пробиться сквозь

воздух;

Вместе же с тем из него на себе он выносит другие —
Мелкие, что, на лету примешавшись, огонь образуют.
Тем же примерно путем и свинцовые ядра нередко
Могут горячими стать на бегу, когда, много холодных
Выпустив тел из себя, они в воздухе жар набирают.
310 Часто, чтоб вспыхнул огонь, достаточно силы удара,
Даже когда без огня холодный врывается ветер.
Не мудрено: коль толчок оказался достаточно мощным,
Жара стихиям сойтись возможно из самого ветра
И, вместе с тем, из того, что при этом удар получило.
Так вылетает огонь при ударе железом о камень,
И хотя сила его холодна, тем не менее вместе
Жаркие искр семена сбегаются тут от удара.
Так же поэтому все должно загораться от молний,
Если доступно огню и способно от пламени вспыхнуть.
320 Но и нельзя допустить, чтобы ветер, который несется
Сверху напором таким, совершенно холодным остался.
Если же сам на лету не успел он еще загореться,
Всё же нагретым он налетает и с примесью жара.
Молнии стремителен бег, и разит она тяжким ударом
И с быстротою всегда чрезвычайной скользит при полете
Из-за того, что сама в облаках набирается силы,
Прежде чем вылетит вон, получая огромную скорость.
А когда большой напор ее выдержать туча не может,

Вырвавшись тут, вылетает она с изумительной силой,
Вроде того, как снаряд из могучих несется орудий.
330 Кроме того, элементы ее и мелки и гладки,
И потому не легко для молнии поставить преграды.
Внутри проникает она и проходит по пористым ходам,
Без промедленья скользя, и не много встречает препятствий,
Из-за чего и летит неуклонным и быстрым стремленьем,
И от природы, затем, все тяжести без исключения
Книзу стремятся лететь; когда же толчок сообщен им,
Скорость их вдвое сильней. И стремленье поэтому молнии
Столь велико, что она без задержек и резко и быстро
Всё сокрушает в пути пред собой и проносится дальше,
340 Издалека, наконец, начиная стремление, будет
Скорость она набирать, а скорость, растя при движении,
Всё усиляет ее и удар ее делает резче:
Молнии все семена заставляет она уноситься
Прямо вперед и в одно, скажу я, какое-то место,
Вместе сбивая их все и крутя их в одном направлении.
Некие также тела извлекает из воздуха молния,
Может быть, тут и они разжигают ей скорость толчками.
Не причиняя вреда, она много предметов пронзает,
Ибо текучим огнем без ущерба сквозь поры проходит,
350 Много и рушит она, коль столкнется своими телами
Прямо с телами вещей, где тела эти связь образуют,
Далее, молния медь распускает и золото сразу
Плавит легко потому, что сама из до крайности мелких
Тел основных состоит, да и гладких притом элементов,
Что проникают в нутро без труда; и, проникнув, внезапно
Все распускает узлы и все связи в вещах ослабляет,
Осенью чаще всего осиянные звездами ярко
Неба чертоги дрожат, и земля сотрясается всюду,
Или как только весна открывается, вся расцветая.
360 В зимнюю пору огней не хватает, а в летнюю — ветров
Мало, и тучи тогда не достаточно плотны бывают.
Осенью ж или весной, между стужей и жаркой погодой,
Соединяются все разнородные молний причины:
Года тогда перебой жару с холодами мешает;
Тучам же нужно и то и другое для деланья молний,
Чтобы в природе разлад наступил, чтобы в бурном смятении
Ветров с огнями вскипел разъяренный волнением воздух.

Зной начало с концом совпадает последним мороза:
Это приходит весна; и поэтому надо бороться
370 Разным друг с другом вещам и мешаться в пылу этой

схватки.

Если же зной под конец со стужей мешается первой
В круговороте времен, — говорим мы, что осень настала, —
Тут точно так же зима воюет, жестокая, с летом.
Смены такие назвать мы должны перебоями года.
Не мудрено, что тогда особенно много бывает
Молний и гроз, и, шумя, проносятся по небу бури.
Ибо сшибаются тут в борьбу постоянной друг с другом
Пламя, отсюда летя, и ветер и ливень — оттуда.

Это возможность дает вполне разобраться в природе
380 Молний и видеть, какой они силою всё производят;
Нечего рыться тебе понапрасну в Тирренских вещаньях;
Чтоб указаний искать сокровенной божественной воли,
Сияясь всё время понять, откуда явился летучий
Неба огонь и куда повернулся, и как через стены
Внутрь он проник и оттол, нахозяйничав, выбился снова,
Или же чем повредить может молния, с неба ударив,
Если Юпитер и с ним остальные всевышние боги
Грохотом грозным небес потрясают блестящие своды
И низвергают огонь, руководствуясь собственной волей,
390 То почему же у них не боящийся гнусных проступков
Не поражается так, чтобы грудью прозенною пламя
Молнии он выдыхал в назиданье суровое смертным?
И почему за собой злодеяний не знающий грязных
Пламенем часто объят и, невинный, бывает подхвачен
Вихрем внезапным с небес и огнем пожирается тут же?
Или к чему бы искать им пустынь и напрасно трудиться?
Разве чтоб руки у них упражнялись и мускулы крепили?
Как допускать, чтобы стрелы Отца притуплялись о землю?
Как это терпит он сам? Почему на врагов не хранит их?
400 И почему, наконец, Юпитер ни разу на землю
Молнии с чистых небес не метнет, да и громом не грянет?
Что же? Иль тучи он ждет, чтобы, став на нее, опуститься
Ближе к земле самому и удар повернее направить?
Ну, а к чему же в моря он метит? И чем провинились
Волны пред ним, что он бьет по пучине и водным равнинам?
И, захоти он к тому ж остеречь нас от молнии удара,

Что ж уклоняться ему разряд ее видимым сделать?

Если же нас поражать огнем он желает внезапно,

Что ж он оттуда гремит и дает нам возможность укрыться?

410 Что же наводит он мрак и заранее глухо грохочет?

Да и поверишь ли ты, чтобы в разные стороны сразу
Молнию мог он метать? Иль дерзнешь с очевидностью

спорить,

Что раздается порой одновременно много ударов?

Часто случается так и должно непременно случаться,

Что, как во многих местах начинается дождь или ливень,

Так начинает блистать одновременно множество молний.

Капища все, наконец, святые богов и свои же

Пышные храмы зачем разрушает он молнией грозной,

Иль изваянья богов совершенные бьет он на части,

420 Или свои образа беспощадною раной бесчестит?

И почему постоянно он метит в высоты, и видно

Столько следов от огня на горных хребтах и вершинах?

Мне остается сказать,— и легко ты теперь разберешься

В том, что у греков «престёр», а у нас называется

смерчем,—

Как подымается он, на морях появляясь сверху.

Ибо бывает порой, что, как будто опущенный с неба,

Падает на море столб, вокруг которого вдруг закипают

Волны, коль ветер на них напирает, стремительно дует.

Тут все суда, что таким захвачены водоворотом,

430 Вертятся бешено в нем, подвергаясь огромному риску.

Это бывает порой, когда ветер влетевший не может

Тучу насильно прорвать, но вниз ее давит, и тут же

Падает на море столб, как будто опущенный с неба,

Словно бы кто кулаком ударял ее мало-помалу

Сверху и жал бы рукой, на волны ее нагнетая.

Но разорвется она,— и с неистовой силою ветер

В море влетит, и кипеть начинают раздутые волны.

Ибо крутящийся смерч, опускаясь все ниже и ниже,

Вместе с собою туда увлекает тягучую тучу.

440 Только столкнет он ее отягченной на глади морские,

Как низвергается сам в глубину во мгновение, и море

Всё баламутит кругом и вздымает ревушие волны.

Также бывает еще, что семян тучевых набирает

В воздухе ветряный вихрь и тучами сам обернется,

Напоминая престер, несущийся вниз с небосвода.
Только лишь стоит ему опуститься на землю и лопнуть,
Как раздражается он ураганом и бурей ужасной.
Редко, однако, у нас происходят такие явления
И не видны на земле из-за гор, а встречаются чаще
450 В море открытом они на просторе широкого неба.
Тучи собираются там, где слетается много шершавых
Облачных тел наверху по пространству небесного свода.
И хотя эти тела не слишком-то цепки, но всё же
Могут, друг с другом сплотясь, держаться достаточно крепко.
Тут сначала из них облака небольшие клубятся,
Вскоре же после того свиваются в кучи друг с другом,
Соединяясь, растут и уносятся по небу ветром
Вплоть до того, пока вдруг не подыметесь дикая буря.
Также заметно еще, что, чем дальше вздымают вершины
460 Горы в соседство небес, тем сильнее они и курятся
Плотно окутавшей их облаков желтоватою мглою.
Ибо лишь только начнут облака собираться по небу,
Прежде чем глаз различить способен их тонкие ткани,
Как уже ветры несут и к горным теснят их вершинам.
Только тогда, наконец, накопляясь большою толпою
И собираясь плотней, они видимы быть начинают
И, от макушки горы поднимаясь, восходят к эфиру.
Ибо и самая вещь, да и чувство, во время подъема
На горы, нам говорят, что открыты для ветров высоты.
470 Множество, кроме того, поднимает от моря природа
Тел дождевых, как о том говорит нам вобравшее сырость
Платье, которое мы развесим по берегу моря.
Видно из этого нам, что в значительной степени тучи
Могут усиливать рост от движенья соленой пучины;
Ибо во кровном родстве находятся всякие воды.
Кроме того, и от рек и от самой земли, как мы видим,
Часто туманы идут, и пар постоянно клубится;
Точно дыханье, они уносятся кверху оттуда,
Мглою своей небеса затмевая, и, мало-помалу
480 Вместе сходясь в вышине, облака, наконец, образуют.
Да ведь и сверху эфир звездоносный их пламенем давит
И одевает лазурь облаками, сгущая их плотно.
Может быть, также извне долетают до нашего неба
Эти тела, что дают облака и летящие тучи:

Неисчислимо число этих тел, бесконечно зияет
Бездна вселенной, как я говорил, указав и какую
Скорость имеют тела при полете, и как во мгновение
В неизмеримую даль проноситься способны в пространстве,
Значит, мудреного нет, что нередко в короткое время
490 Кучей таких облаков заволакивать буря и сумрак
Могут везде и моря и земли, нависнув над ними,
Если повсюду кругом, и по скважинам всяким эфира,
И по отдушинам всем, скажу я, великой вселенной
Выход свободный и вход открывается всем элементам.
Ну, а теперь я скажу, каким образом в тучах высоких
Может сгущаться роса дождевая и падать на землю,
Ливнем оттуда идя. И, прежде всего, докажу я
То, что воды семена во множестве с тучами вместе
Всходят от всяких вещей, и затем вырастают совместно
500 Самые тучи и вся та вода, что скопилась в тучах,
Так же, как тело у нас растет одновременно с кровью,
С потом, со всей, наконец, по суставам сочащейся влагой,
Так же и влагой морской облака набухают обильно,—
Как шерстяное руно, что висит на морском побережье,—
Если их ветры несут высоко над просторами моря.
Точно таким же путем и от рек и от всяких потоков
Влага идет в облака. А когда отовсюду сойдется
Много семян водяных и накопятся там они вдоволь,
Наперебой облака торопятся выпустить влагу
510 В силу двояких причин: друг с другом сшибает их вместе
Ветер, и множество туч, собираясь большою толпою,
Давит их, сверху гнетя, и дождем заставляет излиться.
Кроме того, когда тучи на небе редуют от ветра
Или расходятся врозь, пораженные солнечным жаром,
То начинает из них моросить и накрапывать дождик.
Словно бы топится воск над огнем и стекает по каплям.
Ливень же льет проливной, когда тучи и сами сомкнутся,
Тяжко друг друга гнетя, и противные давят их ветры.
А затяжные дожди, непрерывно идущие долго,
520 Льются тогда, когда много семян водяных соберется
И отовсюду бегут облака и тяжелые тучи,
Следом одно за другим и одна за другой изливаясь,
И когда всюду земля в испарине влажной дымится.
Тут, если солнце блеснет во мгле непогоды лучами

Прямо напротив дождя, из тучи кропящего капли,
Радуги яркой цвета появляются в облаке черном.

Прочее всё, что вверху вырастает, вверху возникает,
Всё совершенно, что там в облаках образуется, словом:
Ветры, и град, и снега, и холодного инея иглы,

530 Как и всеильный мороз — оковы могучие влаги
И остановка для рек, что везде пресекает теченье,—
Крайне легко объяснить; и вполне для ума постижимо,
Как получается всё и какой образуется силой,
Раз хорошо ты поймешь элементам присущие свойства.

Землетрясений теперь мы рассмотрим с тобою причины.

Прежде всего, ты представишь, что глубины земли закрывают,
Как и поверхность ее, великое множество полных
Ветром пещер, и озер, и провалов глубоких повсюду,
Что наполняют ее и отвесные скалы и глыбы;

540 Надо еще полагать, что внутри ее много потоков
Мощно течение стремят; увлекая подводные камни:
Всюду должна ведь земля однородною быть очевидно,
Если же всё это в ней и находится и существует,
То при обвалах больших сотрясается почва земная
Там, где внизу сокрушит пещеры огромные время.
Целые горы тогда низвергаются вдруг и далеко
Страшным паденьем своим потрясают окрестные земли.
Да и понятно вполне, раз и легкие даже повозки,
Едучи мимо домов, заставляют их стены шататься,
550 Если к тому же колес железом окованный обод
С той и с другой стороны о камня дорожные бьется,
Также бывает еще, что когда, сокрушенная веком,
Мощная глыба земли обрывается сверху в пучину,
То от напора воды начинает земля колебаться,
Вроде того, как сосуд не способен стоять, не шатаясь,
Если колеблется в нем неверным движением влага.

Кроме того, когда ветер, в углубленьях подземных
скопившись,

Бросится сразу вперед и в одном направлении давит
Своды глубоких пещер, устремляясь с неистовой мощью,
560 Силою ветра земля наклоняется в сторону ту же.
Все угрожают тогда на земле возведенные зданья,
Главным же образом те, что высоко вздымаются к небу,
В сторону ту же упасть, куда и земля накренилась,

И нависают уже, готовые выскочить, балки.

Тут содрогаются все при мысли, что целому миру

Некогда будет конец и грозит ему полная гибель,

Видя громаду земли наклоненной, готовую рухнуть.

И если б ветры совсем никакой передышки не знали,

То не могло бы ничто удержать от гибели вещи.

570 В самом же деле они то улягутся, то налетают,

С силой собравшись опять, нападая и вновь отступая.

Чаще поэтому нам разрушеньем земля угрожает,

Чем производит его: накреляясь, она подается,

Но, не успевши упасть, в равновесие снова приходит.

Вот по причине какой и качаются стены строений

Сильно вверху, в середине слабей, а внизу незаметно.

Также еще потому сотрясения земли происходят,

Что неожиданно ветер и огромная воздуха сила,

Или возникнув извне, иль из самой земли появившись,

580 Сразу бросаются внутрь, в пустоты земли и, ворвавшись,

В безднах огромных пещер бушуют сначала и бурно

Носятся, вихрем кружась, а потом, разыгравшись, с силой

Вон необузданно вдруг вырываются и, разверзая

Тут же глубины земли, открывают огромную пропасть,

Это в Сидоне Сирийском случилось и в Эгии было

Пелопоннеском, когда таким извержением воздух

Эти разнес города и разрушил земли сотрясеньем.

Множество, кроме того, попададо стен при великих

Землетрясениях, и вглубь на дно опустилось морское

590 Много других городов со своим населением вместе.

Если ж не вырвутся вон ни воздуха натиск, ни ветра

Дикая сила, то всё ж, проходя через поры земные,

Как лихорадка, они вызывают дрожание почвы.

Также и в тело озноб, до мозга костей проникая,

Все наши члены дрожать и трястись заставляет неволью.

Люди тогда в городах от страха двойного трепещут:

Сверху им крыши домов угрожают паденьем, а снизу,—

Жутко подумать,— земля готова внезапно расторгнуть

Своды подземных пещер и, разверзшись зияющей бездной,

600 Грудой развалин своих переполнить раскрытые недра.

Сколько угодно считать поэтому могут, что небо

Вместе с землею навек нерушимы должны оставаться;

Но тем не менее вдруг предстоящей опасности сила

Жало вонзает в людей и тревожит порою боязнью,
Как бы внезапно земля, ускользнув из-под ног,

не низверглась

В пропасть, а следом за ней совокупность вещей не погибла
До основания, и мир не остался лишь грудой развалин.

Кажется, прежде всего, удивительно людям, что море

610 Не прибывает ничуть, несмотря на стремление потоков,
Что́ отовсюду в него впадают и льются обильно.

Вспомни еще о дождях мимолетных, о бурях летучих,

Что орошают моря и земли собой увлажняют;

Вспомни морские ключи; но и это всё, взятое вместе,

Каплю будет одной по сравнению с объемами моря.

Что же мудреного в том, что оно не становится больше?

Многое, кроме того, испаряется солнечным жаром:

Видим же мы, наконец, что до нитки промокшее платье

Станет сейчас же сухим под палящими солнца лучами;

620 Гладь же морей велика и широко под солнцем простерта.

Сколько угодно мала поэтому может быть доля

Влаги на месте любом, поглощаемом солнцем из моря,

Но на пространстве таком ее убыль должна быть огромна;

Могут и ветры к тому ж, взметая морские равнины,

Множество влаги из волн уносить: ведь нередко мы видим,

Как за одну только ночь просыхают дороги от ветра,

И размягченная грязь застывает в окрепшую корку.

Кроме того, я сказал, что множество влаги и тучи

Могут с собой уносить с равнины великого моря

И выливать из себя по целому кругу земному

630 В ливнях, когда облака понесутся, гонимые ветром.

Так как земля, наконец, является пористым телом

И примыкает к морям, побережия их окаймляя,

То и вода из земли, утекая в моря, непременно

В землю обратно должна из соленой пучины сочиться.

Ибо морская вода проникает сквозь почву, и жидкость

В землю сочится назад, стекая к источникам водным,

После чего по земле возвращается пресным потоком

Там, где дорогу для волн она влажной пятою пробила.

Ну, а теперь почему из жерла скалистого Этны

640 Дышит порою огонь, вздымаясь таким ураганом,

Я объясню. Ибо тут ведь не малое бедствие было

В пламенной буре, поля сицилийские все охватившей

И приковавшей к себе вниманье соседних народов,
Как задымились кругом и заискрились неба пространства;
И наполнялись сердца глдевших тревожной заботой,
Не замышляет ли вновь изменения мира природа.

Всё это надо тебе глубоко и пространно обдумать
И всесторонне во всех подробностях ясно увидеть;
650 Должен ты помнить всегда, что вселенная неизмерима,
Видеть, что небо одно в отношении к целой вселенной
Есть лишь ничтожная часть у нее и малейшая доля,
Меньше еще, чем один человек по сравненью с землею.
Если ты это постиг, если ты хорошо это понял
И представляешь себе, изумляться ты меньшему станешь.
Разве приходят у нас в изумленье, коль кто-нибудь схватит
Вдруг лихорадку и жар ощутит он горячечный в теле
Иль заболит еще от любого другого недуга?
Всплхнет, бывает, нога неожиданно, часто и зубы
Мучит сверлящая боль или даже до глаз доберется;
660 Есть и «священный огонь», проползающий в тело, палящий
Разные части его и повсюду бегущий по жилам;
Не мудрено: потому что немало семян всевозможных,
Да и довольно земля с небесами приносит недугов,
Чтоб развиваться могли ужасающей силы болезни.
Стало быть, надо считать, что для неба с землей изобильный
У бесконечности есть всевозможных источник запасов,
Чтобы внезапно земля потрясенная вся колебалась,
Чтобы стремительный вихрь пробежал по морям и по суше,
Лился бы Этны огонь через край и горело бы небо.
670 Ибо случается так, и пылают небесные своды,
И непогоды шумят, разражаясь неистовым ливнем,
Если воды семена сойдутся во множестве вместе.
— «Но чересчур велико это бурное пламя пожара!» —
Да, но и всякий поток покажется самым огромным
Тем, кто не видел еще величайшего; также громадны
Будут для них человек, или дерево, или другие
Вещи, пока не пришлось повстречать им еще величайших,
Хоть и решительно всё с небесами, землею и морем
Суднее будет ничто по сравнению с целой вселенной.
680 Но, тем не менее, я объясню, каким образом пышет
Вдруг разъяренный огонь из горнила могучего Этны.
Прежде всего, под горой залегает обширная полость,

И целиком она вся на кремневых покоится сводах,
В этих пещерах ее заключается ветер и воздух:
Ветер ведь дует везде, где в движении находится воздух.
Лишь распалится он тут и, набросившись бешено, всюду
Скалы и землю кругом накалит, высекая из оных
Жгучий при этом огонь с языками, летящими быстро,
Как вырывается вверх по крутому отверстию жерла,
690 Пламя наверх вынося далеко; и далеко он пепел
Сыплет и черный туман клубит непроглядного дыма,
Вон выбивая с огнем и чудовищной тяжести камни.
Не усомнишься теперь ты в силе неистовой ветра!
Кроме того, о подошву горы на большом протяженьи
Море ломает валы и прибой поглощает обратно;
И, в глубину уходя, подступают морские пещеры
К самому жерлу горы. Через эти проходы, конечно,
697 а Ветер с волнами идет, поднимается кверху и часто,
Как очевидно для нас, проникает туда из пучины
И вырывается вон, выдувая наружу и пламя,
700 Камни кидает наверх и тучи песку поднимает.
Ведь на вершине горы открываются «кратеры». Это
Местное слово, а мы называем их — устья и жерла.
Вещи есть также еще, для каких не одну нам, а много
Можно причин привести, но одна лишь является верной.
Так, если ты, например, вдалеке бездыханный увидишь
Труп человека, то ты всевозможные смерти причины
Высказать должен тогда, но одна только истинной будет,
Ибо нельзя доказать, от меча ли он умер, от стужи,
Иль от болезни какой, или, может быть также, от яда,
710 Но, тем не менее, нам известно, что с ним приключилось
Что-то подобное. Так говорить нам о многом придется,
Нил, орошая страну Египта, единственный в мире,
Каждое лето растет и водою поля заливает.
Он наводняет всегда среди самого зноя Египет
Иль потому, что тогда ему в устье несутся Бореи,
Что этой летней порой название носят «голичных»;
Дуя напротив реки, они ей замедляют теченье,
Воду вгоняют назад и, подняв ее, стать заставляют.
Ибо, сомнения нет, они против течения мчатся
720 Этой реки, приходя от холодных полярных созвездий;
Нил же от Юга идет, из самого знойного места,

Между народов, совсем почерневших от жгучего жара,
Течь начиная,— в стране под палящим полуденным небом.
Или, быть может, песку огромные кучи наносит
В устье морская волна, затыкая его, когда море,
Вздутое ветром, песок глубоко в русло загоняет.
Этим теченью реки преграждается выход свободный,
И по наклону вода уменьшенному тише стремится.
730 Может быть также и то, что истоки его в эту пору
Полнят обильней дожди, раз годичные, дря, Борей
Все облака нагоняют туда, собирая их в тучи.
И, без сомненья, когда облака в полуденные страны,
Сбитые вместе, сошлись, то, к высоким припертые горам,
Густо теснятся они, наконец, и сжимаются сильно.
Может быть, полнится он и с возвышенных гор Эфиопов,
Как начинают снега блестящие в доли спускаться,
От растопляющих тая лучей, посылаемых солнцем.

Ну, а теперь обо всяких местах и озерах Авернских
Я расскажу, объяснив, каковы их природные свойства.
740 Прежде всего, потому Авернскими их называют,
Что чрезвычайно они вредоносны для птиц всевозможных.
Стоит лишь им полететь как раз над такими местами,
Тотчас, грести позабыв, паруса они крыл опускают,
Падая сверху стремглав с бессильно поникшею шеей
На землю, если она оказалась в том месте под ними,
Или же в воду, когда под ними озеро Аверна.
Место такое близ Кум существует, где серою острой
Горы обильно дымят и горячих источников полны.
Есть и в Афинских стенах, на вершинах кремля городского,
750 Около храма благой Тритониды Паллады такое
Место, куда залететь никогда не посмеют вороны,
Каркая: даже когда алтари от даров задымятся.
Но улетают они не от грозного гнева Паллады
За непотребный донос, как воспето поэтами греков,
А вынуждают бежать их природные местности свойства.
В Сирии, как говорят, существует подобное место:
Четвероногих зверей, не успевших и шага там сделать,
Тяжко на землю валит бездыханными эта же сила,
Точно бы в жертву богам принесли их внезапно подземным.
760 Но на естественных всё основаниях зиждется это,
И очевидно, какой обусловлено это причиной.

Пусть же не верит никто, что Орка находятся двери
Именно в этих местах, что из них к берегам Ахеронта
Души умерших людей увлекают подземные боги,
Как быстроногий олень, по преданью, воздрями своими
Может извлечь из норы ползучее племя животных.
Правдоподобия нет никакого во всех этих баснях,
Как ты увидишь: хочу я сказать, как на деле бывает.

Прежде всего, я скажу, как и раньше не раз говорил я,
770 Что заключает земля всевозможного вида зачатки;
Многие пищу дают и живительны, многие могут
Вызвать, напротив, болезнь и ускорить собою кончину,
Разным живым существам для поддержки их жизни
потребны

Разные вещи, как мной уже было указано раньше,
Из-за различия в их существе и различий в строении
Тканей у них основных и фигур их первичных зачатков,
Вредного много и в уши идет, проникает и в ноздри
Много такого, что нам и опасно и грубо на ощупь;
Многого наше должно избегать осязанье, и зренье

780 Остерегаться подчас, да и вкусу противного много.

Надо заметить затем, что много вещей человеку
Может и вред приносить, и быть нестерпимо и мерзко.
Так, у деревьев иных настолько их тень вредоносна,
Что вызывают они у того, кто под ними улегся
На траву, чтоб отдохнуть, нестерпимую боль головную.
И на высоких горах Геликона есть дерево также,
Запахом тяжким цветов приносящее смерть человеку.
Всё это явно должно из-под почвы расти, потому что
Многоразличным путем и немало семян всевозможных

790 Смешано в недрах земли, но она их отдельно выводит.
Если удушливый чад от потушенной только что лампы
В ноздри проникнет больных, у которых в припадке
падучей

Пена идет изо рта, то он усыпляет на месте.
Запах бобровой струи наводит на женщину дрему,
И выпускает из рук она нежных свои рукоделья,
Если вдыхает его во время своих очищений.
Много еще есть вещей, расслабляющих тело и душу
Всю заставляющих в нас колебаться до самой основы,
И, наконец, если ты засидишься в горячей парильне

- 800 С полным желудком, иль ванну берешь, иль запаришься
в бапе,
Как ты легко упадешь без сознания тут же на месте!
Тяжкий угар от углей раскаленных и сильный их запах
Как проникают нам в мозг, коль воды перед этим
не выпить!
- Если же тело у нас дрожит в лихорадочном жаре,
Может нам запах вина оказаться ударом смертельным.
Разве не видишь, что в почве самой зарождается сера
И земляная смола запекается с мерзкою вонью?
Там, наконец, где, стремясь к золотым и серебряным жилам,
В недрах сокрытых земли, рудники прорывают железом,
810 Что за ужасный идет из-под почвы Скаптенсулы запах!
Сколько зловредных паров золотая руда испускает,
Как изнуряет она рудокопов бескровные лица!
Иль не видал, не слышал ты, в какое короткое время
Гибнут они и что сил лишается жизненных всякий,
Кто принужден добывать пропитанье такую работой?
Значит, земля из себя испускает всю эту отраву
И выдыхает ее на открытые неба просторы.
Так и в Авернских местах непременно должна
для пернатых
- Смертная сила идти, от земли восходящая в воздух,
820 Чтоб отравляла она известное неба пространство.
И не успеет туда на крыльях птица примчаться,
Как цепенеет тотчас, и, невидимым схвачена ядом,
Сразу же падает вниз, куда тянут ее испаренья.
Только свалилась,— опять те же самые тут испаренья
Жизни остаток ее из тела уносят бесследно.
Дело ведь в том, что они сначала как будто дурманят,
А уже после, когда она скатится в самый источник
Этой отравы, то ей приходится с жизнью расстаться
Из-за того, что кругом огромное скопище яда.
- 830 Может быть также и то, что порой испаренья Аверна
Воздух, который лежит между птицей и почвой, рассеют
Силой своей, и почти что пустым остается всё место.
Стоит лишь птице влететь и над местом таким оказаться,
Как уж напрасно она бессильными крыльями машет:
Больше не служат они, и все их старания тщетны.
Тут, когда птица уже опереться не может на крылья,

Ясно, что клонит к земле ее собственной тяжести сила;
И, распростершись в пустом почти совершенно пространстве,
Всю свою душу она испускает в отверстия тела.

* * *

- 840 Летом в колодцах вода холодней, потому что от зноя
Пористой почва тогда и скорей выпускает на воздух
Жара она семена, какие в ней только найдутся.
Чем же сильнее земля истощится от летнего зноя,
Тем холоднее должна становиться под почвою влага.
В холод, напротив, она, под давлением стужи сжимаясь,
Как бы смыкается вся и, сходясь всё плотней и плотнее,
Весь свой остаток тепла выжимает, конечно, в колодцы.
- Есть подле храма Аммона источник, который бывает
Холоден днем, говорят, и становится ночью горячим,
- 850 Сильно дивятся тому источнику люди, считая,
Что закипает он вдруг от под землю ушедшего солнца,
Только окутает ночь темнотою ужасною землю.
Правдоподобия нет, однако же, в этом нисколько.
Ведь коли солнце нагреть оказалось и сверху не в силах
Голого тела воды, обдавая его своим пылом,
Хоть обладает вверху оно зноем таким непомерным,
Как же бы снизу ему одолеть эту толщу земную,
Чтобы прогрелась вода и насытилась жаром горячим,
Если оно лишь с трудом способно бывает проникнуть
- 860 Даже сквозь стены домов раскаленного жара лучами?
Где же причина лежит? Без сомнения, в том, что гораздо
Пористой всей остальной вокруг источника этого почва,
Да и семян огневых по соседству с водою немало.
Только окутает ночь всю землю росистою влагой,
Как остывает земля и смыкается сразу плотнее;
И потому из себя, как бы сжатая чьей-то рукою,
Весь свой запас семян огневых выжимает в источник,
Делая влагу его испарений горячей на ощупь.
- После ж, как солнце, взойдя, раздвигает всю почву лучами
- 870 И разрезает ее смешением с пламенным жаром,
Первоначала огня возвращаются в старые гнезда,
И отступает тепло из источника в землю обратно.
Вот потому-то он днем и становится снова холодным.

Кроме того, и от солнца лучей будоражится влага
И, с нарастанием дня, разрезается трепетным зноем,
Это причина того, что она семена огневые
Все отдает. Так вода всю ту стужу, что в ней находилась,
Часто теряет и лед, ослабляя узлы, распускает.

880 Также холодный еще существует родник, над которым
Пакля, завявшись огнем, разгорается пламенем сразу;
Факел таким же путем зажигается там и по волнам,
Ярко пылая, плывет, уносимый порывами ветра.
Не мудрено, потому что в воде заключается много
Жара семян, и притом, из-под самой земли поднимаясь,
Всюду в источник идут непременно тела огневые
И одновременно вон, испаряясь, выходят на воздух;
Но не настолько их много, чтоб сам разогрелся источник.
Кроме того, заставляя их вон вырываться отдельно,
Лишь над поверхностью вод собирает их эта же сила.

890 В этом же роде родник, находящийся в море Арадском.
Пресную воду он бьет, разгоняя соленые волны.
Да и в других областях доставляет морская равнина
Пользу насущную всем морякам при томительной жажде,
Между соленых валов пресноводный родник извергая.
Стало быть, также, в родник прорываясь, способны наружу
Бить семена и, сходясь в поднесенной к источнику пакле
Или на факел садясь смоляной и к нему прилипая,
Вспыхнуть сейчас же легко, ибо также в себе заключают
Много семян огневых сокровенных и пакля и факел.

900 Да и не видишь ли ты, что когда к ночнику мы подносим
Свежепогашенный трут, то, еще не успев прикоснуться
К пламени лампы, он вдруг зажигается так же, как факел?
Многое, кроме того, загорается издали силой
Жара еще до того, что огонь его схватит вплотную.
Делаться то же должно и в источнике нашем, конечно.

Мне остается сказать, по какому закону природы
Может железо к себе притягивать камень, который
Греки «магнитом» зовут по названию месторожденья,
Ибо находится он в пределах отчизны магнетов.
910 Этому камню народ удивляется, ибо нередко
Цепью звено к звену, от него исходя, повисает.
Можно ведь видеть порой, что, качаясь от легкого ветра,
Пять или больше таких свободно спускается звеньев.

Все они вместе висят и, одно к одному прилепляясь,
Камня силу и связь друг от друга тогда испытуют:
Так его сила всегда непрерывным вливается током.

Многое твердо должно здесь быть установлено прежде,
Нежели сможешь постичь ты правильно сущность предмета.
Надо к нему подходить и окольной и длинной дорогой;
920 А потому, я прошу, напряги ты и слух и вниманье.

Прежде всего, от вещей всевозможных, какие мы видим,
Необходимо должны истекать и лететь, рассыпаясь,
Тельца, которые бьют по глазам, вызывая в них зреньё.
Запахи также всегда от известных вещей истекают
Так же, как холод от рек, зной от солнца, прибой от соленых
Моря валов, что кругом изъедает прибрежные стены;
Разные звуки летят постоянно, по воздуху вея;
Часто нам в рот, наконец, попадает соленая влага,
Если вдоль моря идем; а когда наблюдаем, как рядом
934 С нами полынный настой растворяют, — мы чувствуем горечь,
935 Так ото всяких вещей непрерывным потоком струятся
930 Всякие вещи, везде растекаясь, по всем направленьям;
Без остановки идет и без отдыха это течение,
Раз непрерывно у нас возбуждается чувство, и можем
Всё мы увидеть всегда, обонять и услышать звучащим.

936 Снова напомним тебе я при этом, насколько все вещи
Пористы телом. Уже из первой ты явствует песни.
Дело ведь в том, что хотя для многого знать это важно,
Но для того, что сейчас непосредственно нас занимает,
940 В самом начале должно установлено быть непременно,
Что не встречается тел без смешения их с пустотою.
Видим мы, прежде всего, что поверхность камней в
пещерах

Влагой потеет, и с них, просочившись, падают капли.
Также из тела у нас выделяется пот отовсюду,
Бороды наши растут, волосы прорастают сквозь кожу,
И растекается пища по жилам, растя и питая
Всякие члены у нас, пробиваясь и в самые ногти.
Чувствуем также сквозь медь мы и холод и жар раскаленный,
Чувствуем мы, что они через золото могут проникнуть
950 И в серебро проходить, когда держим мы полные кубки.
В каменных стенах домов, наконец, голоса пролетают,
Запах течет через них, и внедряется холод свободно

Так же, как жар от огня, проникающий даже в железо,
Всюду кругом, наконец, несмотря на небесную броню,
Сила болезни идет, проникая снаружи на землю;
И непогоды затем, на земле и на небе возникнув,
Вновь, как и должно, назад возвращаются в землю и небо,
Так как ведь нет ничего, что бы не было пористо телом.

- Надо добавить еще, что совсем не на всё однородно
960 Действовать могут тела, из вещей исходящие всяких,
И далеко не всегда для всего одинаково годны.
Солнце, во-первых, сухой и запекшейся делает землю,
Лед же, напротив того, распускает и снега сугробы
Горных высоких вершин растворяет своими лучами;
Таит и воск, наконец, на солнечном лежа припеке.
Также огонь, растопляя и медь, да и золото плавя,
Кожу и мясо морщит и, сжимая их крепко, коробит,
Далее, влага дает раскаленному твердость железу,
Но в то же время смягчит затвердевшие кожу и мясо.
970 Зелень маслины для коз бородатых настолько приятна,
Будто бы нектар течет из нее и амброзии соки,
Для человека же нет ничего, что листвы этой горше.
И, наконец, для свиньи майоран нестерпим, и боится
Всех благовоний она: это яд ведь щетиnistым свиньям,
А человека порой благовония в чувство приводят.
Наоборот, та же грязь, что для нас отвратительно мерзкой
Кажется, — всякой свинье настолько, как видно, приятна,
Что целиком она вся валяется в ней ненасытно.

Здесь остается одно, что сказать, как мне кажется,

прежде

- 980 Надо бы, чем приступить к изложению самого дела.
Так как во всяких вещах имеются многие поры,
То непременно они обладают несходной природой,
Да и особыми быть по природе должны эти ходы.
Ибо живым существам присущи различные чувства,
Что по-особому всё, подходящее им, ощущают.
Ибо мы видим, что звук проникает своею дорогой,
Вкус же от пищи своей, и свою — удушливый запах.
991 Далее, может одно просочиться сквозь камни, другое
В дерево может пройти, а третье — сквозь золото выйти
Иль в серебро, наконец, и в стекло проникает иное;
Образы там протекут, а здесь — тепла, как мы видим,

И по тому же пути одно обгоняет другое.
Ясно, что всё это так производит природа проходов,
Многообразным путем изменяясь, как мы указали,
990 Из-за различий в природе вещей и в строении тканей.
998 Так как теперь это всё установлено твердо и точно,
И основания все подготовлены нами, как должно,
1000 То остальному уже не трудно найти объясненье,
И открываются все притяженья железа причины.
Прежде всего, из магнита должны семена выделяться
Множеством или же ток истекать, разбивая толчками
Воздух, который везде между камнем лежит и железом.
Только что станет пустым пространство меж ними, и много
Места очистится там, как тотчас же, общею кучей,
Первоначала туда стремглав понесутся железа;
Следом затем и кольцо устремляется всем своим телом.
Ибо нет вещи такой, чтобы первые в ней элементы
1010 Были в столь тесной связи и так цепко держались бы вместе,
Как необорная мощь и пронзительный холод железа.
Значит, мудреного нет, что не может, как мы указали,
Множество тел основных от железа совсем отделиться
И в пустоту улетать, чтобы вслед и кольцо не помчалось;
Что производит оно и мчится, пока не сойдется
С камнем самим и на нем не повиснет в невидимых узах.
Это бывает везде, где только очистится место,
И в направленьи любом, будь то в сторону или же кверху:
Тотчас несутся тела в пустоту, находясь по соседству.
1020 Дело ведь в том, что к тому побуждают извне их удары,
Сами ж они никогда не способны подняться на воздух.
Кроме того,— чтоб еще облегчалось действие это
И совершалось скорей движенье,— приходит на помощь
То, что, как только напротив кольца разрежается воздух
И остается пустым и очищенным место до камня,
1033 Воздух, который лежит за кольцом, устремляется сразу,
1026 Будто бы сзади толкает кольцо и уносит, и гонит.
Ведь ударяет всегда окружающий воздух предметы.
В этом же случае он потому подгоняет железо,
Что принимает его опустелое место пространства.
1030 Он, этот воздух, идя через частые поры железа
И незаметно внутри доходя до мельчайших частичек,
Мчит и уносит его, как корабль, подгоняемый ветром.

- 1034 Всякие вещи должны, наконец, заключать в своем теле
Воздух, поскольку они все пористы телом, и воздух
Их обтекает кругом и к ним прикасается всюду.
Воздух, который в самих заключается недрах железа,
Должен всегда пребывать в непрестанном движении, и этим
Он, без сомнения, бьет по кольцу и внутри его движет.
- 1040 Значит, несется кольцо, направляясь, куда устремилось
Раньше уже, и летит в пустоту, продолжая движенье.
Также бывает порой, что железо отходит от камня
Этого, то возвращаясь к нему, то опять убегая.
Видеть случилось мне, что прыгают в медных сосудах
Самофракийские кольца с опилками вместе железа,
Бурно бушуя, когда под сосудом камень магнитный,
Словно скорей убежать они жаждут от этого камня.
Меди прослойка собой вызывает сумятицу эту,
Ибо врываются тут, безусловно, в железо сначала
- 1050 Медные токи и в нем занимают открытые ходы;
После же каменный ток, появляясь, находит, что полны
Поры железа везде, и проплыть уже нигде, как раньше,
Что принуждает магнит колотить и толкать истеченьем
Ткани железа; и так происходит, что он отшибает
И отгоняет сквозь медь то, что он без нее поглотил бы.
Вовсе не надо тебе удивляться, что ток из магнита
Не в состоянии совсем на другие воздействовать вещи.
Частью их тяжесть стоять заставляет,— как золото,— частью
Пористы телом они, и поэтому ток устремляться
- 1060 Может свободно сквозь них, никуда не толкая при этом;
К этому роду вещей мы дерево можем причислить,
Среднее место меж тем и другим занимает железо:
Ежели примет в себя оно несколько телец из меди,
То отгоняет его истеченьем камень магнитный.
Эти явленья совсем не настолько, однако, отличны,
Чтобы не мог привести я подобных же сколько угодно
И указать, что порой лишь одно подходит другому.
Известью только одной, как известно нам, держится камень,
Дерево только одним бычачьим скрепляется клеем,
- 1070 Так что скорее доска, по волокнам растреснувшись, лопнет,
Чем разойдутся ее скрепленья, залитые клеем.
Сок виноградный спешит с родниковой смешаться водою,
Но ни густая смола, ни легкое масло не могут.

Раковин пурпурных сок сочетается с шерстью столь тесно,
Что никогда от нее отделиться он больше не может,
Как бы ты шерсть отбелить ни старался потоком Нептуна:
Даже все волны морей не отмоют пурпуровой краски.
Золото к золоту вещь не одна ли, скажи, припаяет?
С медью скрепляется медь не при помощи ль олова только?
1080 Много еще привести я мог бы примеров, но надо ль?
Ведь ни тебе не нужны околичности эти нисколько,
Ни для меня ни к чему затрачивать столько стараний.
Надо в коротких словах постараться все выводы сделать:
Вещи, в которых их ткань совпадает взаимно с другою,
Так что, где выпуклость есть, у другой оказалась бы там же
Впадина,— эта их связь окажется самую тесной.
Есть и такие еще, что крючками и петлями будто
Держатся крепко и так друг с другом сцепляются вместе.
Это скорее всего происходит в железе с магнитом.
1090 Ну, а теперь, отчего происходят болезни, откуда
Может внезапно прийти и повеять поветрием смертным
Мора нежданного мощь, и людей и стада поражая,
Я объясню. Существует немало семян всевозможных,
Как указал я уже, из которых одни животворны,
Но и немало таких, что приводят к болезни и смерти,
К нам долетая. Когда они вместе сойдутся случайно
И небеса возмутят, зараженным становится воздух.
Весь этот гибельный мор, все повальные эти болезни
Или приходят извне и, подобно туманам и тучам,
1100 Сверху чрез небо идут, иль из самой земли возникают,
Вместе собираясь, когда загнивает промокшая почва
И от дождей проливных, и от солнца лучей раскаленных.
Да и не видишь ли ты, что воды перемены и неба
Вредны для тех, кто ушел далеко от отчизны и дома,
Так как попал он теперь в совершенно другие условия?
Ибо какая должна быть разница между Британским
Небом и небом Египта, где ось наклоняется мира?
Между Понтийским и тем, что идет от пределов Гадеса
Вплоть до народов, совсем почерневших от жгучего жара!
1110 Как различаются все четыре деления света
И по ветрам четырем и по разным частям небосвода,
Так и наружность и цвет у людей различаются сильно,
И у различных племен и болезни их также различны.

Есть вблизи Нила болезнь, что название посит «слоновой»,
В среднем Египте она, и нигде не является больше;
В Аттике — ноги болят, глаза же — в пределах Ахейских;
Так и другие места оказаться опасными могут
Разным телесным частям: всё зависит от воздуха свойства.
И потому, когда вдруг всколыхнется нам чуждое небо
3120 И пробираться начнет понемногу опасный нам воздух,
Как облака и туман, подползает он, крадучись тихо,
Всё по дороге мутя и кругом приводя в беспорядок;
И, доходя, наконец, и до нашего неба, его он
Уподобляет себе, нам делает чуждым и портит.
Новая эта беда и зараза, явившись внезапно,
Может иль на́ воду пасть, иль на самых хлебах оседает,
Или на пище другой для людей и на пастьбах скотины,
Иль продолжает висеть, оставаясь в воздухе самом;
Мы же, вдыхая в себя этот гибельно смешанный воздух,
1130 Необходимо должны вдохнуть и болезнь и заразу.
Точно таким же путем и быков этот мор заражает,
И нападает болезнь и на блеющих вялых баранов.
И безразлично для нас, посетим ли мы сами те страны,
Что неприязненны нам, меняя небес облаченье,
Или природа сама принесет зараженное небо,
Или еще что-нибудь, к чему мы совсем не привыкли,
То, что приходом своим неожиданным может быть вредно,
Этого рода болезнь и дыханье горячее смерти
В кладбище некогда все обратили Кекроповы земли,
1140 Жителей город лишив и пустынными улицы сделал.
Ибо, в глубинах Египта родясь и выйдя оттуда,
Долгий по воздуху путь совершив и по водным равнинам,
Пал этот мор, наконец, на всё Пандионово племя,
И на болезнь и на смерть повальную всех обрекая,
Прежде всего голова гореть начинала от жара,
И воспалялись глаза, принимая багровый оттенок;
Следом за этим гортань, чернея глубоко, сочилась
Кровью, и голоса путь зажимали преградою язвы;
Мысли глашатай — язык затекал изверженной кровью,
8150 Слабый от боли, в движеньи тяжелый, шершавый на ощупь.
Дальше, когда, сквозь гортань накапливаясь в груди,
проникала
Сила болезни затем и в самое сердце больного,

То, распатавшись, тогда колебались жизни устои.
 Вместе с дыханием рот испускал отвратительный запах,
 Тот же, какой издает, загнивая, смердящая падаль.
 Силы духовные тут ослаблялись, и тело томилось,
 Ослабевая совсем у самого смерти порога.
 И безысходной тоской нестерпимые эти страданья
 Сопровождались всегда, сочетаясь с мучительным стоном,
 1160 Часто и ночью и днем непрерывные схватки икоты
 Мышцы и члены больных постоянно сводили и, корча,
 Их, истомленных уже, донимали, вконец изнуряя.
 Но ни на ком бы не мог ты заметить, чтоб жаром
чрезмерным
 Кожа горела больных на наружной поверхности тела;
 Нет, представлялась она скорей тепловатой на ощупь;
 Точно ожогами, все покрывалось тело при этом
 Язвами, как при священном огне, обнимающем члены;
 Внутренность вся между тем до мозга костей распалаясь,
 1170 Весь распалаясь живот, пламенея, как гори раскаленный.
 1170 Даже и легкая ткань, и одежды тончайшие были
 Людям несносны; они лишь прохлады и ветра искали.
 В волны холодные рек бросались иные нагими,
 Чтобы водой освежить свое воспаленное тело.
 1178 Многие вниз головой низвергались в глубины колодцев,
 1174 К ним припадая и рты разинув, над ними склонялись:
 В воду кидаться влекла неуёмная, жгучая жажда;
 Даже и дождь проливной представлялся им жалкой росой,
 И передышки болезнь не давала совсем. В изнуреньи
 1179 Люди лежали. Врачи бормотали, от страха немея,
 1180 Видя всегда пред собой блуждавший, широко открытый
 Взгляд воспаленных очей, не знавших ни сна, ни покоя.
 Много еще и других появлялось признаков смерти:
 Пугались мысли, и ум от унынья и страха мешался,
 Хмурились брови, лицо становилось свирепым и диким,
 Слух раздражен был, и шум раздавался в ушах, не смолкая,
 Делалось частым дыханье, а то затычным или редким,
 Шея покрыта была лоснящейся влагою пота,
 В жидких и скудных плевках соленая, цвета шафрана,
 С хриплым кашлем слюна с трудом выделялась из горла.
 1190 Мышцы сводило в руках, и члены тряслись и дрожали,
 И, начиная от ног, подыматься все выше и выше

Холод не медлил. Затем, с наступленьем последнего часа,
 Ноздри сжимались, и нос, заостряясь в конце, становился
 Тонким; впадали глаза и виски; холодея, твердели
 Губы; разинут был рот и натянута лобная кожа.
 Без промедленья потом коченели отмершие члены.
 Вместе с восьмою зарей блестящего солнца обычно
 Иль на девятый восход его светоча жизнь прекращалась.
 Если же кто избегал почему-нибудь смертной кончины,
 1200 То в изнуреньи от язв отвратительных, в черном повосе,
 Всё же впоследствии он становился добычею смерти.
 Часто еще из ноздрей заложенных шла изобильно
 Кровь гнилая, причем голова нестерпимо болела:
 Таял тогда человек, теряя последние силы.
 Если ж спасались и тут от острого кровотоечения
 Гнойного, всё же болезнь уходила в суставы и жилы,
 Даже спускаясь к самым детородным частям человека.
 Тяжко иные боясь очутиться у смерти порога,
 Жизнь сохраняли себе отсечением члена мужского;
 1210 Также встречались порой и такие, что жить продолжали,
 Хоть и без рук и без ног, а иные лишались и зренья.
 Вот до чего доводил отчаянный страх перед смертью!
 И постигало иных такое забвенье событий
 Прошлых, что сами себя узнать они были не в силах.
 Много хотя на земле, землей не покрытых, валялось
 Трупов на трупах тогда, но пернатых и хищников стаи
 Всё же иль прядали прочь, убегая от острого смрада,
 Или, отведав, тотчас в предсмертных мученьях томилась.
 Впрочем, в те страшные дни ни из птиц ни одна не решалась
 1220 Вовсе туда прилетать, ни свирепые дикие звери
 Не покидали лесов. Большинство, от болезни страдая,
 Околевало тогда. И верная пёсья порода
 Прежде всего издыхала на улицах в тяжких мученьях:
 Жизнь исторгалась из тел смертоносною силою мора.
 1226 Верных, пригодных для всех одинаково, средств не имелось,
 То, что давало одним возможность живительный воздух
 Полною грудью вдыхать и взирать на небесные выси,
 Гибельно было другим и на верную смерть обрекало.
 1230 Тут всего больше одно сокрушения было достойно
 И тяжело — это то, что как только кто-нибудь видел,
 Что он и сам захворал, то как на́ смерть уже обреченный,

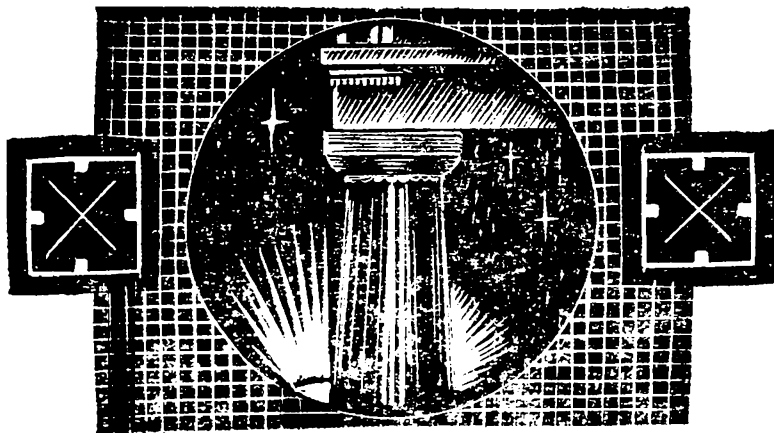
Падая духом, лежал с глубоким унынием в сердце
И, ожидая конца, он на месте с душой расставался.
Правда, с одних на других, ни на миг не давая покоя,
Шла и валила людей ненасытной болезни зараза,
1245 Как густорунных овец и племя быков круторогих.
1237 Это и делало то, что росла за могилой могила.
Ибо и тот, кто бежал посещения родных заболевших,
Вскоре платился и сам за свою непомерную жадность
1240 К жизни и смерти боязнь злополучной, позорною смертью,
Помощи всякой лишен, небрежением общим казнимый.
Тот же, кто помощь своим подавал, погибал от заразы
И от трудов, что нести заставляли и совесть и также
Голос умильный больных, прерываемый жалобным стоном.
1246 Эта кончина была уделом достойных и лучших.
1225 Наспех несли хоронить без проводов множество трупов
1225 а И зарывали скорей, как попало, их бранные кости,
1225 б Не соблюдая совсем благочестных обычаев предков:
1247 Наперебой торопясь с погребеньем родных, где придется,
В изнеможеньи от слез и печали домой возвращались.
После же добрая часть не вставала с постели от горя.
1250 И не нашелся б никто в это страшное время, кого бы
Не поразила иль смерть, иль болезнь, иль печаль по
умершим.

Ни волопас, ни пастух уже стад не пасли, да и пахарь
Твердой рукой ни один не работал изогнутым плугом:
Занемогли и они. И, скучившись в хижинах тесных,
Обречены были все на смерть нищетой и болезнью.
На бездыханных сынах бездыханных родителей трупы
Видно бывало порой, а равно и лежащих на трупах
Их матерей и отцов — детей, расставшихся с жизнью.
Да и немало беды понаделало то, что скопилось
1260 В городе много селян, уходивших с полей, отовсюду
С разных сторон притекавших в него зараженной толпою.
Площади все и дома переполнены были, и, тесно
Скучившись вместе, народ погибал от повального мора.
Много на улице тел валялось: томимые жаждой,
Люди к фонтанам воды подползали и падали тут же,
Ибо дыхание у них ненасытная жажда спирала.
Да и по людным местам и дорогам ты мог бы увидеть
Многое множество тел изможденных людей, полумертвых;

Пакостью смрадною все и рубищем рваным покрыты,
1270 Гибли они от парши — не люди, а кожа да кости:
Гнусные язвы и грязь уже заживо их хоронили.
Капища все, наконец, святые богов бездыханной
Грудюю тел переполнила смерть, и завалены всюду
Трупами дбверху все небожителей храмы стояли
Там, где пришельцев толпу призывали служители храмов,
Ни почитанье богов, ни веления их в это время
Не соблюдались уже: отчаянье всё испровергло.
И позабыт был обряд похорон, по которому раньше
В городе этот народ совершал погребенья издревле,
1280 Все трепетали тогда в смятении полном, и каждый
В мрачном уныньи своих мертвецов хоронил как придется.
Спешка и с пей нищета к делам побуждали ужасным:
Так, на чужие костры, для других возведенные трупов,
Единокровных своих возлагали с неистовым криком
И подносили огонь, готовые лучше погибнуть
В кровопролитной борьбе, чем с телами родными расстаться.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕРАКЛИТ ЭФЕССКИЙ.

Фрагменты сочинения, известного позже под названиями
«Музы» или *«О природе»*

О СОВОКУПНОМ

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Правда, мнение и ложь

Гераклит, сын Блосона, внук Геракиона(?), сказал:

1 (А 1, 12)

[*Быть ли*] знанию
о богах и о людях,
о строе едином Всего [?]

2 (23)

Беззаконникам Правда
не стала б нужна,
если бы нет,

3 (28)

Ведь умеет умнейший из опытных
от мнения беречь.
А свидетелей лжи
и сплетателей,
разумеется, Правда постигнет,

4 (94)

[*Даже*] Солнце своей не преступит границы,
а не то его Фурни,
Правды помощницы,
схватят тотчас же.

Мудрое и Глагол

5 (87)

Простофиля
глаголу любому охотно дивится.

6 (108)

Чьи глаголы я ни слышал,
никто до сих пор не посмел
признать, что Мудрое есть нечто
совсем особенное.

7 (50)

...Слушая
не меня, но сам Глагол,
в том есть Мудрое, чтоб со-гла-ситься,
что оно одно
знает всё.

Ибо мудрость — в одном:
устанавливать знание,
коим владея, ты сможешь
всем управлять, что ни есть,

II. ГЛУПОСТЬ ЛЮДЕЙ И ИХ МУДРЕЦОВ

Глухота людей к Глаголу

9 (1^a)

Хоть Глагол этот глаголет
всегда,
непонятливы люди к нему —
и прежде, чем услышать,
и услышавши впервые.
Ведь хоть все происходит
по Глаголу по этому,
но тщетно они тшятся уяснить себе
и слова и дельня такие,
какие я здесь излагаю,
разделяя по природе
и толкуя что и как,

10 (34)

Непонятливые! Слушая,
на глухих они похожи.
Это о них поговорка:
«Хотя тут они, всё ж отсутствуют».

11 (19)

Ни услышать не способные,
ни сказать!

12 (72)

То, с чем всех тесней они общаются,—
* с Глаголом, что всем управляет,— *
с этим-то расходятся;
и то, с чем каждый день они встречаются,—
это чужим
кажется им,

13 (17)

Ибо не смыслит людей большинство
того, что встречает оно,
и обучившись, не знает его,
себя же знающим считает.

14 (1^b)

А от прочих людей ускользает
все то, что творят они, бодрствуя,
точно так же,
как они забывают
то, что делают, спя.

15 (73—74)

Нельзя же говорить и действовать
подобно спящим!
Ни <тявкать> как отцов своих потомки!

16 (97)

Ведь и псы на того лают,
кого они не знают!

Гомер, или О необходимости Раздора

17 (70)

Мнения людские —
детские забавы.

18 (56)

Обманываются люди
в познании явных вещей
наподобие Гомера,
который мудрейшим
из всех эллинов был.
И его обманули ведь дети,
вшей убивавшие,
так сказавши ему:
«Конх видели и поймали мы,
тех побросали мы,
а которых не увидели,
не поймали мы,
этих мы носим».

19 (А 22)

/Обманулся поэт и тогда, когда изрек:

«Сгинет пусть Рознь из среды богов и людей...»

Ибо не понял он, что молится о том, чтобы все исчезло. Не
родилась бы Гармония, и.../

20 (124)

Словно сваленное
в кучу мясо
<был бы> прекраснейший космос...

21 (А 22)

/...не будь женского и мужского и порождающей все розни
между противоположными./

22 (122)

...Сонтне...

23 (53)

Раздор — отец всем общий
и всем общий царь,

и одних богами объявляет он,
а других — людьми,
одних рабами сотворяет он,
а других — свободными.

24 (80)

А раз так,
необходимо,
чтоб Раздор сей всеобщий
и Правда
влюбленными были.
И все порождено Рознию
и понуждаемо.

25 (8)

Что враждует, то соединяет,
из разъединяющих —
Гармония прекраснейшая,
и все порождается Рознью.

26 (42)

Поделом же Гомеру сему с состязаний
изгнану быти и пороту!

Архилох, или Об участи умерших

И Архилоху также..

И сказавшему:

«Мертвых доли хуже нету никакой».]

27 (27)

Людей умерших
всех ждет такое,

о чем не думают
и не гадают,

28 (110)

Когда все желанья
людей сбываются,
— не лучше им,

29 (20)

Долго отроду
жить хотят они
и... погибнуть
— скорей, чем упокоиться. —
И детей оставляют
...на погибель.

30 (25)

Гибели вящие
вящие доли стяжают,

31 (24)

В бою павших
и боги чтут, и люди.

32 (132)

[Но] почести
богов и людей
в рабов обращают.

33 (136)

Души, в бою павшие, —
куда чище, чем в недугах.

34 (63)

[Но] <в недугах умершим>
к бытию воспрядать <надлежит>

и стражами делаться
бодро живущих
и мертвецов.

35 (96)

Трупы же надо выбрасывать
куда лучше, чем навоз.

Гесиод, или О природе дня

36 (57)

Учитель всех почти — Гесиод:
считают, что всё почти знает он —
он, не постигший ни ночи, ни дня.
А они суть одно.

37 (99)

Если б не было Солнца,
то при прочих всех светилах
воцарилась бы ночь.

38 (А 12, Nachtr.)

Ибо) Солнце — источник небесного света.

39 (106)

/И одни дни счастливыми
сделал он,
другие — дурными,
не признав, что природа у всякого дня —
единая./

40 (120)

Зари и заката
границы суть:

Медведица,
а напротив Медведицы —
ясного Зевса межа.

Анаксимандр (?), или О происхождении космоса

41 (30)

Космос этот,
тот же для всех,
никто из богов и никто из людей не создал,
но был он всегда,
и есть, и будет:
огнь вековечный,
взгорающий мерно
и погасающий мерно.

42 (90)

В огонь изменяется все
и огонь — во все
так же, как
вещи — в золото
и золото — в вещи.

43 (31^a)

Огня обращенья:
сначала — море,
а — моря:
вполовину — земля,
вполовину — дувало.

Дополнение 1 — к фр. 41—65 (А 16, 8—11; 64—65)

Диоген Лаэртий, IX, 8—9 (из «Мнений о природе» Теофраста?): (Основной) элемент — огонь (фр. 41) и все есть изменение огня (фр. 42), возникая через разрежение и сгущение (фр. 44?)... Все возникает из противоположности (фр. 51—56) и течет Вселенная наподобие реки (ср. фр. 105, 109, 152, а также фр. 45 «расплавляется»), причем Целое ограничено (?) и Мир един (фр. 39). Он попеременно рождается из огня и снова вос-

44 (—)

Как оплаваемая золотина...

45 (31^b)

Море расплавляется
и соразмеряется
с тем же объемом,
какой прежде был,
чем землю стать.

46 (—)

Все из огня ведь возпикло и снова в огонь разрешится,

47 (137)

Ибо жребьем отмечены всячески..,

48 (64—65)

А кормчий всего есть перун,
и вызывает он нужду и изобилие,

49 (А 13)

/Великий год состит из десяти тысяч восьмиста солнечных годов./

50 (66)

Все огонь, приидя,
рассудит и захватит.

пламеняется (*фр.* 46, 48, 50) по определенным периодам (*ср.* *фр.* 49, 141?) в течение всей вечности (*фр.* 41). Происходит это по начертанию жребия (*фр.* 47).

Из противоположностей та, что ведет к возникновению, зовется Раздором (*бука.* — Войной) и Рознью (*фр.* 23—25), а та, что — к воспламенению — Согласием и Миром (?), само же это изменение зовется Стезеею кверху, книзу (*фр.* 53), и из него-то и возникает мироздание.

51 (76^b)

Огня смерть — воздуху рождение,
и воздуха смерть — воде рождение,
<и воде смерть — рождение земле>.

[Это стезя книзу.]

52 (76^c)

Земли смерть — воде родиться,
и воды смерть — воздуху родиться,
и воздуха <смерть — родиться> огню.

[Это стезя кверху.]

53 (60)

Стезя кверху книзу
та же есть стезя,

[— Прямая стезя.]

54 (76^a)

Жив огонь земли смертью,
воздух жив огня смертью,
вода жива воздуха смертью,
земля <жива смертью> воды.

[Это стезя извилистая.]

А именно, сгущаясь, огонь влажнеет и сплывается в воду, а вода, твердея, обращается в землю (*фр.* 43, 51): это Стезя книзу (*фр.* 53). С другой же стороны, земля разливается, из нее возникает вода (*фр.* 45), а из последней — остальное (*фр.* 52), причем он (*Гераклит*) почти все сводит к воспарению, что от моря (*ср.* *фр.* 43 «дувало», 51—54 «воздух»): эта стезя есть Стезя кверху (*фр.* 53). Воспарения же бывают и от земли, и от моря, одни — светлые и чистые, другие — темные; светлые способствуют росту огня, а другие — влаги.

55 (59)

Буквиц стезя
прямая и извилистая
одна и та же есть стезя,

56 (126)

Хладное теплеет,
теплое хладеет,
влажное черствеет,
сухое отсыревает.

Фалес, или О светилах (и метеорах?)

57 (105)

Говорят, что Гомер был исследователем светил...

58 (38)

Фалес, который первый исследовал светила...

59 (А 1, 9)

...Сосуды...

60 (3)

Солнце — шириною в ступню человека.

Ипполит, Опровержение всех ересей, IX, 10, 7:

Перуном же он (*Гераклит*) называет огонь вечный...
в у ж д а же, по нему, это упорядочение мира, а изобилие —
воспламенение (*фр. 48*).

Диоген Лаэртский, IX, 9—11 (продолжение первого текста):

А каково объемлющее (*Землю*), этого он (*Гераклит*) не
поясняет. Однако в нем имеются «сосуды» (*фр. 59*), обращенные
к нам своей полостью, скопляясь в которых светлые воспарения
образуют пламена: это и есть светила.

Солнце — ново ежедневно,

62 (—)

/Солнце гаснет при заходе и снова загорается при восходе./

63 (—)

/Светила загораются, когда восходят, и погасают, когда заходят./

64 (100)

Годины, что всё нам приносят.

65 (126A)

* Семизвездная Медведица,

повинуясь порядку годин,
содействует фазам Луны,
<которая> делится
по звездам Медведицы —

Памяти бессмертного созвездия.*

Самое светлое пламя и самое горячее — солнечное. Ибо остальные светила далее отстоят от Земли (*ср. фр. 60*) и поэтому меньше светит и греют (*ср. фр. 37*), а Луна, хотя она ближе всего к Земле, но несется через нечистое место. Солнце, напротив, движется в месте прозрачном и беспримесном и находится на соразмерном расстоянии от нас: оттого оно лучше согревает и светит.

А затмеваются Солнце и Луна, когда сосуды их поворачиваются кверху, а ежемесячные фазы Луны бывают оттого, что ее сосуд понемногу поворачивается вокруг себя (? *ср. фр. 65*).

День и ночь, и месяцы, и времена года (*фр. 64* «години»), и годы, а также дожди, ветры и подобные им явления возникают из-за разных воспарений. Ибо светлое воспарение, воспламенившись в круге Солнца, производит день, а противоположное, взяв верх, вызывает ночь (*ср. фр. 61, 62, 37*). И тепло, растущее благодаря светлomu воспарению, производит лето, а влага, пополняемая темным, вызывает зиму. Согласно с этим он объясняет и остальные явления.

Два исключения: Биант и Гермодор

71 (39)

В Приене
Биант проживал, сын Тевтамов:
глагол его выше был,
чем у других.

[Именно он и сказал, что «большинство людей злы».]

72 (49)

Один, по мне, — тысячи,
если он — наилучший,

73 (29)

Ибо одно перед всем предпочтут наилучшие —
вечнотечную славу,
а множество смертных
пажираются, словно скоты,
брюхом, и срамом, и самым постыдным, что в нас,
измерив свое счастье,

74 (125A)

Да не иссякнет у вас
богатство, эфесеяне,
чтоб изобличались вы
в своей развращенности!

75 (44)

Должно народу биться
в пользу закона —
в пользу закона исконного —
словно за стены,

76 (33)

**Закон — подчиняться
и воле единого.**

77 (121)

**Поделом бы эфесеянам взрослым
перевешаться всем
и недорослям город передать —
ведь они Гермодора,
из них наиболее полезнейшего,
изгнали, сказавши:
«Меж нами никто да не будет полезнейшим,
а коль будет — пусть
на чужбине среди чужих!»**

Пороки, мудрости вредящие

78 (85)

**С гневом бороться трудно:
за все, что он хочет,
жизнью платишь.**

79 (—)

**Бороться с наслаждением
еще трудней, чем с гневом.**

80 (46)

Сомнение — падучая.

81 (43)

**Наглость надобно гасить
попроворней, чем пожар.**

82 (95+109)

Невежество лучше скрывать,
*чем выносить напоказ,
но нелегко это безвольному
да за выпивкой.*

83 (119)

Собь своя для человека — гений,

84 (79)

[Но] взрослый глупцом представляется гению,
как и ребенок — взрослому.

85 (78)

Ибо собь людская
знаний не имеет,
а божественная — да.

86 (47)

Да не будем на авось
гадать о величайшем!

III. ПСКУССТВО ПОЗНАНИЯ

Аполлон, Сивилла и природа

87 (93)

Владыка,
чье прорицалище в Дельфах находится,
не глаголет, не скрывает,
а знаменует.

88 (92)

[А] Сивилла,
устами безумными
смеха лишённые,
неумощенные,
неподслащённые
речи вещающая,
голосом тысячу лет достигает
через бога того.

89 (86)

Но глубины познания скрывает
неимоверность благая:
неимоверностью гонимы они,
дабы познаны не были.

90 (123)

Любит природа скрываться,

91 (54)

Лад неявный
явного крепче.

92 (18)

[Кто знать желает, не должен отчаиваться.]

Если не чаёт он нечаемого,
не отыщет:
труднонаходимо оно
и малодоступно.

93 (22)

Ибо золото
если ищет кто,
грунта много выроет,
а найдет ничтожно мало.

94 (101)

Я искал самостоятельно.

95 (—)

Не по-человечески,
а с помощью бога,
лучше Сивиллы я
все уяснил себе.

Глаза, уши и душа

96 (55)

**Что подвластно зрению, слуху, изучению —
то предпочитаю я,**

97 (7)

!От обонянья ж толку мало. Ведь...!

**Если бы все стало дымом,
что бы носы распознали?**

98 (101A)

!Глаза и уши — свидетели истины. Но...!

**Глаза —
свидетели более точные,
нежели уши,**

99 (A 23)

*!Доверяющие же слухам приводят! пенадежных свидетелей
о спорных вещах.*

100 (107)

!А главное...!

Дурные свидетели людям —
глаза тех и уши,
у кого варварские души.

[Ибо души — судьбы истины.]

101 (36)

[Но и душа — плохой судьба, если она влажная.]

Ибо для душ смерть — водою стать
(а для воды смерть — землею стать,
а из земли вода рождается,
а из воды <рождается> душа).

102 (77^a)

[Но] для душ — услада, не смерть,
влажными стать.

103 (117)

Когда напьется муж,
дитя ведет его незрелое,
а он шатается
и сам не знает,
куда ступает,
ибо влажна его душа.

104 (71)

Позабыл он,
куда ведет дорога.

Душа в макрокосме

105 (91^a)

Ты в потоки те же самые
дважды не войдешь.

106 (45)

[И] пределов души не отыщешь ты,
пусть целиком всю дорогу
ты одолел,
столь глубокий глагол у нее.

107 (115)

Душе присущ глагол,
растящий сам себя.

108 (91^b)

*[Душа] рассеивается и собирается,
составляется и убывает,
приходит и уходит. *

109 (12)

На в потоки те же самые входящих
натекают все новые воды.
А <мудрые> души
от влажных горé
воздымаются.

110 (98)

Эти души
не стремятся вниз в Анд.

111 (118)

Луч — душа сухая,
мудрейшая и лучшая...

112 (—)

..вылетающая [при смерти] как молния из туч.

Душа в микрокосме

113 (А 16, 129)

[Корень души (= жизни), связывающий ее с миром,— дыхание! Поэтому...]

114 (75)

**Спящие тоже участвуют
в том, что в мире происходит.**

115 (А 16, 129)

*[Но] /спящие все упускают, ибо глаза и уши их закрыты/
/и только душа у них бдит./*

116 (67А)

[Стоя как паук посреди паутины, душа тотчас спешит в заднюю часть тела/ /и человек пробуждается./

117 (А 16, 130)

[При пробуждении душа, соединяясь с окружающим миром сквозь окна глаз и ушей, зажигает в себе разумность от Глагола, ибо.../

Дополнение 2 — к фр. 113—123 (А 16, 126—131)

Секст Эмпирик, Против ученых, VII, 126—131:

Гераклит же хотя и был того мнения, что человек пользуется двумя орудиями познания истины — ощущением и разумом (ср. фр. 96—104), однако... объявил критерием истины Разум (Глагол)... Судьей истины он объявляет Глагол (Разум), причем не какой угодно, а общий и божественный. Необходимо вкратце пояснить, что это такое. Дело в том, что нашему физическому представлялось, будто то, что нас объемлет, есть нечто разумное и мыслящее... Так вот, по Гераклиту, мы становимся мыслящими, вобрав в себя этот божественный Глагол (Разум) через дыхание, причем во сне мы все забываем, а бодрствуя, мы снова мыслим. Ведь во сне отверстия наших

/Когда мы с его памятью общаемся,
мы истину глаголем,
когда ж обособляемся —
мы заблуждаемся./

/Угли, к огню поднесенные, вспыхивают; удаленные же гаснут./

Человек в ночи
себе «свет» зажигает собой.
«Мертв» он: погасши очами,
хоть жив,
соприкасается с мертвым.
«Спит» он: погасши очами,
хоть бодр,
соприкасается с спящим.

[Ибо ночью...]

Смерть все то, что бодрствуя мы видим,
а все, что спя, — сон.

органов чувств закрыты и наш ум обособляется от Объемлющего, с которым он был сращен (*фр. 115*), — сохраняется лишь связь через дыхание, являющееся как бы корнем (*фр. 113*), — а обособившись от него, он теряет силу памяти, которой прежде обладал. Когда же мы бодрствуем, наш ум, высунувшись снова в отверстия органов чувств, как в некие окна, и сойдясь с Объемлющим, зажигает в себе разумность (*фр. 117, ср. 120*). И подобно тому, как угли, если их приблизить к огню, начинают пылать вследствие происшедшей с ними перемены и, напротив, гаснут, если их удалить (*фр. 119*), так и доля Объемлющего, пользующаяся гостеприимством наших телес, почти совсем лишается разумности, когда удалена от него, и, напротив, отождествляется со Вселенной, когда соединяется с ним через множество отверстий. Этот-то общий

Для тех, кто бодр,— один совместный космос,
а из уснувших каждый
в свой личный отворачивается.

Всеобщее, Глагол и разумение

123 (2)

Так что следовать надо совместному —
совместный ведь всеобщ.
Но Глагол этот хоть и всеобщ,
люди живут, словно личный
есть у них разум.

124 (113)

Обще для всех разумение.

125 (116)

Всем людям способность присуща
себя познавать
и разумевать.

126 (112)

Разумевать — величайшая доблесть
и мудрость — правду говорить
и поступать по природе, ей внемля,

и божественный Глагол (Разум) и есть, по Гераклиту, критерий истины; следовательно, то, что представляется нам сообщая,— достоверно, ибо воспринимается общим и божественным Разумом (Глаголом), а то, что выпадает кому-то одному, недостоверно в силу противоположной причины (*фр. 123*).

С умом говорящие
 укрепиться должны на всеобщем,
 как города на законе —
 и еще гораздо крепче.
 Ибо законы людские
 все ведь питаются
 от Единого — божьего.
 Ибо столько он властвует,
 сколько захочет,
 довлеет всему
 и не истощается.

О БОЖЕСТВЕННОМ

IV. ЗАКОН ЕДИНСТВА

Бог и божественный закон

128 (32)

Единое	}	мудрое только				
Единым						
нарекаться не хочет						
и а	}	хочет	{	именем	}	Зевса.

129 (67)

Этот бог есть: день и ночь,
 зима лето, мир война,
 сытость голод.
 Изменяется ж он как <огонь>,
 куда подмешают куренья,
 называясь по сладости каждого.

130 (102)

[Ибо] для бога прекрасно все,
и хорошо, и праведно,
люди ж это неправедным
почитают,
а то — праведным,

131 (А 10^а)

Расходящееся
всегда сходится,

132 (51)

Не понимают они,
как <Единое> расходящееся
с собою согласуется:
противовратное крепление,
как у лука и лиры,

133 (10)

Впрягло оно во гнутое и в негнутое
сходящееся расходящееся,
созвучное разнозвучное,
и из всех — одно,
а из одного — все,

Единство живого и мертвого, юного и старого

134 (88)

Одно и то же для Единого
живое и мертвое,
бодрое и спящее,
юное и старое.
Ибо то, перевернувшись,
это есть,

а это, снова
перевернувшись, —
первое.

135 (—)

/Когда мы живем,
души наши — мёртвы,
когда мы умираем,
они оживают./

136 (—)

Мы живем их смертью,
умираем же — их жизнью.

137 (77^b)

Они живут нашей смертью,
(а нашей жизнью — умирают).

138 (62)

Бессмертные смертны,
смертные бессмертны:
друг друга смертью живут,
друг друга жизнью умирают.

139 (48)

Вот и луку имя «жизнь»,
хотя дело его — смерть.

140 (52)

Старость — дитя детствующее,
в бабки играющее:
дитячье царствие,

/Тридцатилетний юноша может стать дедом, ибо достигает половозрелости в дважды семь лет. Тридцать лет — поколение или колесо рождения, в течение которого родитель может получить родившегося от рожденного им и природа возвращается от осеменения к осеменению./

142 (103)

Совпадают конец и начало
у сбодца колеса.

Единство благого и дурного

143 (—)

Одно и то же <для Единого>
дурное и благое.

144 (111)

Недуг здоровье
делает приятным и благим,
голод — достаток,
усталость — покой.

145 (58)

Врачи, рубящие, жарящие,
мучающие всячески,
недовольны получаемой мздой
за то, что
те же «блага» причиняют,
что и недуг.

146 (9)

Для людей достаток — в золоте, но...!

Ослы бы избрали солому
скорее, чем золото.

147 (4)

[А] /если б в удовольствии
счастье заключалось,
мы быкам бы завидовали,
вику находящим./

148 (—)

Отдых — в беге.

149 (А 6^b)

Неподвижность — свойство мертвых.

150 (84^{a b})

Что меняет, отдыхает.
Томление — над тем же трудиться
и им же удовлетворяться,

151 (А 6^a)

Все бежит, и ничто не стоит.

152 (49А)

В потоки те же
мы входим и не входим,
*мы есми и не есми: *
(имена остаются, а воды уходят),

153 (125)

И болтушка без движения
расслаивается,

154 (82—83)

Прекраснейшая обезьяна
уродлива пред человеком
〈точно так же, как〉
мудрейший человек
мартышкой пред богом предстанет.

155 (61)

Моря и воды —
самые чистые и самые грязные:
для рыб они сладостны
и спасительны,
для нас же — гадостны
и губительны.

156 (37)

Свиньи грязью моются, птицы — пылью.

157 (13^b)

Свиньи грязью наслаждаются
больше, чем чистой водою.

**V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ:
ПРОТИВ БЕССМЫСЛЕННЫХ И НЕПРИСТОЙНЫХ ОБРЯДОВ**

158 (13^a)

/Но не должен человек
любезный грязь любить./

[...как ее любят...]

Полуночники, маги, вакханты, лены, мисты:
ведь нечестиво они посвящаются
в принятые таинства,

160 (5)

Тщетно очищаются они,
кровью мараясь,
как если кто бы,
в глину вступив,
глиною мылся.

Безумцем бы он показался,
если бы кто из людей
застал бы его за подобным занятием,
И изваянием-то этим молятся,
как если кто бы
с домами разглагольствовал,
несколько не зная богов и героев — какие они.

161 (128)

Изваянием гениев молятся,
не слышащим, будто те слышат,
не воздающим, как будто у них и не просят.

162 (69)

[Чистые жертвы...]

И от одного человека случаются редко.

163 (68)

[Большинство же людей прибегает к постыдным...]

лекарства [м]

[— фаллическим обрядам и похабному пению. Но...]

164 (15)

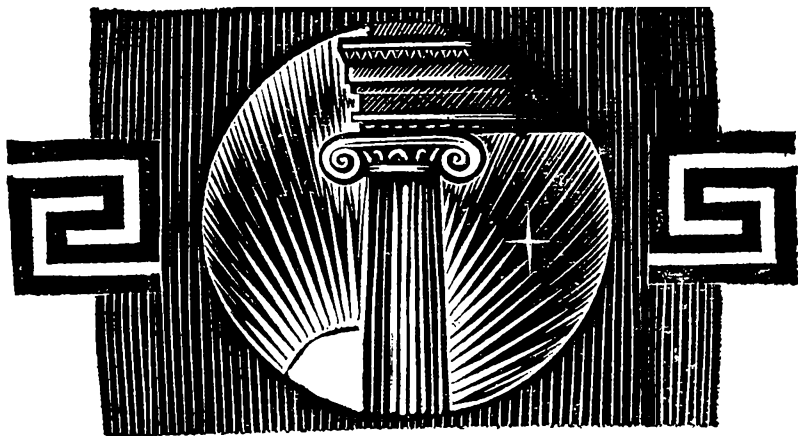
Пусть Ди́ониса ради ввели они шествие
и со́рому песнь затанули,
срамнейшее учредили!
Тот же Анд — тот Ди́онис,
пред коим безумствуют и вакханальствуют.

165 (16)

От незаходящего разве кто скроется?

166 (11)

Ибо всякую тварь он бичом
на пастбище гонит...

ПАРМЕНИД

ИЗ ПОЭМЫ «О ПРИРОДЕ»

Вступление

1. Те кобылицы, что носят меня, куда дух пожелает,
Были со мной и меня увлекали на путь многовещий
Той Богини, что всюду ведет приобщенного к знанью.
Мчался я этим путем, искушенные лошади в беге
Крепко держали ярмо, а девы казали дорогу.
Ось, накаляясь в ступице, свистела, подобно свирели,
Ибо стремили ее, вихревым вращаясь вращеньем,
Два колеса с двух сторон, а дочери светлого Солнца,
Бросивши за собой чертоги сумрачной Ночи,
(10) К свету меня торопили, откинув с голов покрывала.
Там восстали Врата меж стезею ночной и дневною —
Притолока в выси и порог из твердого камня,
А между ними эфирный проем и огромные створы;
Держит от них двойные ключи казнящая Правда.
К ней-то ласкательно речь обратили сопутные девы
И умолили искусной мольбой поспешить перед ними

Сдвинуть с ворот железный засов. Зазияло безмерным
Зевом разъятие створ, повернулись медные стержни
В гнездах, один за другим, утвержденные справа и слева
(20) Скрепам и острiem; и меж них на широкий и торный
Девы направили путь моих лошадей с колесницей.

И благосклонно Богиня меня приняла, и рукою
Правую руку взяла, и вещала ко мне, и сказала:
«Юноша, спутник бессмертных возниц, под чьею охраной
Лошади эти тебя домчали до наших чертогов,
Радуйся! ибо не злая судьбина тебе указала
Странствовать этим путем, столь дальним от троп

человечьих,

А указали Правда и Суд. Познай же, как должно,
И кругловидную Истину с сердцем незыбким, и вместе —
(30) Мнения смертного люда, которым нет истинной веры;
Нужно, однако, и то изучить, как мнимости эти,
Всё проникая насквозь, убедительны виделись людям.

2. Слово тебе изреку — склони же внимание слуха! —
Слово о том, какие пути предлежат разысканью.
Первый тебе указывает: «Есть!» и «Не-быть — невозможно!».
Это — путь Убежденья, оно же вслед Истине правит.
Путь же второй указывает: «Не есть!», «Не-быть —
непременность!»,

Этот путь — так я говорю — уводит в незнанье,
Ибо тебе ни уведать того, что не есть, невозможно,
Ни об этом сказать.

Мир истины

3. ...мыслить и быть — не одно ли и то же?

4. Взглянь на то, что не рядом, но что на уме неотрывно, —
Ибо уму не рассечь сопричастности Бытного с Бытным.
Ни рассеяв его целиком во всяком порядке,
Ни воедино собрав.

...одно мне и то же —

5. Здесь начать или там: все равно ворочусь я обратно,

6. Быть тому, чтоб сказать и помыслить Бытное. Ибо
Есть лишь «Быть», а Ничто — не есть: раздумай об этом!
Ибо я возбраняю тебе первый путь разысканья,
Но возбраняю и тот, по которому бродят невежды,
Люди о двух головах, в чьем сердце беспомощность правит
Праздно бредущим умом. Глухие они и слепые
Мечутся, ошеломясь, неспособное племя к суждению,
Те, кому быть и не быть — одно и то же, и вместе
Не одно и то же: всему у них путь есть попятный.

7. Ибо ничем нельзя убедить, что Не-бытное может
Быть. Воздержи свою мысль от этой дороги исканий:
Пусть тебя на нее не толкнет бывалая свичность,
Чтобы лелеять невидящий глаз, полнозвонное ухо,
Праздный язык. Будь лишь разум судьей многоспорному
слову,

Произреченному мной!

8. На этом пути остается
Только то, что Есть. На этом пути перед нами
Много примет у него: оно нерожденно, бессмертно,
Цельно, однородно, недвижно, полнопредельно,
Не было и не будет, но есть, но ныне, но вкупе,
Слитно, едино.

Какое ему ты приищешь начало?

Как и откуда ему возрасти? Из Небытного Бытным
Я не дозволю его ни сказать, ни подумать: ни сказа
Нет, ни думы о том, что не есть. И какая потреба

(10) Из ничего поведит ему стать — иль раньше, иль позже?
Нет: или только быть, или только не быть ему должно.
Точно так же из Бытного стать чему-то иному
Мощь Убежденья не даст. Оттого-то в крепчайших оковах
Держит Правда ее, ни в рожденье, ни в смерть не пуская.
Стало быть, нам осталось одно измыслить решенье:
Есть иль не Есть? Но нами уже решено неизбежно
Бросить неистинный путь, недоступный ни думе, ни сказу,
И на другой восступить путь сущий и истинно сущий.
Как же Бытному в будущем стать? Как в прошлом

начаться?

(20) То, что было, — не есть; не есть и то, что в грядущем.
Вот и погасло Рожденье, и стала неслышима Гибель,

Далее, всё подобно себе, потому — неделимо:
Нет нигде ничего ни больше, ни меньше, — слиянность
Не нарушима ничем. Всё единым исполнено Бытным,
Всё слиянно, что есть, Бытным к Бытному плотно приинкнув.

Так в пределах великих оков существует недвижно
То, чему нет ни конца, ни начала: и Смерть и Рожденье
Изгнаны, их отвела достоверная Истины сила.

Так, само в себе и само по себе пребывает

- (30) Бытное там, где оно неизменно лежит. Неизбежность
Мощная держит его, сжав кругом, в оковах предела,
Ибо тому, что Есть, неместна незавершенность.

С ней бы оно нуждалось во всем, а оно есть безнуждно,

Мысль и цель этой мысли — одно: ведь ты не приищешь
Мысли без Бытности той, которая в ней изречется.

Ибо нет ничего и не будет на свете иного,

Кроме Бытного, кроме того, что Мойра в оковах
Держит недвижным и цельным. А все остальное — лишь имя,
Все, что смертные в вере своей как истину ставят,

- (40) Все, что есть и не есть, рождается и погибает,
Место меняет свое и меняет яркие краски.

Так как оно — последний предел, то оно завершено

Сразу со всех сторон, как тело круглого шара,

Вкруг середины всегда равновесного, ибо не нужно

Быть ему ни с какой стороны ни больше, ни меньше.

Ибо Небытного нет, чтоб сдержать его в этом стремленьи,

Так же, как Бытного нет, чтобы сделалось больше иль

меньше

Бытное там или здесь: оно везде нерушимо,

Всюду равно себе, едино в сужденном пределе.

Мир Мнения: состав мироздания

- (50) Здесь пресекаю свое к тебе достоверное слово
Думы об Истине. Ныне узнай же и мненья людские,
Внемля обманчивый склад моей украшенной речи.

Смертные в мыслях своих положили считать два

обличья —

В этом их заблужденье: одно из них вовсе не нужно.

Каждое каждому рознь, и особый у каждого признак,

По рассуждению их: там — эфирное тонкое пламя,
Самый легкий огонь, сам себе повсеместно подобный
И не подобный иному; ему же во всем супротивна
Темная Ночь, тяжка и густа по телесному виду.
Я расскажу тебе все, чем мнится такой распорядок,
Чтобы из смертных никто не умел обогнать тебя думой.

9. Если, однако же, все именуется Светом и Ночью,
И по значению их — как те, так и эти предметы, —
Стало быть, все полно и Светом и Ночью незрячей,
Тот и та наравне, никто ни при чем не остался.

10. Будешь знать естество эфира, все знаки в эфире,
Будешь знать, как светоч чистейший блестящего солнца
В небе незримость творит и откуда она возникает,
Знать, в чем труд скитальческих троп кругловодной Селены,
В чем ее естество; познаешь, откуда явилось
Небо, объявнее всё, и как нудит его Неизбежность
Звездный держать предел...

11. ...как земля, и солнце, и месяц,
И соприсущий эфир, и небесное млеко, и оный
Крайний Олимп, и ярые звезды в горячей их силе
Гинулись, чтобы возникнуть.

11a(14) Свет заемный, скиталец ночной, обходящий всю землю...

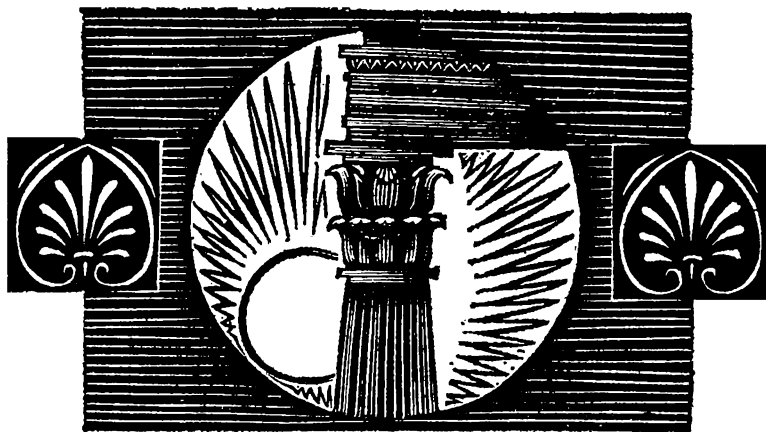
11G(15) ...и вечно вперяясь в сияние
Солнца...

Мир Мнения: состав человека

12. Более узкий круг огнем несмешанным полон;
В тех, что далее, — Ночь, там доля пламени меньше;
А в середине кругов — Богиня, которая правит
Всем: от нее — начало слияний, мучительных родов,
Это она посылает смешаться мужнее с женским,
Женское с мужним.

13. Первым среди богов измыслила бога Эрота.

16. Ибо когда каково смешенье в изменчивых членах,
Точно таков и ум предстает в человеке изменчив:
Членов людских естество и то, что мыслит,— едино
В каждом и во всех, ибо мысль — это то, чего больше.
17. ...справа мальчиков, девочек слева.
18. Женщина с мужем когда мешает Венераино семя,
То если разная кровь соблюдает в смешении меру,
Сила ее, творя, порождает складное тело;
Если же, семя смешав, в нем силы враждуют и спорят
И не сливают себя воедино в смешанном теле,
То народившийся под двояким семенем страдает,
19. Так по мненьям людским и рождается это, и длится
Ныне, и будет возрастать, и встретит урочную гибель,
Каждой из этих вещей люди дали отдельное имя,

ЭМПЕДОКЛ

ИЗ ПОЭМЫ «О ПРИРОДЕ»

Вступление

1. Ты же послушай, Павсаний, разумного отпрыск Анхита!
2. Скудные средства у нас в телесных рассеяны членах,
Много разительных бед притупляет пытливые думы.
Только малую часть узрев человеческой жизни,
Быстрою смертью, как дыма струя, разметаются люди,
Только то и узнав, что каждому встретить случилось
В суетной жизни стезе; а всякий мнит целое ведать!
Оку людскому незримо оно, ни уху не внятно,
Ни умом не объемлемо. Ты же, сюда приспешивши,
Будешь не большее знать, чем смертная мысль воздымает.
3. Но от глаголов моих отвратите безумцев гордыню,
Чистый источник из уст непорочных излейте, о боги!
Ты же, молю, белорукая, многожеланная дева,

- Муза, ко мне ниспошли на послушной тебе колеснице
 Благочестивую весть, краткодневным сужденную смертным...
 ...Пусть не заставят тебя цветы обольстительной славы
 Превозноситься людьми за слова превыше священной
 Дерзости и восседать в обителях мудрости горней,—
 Нет! Исследовать должен ты всячески, где что открыто,
 (10) Зренью не более веры давая, чем гулкому слуху,
 Слуху — не более, чем языка показаниям ясным;
 Ни остальных твоих членов, где только есть путь
 для познанья,
 Веры твоей не лишай, а исследуй, где что открыто.
4. Свойственно людям негодным сильнейшему слову не верить.
 Ты же, как то велят откровенья правдивые Музы,
 В сердце своем рассеки слово истины, правду чтоб сведать.
5. ...скрыть в сердце, немому, как рыба.

Четыре стихи

6. Выслушай прежде всего, что четыре есть корня вселенной:
 Зевс лучезарный, и Аидоней, и живящая Гера,
 Также слезами текущая в смертных источниках Нестис,
7. Непроизводные...
8. Но и другое тебе я поведаю: в мире сем тленном
 Нет никакого рожденья, как нет и губительной смерти:
 Есть лишь смешенье одно и размен того, что смешалось,—
 Что и зовут неразумно рождением темные люди.
9. Что бы за смесь ни явилась на свет: в человечьем ли виде,
 В виде ли дикого зверя, куста или птицы летучей,—
 Люди родившимся это зовут; когда ж разрешится
 Смесь на части свои,— говорят о губительной смерти.
 Правды нет в их речах; но и я их обычаю верен.
10. ...Мстящую смерть...
11. Глупые! как близорука их мысль, коль они полагают,
 Будто, действительно, раньше не бывшее может родиться

- Или же печто вконец умереть и разрушиться может.
12. Ибо из вовсе не бывшего сущее стать неспособно;
Также и сущему согнуть нельзя, ни подумать об этом, —
Ибо оно, куда ни поставь, там и вечно пребудет.
13. Нет во Всем нигде пустоты, как нет и излишка.
14. Нет во Всем нигде пустоты: и откуда ей взятъся?
15. Мудрый муж никогда в своем сердце того не помыслит,
Будто жизни предел в том, что жизнью зовем мы, положен,
Будто лишь в нем до поры люди есть — и во зле,
и во благе,—
А до него — ничто, и после в ничто разрешатся,

Любовь и Раздор

16. Мнится: как были они искони, так и впредь они будут —
Будут оба они наполнять несказанное время.
17. Речь моя будет двойной: ибо — то прорастает Единством
Многость, то вновь разделяется рост Единства на Многость.
Смертных вещей двояко рождение, двояка и гибель:
Ибо одно от слиянья Всего и родится и гибнет, —
И в разделеньи Всего растет и гибнет другое.
Сей непрерывный размен никак прекратиться не может:
То, Любовью влекомое, сходится всё воедино,
То враждою Раздора вновь гонится врозь друг от друга.
Так, поскольку Единство из Многости вечно родится,
(10) А разделеньем Единства опять совершается Многость, —
То возниканье в них есть, но нет в них стойкого века.
Но, поскольку размен сей никак прекратиться не может,
Вечно постольку они, неизменные, движутся в круге.
Вслушай слово мое: от учения множится разум!
Как я и раньше сказал, поясняя предел рассужденья,
Речь моя будет двойной: ибо то прорастает Единством
Многость, то вновь разделяется рост Единства на Многость:
Огонь, и Воду, и Землю, и Воздух безмерно высокий.

- (20) Вне их — Вражда смертоносная, всем равновесная порознь,
В них — Любовь, в ширину и в длину одинакая всюду,
К ней обрати созерцанье ума, не сиди ослепленный!
Ею считались всегда проникнуты смертные члены,
Ею доброе мыслят и ею согласное деют,
Радостью и Афродитой богиней ее величая;
Но что она одна извилась за всеми за теми, —
Смертные люди не знают. Послушай же верные речи!
Все те стихии равны и все одинако ископны,
Всякой, однако, и должность иная, и свойство иное:
В круговороте времен есть доля господства для каждой,
(30) К ним ничто не прибавится, в них ничто не убудет:
Если бы гибли они непрерывно, то их бы не стало, —
Что и откуда тогда бы вселенную снова воздвигло?
Где ж и погибнуть бы им, если места от них нет пустого?
Только они и есть, и все те же; но входят друг в друга
И, становясь то одним, то другим, остаются все теми ж.

20. Ясно то можно узреть в совокупности членов телесных:
То, Любовью влекомые, сходятся все восдино
Части целого тела, в расцвете жизненной силы, —
То, напротив, Враждой разъятые злой, каждый порознь
В шумном прибое житейского моря у берега блуждают.
Так у растений бывает, у рыб, населяющих воду,
Так и у горных зверей и у птиц — ладей окрыленных.
21. Но на свидетельства прежних речей обрати свои взоры, —
Может быть, что-нибудь там недостаточно сказано было?
Вот пред тобой лучезарное Солнце, горячее всюду,
Вот и Бессмертная Часть, залитая сиянием светлым,
Вот и дождем нисходящая темная, хладная Влага,
Вот из Земли течет вкорененная твердость и тяжесть,
Все во Гневе они разновидны и врозь существуют,
Но в Любви сочетаются, страстью пылая взаимпой.
Ибо из них — всё то, что было, что есть и что будет,
(40) Ибо из них — деревья, из них стали мужи и жены,
Дикие звери, и птицы, и в море живущие рыбы,
Также и боги из них, многочисимые, долгие днями.
Только они и есть, и все те же, но входят друг в друга,
Разный вид принимая — настолько их смесь изменяет,

22. Все они — Солнце, Земля, необъятное Небо и Море, —
 Все стремятся равно к единению всеми частями,
 Сколько их ни блуждало бы врозь по смертным составам.
 Так равно и все те, что более склонны к смешенью,
 Друг на друга похожи, в единой любясь Афродите;
 Те же, что сильно враждебны, взаимно с собой разногласят
 Происхождением, смесью и формы своей отпечатком:
 Купно сойтись неспособны они, и много им горя —
 Так повелел Раздор, такую им давший природу.
23. Как живописцы, глубоким умом изучивши искусство,
 Дар многоцветный бессмертным богам принести собираясь,
 Краски различные в руки берут и потом, соразмерно
 Смешивать их начиная — одних и других понемногу, —
 Образы схожие всяких предметов из них производят:
 То вырастают деревья, то мужи выходят и жены,
 Дикие звери, и птицы, и в море живущие рыбы,
 Даже и боги, почетом отличные, долгие днями.
 Так да ума твоего не коснется обман заблужденья,
 (10) Будто иной есть источник всех смертных существ, что
 в несметном
 Множестве явлены нам. Убедись: гласу бога ты внемлешь!
24. ...главу на главу взгромождая,
 Не добрести до конца по троне единого сказа.
25. ...ведь что нужно, то славно поведать и дважды.
26. Властвуют поочередно они во вращении круга,
 Слабнут и вновь возрастают, черед роковой соблюдая.
 Только они и есть, и все те же, но входит друг в друга
 И возникают в обличьи людей и различных животных:
 То, Любовью влекомы, сойдутся в единый порядок,
 То враждою Раздора вновь гонятся врозь друг от друга
 Вилоть до поры, когда, покорясь, воедино срastутся.
 Так, поскольку Единство из Многости вечно рождается,
 А разделеньем Единства опять совершается Многость,
 (10) То возниканье в них есть, но нет в них стойкого века.
 Но, поскольку размен сей никак прекратиться не в силах,
 Вечно постольку они, неизменные, движутся в круге.

Сферос, его разложение и воссоединение

27. Там различить невозможно ни Солнца проворные члены,
Ни косматую силу Земли не увидишь, ни Моря:
Так, под плотным покровом Гармонии, там утвердился
Сферос, шару подобный, гордясь, что единствен и замкнут.
- 27а. Ни непристойной борьбы, ни раздора нет в его членах.
28. Равный то отовсюду и всяких лишенный пределов,
Сферос, шару подобный, гордясь, что единствен и замкнут.
29. Нет у него ни двух ветвей, что из плеч вырастают,
Нет ни быстрых колен, ни ступней, ни частей детородных:
Сферос, шару подобный, был равен себе отовсюду.
30. Но как скоро Раздор возрос и окреп среди членов,
Вспрянув в высокую честь, когда совершилось время,
Определенное их череде великою Клятвой...
31. ...Дрогнули божии члены один за другим чередою.
32. ...сочлененье связует два...
33. Как смоковичный сок молоко заставляет сседаться...
34. Склеив муку ячменя с водою...
35. Но, обратившись вспять, пойду по пути песнопений,
Раньше избранному мной, из глагола глагол извлекая,
После того, как Раздор отошел в глубочайшие недра
Вихря, и стала Любовь средоточием круговращения,
В ней сливается всё воедино, однако не разом,
Но постепенно, оттоль и отсель доброхотно сближаясь;
А из смешенья того — несчетные толпища смертных.
Многое, впрочем, в смеси, чередуясь, легло, не смешившись,
И тяготело оно к парящему свыше Раздору, —
- (10) Ибо Раздор не вполне отступил ко внешним пределам
Круга, но частью остался в телах, а частью исторгся.
Вечно он истекал во вне, и такую же мерой

Вовсе еще не имевших ни милого образа тела,
Ни звучащей речи, ни мужам присущего члена.

63. Надвое членов природа разорвана: часть у мужчины...
64. После приходит Желание, зреньем будя воспоминанье...
65. <Семя> В чистое место вольется, и ежели встретится
с хладом —
Женские даст плоды, <а если с теплом, то мужские>.
66. ...расколотый луг Афродиты...
67. В более теплых частях самец зарождается в чреве:
Вот почему все мужчины смуглее и членами крепче
И волосатее жен...
68. В месяц восьмой, в день десятый сок появляется белый...
- 68a(93) После того, как Земля в совершенную гавань Киприды
Якорь забросила, — равными там сочеталась частями
С ясно блестящим Эфиром, с Гефестом и с Влагой
дождливой,
Разве лишь малой частицей то меньше, то больше бывая,
Вот откуда и кровь, и прочие виды все плоти.
- 68b(96) Но Земля преблагая в своих мощногрудых горнилах
Две из восьми частей получила от светлой Нестиды,
Дважды же две от Гефеста: из них стали белые кости,
Связями дивной Гармонии складно с собой сочетавшись.
71. Если вера твоя ненадежна в мои поученья,
Как из смешенья Воды, и Земли, и Эфира, и Солнца
Образы все и цвета преходящих возникли созданий, —
Все, сколько ныне на свет их вышло из рук Афродиты...
72. Как деревья огромные вышли, как рыбы морские...
73. Землю Киприда Дождем оросив и согревши Дыханьем
Образы, в быстрый Огонь предала их для твердой закалки.

74. Рыб обильно-семянных веда неразумное племя...
75. Внутренность тела плотна, но рыхлы наружные части:
Свойство такое они получили из дланей Киприды.
76. Так то бывает у тварей морских, скорлупой отягченных,—
У черепах, у улиток, закованных в каменный панцирь:
Видно у них, как Земля сселилась к поверхности кожи.
- 77—78. Вечнозеленые, вечноплодовые, в силу состава
Воздуха, круглый весь год процветают плодов изобильем.
79. Рослая ма́слина прежде всех прочих родит свои яйца,
80. Позднего сбора гранаты и яблоки с сочным наливом...
81. В кору проникнув извне, вином бродит в дереве влага,
82. Волосы, листья и перья густые у птиц и на рыбах
Плотный покров чешуи — из одной происходят основы,
83. Спину ежей покрывает щетиной колючая грива,

Жизненные процессы

84. Как путешественник, в бурную ночь собираясь в дорогу,
В ярко горящем огне очага запасается светом
И зажигает фонарь, защищенный от всяческих ветров:
Тщетно-бушующих ветров дыхание он отражает,
Свет же, поскольку он тоньше, наружу проходит, лучами
Неодолимыми путь освещая вперед от порога,—
Так и огонь изначальный,— что в глаза покровах и тканях
Тонких, дивно насквозь пробуравленных в виде воронок,
Замкнут,— за круглым зрачком стал с этой поры укрываться,
- (10) Ткани удерживать стали наплыв обтекающей влаги,
Доступ огню открывая наружу, поскольку он тоньше.
85. Кроткое пламя в глазу с частичкой земли сочеталось,
86. Неутомимые очи из них создала Афродита...

- Сам занимая места при свистящем сетчатом входе;
(20) Но с удаленьем руки обратное прежнему зрится:
Воздух втянется внутрь, влага выйдет в количестве равном.
Точно так, когда нежная кровь, разлитая по членам,
Вспять обращаясь, вовнутрь отливает,— теченье эфира
Тотчас же, бурной волною вздымаясь, ей вслед проникает;
Но лишь прильет она вновь, он выйдет в количестве равном.
101. Пес, чутьем находя частицы животного тела,
Те, что на пастбище сочном от ног остаются у дичи...
102. Так у всего, что живет, обоняние есть и дыханье.
103. Воля Судьбы такова, что присуща всем тварям разумность.
104. И, поскольку тончайшие тельца столкнулись в паденьи...
105. Сердце питается кровью, прибоем ее и отбоем,
В нем же находится то, что у нас называется мыслью —
Мысль человека есть кровь, что сердце вокруг омывает.
106. Разум растет сообразно тому, что встречается людям.
107. Ибо из них все, что есть, сочеталось в стройный порядок,
Ими же думают люди и чувствуют радость и скорби.
108. За день поскольку свою изменяют все люди природу,
Ночью постольку всегда предстают переменчивы мысли.
109. Землю Землей созерцаем и Воду мы видим Водю,
Дивный Эфир — Эфиром, Огнем — Огонь беспощадный,
Также Любовью — Любовь, и Раздор — ядовитым Раздором.

Заключение

110. Если, в мои поучения твердым уверовав сердцем,
Чистою мыслию станешь ты их созерцать благосклонно,
То несомненно они на всю жизнь тебе будут опорой.
Множество также других обретешь из них ценных
стяжаний,

- Ибо они вытекают одно из другого согласно
 С качеством каждого. Если же будешь стремиться к иному,
 В чем бесконечных скорбей и забот притупляющих бездна,—
 Скоро покинут тебя мимолетные эти стяжанья,
 К милому лону, родившему их, воротиться желая.
- (10) Ибо знай, что во всем есть разумности доля и мысли,
111. Зелья узнаешь, какими недуги и дряхлость врачуют;
 Только тебе одному я открыть это все собираюсь.
 Ветров, не знающих отдыха, ярость удерживать будешь,
 Что, устремляясь на землю, порывами пажити губят;
 Если ж захочешь — обратное вновь их воздвигнешь дыханье,
 Мрачного после ненастья доставишь желанное ведро,
 В летнюю ж засуху зелень питающий вызовешь ливень —
 Хлынет потоками влага с эфирного неба на землю,
 Даже усопшего мужа вернешь из чертогов Аида!

ИЗ ПОЭМЫ «ОЧИЩЕНИЯ»

Вступление

112. Други! о вы, что на склонах золотого холма Акраганта
 Град обитаете верхний, ревнители добрых деяний,
 Злу непричастные, гостю почтенному кров и защита,—
 Ныне привет вам! Бессмертному богу подобясь средь
 смертных,
 Шествую к вам, окруженный почетом, как то подобает,
 В зелени свежих венков и в повязках золотых утопая.
 Сонмами жен и мужей величаемый окрест грядущих,
 В грады цветущие путь направляю; они же за мною
 Следуют все, вопрошая, где к пользе стезя пролегает:
- (10) Те прорицаний желают, другие от разных недугов
 Слово целебное слышать стремятся, ко мне обращаясь,—
 Подлинно, тяжких страданий исполнена жизнь злополучных!
113. Впрочем, стоит ли мне похвалиться, как славным деяньем,
 Тем, что выше я всех обреченных погигбели смертных?

То без труда созерцал любое, что есть и что было,
За десять или за двадцать провидя людских поколений,

130. Кроткими были все твари, и к людям легко приручались
Звери и птицы: везде дружелюбно Любовь процветала,

Божество

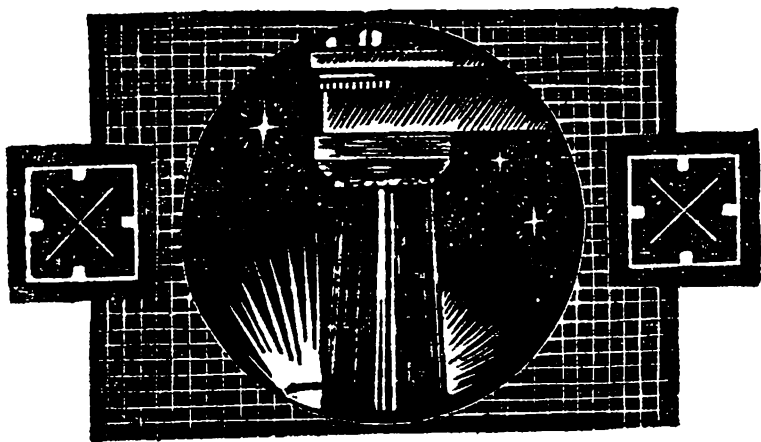
131. Ежели ради людей краткодневных, бессмертная Муза,
Было угодно тебе снизойти до моих начинаний,—
Ныне я снова молю, о блаженных богах собираясь
Слово благое изречь: осени мою мысль, Каллиопа!
132. Счастлив, кто мыслей божественных ценным владеет
богатством,
Жалок, кто о богах лишь мнением смутным доволен,
133. Нет, божество недоступно ни зрению нашего ока,
Ни осязанию рук,— а ведь в них пролегает главнейший
Путь, чтоб внедрить убежденье в сердца недоверчивых
смертных,
134. Нет у него головы человеческой, венчающей члены,
Нет ни двух ветвей, что ввысь из плечей вырастают,
Нет ни быстрых колен, ни ступней, ни частей волосатых:
Дух лишь один существует святой, несказанный, от века
Мыслями быстрыми вокруг обегаящий все мирозданье,
135. Но безразделен всеобщий закон над широкодержавным
Всем простором эфира и всем безмерным сияньем...

Воздержание и спасение

136. Где же убийствам ужасным предел? Неужели беспечный
Ум ваш не видит того, что снедью вы стали друг другу?
137. Милого сына схватив, изменившего только наружность,
В жертву с молитвой его закаляет отец неразумный!

Жертва с мольбою к стопам припадает, палач же, не внемля,
Режет и мерзостный пир готовит в просторных палатах.
Также бывает, что сын из родителя или же дети,
Душу исторгнув из матери, плоть пожирают родную.

138. Медью черная душу..
139. Горе мне! если бы день роковой ниспослал мне кончину
Прежде, чем губы мои нечестивой коснулись пищи!
140. ...листьев лавра всецело чуждайтесь!
141. О злополучные! бойтесь к бобам прикасаться руками!
142. Ни чертоги эгидодержавного Зевса не примут,
Ни Андов чертог..
143. В крепкую медь от пяти почерная источников воду..
144. ...не вкушать от порока..
145. Ибо доколе среди тяжких пороков мятетесь безумно,
Душу от скорбей жестоких никак облегчить вы не в силах.
146. После всего выходят из них пророки, поэты,
Или врачи, иль вожди для людей, населяющих землю,
И возрастают из них, как боги, обильны почетом...
147. ...Купно с другими бессмертными стол и очаг разделяя,
Скорбей не зная людских, не причастны томящей кручине...

ЭПИКУР

ПИСЬМО К ГЕРОДОТУ

Эпикур Геродоту шлет привет.

³⁵ Кто не может, Геродот, тщательно изучать все, что мы написали о природе, и вникать в более пространные сочинения наши, для тех я уже составил обзор всего предмета, достаточный, чтобы удержать в памяти хотя бы самое главное. Я хотел, чтобы это помогало тебе в важных случаях всякий раз, как придется взяться за изучение природы. Да и те, кто уже достиг успеха в рассмотрении целого, должны помнить основные черты облика всего предмета: общее движение мысли часто бывает нам нужно, а подробности — не так часто. К этим общим чертам и приходится нам обращаться, постоянно памятуя ³⁶ столько, сколько нужно бывает и для самого общего движения мысли о предмете, и для всемерной точности подробностей, то есть хорошо усвоив и запомнив самые основные черты. В самом деле, главным признаком совершенного и полного знания является умение быстро пользоваться бросками мысли, [а это бывает, когда все] сводится к простым основам и словам. Ибо кто не может в кратких словах охватить все, что изучается

37 по частям, тот не может познать толщу всего охватываемого. И вот, так как такой путь полезен для всех, кто освоился с исследованием природы, то я, отдавший исследованию природы постоянные свои усилия и достигший жизненного мира прежде всего благодаря ему, составил для тебя и нижеследующий обзор, заключающий в себе основы всего учения.

Итак, прежде всего, Геродот, следует понять то, что стоит за словами, чтобы можно было свести к ним для обсуждения все наши мнения, разыскания, недоумения, чтобы в бесконечных объяснениях не оставались они необсужденными, а слова 38 не были пустыми. В самом деле, если только мы хотим свести к чему-то наши разыскания, недоумения, мнения, то нам необходимо при каждом слове видеть его первое значение, не нуждающееся в доказательстве. И затем мы должны во всем держаться ощущений, держаться наличных бросков мысли или любого иного критерия, держаться испытываемых нами претерпеваний — и это даст нам средства судить об ожидающем и неясном. А уже разобравшись с этим, следует переходить к рассмотрению неясного.

Прежде всего: ничто не возникает из несуществующего, — иначе все возникало бы из всего, не нуждаясь ни в каких семенах. И если бы исчезающее разрушалось в несуществующее, 39 все давно бы уже погибло, ибо то, что получается от разрушения, не существовало бы. Какова Вселенная теперь, такова она вечно была и вечно будет, потому что изменяться ей не во что, — ибо, кроме Вселенной, нет ничего, что могло бы войти в нее, внося изменение.

Далее //это он говорит и в начале «Большого обзора», и в I книге «О природе»//¹, Вселенная есть [тела и пустота]. Что существуют тела, это всюду подтверждает наше ощущение, на которое, как сказано, неизбежно должно опираться наше рас- 40 суждение о неясном; а если бы не существовало того, что мы называем пустотой, простором или неосязаемой природой, то телам не было бы где двигаться и сквозь что двигаться, — между тем как очевидно, что они движутся. Помимо же тел и пустоты, ни постижением, ни сравнением с постигаемым нельзя

¹ Здесь и далее курсивом в двойных скобках выделены примечания Диогена Лаэртского, вставленные в дошедший до нас текст Эпикура.

помыслить никакого иного самостоятельного естества, а только случайные или неслучайные свойства таковых.

Далее //это он повторяет и в I, XIV и XV книгах «О природе», и в «Большом обзоре»//, иные из тел суть сложные, а иные — такие, из которых составлены сложные. Эти последние суть атомы, неделимые и неизменяемые. В самом деле, не всему, что есть, предстоит разрушиться в небытие: иное настолько крепко, что выстоит и в разложении сложностей благодаря природной своей плотности и потому, что разлагаться ему не с чего и невозможно. Стало быть, начала по природе своей могут быть лишь телесны и неделимы.

Далее, Вселенная беспредельна. В самом деле, что имеет предел, то имеет край; а край — это то, на что можно смотреть со стороны; стало быть, края Вселенная не имеет, а значит, и предела не имеет. А что не имеет предела, то беспредельно и неограниченно.

Беспредельна Вселенная как по множеству тел, так и по обширности пустоты. В самом деле, если бы пустота была беспредельна, а множество тел предельно, то они бы не держались в одном месте, а носились бы рассеянными по беспредельной пустоте, не имея ни сдержки, ни отпора; а если бы пустота была предельна, в ней негде было бы существовать беспредельному множеству тел.

К тому же атомы тел, неделимые и сплошные, из которых составляется и в которые разлагается все сложное, необъятно разнообразны по виду, — ибо не может быть, чтобы столько различий возникло из объятного количества одних и тех же видов. В каждом виде количество подобных атомов совершенно беспредельно, но количество разных видов не совершенно беспредельно, а лишь необъятно. //Ведь он говорит ниже, что внутреннее деление совершается не до бесконечности: такую оговорку он делает, чтобы не подумали, будто раз качества вещей изменчивы, то и по величине атомы отличаются от совершенной бесконечности.//

Двигутся атомы непрерывно и вечно //и с равной скоростью, как говорит он ниже,— ибо в пустоте одинаково легок ход и для легкого и для тяжелого//: одни — поодаль друг от друга, а другие — колеблясь на месте, если они случайно сцепятся или будут охвачены сцепленными атомами. Такое колебание происходит потому, что природа пустоты, разделяющей

атомы, неспособна оказать им сопротивление; а твердость, присущая атомам, заставляет их при столкновении отскакивать настолько, насколько сцепление атомов вокруг столкновения дает им простору. Начала этому не было, ибо и атомы и пустота существуют вечно.

//Ниже он говорит, что атомы не имеют никаких иных свойств, кроме вида, величины и веса; что до цвета, то он меняется в зависимости от положения атомов, как сказано в «Двенадцати основах». Величина для атомов возможна не всякая; так, никакой атом не доступен чувству зрения.//

45 Напомнив обо всем этом столь длинную речь, мы представляем достаточный очерк наших соображений о природе сущего.

Далее, миры бесчисленны, и некоторые схожи с нашим, а некоторые несхожи. В самом деле, так как атомы бесчисленны (как только что показано), они разносятся очень и очень далеко, ибо такие атомы, из которых мир возникает или от которых творится, не расходятся полностью ни на один мир, ни на ограниченное число их, схожих ли с нашим или несхожих. Стало быть, ничто не препятствует бесчисленности миров.

46 Далее, существуют оттиски, подобовидные плотным телам, но гораздо более тонкие, чем видимые предметы. В самом деле, вполне могут возникнуть в окрестном воздухе и такие отслоения, и такие средства для образования полых и тонких поверхностей, и такие истечения, которые сохраняют без изменения положение и движение твердых тел. Эти оттиски называем мы «видностями». А так как движение через пустоту не препятствуется никаким сопротивлением, то всякое объятное расстояние покрывается с невероятной скоростью, ибо медленность и скорость — это то же, что сопротивление и отсутствие сопротивления. Конечно, при этом само движущееся тело за промежуток времени, уловимые только разумом, отнюдь не попадает сразу в несколько мест, ибо это немислимо; оно достигает нас лишь за время, уловимое ощущением, да и то движение исходит не из того места в беспредельности, откуда мы его улавливаем, ибо [само ощущение] подобно столкновению, хотя бы до того никакого столкновения не было и скорость оставалась неизменной. Это положение также полезно держать в памяти.

Что видности бывают нантончайшими, этому не противоречат никакие наблюдения. Потому и скорость их наивеличайшая, что каждая находит в беспредельности проход по себе и не встречает никаких или почти никаких препятствий, тогда как бесконечное большинство атомов тотчас сталкивается с каким-нибудь препятствием.

48 Кроме того, само возникновение видностей совершается быстро, как мысль. От поверхностей тел происходит непрерывное истечение, незаметное лишь потому, что умаление возмещается пополнением. Такое истечение долго сохраняет положение и порядок атомов твердого тела, хотя иногда и оно оказывается смятенным, и возникающие в воздухе составы истончаются, не имея необходимой глубины наполнения; да и другие бывают способы образования таких естеств. В самом деле, все это не противоречит свидетельствам ощущений, если обратить внимание на то, каким образом через ощущения доходят к нам извне и паглядности, и их взаимодействия.

49 Далее, надобно полагать, что именно оттого, что в нас входит нечто извне, мы способны и видеть [формы], и мыслить их. В самом деле, ведь внешние предметы ни через воздух между нами и нами, ни через лучи или иные истечения от нас к ним не могут отпечатлеть в нас свой природный цвет и форму так, как могут это сделать через оттиски, сохраняющие цвет и форму предметов, проникающие по мере величины своей в наше зрение и мысль и движущиеся с большой скоростью.

50 По этой-то причине они и дают представление о едином и целом предмете, и сохраняют то же взаимодействие, что и в исходном предмете, будучи поддерживаемы оттуда соответственным колебанием атомов в глубине плотного тела. И какое бы в бросках нашей мысли или органах чувств ни воспринималось нами представление о форме или о других свойствах предмета, форма эта есть форма плотного тела, возникающая или от непрерывного исхождения видностей, или от последнего их остатка. А ложность и ошибочность всегда приходят уже вместе с мнением, когда ожидается подтверждение или неподтверждение, но ни подтверждение, ни неподтверждение не наступает //причина этого — движение в нас самих, сопутствующее образу броску мысли, но отличное от него: из-за этого-то

51 отличия и возникает ложность//. В самом деле, такие видения, какие мы получаем от изваяний, или во сне, или от других

бросков мысли и прочих наших орудий суждения, никогда не могли бы иметь сходство с предметами сущими и истинными, если бы не существовало чего-то, долетающего до нас; но в них не могли бы иметь место ошибки, если бы мы не получали в себе самих еще какого-то движения, хоть и связанного [с вообразительным броском], но и отличного от него; если это движение не подтверждается или опровергается, то возникает ложность, если же подтверждается или не опровергается, то возникает истина. ⁵² Этого положения должны мы крепко держаться, чтобы не отбрасывать критериев, основанных на очевидности, но и не допускать беспорядка от ошибки, принятой за истину.

Далее, слышание возникает от истечения, исходящего от предмета, который говорит, звучит, шумит или как-нибудь иначе возбуждает слух. Это истечение рассеивается на плотные частицы, подобные целому и сохраняющие взаимодействие и своеобразное единство по отношению к своему источнику; оно ⁵³ и вызывает по большей части восприятие предмета-источника или по крайней мере обнаруживает его внешнее присутствие, — ибо без доносящегося оттуда взаимодействия частиц восприятие было бы невозможно. Поэтому не надо думать, что это самый воздух меняет вид от испускаемого голоса или чего-нибудь подобного — такого преобразования воздуха от голоса было бы заведомо недостаточно; нет, это удар, происходящий в нас при испускании голоса, тотчас производит вытеснение некоторых плотностей, образующих поток дыхания, и от этого в нас возникает слуховое претерпевание.

Точно так же и обоняние, подобно слуху, не могло бы вызывать претерпевание, если бы от предмета не доносились частицы, соразмерные возбуждению органа этого чувства; иные возбуждают его беспорядочно и неприятно, иные — мирно и приятно.

⁵⁴ Далее, следует полагать, что атомы не обладают никакими свойствами видимых предметов, кроме как формой, весом, величиною и теми свойствами, которые естественно связаны с формой. Ибо всякое свойство переменчиво, атомы же неизменны — ведь необходимо, чтобы при разложении сложного оставалось нечто прочное и неразложимое, благодаря чему перемены совершались бы не в ничто и не из ничего, а по большей части путем перемещений, иногда же путем прибавления

и убавления. Поэтому необходимо, чтобы перемещаемые частицы были неразрушимы и свободны от качеств меняющегося тела, имея лишь собственные плотности и собственную форму: они-то и должны быть неизменны. В самом деле, мы видим, что когда от убавления тело меняет форму, то форма все же остается ему присуща, тогда как свойства, не будучи присущи меняющемуся телу, не остаются при нем, как форма, а исчезают из него. Так вот, того, что остается, и бывает достаточно для образования различий между сложными телами, потому что необходимо, чтобы хоть что-то оставалось, а не разрушалось в ничто.

Далее, не следует полагать, будто атомы бывают любой величины,—этому противоречат видимые явления. Следует полагать, что величина их безразлична: при таком допущении лучше объяснится то, что происходит в наших ощущениях и претерпеваниях. Для объяснения разницы в свойствах вещей нет нужды, чтобы атомы были любой величины; кроме того, будь это так, до нас должны были бы доходить даже атомы, доступные зрению, однако этого никогда не бывает, и даже представить себе зримые атомы невозможно.

Кроме того, не следует думать, будто в ограниченном теле существует бесконечное множество плотных частиц какой бы то ни было величины. Поэтому не только нужно отвергнуть делимость до бесконечности на меньшие и меньшие части, ибо этим все лишится стойкости и окажется, что при нашем понимании сложных тел сущее будет, дробясь, разлагаться в ничто; нужно полагать, что даже в конечных телах переход к меньшим и меньшим частям не может совершаться до бесконечности. В самом деле, раз сказав, что в предмете существует бесконечное множество плоских частиц какой бы то ни было величины, уже невозможно представить величину этого предмета ограниченной: ведь ясно, что и бесчисленные плотные частицы имеют какую-то величину, а в таком случае, какова бы она ни была, величина предмета окажется бесконечной. Каждый ограниченный предмет имеет предел, хотя бы и не видимый глазом; то, что следует за ним, нельзя не представить себе точно таким же, а следуя таким образом дальше и дальше, мы приходим мыслью к бесконечности.

Мельчайшие воспринимаемые частицы следует мыслить не совсем такими, как имеющие протяженность, но и не совсем

иными: у них есть нечто общее с частицами протяженными, но они не допускают разъятия на части. А если мы, исходя из этого общего, представим себе такую частицу разъятой на части, одну здесь, другую там, то обе части должны представиться нам одинаково [самостоятельными], и смотреть на них придется порознь, сперва на одну, потом на другую, а не на совпадение их и не на соприкосновение; и каждая из них сама по себе будет мерилом величин — в большом их будет много, а в малом — мало. Вот по такому подобию следует мыслить 59 и мельчайшие частицы атома; от чувственно зримых частиц отличается их, понятным образом, меньшая величина, однако же подобие сохраняет силу; именно в силу этого подобия утверждали мы, что атом меняет величину, только считали ее гораздо меньшей. А эти мельчайшие и несоставные частицы следует считать тем пределом длины, который служит мерилом для атомов, меньших и больших, и применяется при умственном рассмотрении невидимых предметов. Общие черты этих частиц и тех, неизменных, вполне достаточны для обоснования всего вышесказанного; но соединение таких частиц в силу их собственного движения невозможно.

60 Далее, применительно к бесконечности слова «верх» и «низ» нельзя употреблять в значении «самое верхнее» и «самое нижнее». Однако мы знаем, что оттуда, где мы стоим, можно до бесконечности продолжать пространство вверх, а из любого мыслимого места — до бесконечности вниз, а все же оно никогда не покажется нам одновременно и ниже и выше одного и того же места, потому что это невозможно помыслить. Стало быть, невозможно представить только одно мыслимое движение вверх до бесконечности и только одно — вниз до бесконечности, даже если движение от наших голов кверху десять тысяч раз будет приходить к ногам вышестоящих, а движение от нас книзу — к головам нижестоящих. В самом деле, движение в целом не теряет противоположностей своего направления, будучи даже помыслено в бесконечности.

61 Далее, когда атомы несутся через пустоту, не встречая сопротивления, то они должны двигаться с равной скоростью. Ни тяжелые атомы не будут двигаться быстрее малых и легких, если у них ничто не стоит на пути, ни малые быстрее больших, если им всюду открыт соразмерный проход и нет сопротивления; это относится и к движению вверх или вбок — от

столкновений, и к движению вниз — от собственной тяжести. В самом деле, когда тело обладает тем или иным движением, оно будет двигаться быстро, как мысль, пока сила толчка не встретит сопротивления или вонне, или в собственной тяжести

⁶² тела. Правда, могут возразить, что хоть атомы движутся и с равною скоростью, однако сложные тела движутся одни быстрее, другие медленнее. Но это потому, что атомы, собранные в телах, стремятся в одно место лишь в течение мельчайших непрерывных промежутков времени; но уже в умопостигаемые промежутки времени это место будет иное — атомы постоянно сталкиваются, и от этого в конце концов движение становится доступно чувству. И неправильны будут домыслы, будто среди невидимых частиц и в умопостигаемые промежутки времени возможно непрерывное движение: ведь истинно только то, что доступно наблюдению или уловляется броском мысли.

⁶³ Далее, опираясь на наши ощущения и претерпевания [ибо это вернейшая опора для суждений], необходимо усмотреть, что душа есть тело из тонких частиц, рассеянное по всему нашему составу; оно схоже с ветром, к которому примешана теплота, и в чем-то больше сходствует с ветром, а в чем-то — с теплотой; но есть в ней и [третья] часть, состоящая из еще того более тонких частиц и поэтому еще теснее взаимодействующая с остальным составом нашего тела. Свидетельство всему этому — душевные наши способности, претерпевания, возбудимость, движение мысли и все, без чего мы погибам. При этом следует полагать, что именно душа является главной причиною ощущений; но она бы их не имела, не будь она замкнута в остальном составе нашего тела. А состав этот, позволив душе стать такою причиною, приобретает и сам от нее такое свойство, однако же не все свойства, какие у нее есть. Поэтому, лишась души, он лишается и чувств, так как способность к чувствам была не в нем самом; он лишь доставлял эту способность чему-то иному, вместе с ним рожденному, а это последнее, развив эту способность с помощью движения, сразу и в себе производило свойство чувствительности, и телу его сообщало через свою с ним смежность и взаимодействие, как я

⁶⁴ о том уже сказал. Поэтому, пока душа содержится в теле, она не теряет чувствительности даже при потере какого-либо члена: с разрушением ее покрова, полным или частичным, погиб

бают и частицы души, но пока от нее что-то остается, оно будет иметь ощущения. Остальной же наш состав, оставаясь полностью или частично после того как удалится то сколь угодно малое количество атомов, которое составляет природу души, ощущений уже иметь не будет. Наконец, когда разрушается весь наш состав, то душа рассеивается и не имеет более ни ⁶⁶ прежних сил, ни движений, а равным образом и ощущений. Ибо невозможно вообразить, чтобы она сохраняла ощущения иначе, как в своем теперешнем складе, и чтобы она сохранила теперешние движения, когда окружающий покров будет уже не тот, в котором они теперь совершаются. *// В других местах он говорит еще, что душа состоит из атомов самых гладких и круглых, очень отличных даже от атомов огня; что часть ее неразумна и рассеяна по всему телу, тогда как разумная часть находится в груди, что явствует из чувства страха и радости; что сон наступает оттого, что частицы души, рассеянные по всему составу, стекаются или растекаются, а потом сбиваются от толчков; и что семя собирается со всех частей тела.//*

⁶⁷ В самом деле, не надо забывать, что так называемое «бестелесное» в обычном словоупотреблении есть то, что может мыслиться как нечто самостоятельное; но ничто бестелесное не может мыслиться как самостоятельное, кроме лишь пустоты; пустота же не может ни действовать, ни испытывать действие, она лишь допускает движение тел сквозь себя. Поэтому те, кто утверждает, что душа бестелесна, говорят вздор: будь она такова, она не могла бы ни действовать, ни испытывать действие, между тем как мы ясно видим, что оба эти свойства присущи ⁶⁸ душе. Итак, если все наши рассуждения о душе сводить к ощущениям и претерпеваниям [памятуя о том, что мы сказали вначале], то будет видно, что здесь они очерчены с достаточной четкостью, чтобы в дальнейшем по этим начертаниям можно было уверенно уточнять и подробности.

Далее, форма, цвет, величина, вес и все остальное, что перечисляется как свойство тел [всех или только видимых] и познается соответствующими им ощущениями, не должно мыслиться в виде самобытных естеств [это и невообразимо], не должно мыслиться как несуществующее, не должно мыслиться как нечто бестелесное, присущее телу, ни как части этого тела; нет, постоянная природа всего тела состоит из всех этих

свойств, но не так, будто все они сложены вместе, как плотные частицы слагаются в более крупные составы или малые части в большие, а просто, как я сказал, постоянное естество всего тела состоит из всех этих свойств. Все эти свойства и улавливаются и различаются каждое по-своему, но всегда в сопровождении с целым и никогда отдельно от него; по этому совокупному понятию тело и получает свое название.

⁷⁰ Далее, часто тела сопровождают и непостоянные свойства, которые тоже нельзя назвать ни невидимыми, ни бестелесными. Называя такие свойства по обычному словоупотреблению случайными, мы ясно утверждаем, что они не имеют свойства того целого, которое в совокупности называется телом, и не имеют естества тех постоянных его качеств, без которых тело немислимо. Каждое из них может получить такое название, так как в мысленном броске оно сопутствует телу, но лишь тогда, ⁷¹ когда оно действительно усматривается, потому что постоянно сопутствующими эти свойства не являются. Не следует эту очевидность считать несуществующей потому лишь, что она не имеет естества того целого [называемого телом], в котором она усматривается, или же какого-либо постоянно сопровождающего свойства этого целого; не следует, однако же, и считать ее имеющей самостоятельное существование [это так же немислимо для случайных свойств, как и для постоянных]; а следует считать их, как они и кажутся, случайными свойствами тел, а не постоянно сопровождающими свойствами тел и не имеющими положения самостоятельных естеств; они рассматриваются именно в том их своеобразии, какое обнаруживается ощущением.

⁷² Далее, надобно твердо держаться вот какого положения: время не поддается такому расследованию, как все остальные свойства предметов, которые мы исследуем, сводя к предвосхищениям, усматриваемым в нас самих,— нет, мы должны исходить из той непосредственной очевидности, которая заставляет нас говорить о долгом или кратком времени, и выражать ее соответствующим образом. Не надо при этом выбирать особенные слова, будто они лучшие, а надо пользоваться ходовыми выражениями о предмете; не надо также приписывать другим предметам ту же сущность, какая есть в своеобразии нашего [хоть иные и это делают], а надо обращать внимание лишь на ⁷³ то, с чем мы связываем наш предмет и чем его измеряем.

В самом деле, ведь не нужно доказывать, а нужно только обратить внимание на то, что связываем мы его с такими вещами, как день и ночь, части дня и ночи, волнение и покой, движение и неподвижность, и, выделяя умом в этих вещах особое случайное свойство, называем его временем. //То же самое говорит он во II книге «О природе» и в «Большом обзоре».

Далее, помимо всего сказанного, следует полагать, что миры и вообще всякое ограниченное сложное тело того же рода, что и предметы, которые мы наблюдаем сплошь и рядом,— все произошли из бесконечности, выделяясь из отдельных ступеней, больших и малых; и все они разлагаются вновь от тех или иных причин, одни быстрее, другие медленнее. //Из этого ясно, что он считает миры подверженными гибели, потому что части их подвержены изменениям. В другом месте он говорит, что

⁷⁴ Земля опирается на воздух.// При этом не надо думать, что все миры необходимо имеют одну и ту же форму //напротив, он сам говорит в XII книге «О природе», что одни из них шаровидны, другие яйцевидны, третьи имеют иные виды, однако же не всякие. Точно так же и животным не отказано в бесконечности//; в самом деле, невозможно доказать, что в таком-то мире могли быть или не быть заключены те семена, из которых составляются животные, растения и все прочее, что мы видим, а в другом мире это невозможно. //То же можно сказать и о пропитании для них. О земном мире следует рассуждать таким же образом.

⁷⁵ Далее, следует полагать, что природу нашу многому и разнообразному научили понуждающие обстоятельства, а разум потом совершенствовал полученное от природы и дополнял его новыми открытиями — то быстрее, то медленнее, в некоторые времена больше, в некоторые меньше. Оттого и названия вещам были сперва даны отнюдь не по соглашению: сама человеческая природа у каждого народа, испытывая особые чувства и получая особые впечатления, особым образом испускала воздух под влиянием каждого из этих чувств и впечатлений,

⁷⁶ по-разному в зависимости от разных мест, где обитали народы; лишь потом каждый народ установил у себя общие названия, чтобы меньше было двусмысленности в изъяснениях и чтобы они были короче. А вводя некоторые предметы, еще не выданные, люди, знакомые с ними, вводили и звуки для них:

иные — произнося по необходимости, иные — выбирая по разумению там, где были более сильные основания для такого-то выражения.

Далее, о движении небесных тел, солнцестояниях, затмениях, восходах, закатах и тому подобном не следует думать, будто какое-то существо распоряжается ими и приводит или привело их в порядок; и не следует думать, будто оно при этом пользуется совершенным блаженством и бессмертием, ⁷⁷ потому что распоряжения, заботы, гнев, милость с блаженством несовместимы, а возникают при слабости, страхе и потребности в других; и не следует думать, будто это сами сгустки небесного огня наделены блаженством и добровольно принимают на себя свои движения. Нет, следует блюсти величие во всех словах для этих понятий, чтобы они не вызвали мнений, несовместных с таким величием, от которых может возникнуть величайшее смятение в душах. Поэтому надо полагать, что этот неукоснительный круговорот совершается в силу того, что при возникновении мира такие сгустки изначально входили в его состав.

⁷⁸ Далее, надо полагать, что задача изучения природы есть исследование причины главнейших вещей и что именно в этом состоит блаженство познания природы, наблюдаемой в небесных явлениях, и всего, что способствует ближайшему достижению этой цели. При этом в таких вопросах нельзя допускать многообразия причин и думать, что дело может обстоять и иначе; нет, в бессмертной и блаженной природе не может быть ничего допускающего разноречие или непокой — что это именно так, нетрудно постичь мыслью.

⁷⁹ Напротив, простое повествование о закатах, восходах, солнцестояниях, затмениях и тому подобных предметах не имеет никакого отношения к блаженству знания: кто сведущ в этих явлениях, но не знает, какова их природа и главнейшие их причины, тот чувствует такие же страхи, как если бы вовсе был несведущ, а может быть, даже и большие, оттого что его изумление перед всеми этими сведениями не может получить разрешения и понять устройство самого главного. Поэтому даже если мы находим ⁸⁰ несколько причин солнцестояний, закатов, восходов, затмений и тому подобного, как это было и в наших рассуждениях об отдельных явлениях, то не следует считать такую точность исследования недостаточной для достижения нашей безмятеж-

ности и блаженства. Надо примечать, сколькими способами происходят подобные явления возле нас, и потом уже рассуждать о причинах небесных явлений и обо всех прочих неясностях; и можно только презирать тех, кто не понимает разницы между тем, что бывает или возникает одним только способом, и тем, что случается разными способами, кто не учитывает представлений, возникающих при дальнем расстоянии, и кто вообще не знает, в каких условиях можно и в каких нельзя сохранять безмятежность духа. Если мы, понимая, что такое-то явление может происходить многими способами, принимаем, что оно происходит так-то, то мы будем сохранять ту же безмятежность духа, как если бы мы точно знали, что оно происходит именно так.

- 81 Наконец, нужно вообще твердо держаться вот какого взгляда: самое главное смятение в человеческих душах возникает оттого, что одни и те же естества считаются блаженными и бессмертными и в то же время, напротив, наделенными волей, действиями, побуждениями; оттого, что люди всегда ждут и боятся вечных ужасов, как они описываются в баснях, и пугаются даже посмертного бесчувствия, словно оно для них зло; оттого, наконец, что все это они испытывают даже не от пустых мнений, а от какого-то неразумного извращения, и если они не положат предела своему страху, то испытывают такое же или даже более сильное смятение, чем те, кто держатся пустых мнений. Между тем безмятежность состоит в том, чтобы от всего этого отрешиться и только прочно помнить о самом общем и главном. Поэтому так важно быть внимательным к непосредственным ощущениям и претерпеваниям, к общим в общих случаях и к частным в частных случаях, а также ко всякой непосредственной очевидности, данной каждому из наших средств суждения. Если мы этого будем держаться, то мы правильным образом отведем и отменим причины возникновения смятения и страха, так как сможем судить о причинах и небесных явлений, и всех остальных событий, до такой крайности пугающих прочих людей.

- 83 Вот тебе, Геродот, самые главные положения науки о природе в виде обзора; и я думаю, что если этот очерк поддается точному усвоению, то усвоивший его получит несравненно более крепкую опору, чем другие люди, даже если ему не случится дойти до всех частных подробностей. А частные подроб-

ности он во многом сам прояснит для себя по нашей полной работе, причем память об этих положениях будет ему постоянной подмогой. Ибо они таковы, что всякий, кто вполне или хотя бы достаточно искушен в подробностях, сможет заниматься разысканиями о природе всего, сводя их к таким соображениям; а кто еще не достиг полного совершенства, тот с их помощью и без слов сможет с быстротою мысли облететь все самое нужное для достижения душевного покоя,

ПИСЬМО К ПИФОКЛУ

⁸⁴ Эпикур Пифоклу шлет привет.

Принес мне Клеон письмо от тебя, в котором ты выражаешь свои добрые чувства к нам, достойные нашей заботы о тебе, и искренне стараешься памятовать все рассуждения, служащие счастливой жизни; а для облегчения памяти просишь прислать тебе краткое и удобообозримое рассуждение о небесных явлениях, потому что написанное нами в других сочинениях дается твоей памяти с трудом, хоть ты и носишь их при себе постоянно. Просьба такая нам приятна и наполняет нас ⁸⁵ добрыми надеждами. Поэтому, завершив остальные наши писания, мы выполняем твою просьбу, полагая, что такие рассуждения будут бесполезны и другим, особенно же тем, кто лишь недавно вкусил от истинного познания природы и у кого из-за повседневных забот слишком мало досуга. Усвой же это хорошенько, крепко держи в памяти и проходи это вместе со всем остальным, что послали мы в малом обзоре к Геродоту.

Прежде всего надобно помнить, что, подобно всему остальному, наука о небесных явлениях, отдельно ли взятая или в связи с другими, не служит никакой иной цели, кроме как безмятежности духа и твердой уверенности. Поэтому здесь не ⁸⁶ нужно прибегать к невозможным натяжкам, не нужно все подгонять под одно и то же объяснение, как это мы делаем при обсуждении образа жизни или при освещении других вопросов о природе, таких, например, как о том, что все состоит из тел и неосязаемой пустоты, или что-нибудь иное, допускающее только одно объяснение, соответствующее явлениям. Нет, не-

бесные явления не таковы; они допускают много причин своего возникновения и много суждений о своей сущности, которые все соответствуют ощущениям. А природу исследовать надо не праздными предположениями и заявлениями, но так, как того требуют сами видимые явления, потому что в жизни нам надобно не неразумие и пустомыслие, а надобно бестревожное житье; и вот, вопросы, с должной убедительностью допускающие многообразные объяснения, соответствующие видимым явлениям, как раз и оставляют наш покой непо потревоженным, а кто одно объяснение принимает, а другое, столь же соответствующее явлению, отвергает, тот, напротив, с очевидностью соскальзывает из области науки о природе в область баснословия.

Указаниями на то, что происходит при небесных явлениях, служат нам явления земные, которые доступны рассмотрению, тогда как небесные недоступны и могут происходить по многим причинам. Каждую видимость следует наблюдать и выделить в ней такие приметы, многообразное протекание которых не противоречит тому, что происходит у нас на земле.

Мир есть область неба, заключающая в себе светила, землю и все небесные явления; если он разрушится, все придет в смешение. Он отделен от бесконечности и заканчивается границей, которая может быть как плотной, так и редкой, как вращающейся, так и неподвижной, как круглой, так и треугольной или каких угодно очертаний; все это одинаково приемлемо, потому что одинаково не противоречит ничему в этом мире, граница которого для нас недоступна. Нетрудно понять, что таких миров может быть бесконечное количество и что такой мир может возникнуть как внутри другого мира, так и в междумирьи (так мы называем промежуток между мирами), в месте, где пустоты много, но не «в большом пространстве, совершенно пустом», как утверждают некоторые. Возникновение совершается тогда, когда необходимые для этого семена истекают из какого-либо мира, или междумирья, или нескольких миров, постепенно прибывая, расчлняясь, размещаясь при случае и орошаясь из нужных для этого источников, пока не наступит такая законченность и устойчивость, что заложенное основание не сможет уже более ничего принимать. Ибо недостаточно только того, чтобы в пустоте, где может возникнуть мир, явилось скопление атомов или вихрь (как принимается по

мнениям о необходимости) и чтобы он разрастался до тех пор, пока не столкнется с другим миром (как уверяет один из так называемых физиков): это противоречит видимым явлениям.

Солнце, Луна и остальные светила не возникли сами по себе и не вошли в состав мира лишь впоследствии,— нет, они стали образовываться и разрастаться одновременно с ним, посредством приращений и вихрей более легких пород, схожих с ветром, с огнем или и с тем и другим; именно это подсказывает 91 зывается нашими ощущениями. Величина солнца и других светил для нас такова, какова кажется //так он говорит и в XI книге «О природе»; а если бы величина уменьшалась от расстояния, говорит он, то еще более того уменьшилась бы и яркость, потому что и то и другое как нельзя более соответственно соразмеряется с расстоянием//; сама же по себе она или больше видимой, или немного меньше, или равна ей. Ведь именно так наблюдаются нашими чувствами на земле огни, видимые из отдаления; всякое возражение на этот счет легко опровергается, если только быть внимательным к очевидностям, как то показано в наших книгах «О природе».

92 Восход и закат солнца, луны и прочих светил может происходить вследствие их возгорания и погасания, если обстоятельства в тех местах таковы, что допускают совершение этого: никакие видимые явления этому не противоречат. А может это происходить и вследствие их появления над землей и сокрытия за нею: этому тоже никакие видимые явления не противоречат. Движения их могут совершаться вследствие круговращения всего неба, а могут и вследствие того, что небо неподвижно, а они круговращаются по изначальной неизбежности, явившейся при восходе их вместе с возникновением мира; ...сильнейшего жара, потому что огонь всегда переходит, распространяясь, на смежные места. Повороты в движении солнца и луны происходят, быть может, от искривления неба, с необходимостью происходящего время от времени; а быть может, и от сопротивления воздуха, или оттого, что всегда необходимое вещество отчасти уже сожжено, а отчасти еще нетронуто; или же оттого, что с самого начала эти светила получили такое круговращение, что пошли по спирали. Все такие и подобные объяснения не противоречат очевидности, если только дер-

жаться возможного и всякую частность сводить к согласованности с видимыми явлениями, не пугаясь рабских исхищрений астрономов.

- ⁹⁴ Ущерб луны и новый ее прирост может происходить от вращения этого тела, равным образом может и от того, какую форму примет воздух, а может и от заслонения, может и всяким иным способом, каким для объяснения этих фаз могут быть привлечены земные явления,— лишь бы, увлекшись одним каким-нибудь объяснением, не отвергнуть праздно все остальные, как бывает, когда не задумаешься, что для человека познаваемо и что нет, и оттого устремимся изучать недоступное. Точно так же и свет луны может быть ее собственным,
- ⁹⁵ а может быть заимствованным от солнца; ведь и у нас можно наблюдать многое, имеющее собственный свет, и многое, имеющее заимствованный. И никакое небесное явление не ускользнет от объяснения, если помнить, что таких объяснений много, и если рассматривать только те предположения и причины, которые вяжутся с этими явлениями, а которые не вяжутся — оставлять без внимания, не придавать им мнимой важности и не сплзгать там и тут к попыткам единообразного объяснения. Так и очертание лица на Луне может иметь причиной и перемещение ее частей, и заслонение, и сколько угодно других объяснений,
- ⁹⁶ лишь бы они согласовывались с видимыми явлениями. Ни для каких небесных явлений не должно отходить от этого пути исследования: ведь кто борется с очевидностями, тот никогда не сможет достигнуть истинной безмятежности духа. Так и затмения солнца и луны могут происходить вследствие погасания (потому что такое можно наблюдать и у нас), а могут и вследствие заслонения другим предметом, будь то земля или какое-нибудь небесное тело. Так должны мы рассматривать различные объяснения одновременно, не отвергая и того, что некоторые из них могут действовать сразу. //В XII книге «О природе» он говорит то же самое и добавляет, что солнце затмевается от тени луны, а луна — от тени земли или, может быть, от ее отдаления. То же самое говорит и эпикурец Диоген в I книге «Выборок».
- ⁹⁷

Правильность движения небесных тел следует понимать так же, как правильность иных явлений, совершающихся возле нас; божественная природа к этому не должна быть привлекаема, а должна пребывать чуждѣ забот и в полноте блажен-

ства. Если же этого условия не выполнять, то все исследование причин небесных явлений окажется праздным, как уже оказывалось у тех, кто не держался приемлемого способа объяснений, а полагал возможным только одно объяснение и отвергал все другие, впадая из-за этого в нелепости, доходя до немыслимого и лишаясь возможности учитывать те явления, в которых следовало бы видеть нужные указания.

⁹⁸ Продолжительность ночи и дня меняется оттого, что движение солнца над землей совершается то быстрее, то снова медленнее — потому ли, что меняется длина его пути, потому ли, что иные места оно проходит быстрее или медленнее, как то и у нас можно наблюдать, чтобы по такому сходству судить и о небесных явлениях. А кто привимаает одно лишь объяснение, те борются против видимых явлений и не понимают, что доступно человеческому умозрению и что нет.

Предсказания погоды могут совершаться как по совпадению обстоятельств (например, по животным, наблюдаемым у нас), так и по переменам воздуха: ни то, ни другое не противоречит видимым явлениям, но в каких именно случаях действует та или иная причина — знать невозможно.

⁹⁹ Облака могут образовываться и собираться как от сгущения воздуха под давлением ветра, так и от переплетения пригодных к этому атомов, цепляющихся друг за друга, и от скопления истечений земли и вод; а могут такие составы образовываться и многими иными способами. Когда они или сжимаются, или преобразуются, то могут возникать дожди; ¹⁰⁰ возникают они также от истечений, возносящихся сквозь воздух из подходящих мест, причем более сильный ливень образуется из таких скоплений, которые пригодны для подобных излияний.

Гром может происходить от вздувания ветра в полостях туч, как бывает и у нас в сосудах; или от рева огня в них, раздуваемого ветром; или от разрыва и раздвигания туч; или оттого, что тучи, затвердев, как лед, трутся друг о друга и ломаются. И здесь, как и всюду, видимые явления велят нам утверждать многообразие объяснений.

¹⁰¹ Молния также может происходить различными способами: оттого, что при столкновении и трении туч выскальзывает сочетание [атомов], производящее огонь, и рождает молнию; от-

того, что ветры выталкивают из туч такие тела, которые производят этот блеск, или же их выжимает давление на тучи — или тучами же, или ветрами; или оттого, что по тучам рассеивается свет небесных светил, а потом от движения туч и ветров стоняется в одно место и вырывается из туч; или оттого, что через тучи просачивается свет самого тонкого состава //потому и облака возгораются от огня, и происходит гром//, и движение его производит молнию; или оттого, что от напряженного движения и от сильного вращения воспламеняется ветер; или оттого, что ветры разрывают облака, и из них выпадают атомы, производящие огонь и видимые как молния. Есть много и других столь же легких способов рассмотрения молнии, нужно лишь все время держаться видимых явлений и уметь сопоставлять в них подобное.

Молнии предшествуют грому при таком строении туч,— или оттого, что сочетание атомов, производящее молнию, рушится из туч одновременно с порывом ветра, а вращение ветра производит шум уже потом; или оттого, что рушатся они одновременно, но молния несется к нам с большей скоростью, а гром запаздывает, как это иногда бывает при ударах, наблюдаемых с большого расстояния.

Удары молнии могут происходить оттого, что много ветров скапливается вместе, вращается с силою и воспламеняется, а потом часть их отрывается и с силою рушится вниз, причем прорыв происходит потому, что все кругом уплотнено под давлением туч; или же удары молнии происходят, подобно грому, от одного лишь вращающегося огня; когда его станет много, он сильно наполнится ветром, прорвет тучу и обрушится вниз, не будучи в состоянии податься в смежные места, где все время громоздятся тучи. //По большей части это бывает над какой-нибудь высокой горой, где чаще всего и обрушиваются удары молнии.// И многими другими способами могут происходить удары молнии, надобно только не впадать в баснословие, а для этого внимательно следовать видимым явлениям и по ним судить о невидимых.

Вихри могут происходить оттого, что туча, толкаемая скопившимся ветром и подгоняемая сильным ветром, спускается столбом вниз и еще получает боковой толчок от стороннего ветра; или оттого, что ветер приходит в круговое движение под напором воздуха; или оттого, что возникший поток ветра не

105 может разлететься в стороны из-за сгущения окружающего воздуха. Когда вихри опускаются на сушу, то образуются сухие смерчи, в зависимости от того, как произведет их движение ветра, а когда опускаются на море, то образуются водяные смерчи.

Землетрясения могут происходить оттого, что ветер заключен в земле, перемежается там с небольшими глыбами земли и приводит их в непрерывное движение, отчего земля и колеблется. Этот ветер или попадает в землю извне, или возникает внутри оттого, что в пещеристых местах обрушивается земля и превращает в ветер заключенный в них воздух. Или же землетрясения могут происходить вследствие самого распространения движения от падения земных глыб и обратно, когда эти глыбы сталкиваются с более плотными местами земли. А могут эти колебания земли происходить и многими другими способами.

Ветры происходят тогда, когда время от времени в воздух постепенно и непрерывно просачивается что-нибудь инородное, а также вследствие обильного скопления воды; остальные же ветры образуются оттого, что эти немногие попадают во многие впадины и, разделяясь, распространяются.

Град образуется как при сильном замерзании ветристых частиц, когда они собираются отовсюду, а потом разделяются, так и при умеренном замерзании водянистых частиц с одновременным их разрывом; оттого, что и сближение и разрыв происходят сразу, замерзают они как по частям, так и в совокупности. А округлость града, быть может, происходит оттого, что острые оконечности его подтаивают, или же оттого, что при образовании града водянистые и ветристые частицы собираются, как сказано, равномерно со всех сторон.

Снег может происходить оттого, что тонкая влага изливается из туч по соразмерным порам под давлением непрерывного сильного ветра на эти тучи, а потом эта влага в падении своем замерзает, потому что окружающее пространство ниже туч оказывается гораздо холоднее. А еще такое замерзание может совершаться в равномерно разреженных водянистых тучах, лежащих рядом и давящих друг на друга, и, выпадая, снежинки при столкновении образуют град, особенно весной. Кроме того, скопления снега могут стряхиваться при трении замерзших туч; да есть и другие способы образования снега.

Роса образуется, во-первых, когда в воздухе собираются такие частицы, которые могут произвести такого рода сырость, а во-вторых, когда эти частицы из водных и влажных мест (где и бывает больше всего росы) воспаряют вверх, сливаются воедино, производя сырость, и затем ниспадают в низины, подобно тому как это часто можно видеть и у нас. Точно так же, как роса, [образуется и иней], когда подобные частицы замерзают, попав в холодный воздух.

Лед образуется, когда из воды вытесняются кругловидные частицы, а треугольные и остроугольные частицы остаются в ней и спираются теснее, а также когда вода принимает подобные частицы извне, и они-то, соединяясь, заставляют воду замерзать, вытесняя из нее круглые частицы.

Радуга образуется, когда солнце бросает свет на влажный воздух или же вследствие особенного смещения света и воздуха, которое и производит особенности ее цветов, как всех вместе, так и по отдельности; а обратное отражение сообщает каждый цвет окружающему воздуху, который мы и видим так, как освещена каждая его часть. Кругообразною же радуга кажется или оттого, что отдаленность всякого ее места воспринимается взглядом как равная, или оттого, что именно такую кругообразную форму принимает смещение атомов, которые находятся в воздухе или отлетели от этого воздуха в тучи.

Кольцо вокруг луны образуется или оттого, что воздух со всех сторон стремится к луне, или оттого, что он сдерживает равномерным образом все истечения, исходящие от луны, так что они располагаются вокруг нее плотным кольцом. А частичное кольцо образуется или оттого, что вмешивается воздействие какого-нибудь течения извне, или оттого, что теплота перехватывает нужные поры, чтобы это произвести.

Кометы возникают или оттого, что в некоторых местах неба время от времени при благоприятных обстоятельствах сосредоточивается огонь, или оттого, что небо над нами время от времени получает особенное движение и открывает эти светила, или оттого, что сами эти светила время от времени по каким-либо обстоятельствам приходят в движение, спускаются к нашим местам и делаются видными; а исчезают они по причинам, противоположным этим.

112 Некоторые звезды вращаются на одном и том же месте; это может происходить не только потому, что эта часть мира неподвижна, а остальная вращается вокруг нее (как утверждают некоторые), но также и потому, что вокруг этого места вихрем кружится воздух, препятствующий этим движению, или же потому, что в смежных местах нет необходимого для них вещества, а там, где мы их наблюдаем, оно есть. Это может происходить и многими другими способами, если только уметь делать умозаключения, согласные с видимыми явлениями.

113 Некоторые звезды блуждают (если их движения действительно таковы), а некоторые движутся иначе; это может быть потому, что в своем изначальном круговом движении одни с необходимостью следуют вращению равномерному, а другие — смущаемому неравномерностями; а может быть и потому, что по пути их следования в иных местах имеются правильные напряжения воздуха, подталкивающие их все время вперед и равномерно воспламеняющие, в иных же местах — неправильные, от которых и происходят наблюдаемые отклонения. А объяснять это единственной причиной, тогда как видимые явления указывают на много таковых, — это безумие, и неподобно поступают ревнители праздной астрономии, предлагая такие мнимые причины некоторых явлений, которые нимало не избавляют от бремени божественную природу.

114 Некоторые звезды, как можно наблюдать, в своем движении отстают от других; это происходит или потому, что они медленнее обходят тот же круг, или потому, что они движутся в противоположном направлении и лишь оттягиваются назад общим круговращением, или же потому, что в общем круговращении одни движутся по большему кругу, другие — по меньшему. А давать всему этому простейшее объяснение пристало разве лишь тем, кто хочет морочить толпу.

115 Так называемые падающие звезды могут в некоторых случаях означать, что звезды трутся между собой и обломки их падают, сдуваемые ветром, как это бывает и при молнии (как сказано выше); или что атомы, способные к порождению огня, собираются вместе и по однородности своей порождают его, а потом движутся туда, куда они получили толчок при собирании; или что ветер собирается в туманные сгущения, воспламеняется там при вращении, а потом прорывается из

окружения и несется, куда получил толчок; есть и другие способы, какими это может совершаться без всякого баснословия.

116 Предсказания погоды по некоторым животным происходят только по совпадению обстоятельств: ведь не может быть, чтобы животные понуждали наступление непогоды, и никакая божественная природа не посажена надзирать за появлениями животных и потом совершать то, что ими предсказывается,— ни одна хоть сколько-нибудь благополучная тварь не дошла бы до такого неразумия, а тем более — существо, обладающее совершенным блаженством.

Запомни же все это, Пифокл, и тогда ты сумеешь понимать все, что с этим схоже, далеко сторонясь баснословия. Но главной твоей заботой пусть будет рассмотрение первоначал, бесконечности и тому подобного, а также критериев, претерпеваний и той цели, ради которой мы ведем все наши рассуждения. Прилежно их изучив, ты с легкостью сможешь понять и причины частных. А у кого нет великой любви к этим предметам, те не могут ни их самих хорошо понять, ни достигнуть той цели, для которой надо их исследовать.

ПИСЬМО К МЕНЕКЕЮ

Эпикур Менекею шлет привет.

122 Пусть никто в молодости не откладывает занятий философией, а в старости не утомляется занятиями философией: ведь для душевного здоровья никто не может быть ни недозрелым, ни перезрелым. Кто говорит, что заниматься философией еще рано или уже поздно, подобен тому, кто говорит, будто быть счастливым еще рано или уже поздно. Поэтому заниматься философией следует и молодому и старому: первому — для того, чтобы он и в старости остался молод благами в доброй памяти о прошлом, второму — чтобы он был и молод и стар, не испытывая страха перед будущим. Стало быть, надобно подумать о том, что составляет наше счастье,— ведь когда оно у нас есть, то все у нас есть, а когда его у нас нет, то мы на все идем, чтобы его получить.

123 Итак, и в делах твоих, и в размышлениях следуй моим всегдашним советам, полагая в них самые основные начала хорошей жизни.

Прежде всего верь, что бог есть существо бессмертное и блаженное, ибо таково всеобщее начертание понятия о боге; и поэтому не приписывай ему ничего, что чуждо бессмертию и несвойственно блаженству, а представляй о нем лишь то, чем поддерживается его бессмертие и его блаженство. Да, боги существуют, ибо знание о них — очевидность; но они не таковы, какими их полагает толпа, ибо толпа не сохраняет их [в представлении] такими, какими полагает. Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто принимает мнения толпы о богах, ибо высказывания толпы о богах — это не предвосхищения, а домыслы, и притом ложные. Именно в них утверждается, будто боги посылают дурным людям великий вред, а хорошим — пользу: ведь люди привыкли к собственным достоинствам и к подобным себе относятся хорошо, а все, что не таково, считают чуждым.

Привыкай думать, что смерть для нас — ничто: ведь все и хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущений. Поэтому если держаться правильного знания, что смерть для нас — ничто, то смертность жизни станет для нас отрада; не оттого, что к ней прибавится бесконечность времени, а оттого, что от нее отнимется жажда бессмертия. Поэтому ничего нет страшного в жизни тому, кто по-настоящему понял, что нет ничего страшного в не-жизни. Поэтому глуп, кто говорит, что боится смерти не потому, что она причинит страдания, когда придет, а потому, что она причинит страдания тем, что придет; что присутствием своим не беспокоит, о том вовсе напрасно горевать заранее. Стало быть, самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет. Таким образом, смерть не существует ни для живых, ни для мертвых, так как для одних она сама не существует, а другие для нее сами не существуют.

125 Большинство людей то бегут смерти как величайшего из зол, то жаждут ее как отдохновения от зол жизни. А мудрец 126 не уклоняется от жизни и не боится не-жизни, потому что жизнь ему не мешает, а не-жизнь не кажется злом. Как пищу

он выбирает не более обильную, а самую приятную, так и временем он наслаждается не самым долгим, а самым приятным. Кто советует юноше хорошо жить, а старцу хорошо кончить жизнь, тот неразумен не только потому, что жизнь ему мила, но еще и потому, что умение хорошо жить и хорошо умереть — это одна и та же наука. Но еще хуже тот, кто сказал: хорошо не родиться.

Если ж родился — сойти поскорее в обитель аида.

127 Если он говорит так по убеждению, то почему он не уходит из жизни? ведь если это им твердо решено, то это в его власти. Если же он говорит это в насмешку, то это глупо, потому что предмет совсем для этого не подходит.

Нужно помнить, что будущее — не совсем наше и не совсем не наше, чтобы не ожидать, что оно непременно наступит, и не отчаиваться, что оно совсем не наступит.

Сходным образом и среди желаний наших следует одни считать естественными, другие — праздными; а среди естественных одни — необходимыми, другие — только естественными; а среди необходимых одни — необходимые для счастья, 128 другие — для спокойствия тела, третьи — просто для жизни. Если при таком рассмотрении не допускать ошибок, то всякое предпочтение и всякое избегание приведет к телесному здоровью и душевной безмятежности, а это — конечная цель блаженной жизни. Ведь все, что мы делаем, мы делаем затем, чтобы не иметь ни боли, ни тревоги; и когда это наконец достигнуто, то всякая буря души рассеивается, так как живому существу уже не надо к чему-то идти, словно к недостающему, и чего-то искать, словно для полноты душевных и телесных благ. В самом деле, ведь мы чувствуем нужду в наслаждении только тогда, когда страдаем от его отсутствия; а когда не страдаем, то и нужды не чувствуем. Потому мы и говорим, что 129 наслаждение есть и начало и конец блаженной жизни; его мы познали как первое благо, сродное нам, с него начинаем всякое предпочтение и избегание и к нему возвращаемся, пользуясь претерпеванием как мерилом всякого блага.

Так как наслаждение есть первое и сродное нам благо, то поэтому мы отдаем предпочтение не всякому наслаждению, но подчас многие из них обходим, если за ними следуют более значительные неприятности; и наоборот, часто боль мы пред-

почитаем наслаждениям, если, перетерпев долгую боль, мы ждем следом за нею большего наслаждения. Стало быть, всякое наслаждение, будучи от природы родственно нам, есть благо, но не всякое заслуживает предпочтения; равным образом и всякая боль есть зло, но не всякой боли следует избегать; а надо обо всем судить, рассматривая и соразмеряя полезное и неполезное — ведь порой мы и на благо смотрим как на зло и, напротив, на зло — как на благо.

130 Самодовление мы считаем великим благом, но не с тем, чтобы всегда пользоваться немногим, а затем, чтобы довольствоваться немногим, когда не будет многого, искренне полагая, что роскошь слаще всего тем, кто нуждается в ней меньше всего, и что все, чего требует природа, легко достижимо, а все излишнее — трудно достижимо. Самая простая снедь доставляет не меньше наслаждения, чем роскошный стол, если 131 только не страдать от того, чего нет; даже хлеб и вода доставляют величайшее из наслаждений, если дать их тому, кто голоден. Поэтому привычка к простым и недорогим кушаньям и здоровье нам укрепляет, и к насущным жизненным заботам нас ободряет, и при встрече с роскошью после долгого перерыва делает нас сильнее, и позволяет не страшиться превратностей судьбы.

Поэтому когда мы говорим, что наслаждение есть конечная цель, то мы разумеем отнюдь не наслаждения распутства или чувственности, как полагают те, кто не знают, не разделяют или плохо понимают наше учение, — нет, мы разумеем свободу от страданий тела и от смятений души. Ибо не бесконечные попойки и праздники, не наслаждение мальчиками и женщинами или рыбным столом и прочими радостями роскошного пира делают нашу жизнь сладкою, а только трезвое рассуждение, исследующее причины всякого нашего предпочтения и избегания и изгоняющее мнения, поселяющие великую тревогу в душе.

Начало же всего этого и величайшее из благ есть разумение; оно дороже даже самой философии, и от него произошли все остальные добродетели. Это оно учит, что нельзя жить сладко, не живя разумно, хорошо и праведно, и [нельзя жить разумно, хорошо и праведно], не живя сладко: ведь все добродетели сродни сладкой жизни и сладкая жизнь неотделима от них,

133 Кто, по-твоему, выше человека, который и о богах мыслит благочестиво, и от страха перед смертью совершенно свободен, который размышлением постиг конечную цель природы, понял, что высшее благо легко исполнимо и достижимо, а высшее зло или недолго, или нетяжко, который смеется над судьбою, кем-то именуемой владычицею всего, [и вместо этого утверждает, что иное происходит по неизбежности], иное по случаю, а иное зависит от нас, — ибо ясно, что неизбежность безответственна, случай неверен, а зависящее от нас ничему

134 иному не подвластно и поэтому подлежит как порицанию, так и похвале. В самом деле, лучше уж верить басням о богах, чем покоряться судьбе, выдуманной физиками, — басни дают надежду умилостивить богов почитанием, в судьбе же заключена неумолимая неизбежность. Точно так же и случай для него и не бог, как для толпы, потому что действия бога не бывают беспорядочны; и не бессознательная причина, потому что он не считает, будто случай дает человеку добро и зло, определяющие его блаженную жизнь, а считает, что случай

135 выводит за собой лишь начала больших благ или зол. Поэтому и полагает мудрец, что лучше с разумом быть несчастным, чем без разума быть счастливым: всегда ведь лучше, чтобы хорошо задуманное дело не было обязано успехом случаю.

Обдумывай же эти и подобные советы днем и ночью, сам с собою и с тем, кто похож на тебя, и тебя не постигнет смятение ни наяву, ни во сне, а будешь ты жить, как бог среди людей. Ибо кто живет среди бессмертных благ, тот и сам ни в чем не сходствует со смертными.

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ

139 I. Существо блаженное и бессмертное ни само забот не имеет, ни другим не доставляет, а поэтому не подвержено ни гневу, ни благоволению: все подобное свойственно слабым. *//В других местах он говорит, что боги познаваемы разумом, одни — существуя в виде чисел, другие — в подобии формы, человекообразно возникая из непрерывного истечения подобных видностей, направленного в одно место.//*

II. Смерть для нас ничто: что разложилось, то нечувствительно, а что нечувствительно, то для нас ничто.

III. Предел величины наслаждений есть устранение всякой боли. Где есть наслаждение и пока оно есть, там нет ни боли, ни страдания, ни того и другого вместе.

140 IV. Непрерывная боль для плоти недолговременна. В высшей степени она длится кратчайшее время; в степени, лишь превышающей телесное наслаждение,—немногие дни; а затяжные немощи доставляют плоти больше наслаждения, чем боли.

V. Нельзя жить сладко, не живя разумно, хорошо и праведно; и нельзя жить разумно, хорошо и праведно, не живя сладко. У кого чего-нибудь недостает, чтобы жить разумно, хорошо и праведно, тот не может жить сладко.

VI. Чтобы жить в безопасности от людей, любые средства представляют собой естественные блага.

141 VII. Некоторые хотят стать знаменитыми и быть на виду у людей, надеясь этим приобрести безопасность от людей. Если жизнь их действительно безопасна, значит, они достигли естественного блага; если не безопасна — значит, они так и не достигли того, к чему по природному побуждению стремились с самого начала.

VIII. Никакое наслаждение само по себе не есть зло; но средства достижения иных наслаждений доставляют куда больше хлопот, чем наслаждений.

142 IX. Если бы всякое наслаждение сгущалось и со временем охватывало весь наш состав или хотя бы главнейшие части нашей природы, то между наслаждениями утратились бы различия.

X. Если бы то, что услаждает распутников, рассеивало страхи ума относительно небесных явлений, смерти, страданий, а также научало бы пределу желаний, то распутники не заслуживали бы никакого порицания, потому что к ним отовсюду стекались бы наслаждения и ниоткуда — боль и страдание, в которых заключается зло.

XI. Если бы нас не смущали подозрения, не имеют ли к нам какого отношения небесные явления или смерть, и если бы не смущало неведение пределов страданий и желаний, то нам незачем было бы даже изучать природу.

143 XII. Нельзя рассеивать страх о самом главном, не постигнув природы Вселенной и подозревая, будто в баснях что-то все-таки есть. Поэтому чистого наслаждения нельзя получить без изучения природы.

XIII. Бесполезно добиваться безопасности меж людей, если сохранять опасения о том, что в небе, под землей и вообще в бесконечности.

XIV. Безопасность от людей до некоторой степени достигается с помощью богатства и силы, на которую можно опереться, вполне же — только с помощью покоя и удаления от толпы.

144 XV. Богатство, требуемое природой, ограничено и легко достижимо; а богатство, требуемое праздными мнениями, простирается до бесконечности.

XVI. Случай мало имеет отношения к мудрому: все самое большое и главное устроил для него разум, как устраивает и будет устраивать во все время его жизни.

XVII. Кто праведен, в том меньше всего тревоги, кто неправеден, тот полон самой великой тревоги.

145 XVIII. Наслаждение плоти не увеличивается, а только разnobразится, если устранить боль от недостатка. Наслаждение же мысли достигает предела в размышлении о тех и таких вещах, которые прежде доставляли мыслям наибольший страх.

XIX. Бесконечное время и конечное время содержат равное наслаждение, если мерить его пределы разумом.

XX. Для плоти пределы наслаждения бесконечны, и время для такого наслаждения нужно бесконечное. А мысль, постигнув пределы и конечную цель плоти и рассеяв страхи перед вечностью, этим самым уже приводит к совершенной жизни и в бесконечном времени не нуждается. При этом мысль ни наслаждений не чуждается, ни при исходе из жизни не ведет себя так, будто ей чего-то еще не хватило для счастья.

146 XXI. Кто знает пределы жизни, тот знает, как легко избавиться от недостатка, сделав этим жизнь совершенною; поэтому он вовсе не нуждается в действиях, влекущих за собою борьбу.

XXII. Нужно держать в виду действительную цель жизни и полную очевидность, по которой меряются мнения, — иначе все будет полно сомнения и беспорядка.

XXIII. Если ты оспариваешь все ощущения до единого, тебе не на что будет сослаться даже когда ты судишь, что такие-то из них ложны.

147 XXIV. Если ты попросту отбрасываешь какое-нибудь ощущение, не делая различия между мнением, еще ожидающим

подтверждения, и тем, что уже дано тебе ощущением, претерпеванием и всяким образным броском мысли, то этим праздным мнением ты приведешь в беспорядок и все остальные чувства, так что останешься без всякого критерия. Если же ты, напротив, станешь без разбору утверждать и то, что еще ожидает его, то и тут не избежишь ошибки, потому что так и останешься в сомнении при всяком суждении о том, что правильно и что неправильно.

148 XXV. Если ты не будешь всякий раз сводить каждое действие к естественной конечной цели, а будешь и в предпочтении и в избегании отклоняться к чему-нибудь иному, то поступки твои не будут соответствовать словам.

XXVI. Все желания, неудовлетворение которых не ведет к боли, не являются необходимыми: побуждение к ним легко рассеять, представив предмет желания трудно достижимым или вредоносным.

XXVII. Из всего, что дает мудрость для счастья всей жизни, величайшее — это обретение дружбы.

XXVIII. То же самое убеждение, которое внушило нам бодрость, что зло не вечно и не длительно, усмотрело и то, что в наших ограниченных обстоятельствах дружба надежнее всего.

149 XXIX. Желания бывают: одни — естественные и необходимые; другие — естественные, но не необходимые; третьи — не естественные и не необходимые, а порождаемые праздными мнениями. *//Естественными и необходимыми желаниями Эпикур считает те, которые избавляют от страданий, например, питье при жажде; естественными, но не необходимыми — те, которые только разнообразят наслаждение, но не снимают страдания, например, роскошный стол; не естественными и не необходимыми — например, венки и почетные статуи.//*

XXX. Естественные желания, неудовлетворение которых не ведет к боли, но в которых есть напряженное стремление, происходят от праздных мнений; и если они рассеиваются с трудом, то это не из-за естественности их, а из-за человеческого праздномыслия.

150 XXXI. Естественное право есть договор о пользе, цель которого не причинять и не терпеть вреда.

XXXII. По отношению к тем животным, которые не могут заключать договоры, чтобы не причинять и не терпеть вреда,

нет ни справедливости, ни несправедливости,— точно так же, как и по отношению к тем народам, которые не могут или не хотят заключать договоры, чтобы не причинять и не терпеть вреда.

XXXIII. Справедливость не существует сама по себе; это— договор о том, чтобы не причинять и не терпеть вреда, заключенный при общении людей и всегда применительно к тем местам, где он заключается.

151 XXXIV. Несправедливость не есть зло само по себе; это— страх от подозрения, что человек не остается скрытым от тех, кто карает за такие его действия.

XXXV. Кто тайно делает что-нибудь, о чем у людей есть договор, чтобы не причинять и не терпеть вреда, тот не может быть уверен, что останется скрытым, хотя бы до сих пор это ему удавалось десять тысяч раз: ведь неизвестно, удастся ли ему остаться скрытым до самой смерти.

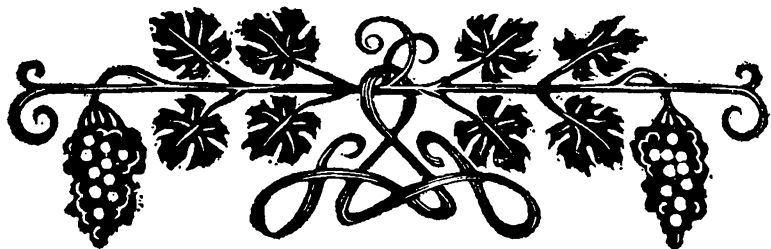
XXXVI. В целом справедливость для всех одна и та же, поскольку она есть польза во взаимном общении людей; но в применении к особенностям места и обстоятельств справедливость не бывает для всех одна и та же.

152 XXXVII. Из тех действий, которые закон признает справедливыми, действительно справедливо только то, польза чего подтверждается нуждами человеческого общения, будет ли оно одинаково для всех или нет. А если кто издаст закон, от которого не окажется пользы в человеческом общении, такой закон по природе уже будет несправедлив. И если даже польза, содержащаяся в справедливости, теряется и лишь на некоторое время соответствует нашему о ней предвосхищению, то в течение этого времени она все же будет оставаться справедливостью,— по крайней мере для тех, кто смотрит на существо дела и не смущается пустыми словами.

153 XXXVIII. Где без всякой перемены обстоятельств оказывается, что законы, считающиеся справедливыми, влекут следствия, не соответствующие нашему предвосхищению о справедливости, там они и не были справедливы. Где с переменной обстоятельством ранее установленная справедливость оказывается бесполезной, там она была справедливой, пока приносила пользу в общении сограждан, а потом перестала быть справедливой, перестав приносить пользу.

XXXIX. Кто лучше всего умеет устроиться против страха внешних обстоятельств, тот сделает, что можно, близким себе, а чего нельзя, то по крайней мере не враждебным, а где и это невозможно, там держится в стороне и отдалается, насколько это выгодно.

XL. Кто смог достичь полной безопасности от соседей, те, полагаясь на нее с уверенностью, живут друг с другом в наибольшем удовольствии и, насладившись самой полной близостью, не оплакивают, словно жалея, того, кто умирает раньше других.

КОММЕНТАРИИ

Лукреций

«О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ»

Более двух тысяч лет люди читают поэму «О природе вещей», созданную человеком, сумевшим так много увидеть и понять в этом мире, так полно и вдохновенно высказать все самые трудные вопросы и самые бескомпромиссные ответы в извечном диалоге между индивидуальной человеческой личностью и всеобъемлющим мирозданием природы, но не сумевшим или не пожелавшим оставить в историческом предании память о себе самом, о своем происхождении и внешнем облике, об обстоятельствах своей жизни, о своих привязанностях, поступках, жизненно важных решениях. «Проживи незаметно!» — говорил восторженно прославленный в этой поэме греческий философ Эпикур. Если считать, что римский поэт всерьез последовал завету своего учителя, то остается только сожалеть о том, насколько он в этом преуспел. Даже имя поэта известно нам не вполне достоверно. Все, что мы знаем о нем, — это его поэма, но и она дошла до наших дней, как и другие произведения античной литературы, не в авторской ру-

кописи и не в прижизненном издании, а в многократно переписывавшихся от руки копиях, за точность которых никто не может поручиться, что дало повод издателям эпохи книгопечатания, в свою очередь, вносить в текст многочисленные и разнообразные усовершенствования, призванные исправить предполагаемые недостатки манускриптов в соответствии со вкусом и разумением новейшей критики. И все-таки, несмотря на нечеткость контуров и неточность деталей, поэма представляет собой такой грандиозный массив единой в своем основании и всесторонне продуманной мысли, а также поэтическое произведение настолько внутренне цельное и по смыслу художественных приемов настолько адекватное отразившейся в концептуальном содержании поэмы эстетике мировосприятия, что и наука имеет право говорить об исторически достоверной личности Лукреция, поэта и философа, автора поэмы «О природе вещей», и любой читатель в непосредственном восприятии получает впечатление живого разговора с живой человеческой личностью, необычайно одаренной, искренней и страстной,— вероятно, это ощущение и послужило источником легенд, которые как восполнение недостатка в исторических сведениях создавались вокруг имени Лукреция в древние и средние века, создаются и по сей день.

Поэма Лукреция сохранилась в очень добротных списках. Два из них, относящиеся к IX веку (которые среди филологов именуется «Продолговатый» и «Квадратный»), принадлежат к числу классических образцов рукописной книги, их прекрасные фотокопии в натуральную величину, имитирующие цвет и качество бумаги средневековых оригиналов, Лейденская библиотека прислала в дар Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Некоторые рукописи называют автора просто Лукреций, другие дают тройное римское имя Тит Лукреций Кар. Ученые-исследователи пришли к выводу, что безоговорочно доверия заслуживает только родовое имя Лукреций (его упоминают античные писатели), а собственное имя Тит и прозвище Кар приходится принимать условно, как дань традиции, исторически мало достоверной. Древняя фамилия Лукрециев хорошо известна из римских летописаний, однако к какой ветви этого рода принадлежал автор поэмы и был ли он свободнорожденным римским гражданином или отпущенным на волю рабом (по римским обычаям отпущенник получал фа-

милню господина), в настоящее время установить уже невозможно. Среди помпейских развалин был найден дом, принадлежавший некоему Лукрецию, украшенный стенными росписями на гомеровские сюжеты. В научных журналах время от времени ставился вопрос, нельзя ли эту находку так или иначе связать с биографией великого поэта (известно, что по соседству в Неаполе была эпикурейская философская школа), но к положительному решению ученые пока не пришли. Античных сведений о биографии Лукреция практически не сохранилось. Биограф Вергилия сообщает, что будущий поэт достиг гражданского совершеннолетия в год смерти Лукреция и стал как бы прямым наследником его поэтической славы. В одном из христианских летописаний встречается краткая заметка о рождении поэта Лукреция, который прожил всего сорок четыре года, страдая периодическими помрачениями разума (причиной болезни называется любовный напиток), и кончил жизнь самоубийством, бросившись на меч. В светлые промежутки между припадками безумия он написал шесть книг своей поэмы о природе вещей, которая осталась незаконченной и увидела свет лишь благодаря попечению Цицерона, ставшего ее первым издателем и редактором. В последующих переработках, возможно, именно этой скупой биографии говорится о тесной и нежной дружбе, связывавшей Лукреция с Марком Цицероном, его братом Квинтом и ближайшим другом их и свойственником — Помпонием Аттиком, известным адресатом серии блестящих цicerоновских писем, убежденным эпикурейцем. В одном из писем Цицерона к брату Квинту, действительно, мы находим такое замечание: «Поэтические создания Лукреция таковы, как ты пишешь, — в них много сверкающего дарования, много, однако, искусства; но об этом — когда приедешь» (К брату Квинту, II, 9, 3). Цицеронова немногословность в этом месте дала повод к неисчислимым толкованиям и предположениям. Кто видел здесь сдержанную критику, кто — восторженную похвалу, кто — свидетельство интимности отношений, кто — дипломатическое умолчание о не подлежащем огласке; в сопоставлении с вышеупомянутой биографической заметкой версии возникали самые фантастические.

В основании исторического понимания философии и поэзии Лукреция сегодняшняя наука ставит две хронологические вехи: 55 год до н. э. как последний год, события которого могли

найти в Лукреции живого свидетеля, и 99 год до н. э. как предположительный рубеж, раньше которого дата рождения поэта уже не может быть перенесена. Таким образом, Лукрецию довелось быть современником эпохи гражданских войн, потрясавших Италию: диктатуры Суллы и введенных им массовых казней по так называемым «проскрипциям» (спискам неблагонадежных граждан), восстания рабов под предводительством Спартака, заговора Катилины в год знаменитого консульства Цицерона, получившего титул «Отца отечества» за расправу над катиливариями, растущего влияния в Риме Помпея и Цезаря, первого политического союза между ними — до войны их друг против друга поэт, по-видимому, не дождался. Литературными современниками Лукреция, кроме упоминавшихся уже Цицерона и Цезаря, были ученый писатель Варрон Реатинский, лирический поэт Катулл и кружок его молодых друзей-стихотворцев (в истории литературы получивший название «неотериков»); литературной модой было увлечение александрийской поэзией: Цицерон переводил ученую поэму Арата «Небесные явления», поэт Варрон Атацинский перевел «Аргонавтику» Аполлония Родосского, Катулл подражал Аполлонию, но переводил и Каллимаха; поэзия и проза в самых различных жанрах искали источников вдохновения в учености, мифологической, исторической, естественнонаучной.

Завоевательные войны расширили границы римского влияния в античном мире, но в самом Риме, расколотом внутренними распрями, неудержимо падала ценность старинных республиканских установлений и традиционных римских доблестей. Все чаще молодые граждане искали случая не отличиться на государственной службе, но уклониться от политической борьбы, прислушивались не к повествованиям о «нравах предков», а к моральным наставлениям тех эллинистических философских школ, которые учили заботиться прежде всего о себе и о текущем дне, находить свое счастье в кругу близких друзей, а не в удовлетворении политического честолюбия. Эти характерные приметы времени нашли отражение в поэме Лукреция, для которого греческая философия была интересна вовсе не как отвлеченное умствование, но как рациональное основание жизни и как источник поэтического вдохновения, разбуженного созерцанием истинной картины окружающего мира.

В настоящем издании поэма Лукреция печатается в переводе Ф. А. Петровского, замечательно точном, изящном и простом, выдержавшем несколько переизданий и вошедшем в золотой фонд русского искусства художественного перевода. Текст воспроизводится без изменений по изданию: Лукреций. О природе вещей. М., 1958.

КНИГА ПЕРВАЯ

Стих 1. *Рода Энеева мать...* — Матерью Энея, одного из героев, защищавших Трои, Гомер называет богиню Афродиту. После падения Трои Эней пустился в далекое плавание, приведшее его к берегам Италии, где он женился на местной царевне и дал начало новому роду, из которого происходила и Рея Сильвия, мать близнецов Ромула и Рема, легендарных основателей Рима.

Стих 7. *...земля-искусница.* — Здесь поэт употребляет слово греческого происхождения, созвучное и родственное имени легендарного изобретателя и художника Дедала, построившего знаменитый Лабиринт на острове Крите и предпринявшего вместе с сыном Икаром побег через море на искусственных крыльях. Этот эпитет Лукреций повторяет несколько раз, прилагая его то к земле (I, 228), то к изобретательному человеческому языку (IV, 554), то к художественному мастерству природы (V, 234).

Стих 11. *Фавоний* — западный ветер, его греческое название Зефир встречается в пятой книге (стих 738).

Стих 25. *...о природе вещей* — из этого стиха, возможно, было извлечено название поэмы «О природе вещей», которое присутствует не во всех рукописях. Об античном понимании «природы» и «природы вещей» см. вступительную статью к настоящему тому.

Стих 26. *...Меммия милому сыну...* — Собственно: «моему другу Меммию», поскольку Меммий — родовое имя и все мужчины в этом роде носят имя Меммиев. Поэма Лукреция по античным понятиям о литературных жанрах принадлежит к так называемому «дидактическому эпосу»; еще со времен Гесиода такого рода поэмы имели персональную адресованность: во вступлении и изредка в тексте называлось имя ученика (обычно

близкого автору человека), которому поэма и посвящалась. Имя Гая Меммия встречается у Цицерона, это был, по его словам, прекрасный оратор и, как можно предполагать, весьма состоятельный человек. Каковы были отношения между Лукрецием и Меммием и что они могут сказать нам о социальной принадлежности автора поэмы, определить трудно. Очевидно, Меммий интересовался философией Эпикура, вряд ли случайно он оказался владельцем земельного участка, на котором сохранились остатки дома самого Эпикура (уже после смерти Лукреция Цицерон хлопотал о продаже этого участка тогдашнему главе эпикурейской школы — К близким, XIII, 1). Меммий покровительствовал молодым поэтам, Катулл называет его своим патроном (X, XXVIII). Тон Лукреция в его обращениях к Меммию скорее можно назвать дружески снисходительным, чем заносчивым. Примечательно, что заботы об «общем деле» (в латинском тексте «общее благо», синоним государственной деятельности) поэт считает обязанностью своего друга, но не своей (I, 43).

Стихи 44—49 многие издатели считают позднейшей вставкой и исключают из первой книги на том основании, что они повторяются буквально во второй книге (стихи 646—651). Такое исключение нельзя признать оправданным ни в эстетическом смысле (повторы характерны для эпоса вообще и для поэмы Лукреция в особенности, наиболее великолепный из них — «По бездорожным полям Пиэрид я иду...» — сохраняют даже самые строгие издатели и в конце первой, и в начале четвертой книги), ни в концептуальном отношении: воззвание к Венере, на первый взгляд, не согласуется с выраженной в стихах I, 44—49 эпикурейской концепцией безмятежности божественной природы, однако все вступление к поэме носит не концептуально-философский, а навсвязь риторический характер, в риторическом же отношении напоминание о безмятежном блаженстве богов здесь вполне уместно, ибо поэт просит богиню повлиять на смертных и своей божественной властью, и своим женским обаянием, и, наконец, своим завидным примером.

Стих 54. *...о сущности высшей небес и богов...* — Здесь Лукреций излагает не содержание поэмы, а суть учения. Опять-таки в риторической манере Лукреций обыгрывает два смысла слова «начала»: начала вещей — это в общем понимании их ис-

торическое происхождение, их первые дни, но в философском смысле начала вещей — это их составляющие элементы. Дело в том, что Лукреций предполагает говорить о началах вещей и в первом, и во втором смысле, но предпочитает не дифференцировать свое словоупотребление логически, но объединить оба смысла риторически, тем более что для эпикурейской концепции природы вещей начала по времени и начала по сущности совпадают. Здесь же поэт вводит слово «материя», в латинском языке оно обозначало и древесину, как греческое «гюле», и всякого рода материальный источник, причину, как мы бы сказали, объективную в отличие от причины субъективно устанавливаемой, которая именовалась «кауза» и была ближе к вине и обвинению, чем к началу и происхождению. Начала вещей в материальном смысле Лукреций именуется также «первыми телами», «первоначалами» и «родовыми телами» или «семенами», переводя довольно точно эпикуровские их обозначения.

Стих 66. *Элин впервые один...* — Более точно: «впервые человек Греции» — перевод Ф. А. Петровского отвечает принятому до середины века толкованию, будто бы здесь подразумевается один Эпикур. Однако как раз Эпикур не ставил тех вопросов, что сформулированы ниже в стихах 75—78: «Что может возникнуть, что не может, какая конечная сила каждой вещи дана и какой ей предел установлен». В атомизме, где каждая вещь есть случайное стечение атомов, подобные вопросы отходят на второй план. Здесь скорее можно слышать отголоски первых досократических учений о природных закономерностях и необходимостях. В терминах «сила» («потестас») и «предел» («терминус» или «фиинс») можно усматривать реплики аристотелевских понятий возможности-способности («дюнамис») и конечной цельности («телос»).

Стих 73. *...за предел ограды огненной мира...* — Имеется в виду околоземный мир, который, в отличие от других философских школ, эпикурейская школа считала не единственным.

Стих 81. *...к нечестивым ученьям...* — В дальнейшем Лукреций указывает, что истинное благочестие состоит не в исполнении религиозных обрядов, а в просвещенном спокойствии духа (см. III, 84, и V, 1198—1203).

Стих 84. *Тривил Дева.* — Так именовалась богиня Диана (греческая Артемида), которая часто отождествлялась с богиней

луны Селеной и богиней подземного царства, покровительницей колдовства — Гекатой. На перекрестках трех дорог (платыни «тривиум») ставили ее трехликие изображения.

Стих 85. *Ифианасса* — вариант имени Ифигении, дочери аргосского царя Агамемнона, верховного воеводы греческих войск, отправлявшихся к стенам Трои, чтобы войной отомстить за похищение Елены, жены Менелая, брата Агамемнона. В авлидской гавани греческие суда были задержаны противным ветром; жертвоприношением дочери Агамемнона предполагал умилостивить богиню, но та не приняла жертвы, а заменила на алтаре девушку ланью, Ифигению же унесла в Тавриду, где она стала жрицей храма Артемиды. Лукреций опускает момент чудесного спасения девушки, чтобы оттенить жестокость и безумный фанатизм ее добровольных палачей.

Стих 97. *Гимен* — Гименей, бог — покровитель брачного союза. Ифигению вызвали в Авлиду из родительского дома в Аргосе под предлогом предстоящей свадьбы с Ахиллом.

Стих 102. *Пророки* — поэты; имеется в виду эпическая поэзия с ее рассказами о загробных мучениях пресловутых грешников: Сизифа, Тантала, Иксиона, дочерей Даная, — прежде всего десятая песнь «Одиссея», повествующая о схождении Одиссея в царство мертвых (см. III, 984 сл.).

Стих 115. *Орк* — римское божество, отождествлявшееся с греческим богом подземного царства — Андом.

Стих 117. *Энкий* — римский поэт, творивший на рубеже третьего и второго веков до н. э., давший первые примеры латинского гексаметра и первые опыты как героического, так и дидактического эпоса в римской литературе. *Геликом* — гора в Беотии, считавшаяся пристанищем Муз.

Стих 121. *Алерузии... область* — подземное царство.

Стихи 127—135. Обещанные здесь предметы излагаются в пятой, шестой, четвертой и третьей книгах, на основании чего высказывалось предположение, что первоначальный план поэмы отличался от той редакции, в которой поэма дошла до нас.

Стих 138. *...к новым словам...* — В поэме Лукреция действительно мы находим слова, каких нет ни у кого из других латинских авторов, однако число этих «неологизмов», или «единожды реченных» слов, как называют их в классической филологии, не так велико. В основном Лукреций прибегает

к употребительным словам, расширяя область их значений за счет сравнений и метафор («семена», «корни», «начала»). В русском переводе читатель не встретит заковыристых философских терминов, и здесь Ф. А. Петровский не противоречит духу оригинала. Значительно заметнее для читателя, знакомого с латинским текстом, отсутствие в переводе налета сознательной архаизации (не столько лексики, сколько морфологии), благодаря которому не без усилия узнаваемое в тексте слово как бы приобретает еще одно измерение — в глубину своего этимологического смысла, — этим приемом поэт не только воспроизводит старинный слог эпического жанра, но и заставляет читателя более внимательно следить за каждым своим словом, его смыслом и внутренним образом.

Стих 148. *...природа сама своим видом и внутренним строем...* — «Вид природы» — это та картина мироздания, которую Лукреций рисует средствами эпической поэзии. В системе эпикурейской философии вид природы есть явление случайное, вторичное и серьезного внимания не заслуживающее. Для Лукреция созерцание вида природы — наиболее важное из предоставленных человеку переживаний, волнующее и возвышающее душу. «Внутренний строй» — рациональное истолкование видимого и невидимого мира — терминологически отвечает греческому понятию логоса. Соотношение вида и смысла природы занимало всех греческих философов, но до Аристотеля картина мира строилась как идеализированный образ рациональных представлений (тем же путем идеальной типизации шло и пластическое искусство классической Греции). Послеаристотелевская эпоха обнаруживает сильную тенденцию к натурализму, к фиксации всех индивидуальных особенностей предмета изображения и осмысления. Лукреций, как поэт эллинистической эпохи, строит свою картину мира из несистематизированных частных (в отличие, скажем, от математически выверенной модели космоса в платоновском «Тимее» или логически безупречной и физически непрерывной картины вселенной у Аристотеля), но частности выбираются прежде всего такие, через которые природа выявляется во всем своем величии, красоте и неистощимом разнообразии.

Стих 150. *Из ничего не творится ничто по божественной воле.* — К основному положению эпикурейской физики «из ничего ничто» Лукреций добавляет крайне важную посылку «по

божественной воле». Поэт имеет в виду не просто то, что до возникновения вещей должна была существовать абсолютная материя, а то, что каждая природная вещь живет своей жизнью и хороша сама по себе, независимо от присутствия в ней божества. Дальнейшая аргументация поэта подтверждает именно это убеждение. См.: Эпикур, «Письмо к Геродоту», 38—39.

Стих 174. *...почему распускается роза весной...* — Порядок смены времен года поэт изображает как череду прекрасных явлений, каждое из которых имеет, если можно так сказать, собственное материальное наполнение, подчеркивая их собственный жизненный ритм, а не отношение к движению Солнца или Земли.

Стих 251. *Родитель-эфир* — здесь: синоним неба, предпочтительный в данном контексте, поскольку по-латыни, как и по-русски, слово «небо» среднего рода.

Стих 264. *И ничему не дает без смерти другого родиться.* — Говоря о сплочении элементов и о последующем расторжении временных связей. Эмпедокл учил, что нет ни смерти, ни рождения, ошибочно измышленных людьми по их неразумию. Для Лукреция рождение и смерть — остро ощущаемые реальности, они безусловно есть в природе, и связаны единым законом они только в космических масштабах, для индивидуальной вещи их противоречие непримиримо.

Стихи 418 сл. — См.: Эпикур, «Письмо к Геродоту», 39—41.

Стих 464. *Тиндаровой дочери* — Елены (ср. ниже в стихе 473 — Тиндариды), похищенной Парисом, второе имя которого — Александр (см. стих 474). Замена распространенных мифологических имен их редкими вариантами или описательными выражениями была характерна для изощренного вкуса эллинистической эпохи.

Стих 477. *Пергам* — Троя. Знаменитый эпизод с троянским конем подробно описывается в «Энеиде» Вергилия (II, 13—267).

Стих 657. *«Музы»*. — По сообщению Диогена Лаэртского (IX, 12), «Музами» некоторые называли сочинение Гераклита, известное также под заглавием «О природе».

Стих 705. *...кто считал, что все вещи возникли...* — Огонь единственным элементом природы считал Гераклит, воздух — Анаксимен, воду — Фалес, Землю — Ферекид; правда, по Ари-

стотелю («Метафизика», I, 8, 989a), никто из философов не разделял довольно распространенного среди невежд убеждения, что все вещи состоят из земли.

Стих 714. *...принимает четыре стихии...* — Речь идет об Эмпедокле.

Стих 716. *Эмпедокл Акрагантский.* — Акрагант — город в Сицилии, родина Эмпедокла.

Стих 717. *...на берегах треугольных...* — Греческое название Сицилии — Тринакрия, что значит «треугольная».

Стих 722. *Дикая здесь и Харибда...* — Пролив между Сицилией и Апеннинским полуостровом считался обиталищем двух чудовищ — Сциллы и Харибды, грозящих гибелью мореплавателям.

Стих 739. *Пифия* — жрица храма Аполлона в Дельфах, произносившая невнятные звуки в состоянии экстаза, вислопаянного ей божеством. Изречения Дельфийского оракула составлялись коллегией жрецов как «перевод» на человеческий язык ее нечленораздельных выкриков.

Стих 830. *Анаксагора... «гомеомерию»...* (букв. «подобочастие»). — Анаксагор — древнегреческий философ V в. до н. э. Учение Анаксагора «все состоит из всего» было своеобразным подготовительным этапом накануне демокритовского атомизма: идея всеобщего единства здесь отождествляется с идеей мирового многообразия, однако качество создается здесь из набора качеств, а не из бескачественных элементов, как у Эпикура.

Стихи 881 сл. — Критика Анаксагора здесь скорее риторическая: Лукреций нарушает условность философской метафоричности, предлагая начала огня, костей и прочего представлять себе как самый огонь, кости и тому подобное. С таким же успехом ему самому могли предложить его «семена» вещей закапывать в землю, поливать и так далее. Прием этот среди античных полемистов признавался вполне законным, его рекомендует Аристотель в «Топике» (II, 3, 110a).

Стих 926. *Пиэриды* — Музы; Пиэрия (область во Фракии) была местом поклонения Музам.

Стихи 951 сл. — См.: Эпикур, «Письмо к Геродоту», 41—42.

Стихи 1021 сл. — Теперешняя совокупность вещей случайна, но, замечает Лукреций, это такая случайность, которая, раз возникнув, много бесконечных лет сохраняется, обновляется и поддерживается нужными движениями (стих 1029). Каков

принцип этой устойчивости, философ Лукреций не знает, но поэт Лукреций убежден, что в природе заключена творческая сила и всякое природное создание должно достичь определенного ему совершенства, прежде чем разрушиться естественным, а не насильственным путем.

КНИГА ВТОРАЯ

Стих 20. *...телесной природе...* — Здесь: в смысле физической природы человека в отличие от его общественной природы.

Стихи 75—79. — Образ факельного бега как символ преемственности поколений в античной поэзии встречается часто, однако самому Лукрецию интимное ощущение преемственности и родства поколений чуждо: во всей поэме Лукреций ни словом не обмолвился о привязанности отца к сыну или о долге сына перед памятью отцов — сознание, без которого трудно представить себе мир гражданина классических античных полисов в эпоху их расцвета.

Стих 94. *...как я ... доказал.* — См. I, 984—1007.

Стих 112. *Образ... и явление...* — Здесь Ф. А. Петровский чрезвычайно точно передает мысль Лукреция: изображенная картина есть и сравнение, и видимое проявление движения, вызванного невидимым движением первоначал.

Стих 167. — Считается, что здесь пропущено два стиха. Возможно, за иллюстрацией тезиса о скорости движения первоначал следовало предвосхищение возражения о противоречии между такой скоростью элементарных движений и видимой неторопливостью природных процессов, состоящее в том, что материя состоит из атомов, но не сводится к ним и творческая сила материи сложнее элементарного движения атомов — сравним II, 308 сл.

Стих 180. *...не для нас и отнюдь не божественной волею создан...* — Эпикурейская концепция божества исключала божественное сотворение мира на двух основаниях: безмятежность богов и несовершенство этого мира.

Стихи 185 сл. — Этот пассаж направлен против концепции Аристотеля, согласно которой огонь есть тело, по природе своей всегда устремляющееся кверху (от центра вселенной), так

же как земля — кнису. Что значит верх и низ вселенной в системе атомизма с его бесконечным пространством, сказать трудно. Возможно, здесь имеется в виду околоземный мир.

Стих 257. *Свободная воля.* — Это словосочетание следует понимать с учетом античного представления о свободе как внутреннем, а не внешнем побуждении, но не как об открытых или закрытых возможностях. Пример с упряжкой коней наглядно демонстрирует эту разницу: ворота уже открыты, и свободная воля обнаруживается как раз в том, что кони выбегают не сразу, как вытекла бы вода, вместе с раздвигающимися створками, но спустя некоторое время, необходимое на то, чтобы внешняя возможность превратилась во внутреннее побуждение, а оно передалось мышцам и перешло в движение.

Стих 325. Прямая реминисценция из Гомера («Илиада», II, 457, и XIX, 362).

Стих 334. — Различие атомов по формам — идея Демокрита, а не Эпикура, однако аналогия атома и человеческой личности явно выражена в эпикурейской концепции отклонения, а не в системе демокритовского атомизма. Лукреций объединяет оба принципа, призывая: «...в особь любую взглядишь...» (стих 347), делая атомы с их индивидуальным своеобразием источником видового различия вещей.

Стих 381. — Физические свойства тел связывал с формами своих геометрических элементов даже и Платон в «Тимее» (61E — 68E).

Стихи 398 сл. — Следует череда антитез в духе эллинистической риторики, скромный в теоретическом отношении эпизод разрастается за счет нагнетания эффектных контрастов и завершается впечатляющей картиной противоборства рождения и смерти (II, 580).

Стих 416. *...киликійским шафраном...* — Киликия — страна на юго-восточном побережье Малой Азии.

Стихи 417—418. *...благовоньем панхейским...* — Сказочный восточный остров Панхей известен только из литературы. Описание относится к греческому, а не к римскому театру.

Стих 472. *...в Нептуніиом теле соленом...* — риторический оборот, широко распространенный в литературе, никак не свидетельствующий ни об избытке, ни о недостатке официального

благочестия. Лукреций считает подобные выражения допустимыми (II, 655).

Стих 499. *...как уж я доказал...* — I, 615 слл.

Стих 500. *...мелибейский пурпур...* — Мелибел — прибрежный город в Фессалии, расположенный у подножия Пелиона и Оссы.

Стих 528. *...как я доказал уж...* — I, 1008—1051.

Стих 537. *...змеируких слов...* — Сложный эпитет в духе гомеровского эпоса, изобретенный скорее всего самим Лукрецием.

Стихи 601 слл. — Связанные с культом Великой Матери предания Лукреций пересказывает достаточно подробно, несмотря на их неправдоподобие (II, 645), — примета времени, когда этот восточный культ стал привлекать все большее внимание ученой мифологии и философии. С конца III в. до н. э. культ Великой Матери был официально признан в Риме, ежегодно в марте совершались праздничные шествия, как они описаны у Лукреция, однако римское государство оставалось в стороне от этих священнодействований, предоставив его фригийским жрецам. Фригийский культ Кибелы смешался с древним критским культом женского божества, в эллинистическую эпоху Великая Мать отождествлялась не только с Кибелой, но и с Реей, дочерью Урана и Геи (Неба и Земли) и матерью богов Олимпа, и с самой Геей. Аллегорическое истолкование мифа о спасении Зевса-младенца от поедавшего своих детей Кроноса (Сатурна) и культовых обрядов характерно для стоической философской литературы, но не для правоверного эпикуреизма, однако в Риме влиятельная стоическая идеология испытала все философские школы.

Стих 606. *Увенчали венком крепостным* — короной, изображающей городскую стену.

Стих 611. *«Мать Иды»* — одно из прозваний Великой Матери, произведенное от названия горы Иды. Гора Ида есть и во Фригии, и на Крите, при смешении мифов о Рее и Кибеле смешались, вероятно, и представления об этих двух горах.

Стих 614. *Галлы* — евнухи, служители Кибелы.

Стих 620. *...ритмом фригийским...* — Фригийский музыкальный лад считался в античном мире наиболее неистовым и чувственным.

Стих 629. *Куреты* — критские служители Рея, заглушавшие шумом и грохотом младенческий крик Зевса; у фригийцев они назывались корибантами.

Стих 633. *Диктейские* — от названия критского города Дикты.

Стих 638. *Сатурн* — римское божество, отождествлявшееся с греческим богом Кроносом.

Стихи 646—651 звучат здесь с несколько иной интонацией, нежели после вступления к первой книге (I, 44—49), поскольку приводятся в опровержение мифологических представлений, а не в подкрепление риторической фигуры олицетворения. Такое повторение с изменением интонации вообще характерно для повторов Лукреция, в отличие от традиционного эпического повтора в сходных ситуациях или при пересказе.

Стихи 730 слл. — Тезис о том, что первоначала лишены окраски, а следовательно, цвета нет в природе вещей, становится у Лукреция поводом к описанию многокрасочности мира и многообразия тончайших оттенков цвета, различаемых глазом. Не опровергая тезиса эпикурейской физики, поэт старается художественными средствами преодолеть тягостную для него сторону концепции, когда истинная картина мира открывается слепцу или в потемках, а ясный день для зрячего оборачивается ложью.

Стихи 871 слл. — Такая теория зарождения жизни была в ходу во времена Лукреция и даже значительно позже. Вергилий в поэме «Георгики» (IV, 283 слл.) подробно описывает технологию получения пчелиной семьи из разлагающейся бычьей туши.

Стих 926. *...вновь к заключенью приходим...* — См. II, 871—873.

Стих 991. *Семена мы, наконец, небесного все породенья...* — Лукреций ограничивает здесь природу околоземными пределами; вообще отождествление Матери-земли и Матери-природы встречается у него часто. По отношению к Земле Небо (Эфир) выступает порождающим началом, по отношению к Природе такого начала Лукреций указать не может, а что для объяснения мира он в нем нуждается, это заметно во многих рассуждениях.

Стихи 1023 слл. — См.: Эпикур, «Письмо к Геродоту», 45.

Стих 1047. *...ум... в паренъи свободном.* — Здесь в латинском тексте стоит выражение, буквально означающее «свободный бросок духа». Как и в стихе II, 740, где употреблено словосочетание «набрасывание ума», в этом выражении комментаторы находят передачу сложного понятия эпикурейской гносеологии «фантастический набросок разума». Мышление, по Эпикуру, есть лишь продолжение чувства, но для объяснения понятий заведомо не чувственного происхождения Эпикур вводит концепцию «предвосхищения» — понятия, сформированного на основании чувственных впечатлений, но обобщенного, так сказать, «на все случаи жизни», и «фантастического наброска разума», или, проще сказать, образа фантазии, как бы изнутри создающегося впечатления о том, чего никогда не приходилось постигать чувством. Ф. А. Петровский совершенно прав, переводя это понятие выражением «свободное парение ума», ибо речь идет как раз о той самопроизвольной деятельности по внутреннему побуждению, которая подразумевалась у Эпикура в термине «фантастический» и у Лукреция, заменившего его римским понятием свободы.

Стих 1049. *...и вверху и внизу...* — Здесь вполне очевидно, что верх и низ вселенной мыслятся по отношению к нашему миру.

Стих 1102. *...храмы порой разносить...* — Античные писатели сообщают, что молнии нередко ударяют в храмы богов, в частности это неоднократно случилось с храмом Юпитера на Капитолии.

Стих 1121. *...природа узду налагает.* — Картина мира, изображенная Лукрецием, предполагает понятие меры и предела, которых не было в эпикурейской физике. Однако для обыденного сознания они не нуждались в расшифровке: достаточно было указать на любой живой организм, что Лукреций и делает.

Стих 1150. *...сокрушился наш век...* — Под «веком» здесь подразумевается не столетие, а более крупный мировой цикл, который, по мнению Лукреция, уже приближается к концу.

Стих 1153. *...цепь золотая...* — В начале VIII книги «Илиады» Зевс предлагает всем богам Олимпа спустить с неба золотую цепь и, повисши на ней всем вместе, попытаться совлечь на землю его, владыку богов, уверяя, что не одолеть им его даже всеобщими усилиями. Этот образ не раз привлекал

внимание философии. Стоическая интерпретация усматривала здесь аллегорию причинно-следственных связей. Даже если Лукреций имеет в виду эту стоическую цепь необходимости, он предлагает здесь не аллегорию, но вполне материально ощутимый образ: если бы люди упали с небес, они разбились бы, следовательно, нужен какой-то мост между небом и землей, к примеру гомеровская золотая цепь.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Стихи 1 слл. — Здесь прославляется Эпикур. Примечательно, что в его учении Лукреций восхищается рациональным истолкованием природных явлений, устраняющим власть религии, и постижением истинного совершенства богов. Этические моменты философии Эпикура в этом похвальном слове вообще не упомянуты, что составляет своеобразие эпикуреизма Лукреция, воспринявшего учение Эпикура прежде всего как материалистическую картину мироздания, а не как моральную доктрину, более или менее подкреплённую соображениями физического и гисеологического порядка, каковой представляется эпикуреизм не только его противникам, но зачастую и последователям.

Стихи 28—29. *...восторг... и священный ужас...* — Вряд ли Эпикур признал бы эти чувства совместимыми с идеалом безтревожности, который он проповедовал. Но Эпикур не имел пристрастия к поэзии и отвергал ее даже более решительно, чем Платон. Лукреций погрешал против правоверного эпикуреизма уже тем, что писал поэму. Многие другие его отступления от буквы эпикурейской доктрины явились лишь следствием этого первого отступления.

Стихи 59 слл. — Это одно из немногих мест поэмы, где поэт обращается к общественной жизни человека, причем, вероятно, к проблемам злободневным и неотвлеченным.

Стих 70. *...кровью сограждан себе состояния копят...* — Суллавские проскрипции позволяли доносчикам пополнять свое состояние за счет конфискованного имущества осужденных.

Стих 84. *...извращает... благочестье.* — Благочестием, в отличие от религии, римские мыслители называли такое почитание богов, которое побуждает человека к исполнению

долга перед своей совестью и к совершенствованию в добродетели, тогда как религия, состоящая в исполнении принятых обрядов, могла питаться страхом и основываться на лицемерии (ср.: Цицерон, «Об изобретении», II, 22, 66). Следуя эпикурейской концепции божества, Лукреций благочестие видит в созерцании вселенной с невозмутимой душой (V, 1198—1203).

Стихи 94 слл. — См.: Эпикур, «Письмо к Геродоту», 63—68.

Стих 100. *...греки зовут «гармонией»...* — Представление о душе как о некотором состоянии тела, подобно здоровью или болезни, в древности приписывалось пифагорейцам Филолаю или его ученику Симмию. Цицерон в «Тускуланских беседах» (I, X, 19) сравнение души с музыкальной гармонией приводит со ссылкой на Аристоксена, ученика Аристотеля, философа и теоретика музыки.

Стих 371. *...Демокрита священное мнение...* — Этот момент учения Демокрита известен только по изложению Лукреция. Тезис о пределах ощущения развивается в пассаж, избиллюющий топчайшими наблюдениями и совершенно неожиданными для эпоса предметами, как прикосновение каждой ноги комара к человеческой коже.

Стихи 670 слл. — Душа воспринимается Лукрецием лишь как индивидуальная душа, поэтому первым признаком ее он выдвигает тождество личности, выражающееся в непрерывности памяти. Платона, который душу мыслил родовым началом в человеке, прерывность индивидуальной памяти не смущала, он обращал внимание на присутствие в душе «памяти» о вечных идеях; к тому же для особенно совершенных душ он оставял возможность памяти о духовном опыте прожитых жизней («Государство», 619 В — Е).

Стих 751. *...гирканские псы...* — Гирканским называлось в древности Каспийское море, Гирканией — страна у южного его побережья. Гирканские псы считались помесью собак с тиграми, им отдавали на съедение тела покойников — см. ниже, стих 888.

Стихи 777 слл. — Картина, которая Лукрецию кажется смешной, а потому абсурдной, у Платона рисуется тоже иронически, но без недоверия: охота душ за телами смешна, поскольку ничтожно мелки заботы о временном перед лицом вечности («Государство», 620 А — Е).

Стих 830. *Значит, нам смерть — ничто... —* Это эпикурейское положение двусмысленно: смерть — ничто для нас, поскольку мы не придаем ей значения, и смерть — ничто, поскольку в смерти нас ожидает не страдание и не блаженство, а ничто, полное уничтожение нас самих и всего того, что мы создавали вне себя. Для Эпикура оба смысла говорят об одном: смерть не может беспокоить нас, ибо никакого беспокойства по смерти не будет. Для Лукреция мысль о предстоящем уничтожении личности сама по себе не исключает беспокойства перед смертью, а, напротив, побуждает его к всестороннему обсуждению проблемы смертности души и ценности человеческой жизни ввиду ее временности (Эпикур, «Письмо к Менекею», 124—127, «Главные мысли», II).

Стих 833. *...при нападении... пунов... —* Лукреций имеет в виду вторую Пуническую войну (в конце III в. до н. э.), когда карфагенские войска во главе с Ганнибалом вторглись в Италию и угрожали гибелью Риму.

Стих 842. *...даже коль море с землей и с морями смешается небо. —* Выражение, ставшее пословицей (ср.: Вергилий, «Энеида», XII, 204; Ювенал, II, 25).

Стихи 847—865. — Атомисты с большим основанием, чем какал-либо другая философская школа, могли говорить о вероятности повторения индивидуального природного создания в абсолютно тождественном виде (учение о «палингенезе» с теми или иными вариациями встречается у орфиков, пифагорейцев, стоиков). Однако Лукреций, представляя себе такого своего двойника, отказывается отождествить его со своей индивидуальной личностью. Следовательно, еще безотчетно, но твердо он строит человеческую душу не из телесных атомов, а из опыта прожитой жизни, его «я» — не комплекс приятных или неприятных ощущений, как у Эпикура, а неповторимый духовный мир, вот почему простая эпикуровская истина «смерть — ничто» не исчерпывает для него проблемы страха смерти.

Стих 868. *...совсем бы на свет не родиться... —* Лукреций вспоминает здесь, очевидно, знаменитую «Силенову мудрость»:

Лучшая доля для смертных — на свет никогда не родиться
И никогда не видеть яркого солнца лучей.
Если ж родился, войти поскорее в ворота Аида
И глубоко под землей в темной могиле лежать.

Так передает ее греческий поэт Феоги́д (перевод В. Вересаева). Эпи́кур решительно отверг эту мудрость («Письмо к Менекею», 126—127), а Лукре́ций опять ее повторяет, правда в двусмысленном контексте, как бы еще раз взвешивая каждое ее слово: пусть не лучше, но все равно — быть или не быть — для того, кто еще есть никто и ничто.

Стихи 870 слл. — Собственно, только отсюда начинается почти в платоновской манере созданный диалог о смерти, предметом которого становится не понятие смертности, но реальное человеческое ощущение своего неминуемого уничтожения. Кто с кем разговаривает в этом диалоге, не всегда просто определить. Оппонент то предстает автору в виде недоверчивого слушателя, то оказывается внутри него самого. Защиту эпикурейского тезиса берет на себя то автор, то сама Природа. В диалоге одно за другим обсуждаются следующие сомнения, не позволяющие человеку легко согласиться с утверждением Эпикура «смерть — ничто».

Первое: страшно, что будет со мной, когда я не смогу уже никак себя защитить.

— Ты беспокоишься о судьбе своего трупа — как бы его не растерзали дикие звери! Но ведь ты не хотел бы остаться без обычного погребения, а чем кремация лучше?

Второе: смерть прерывает нити жизни и любви, которые составляют существо человека, смерть лишает их смысла, и самая мысль о смерти лишает человека мужества жить.

— Разве вольность и покой — не замена счастью любви, ее беспокойствам и ее оковам?

Третье: смерть прерывает все наслаждения — зачем тогда стремиться к ним и не должно ли беспокоиться о том времени, когда наслаждения оборвутся?

— Разве сон — не одно из глубочайших наслаждений? Считай, что в смерти тебя ждет наслаждение сна, который уже никем и никогда не будет прерван.

Четвертое: страшна не сама смерть, а безвременно оборвавшаяся жизнь, смерть, так сказать, до срока.

— Срок в этой жизни не имеет значения: в жизни все вечно одно и то же, ничего нового не будет, а разве хотел бы ты пережить современников и оказаться где-то среди чужого поколения, потерявши не только всех своих близких, но самый счет своим годам?

Пятое: но даже в старости жизнь все равно дорога нам самым ошущеннем жизни.

— Что же, исчерпав все возрасты жизни, следует уйти с сознанием того, что ты взял свое и должен дать место и материю другим существам, еще не прошедшим путей жизни и не познавшим ее наслаждений.

Шестое: так хочется продлить свою жизнь, чтобы заглянуть в будущее — что станется со всем этим миром, в котором мы живем.

— Желать продлить свою жизнь в будущее — это все равно что желать продлить ее в прошлое. Ты же не страдаешь от того, что не родился раньше, что же жадеть о том, что будущее пройдет без тебя. Как до рождения не знал ты беспокойства, так не будет для тебя беспокойства и в будущем. А ежели ты будешь безмятежен в настоящем, то переход в будущее останется для тебя незаметным.

Седьмое: жизнь хороша, я знаю, а смерть тревожит неизвестностью.

— Это жизнь-то хороша! Разве не видишь ты в ней на каждом шагу такие муки, каких не измыслили даже грешникам в Анде?

Восьмое: но в смерти я теряю не только жизнь, я теряю самого себя, а я-то для себя безусловно хорош и дороже всех на свете.

— Но согласись, что были люди и не хуже тебя, но все умерли. Хочешь ли ты для себя исключения?

Девятое: я знаю, что я умру, я не против смерти, но все равно хочется прожить как можно дольше.

— Это правда, и я тоже чувствую привязанность к жизни, но ведь смерть — это не один час каких-то мучений, не то, что мы сумеем пережить, но вечность. Сколько бы мы ни продлевали жизнь, вечность нашей смерти не сократится ни на волос, зато в этой смерти — может быть, это тебя утешит — все когда-либо жившие до или после нас будут нашими сверстниками и современниками.

Другого итога в этой книге нет. Проблему страха смерти Лукреций перевел в проблему привязанности к жизни, чего не было у Эпикура. Перед лицом смерти Лукреций поставил вопрос о смысле жизни, и решение его было мучительно: жизнь — не наша собственность, мы арендаторы жизни, а не

её владельцы, единственный долг человека перед жизнью — без сопротивления духа возвратить арендованное по первому требованию владельца, у владельца перед арендаторами обязанностей никаких нет. Эпикур учил: не думай о смерти. Лукреций не может не думать сам и не предлагает этого читателю. Весь пафос его поэмы в том, что человек должен знать, думать и более полно и осознанно чувствовать мир. Если бы поэт призвал на помощь Гражданскую Доблесть, она подсказала бы ему другое, более оптимистическое решение его проблем, нежели то, какое он вложил в уста своей персонафицированной Природы. Но Лукреций бежал от ужасов государственной жизни своего времени и искал для себя другой общины, где мудрость, величие духа и отрадный покой были бы принципом и реальностью жизни. Его внимание привлекают великие имена прошлого: Гомер, Эмпедокл, Демокрит, Эпикур, Эпий, Сципий. Вслед за диалогом о смерти идет вдохновенное вступление к четвертой книге, где поэт причисляет себя к этой общине первооткрывателей, учителей и благодетелей человечества. В диалоге Лукреция нет наставления: живи и работай, старайся сделать все, что можешь, на что отпущены тебе природой силы, склонности и дарования, но поэт Лукреций не раз договаривает то, чего не решается или забывает сказать философ, последователь Эпикура, и настоящий итог его рассуждений о жизни и смерти не в последних стихах третьей книги, а в первых картинах четвертой: бездорожное поле, цветы, ручьи и поэт, припадающий к чистым источникам, собирающий неведомые цветы, чтобы сделать их достоянием каждого человека, чтобы каждый человек мог почувствовать себя таким же свободным, сильным и счастливым.

Стих 984. *Тигий* — великан, низвергнутый в Тартар за оскорбление, нанесенное им Латоне, матери Аполлона и Артемиды.

Стих 995. *Сизиф* — наказан за обман тем, что в Аиде должен вкатывать на гору камень, который, едва достигнув вершины, скатывается обратно.

Стих 1009. *Девы* — дочери царя Даная, осужденные за убийство своих женихов лить воду в бездонный сосуд.

Стих 1011. *Кербер* — трехголовый пес со змеями вместо шерсти, сторожевая собака в Аиде. *Фурии* — богини мщения.

Стих 1025. *Анк* — четвертый римский царь Анк Марций, прославившийся миролюбием и благочестием.

Стих 1029 сл. *...кто по волнам... путь проложил...* — персидский царь Ксеркс (V в. до н. э.), построивший плавучий мост из Азии в Европу через Геллеспонт.

Стих 1034. *...Сципион, эта молния войны и гроза Карфагена...* — Римская история знает двух Сципионов: Старшего, героя второй Пунической войны, и Младшего, разгромившего Карфаген в третьей Пунической войне. Кого из двух имел в виду Лукреций? Очевидно, этот вопрос занимал уже первых его читателей: у Вергилия в «Энеиде» (VI, 842) есть любопытная реплика этим стихам — «две молнии войны, Сципионы».

Стих 1039. Демокрит умер в глубокой старости.

Стих 1042. *Эпикур*. — Учитель Лукреция по имени назван в поэме только здесь.

Стих 1063. *Рысаки*. — Здесь, собственно, речь идет о галльских пони «манвах», мадорослых, но очень быстрых лошадках; «рысаки» в переводе следует понимать как экспрессивное определение, а не указатель породы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Стихи 1—25 в точности повторяют одно из отступлений первой книги (926—950). Если между двумя труднейшими для изложения теоретическими разделами первой книги пассаж этот звучал прежде всего как напоминание о новизне предмета, о трудностях изложения, о желании подсластить поэтическими красотами горький напиток ученого повествования, то здесь, после тягостных бесед о смерти в конце третьей книги, он звучит оптимистической нотой, поэт говорит здесь больше о себе и своем мастерстве, о желании славы и творческом вдохновении, обещает читателю в новой книге чтение полезное и приятное, и — надо сказать — обещание это он исполняет с честью: четвертая книга поэмы более других отдает дань литературным модам и вкусам своей эпохи, хотя в теоретическом отношении считается менее всего доработанной.

Стих 26. *...объяснил я...* — в третьей книге (94—416).

Стих 30. *Призраки*. — Эпикур учил о том, что с поверхности предметов непрерывно во все стороны отлетают тончайшие пленки, сохраняющие облик этих предметов, и, попадая человеку в глаза, они возбуждают чувство зрения, давая тем самым точное представление о предмете, «сколками» с которого они являются. Эти пленки-изваяния Эпикур именовал также словом «эйдола» (уменьшительное от «эйдос» — «вид»), которым Гомер называл тени, или души, умерших в царстве Аида. Поэтому перевод Ф. А. Петровского «призраки» чрезвычайно точно отражает сути философского представления и стилистической емкости термина. По свидетельствам древних авторов, эта эпикуровская теория восходит к учению Левкиппа и Демокрита. См.: Эпикур, «Письмо к Геродоту», 46—49.

Стихи 45—53 считаются первоначальной редакцией рабочего введения в изложение материала четвертой книги, относящейся к тому периоду работы, когда теперешняя четвертая книга шла после второй. Многие издатели исключают это «дублирующее» введение как излишнее (после стихов 26—31, отсылающих к материалу III книги), однако сохранение его следует признать вполне целесообразным, так как изложение теории «призраков» опирается на материал и второй и третьей книг поэмы, поэтому напоминание о содержании второй книги здесь уместно и даже необходимо. Возникающие при этом повторы находят оправдание в традиции эпического жанра.

Стихи 76—83. *...покров над театром...* — Описываемые здесь световые и цветовые эффекты связаны с тем, что театральные тенты натягивали, как экран, сбоку, а не сверху.

Стихи 180—182 обнаруживают сходство с заключительными строками одной из эпиграмм Антипатра Сидонского (греческий поэт II—I вв. до н. э.):

Лебеда краткая песнь превосходит карканье галок,
Что раздается вверху над облаками весной.

(Перевод Ф. А. Петровского)

Вообще отточенные лаконичные эпизоды, изображающие какой-либо предмет или явление окружающего мира в качестве иллюстраций к одному из теоретических положений философии, говорят о близком знакомстве Лукреция с техникой эллинистической эпиграммы. *Австр* — южный ветер.

Стих 307. *...становится всё желтоватым...* — Так считала античная медицина.

Стихи 335—341. — Описанное здесь явление не раз было проверено с помощью эксперимента, и сообщение Лукреция подтвердилось.

Стих 347. *...под таким же углом...* — Физический закон равенства углов падения и отражения был известен науке эпохи Лукреция. Упоминает об этом и Цицерон («Тускуланские беседы», I, 17, 40).

Стих 469. *Если же думает кто, что немисливо знанье...* — Скептическое отношение к человеческому знанию было распространено в античном мире задолго до того, как открылась первая философская школа, сознательно именовавшая себя «скептической». Еще Гомер приписывал истинное знание одним богам. Сократ, по преданию, говорил: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Римский комедиограф Плавт переделал это в «я не знаю даже того, что я знаю» («Вакхиды», 791).

Стих 476. *...что породило в нем мысль...* — Словом «мысль» Ф. А. Петровский передает здесь латинское слово «нотицнес», которое у Лукреция считается эквивалентом эпикуровского термина «пролеписис» («предвосхищение», или «антиципация», как перевел его Цицерон). Термин Лукреция означает, собственно, «знакомство» с вытекающим из него предвосхищением возможных впечатлений от знакомого предмета, и поэт здесь абсолютно верен смыслу, хотя и не букве, эпикуровского понятия. Не слишком отступает от точности и русский перевод, поскольку «пролеписис» у Эпикура — единственное понятие, относящееся к деятельности мышления как такового, если не считать «фантастических набросков разума», которые скорее все-таки относятся к работе воображения, чем к размышлению. См.: Эпикур, «Письмо к Геродоту», 72.

Стихи 478—479. *...понятие истины чувства в нас порождают...* — Эпикур считал критерием истины чувства, наперекор всей античной философии, которая неустойчивости и субъективности чувств противопоставляла неизменность и всеобщность мысли. Следует заметить, что Эпикур вовсе не считал чувства непогрешимыми свидетелями, но просто последующей деятельности души он доверял еще меньше, поскольку она дальше отстояла от предмета: и ощущение, и мышление он пожимал как движение материальных начал, возбужденное

предметом, а чем дальше передается первоначальный импульс, тем он становится слабее, следовательно, у разума больше шансов ошибиться, чем у чувства. Если же не доверять чувству, то тогда и вовсе не на что будет опереться; это, так сказать, «рабочий» критерий за неизменным абсолютным. См.: Эпикур, «Письмо к Геродоту», 71; «Главные мысли», XXIV.

Стих 536. *...сколько и нервов берет...* — Здесь речь идет о физическом напряжении («нервами» назывались жилы и сухожилия), «нервов» в нашем смысле у античного человека не было.

Стих 581. *...Нимф, козлоногих Сатиров и Фавнов...* — Фавн был римским божеством лесов и полей (его женской ипостасью была Фавна, или Фауна), его отождествляли с греческим Паном. Со временем стали считать, что Фавнов в природе так же много, как греческих Нимф и Сатиров.

Стихи 638—639. — Легенда о ядовитости человеческой слюны для змей есть и у Плиния Старшего (VII, 15 и XXVIII, 35).

Стих 672. *...как я об этом тебе говорил...* — Собственно, об этом речи не было, однако о меде упоминания были во второй (398 сл.) и третьей (191 сл.) книгах.

Стих 683. *...римских хранитель твердынь...* — Гуси, по преданию, предупредили стражу римского Капитолия о нападении галлов в 390 г. до н. э. (см.: Вергилий, «Энеида», VIII, 655 сл.).

Стихи 710—713. — Представление о том, что львы боятся петухов, держалось очень долго в античности, средневековье и даже в эпоху Возрождения. Конец легенде положил эксперимент, проведенный самим Кювье (1769—1832): петуха втолкнули в клетку ко льву и тот, разумеется, не затруднился его сожрать. Впрочем, может быть, опыт был поставлен недостаточно корректно — ведь отступать льву было просто некуда.

Стих 746. *...как указал я уже...* — IV, 176 сл., и III, 425 сл.

Стих 795. *...во мгновении, нужном для звука...* — равносильно русскому выражению «во мгновение ока».

Стихи 834—835. — Здесь Лукреций формулирует тезис об отсутствии целесообразности в природе, однако в развитии этого положения он не вполне последователен, поскольку ранее им было принято представление о целенаправленном, а не спонтанном развитии любого природного существа.

Стихи 935—936. *Вот почему...* — пример естественной оговорки поэта: разумеется, не толстая шкура нашла себе при-

менение, подставившись под удары, а необходимость защиты потребовала утолщения наружной оболочки.

Стих 1071. *Венера Доступная*. — У Платона это божество именуется Афродитой Всенародной, в отличие от Афродиты Небесной, в диалоге «Пир» (180 С сл.). Платон противопоставляет любовь как сильное душевное устремление, без которого немислимо познание и духовное совершенствование личности, любви как всем и каждому доступному ощущению, для которого «кому ума не доставало». У Лукреция, как позже у Овидия («Лекарство от любви», 484), Доступная Венера — это любовь вне гражданских установлений брака и зачастую не связанная со сколько-нибудь устойчивыми душевными переживаниями.

Стих 1125. *Сикионская обувь* — от города Сикиона на Пелопоннеском полуострове, славившегося на весь тогдашний мир произведениями своих башмачников.

Стихи 1160—1169. — При перечислении ласкательных прозвищ Лукреций пользуется греческими словами. Пассаж этот можно считать реминисценцией из Платона («Государство», V, 474 С — 475 А), позднее этот мотив стал общим местом моралистики на любовную тему. Об этом упоминает и Овидий в «Искусстве любви» (II, 4).

Стих 1179. *Гордый косяк*. — Эпитет этот принадлежит любовной поэзии, в которой обхаживание запертой двери у дома возлюбленной было своеобразным ритуалом; в эллинистической комедии традиционной стала ария героя у дверей подруги — так называемый «параклавситюрон», то есть «песнь у запертых дверей», в которой свою долю почета получали и порог, и косяк, и все прочие детали этого элемента домовой архитектуры.

КНИГА ПЯТАЯ

Стих 8. *...богом он был...* — Почитание Эпикура как бога среди его учеников Цицерон называет наглостью со стороны таких естествоиспытателей, какими они себя считали («Тускуланские беседы», I, 21, 48), однако он не совсем прав. В те времена смертные легко становились богами, а вера в богов все больше сводилась к формальной обрядности или грубому

суеверию. Эпикур причислялся к богам в этическом смысле, разумеется, а не в физическом; следует также обратить внимание на то, в каком божественном сонме выступает здесь Эпикур: боги восхваляются здесь как благодетели человечества, это опять-таки дань мифологической традиции и риторике, тем более уместная в начале пятой книги, что здесь автор вступает на стезю исторического повествования, а историк, пренебрегающий мифологией, рискует остаться без материала для работы.

Стих 15. *Либер* — италийский бог земледельцев, отождествлявшийся с Вакхом (Дионисом).

Стих 17. *Иные народы* — например, германцы, по словам Цезаря («Записки о галльской войне», VI, 22), или арабы и эфиопы, по сообщениям Диодора, Страбона и других греческих писателей.

Стих 20. *...расходясь по великим народам...* — По свидетельству Цицерона, восторженные почитатели Эпикура встречались не только в Греции или Италии, но и во всем варварском мире («О пределах добра и зла», II, 15).

Стих 22. *Геркулеса деянья* — перечисляются девять из двенадцати легендарных подвигов Геракла.

Стих 28. *Гериона... трехгрудого сила...* — Герийон — великан, обитавший на крайнем западе, где победивший его герой воздвиг так называемые «Геракловы столпы».

Стих 31. *Бистонида* — поэтическое название Фракии, *Исмар* — горная цепь и город во Фракии.

Стих 77. *...силой какой... руководит кормило природы...* — Лукреций не раз возвращается к образу «кормила природы», единого начала всех начал, скрытой силы, управляющей всеми природными процессами. Во вступлении к первой книге кормчим природы называется Венера (I, 21), в пятой книге — Фортуна (107) или Солнце (404). Вряд ли все эти оговорки можно отнести на счет поэтического обыкновения. В природе Лукреций обращает внимание на закономерный и целенаправленный ход естественных процессов. Эпикур учением об отклонении атомов разрушал представление о сквозной необходимости всех природных движений. Лукреций говорит, что отклонение разрывает узы рока (II, 253), но он же употребляет выражение «узы природы» (в переводе Ф. А. Петровского «законы» — I, 586). Лукреций очень близок к представлению

о «законах природы», может быть, потому, что в природе он пытается найти истинное государство для человека взамен расколотого враждой и насилием Рима, подобно тому как Катулл искал для себя «уз» священной дружбы и любви (109, 5—6). Образы кормчего и кормила — тоже старинные символы государственной власти. Возможно, метафоры из области государственных установлений вернее всего отвечали представлению о временных распорядках этого временного околоземного мира, в отличие от вечно неопределенных движений вечной материи. Ср.: Эмпедокл В, 30, 3; 115, 2, а также Парменид В 12, 3.

Стих 116. *...обладая божественным телом...* — как полагали стоики и платоники (см.: Цицерон, «О государстве», VI, 15).

Стих 117. *...по примеру Гигантов...* — Гиганты — мифические великаны, сыновья Гея-земли, попытавшиеся захватить небо и свергнуть олимпийских богов, но побежденные богами при содействии Геракла.

Стих 148. *...ибо природа богов настолько тонка...* — Субтильные божества эпикурейцев не встретили признания в античном мире. По выражению Посидония, философа стоико-платонического направления, современника Лукреция и учителя Цицерона, Эпикур только на словах оставляет богов, на деле их уничтожает (Цицерон, «О природе богов», I, 44, 123).

Стих 155. *...потом я тебе докажу...* — Комментаторы не находят в поэме эпизода, который можно было бы считать исполнением этого обещания.

Стихи 156—234. — Здесь еще раз ставится вопрос о целесообразности в природе и о божественном сотворении мира. Лукреций настаивает на том, что первоначально произвольно сложились в сочетания, образовавшие наш мир. Цицерон приводит реплику стоика Бальба о том, что вероятность возникновения мира из случайных столкновений атомов такова же, как если бы случайно разбросанные буквы азбуки сложились бы в «Анналы» Эния («О природе богов», II, 37, 93).

Стих 186. *...примера творенья?* — Перевод сделан по поправке, внесенной в рукописи издателем XV века. Рукописная традиция дает здесь слово «специес», которое в латинском языке стало эквивалентом греческого философского термина «протос» — этим словом Платон называет образец всякого творения, и прежде всего вечный и прекрасный прообраз сотворенного божественным мастером мира. Возражение Лукреция

направлено против платоников, и употребление платоновской терминологии здесь в высшей степени уместно. Рукописное чтение следует признать в данном месте отвергнутым бесспорно.

Стихи 222—227. — Во второй книге (576—580) Лукреций младенческий крик противопоставляет погребальному стону как жизнеутверждающее начало — мысли о неминуемой гибели. Здесь скорее мысль о том, что неродившийся никогда не узнает печали, становится трагической нотой горестного человеческого бытия оптимистическим контрастом (ср. III, 867—869).

Стих 234. *...природа готовит искусно.* — Здесь в латинском тексте тот же эпитет «искусница», который во вступлении поэмы (I, 7) прилагался к земле.

Стихи 309—310. — Эти стихи сопоставляют с приведенным у Геродота изречением Дельфийского оракула: «Само божество не в силах избежать назначенной ему доли» (I, 91).

Стих 320. *...как считают иные...* — Подобные учения приписывались в древности мудрецам досократовской поры — Эпихарму (VI—V вв. до н. э.) и Диогену Аполлонийскому (V в. до н. э.), а также стоику Хризиппу (III в. до н. э.).

Стих 326. *...до Фиванской войны и падения Трои...* — У Горация (Оды, IV, 9, 25—28) есть любопытное возражение Лукрецию:

Не мало храбрых до Агамемнона
На свете жило, вечный, однако, мрак
Гнетет их всех, без слез, в забвенье:
Вещего не дал им Рок поэта.

(Перевод П. С. Гинцбурга)

Стихи 338 слл. — Представление о пережитых миром катаклизмах — достаточно древнее. Предание о гибели Атлантиды приводит Платон в «Законах» (383 С), в диалогах «Тимей» (23 Е слл.) и Критий (110 С—113 В). Аристотель упоминает о всемирном потопе («Политика», II, 8, 1269 а, 5).

Стих 364. *...доказал я уже...* — в первой книге (329 слл.).

Стихи 397—406. — Этот эпизод принято сопоставлять с пространственным в эллинистической литературе жанром «эпипоэмы» — короткой поэмы в гексаметрах на какой-либо мифологический сюжет. Миф о сыне Солнца — Фэртоне — подробнее

пересказывается в поэме Овидия «Метаморфозы» (конец I и начало II книги). Лукреций пытается объяснить возникновение этого мифа воспоминанием о каком-то реально происходившем физическом явлении.

Стих 476. *...как бы живые тела...* — Здесь у Лукреция это метафора, как, скажем, «эфир питает созвездья» (I, 231), в отличие от концепции платонической, перипатетической и стоической школ, согласно которой эти тела почитались живыми и даже божественными.

Стих 507. *Понт*. — В древности считали, что Понт (Черное море) имеет непрерывное течение в Пропонтиду (Мраморное море).

Стих 521. *...по Суммановым областям неба...* — Сумман — древнеримский бог ночного неба и ночных молний.

Стих 576. *...светом присвоенным...* — Мнение, что луна заимствует свет от солнца, высказывалось уже Фалесом, Пифагором, Эмпедоклом и Анаксагором, тогда как Анаксимандр и Ксенофан считали, что она светит собственным светом.

Стих 644. *...долгие годы... по долгим орбитам...* — Лукреций, возможно, имеет в виду так называемый «Великий год» — время, в которое все светила возвращаются в то положение, из какого начали свой путь (ср.: Цицерон, «О государстве», VI, 24).

Стих 656. *Матуга* — древнеиталийская богиня утра.

Стих 663. *...с Иды вершины...* — Здесь имеется в виду горный хребет в Малой Азии. Явление, которое Лукреций описывает «по слухам», упоминается у древних историков и географов.

Стих 687. *Года узел* — точка пересечения эклиптики с небесным экватором, т. е. точки весеннего и осеннего равноденствия.

Стихи 737—745. *...Весна и Венера идет...* — Комментаторы давно заметили, что картина появления весны, изображенная здесь Лукрецием, лежит в основе композиции известной картины Боттичелли «Весна». *Зефир* — весенний ветер, дующий с Запада, *Борей* — северный. *«Эвоз-Эван»* — восклицание в честь Вакха. *Волгури* — юго-восточный ветер, *Австр* — южный.

Стих 794. *...из заводей выйти соленых...* — Анаксимандру приписывалось учение о том, что первые животные возникли из воды.

Стих 808. *...вырастали угробы...* — Эмпедокл считал, что на земле вырастали сначала отдельные члены живых тел, которые потом срастались в различных комбинациях, пока не были найдены оптимальные варианты (фр. 57—61).

Стих 905. *...лев головою...* — Стих целиком перенесен переводчиком из «Илиады» в переводе Гнедича, поскольку Лукреций точно цитирует его, переводя на латынь, из поэмы Гомера.

Стих 941. *Арбуга ягоды* — это растение по-русски называется также «земляничник».

Стих 1063. *Молосские псы* — сторожевые собаки, выведенные в Эпире.

Стих 1156. *Богов и людей* — ходячее словосочетание; эпикуровские боги не занимались делами людей.

Стих 1198. *...с покрытой главою...* — Этот римский обычай становится у Лукреция символом жизни во мраке невежества.

Стих 1233. *...сокровенная некая сила...* — Комментаторы выделяют это выражение, считая, что для эпикурейца оно не вполне ортодоксально. Однако, как мы видели выше (V, 1156), в этой части моральных рассуждений поэт прибегает к общепринятым формулировкам, смысл же контекста говорит, что за этим выражением вообще не стоит никакого реального агента. Ср. V, 77.

Стихи 1241—1257 были переведены Ломоносовым для его сочинения «Первые основания Metallургии, или рудных дел».

Железо, золото, медь, свинцова крепка сила,
И тягость серебра тогда себя открыла:
Как сильный огонь в горах сжигал великой лес;
Или на те места ударил гром с небес;
Или против врагов народ, готовясь к бою,
Чтоб их огнем прогнать, в лесах дал волю зною;
Или чтоб тучность дать чрез пепел древ полям,
И чистой луг открыть для пажити скотам;
Или причина в том была еще иная,
Владела лесом там пожара власть, пылая.
С великим шумом огонь коренья древ налил;
Тогда в глубокий дол лились ручьи из жил,
Железо, и свинец, и серебро топилось,
И с медью золото в пристойны рвы катилось.

(Сочинения М. В. Ломоносова, т. II, АН, 1893, с. 256).

Стих 1294. *...из меди серпа...* — Серпы из меди применялись в сакральном обиходе (Вергилий, «Энеида», IV, 513).

Стих 1302. *Луканские волы* — так называли слонов, которых римляне впервые увидели в войсках царя Пирра, когда тот вступил на территорию Лукании (юг Италии) в III в. до н. э., однако свежее в памяти римлян были события второй Пунической войны, когда слонов провели на Апеннинский полуостров через Альпы, поэтому Лукреций и приписывает пунам (карфагенянам) первое применение слонов на войне.

Стих 1310. *...львов... выпускали могучих...* — обычай египетских царей.

Стих 1356. *...искусней гораздо мужчины.* — Подобного рода рассказы встречаются у Геродота (II, 35) и у Платона («Государство», 455 А—Е).

Стих 1362. *...природою, все создающей...* — ср. V, 234, I, 7. Природа в этих стихах именуется Созидательницей вещей.

Стихи 1409 — 1457. *...нисколько не больший плод наслаждений...* — Лукреций в целом сочувственно следит за материальным и духовным прогрессом человеческого рода, однако последствиями прогресса он считает развитие преступлений, войны, пресыщенность и развращенность человеческого рода, и в противовес всем этим порокам он готов признать примитивное состояние человечества более предпочтительным, находя в нем близость к природе и идиллическую чистоту нравов.

Стихи 1452—1453. — Ср.: Эпикур, «Письмо к Геродоту», 75.

КНИГА ШЕСТАЯ

Стихи 1—2. *...злак... даровали Афины...* — По преданию, богиня Деметра (Церера) научила сеять хлеб Триптолема, легендарного героя Аттики.

Стих 3. *...законы для всех учредили...* — Имеется в виду деятельность афинских законодателей: Дракона (VII в. до н. э.) и Солона (VI в. до н. э.).

Стих 5. *...мужи родивши...* — Эпикура, заслуги которого здесь прославляются наряду с историческими благодетелями человечества, а не мифологическими, как это было в начале V книги. Отмечая великие заслуги Афин перед человеческим

миром, поэт, возможно, подготавливает ту тему, которая в поэме станет заключительной — шестая книга обрывается сценами погребенья жертв легендарной Афинской чумы.

Стихи 68—79. — Ср.: Эпикур, «Письмо к Менекею», 123 слл.

Стих 86. *...на участки разбив небосвод...* — Этруские авгуры (жрецы-гадатели) делили небо на шестнадцать частей и замечали, в каком участке блеснет молния.

Стихи 96—101. *Прежде всего, небеса лазурные гром сотрясает...* — Ученые-комментаторы проделали колоссальную работу по выяснению источников, которыми мог пользоваться Лукреций при изложении естественнонаучных причин величественных и грозных явлений природы, внушающих особенно сильное беспокойство людям и обращающих их умы к религиозным суевериям. Прежде всего поэт опирался на сочинения своего учителя Эпикура, взгляды которого на проблемы метеорологии (науки о небесных явлениях) излагаются в дошедшем до нас «Письме к Пифоклу». Эпикур в основание своей метеорологии кладет утверждение о том, что небесные явления могут представлять для философии интерес ни в коем случае не самостоятельный, а лишь применительно к проблеме достижения безмятежности духа. В свете этого принципа эпикурейская физика ищет не единственно верного объяснения тому или иному явлению, но допускает несколько вероятных. Лукреций следует этому обыкновению и приводит по нескольку возможных гипотез, заимствуя их порой из противоречивых источников, однако при этом поэт обнаруживает и горячий интерес к физической сущности мощных стихийных явлений, и незаурядную эрудицию, приводя концепции и досократических мыслителей, и классических школ Академии и Лицея, и позднейших авторов, близких его времени. Высказывались предположения о сильной зависимости поэта в этой книге от работ Посидония, уже упоминавшегося учителя Цицерона. Во всяком случае, в описаниях великолепных явлений природы проявляется собственный талант Лукреция, здесь он от дробных рассуждений и миниатюрных изображений предшествующих книг переходит к картинам более крупного масштаба и создает уникальные в античной литературе образы природных стихий во всей их разрушительной мощи и устрашающей красоте.

Стих 155. ...*Феба Дельфийского лавры*. — Лавр посвящен был Аполлону, как маслина — Афине, дуб — Зевсу, виноградная лоза — Дионису, а колос — Деметре, о чем любила вспоминать поэзия в эпитетах, ставших издавна устойчивыми.

Стих 364. *Года... перебой* — равноденствие.

Стих 381. ...*в Тирренских вещаньях...* — в книгах этрусских гадателей.

Стих 398. *Отца* — Юпитера. Римское имя бога-громовержца в именительном падеже и в обращениях произносилось с прибавленным стяженной формы слова «патер», то есть «отец».

Стих 486. ...*как я говорил...* — I, 992 сл., и II, 142 сл.

Стих 585. — Землетрясение в Сидоне было в V в. до н. э., а в Эгии — в 372 г. до н. э.

Стихи 639—702. — Извержения сицилийского вулкана Этны в древности случались часто и производили сильные опустошения.

Стих 660. ...*«священный огонь»*... — можно перевести и как «проклятый огонь» — болезнь, именуемая также «антоновым огнем» или «гангренозной рожей».

Стихи 712—737. — Разливы Нила считались в древности уникальным явлением (см.: Геродот, II, 19—26).

Стих 716. ...*названия носят «годовых»*... — пассатные ветры (см. V, 472 и VI, 730).

Стих 738 сл. *Авернское озеро* — близ города Кумы в Кампании, считалось преддверием Аида (Вергилий, «Энеида», VI, 337 сл.), в этимологии его названия видели указание на то, что там не водятся птицы.

Стих 750. *Тритонида* — одно из культовых имен богини Афины.

Стих 754. ...*за непотребный донос...* — Этот миф рассказывается у Овидия («Метаморфозы», II, 552 сл.). Афина передала трем дочерям Кекропа, легендарного основателя Афины, корзину с младенцем Эрихтонием (полузверем, получеловеком, рожденным Землей), запретив в нее заглядывать. Девушки нарушили запрет, донесла об этом богине ворона, но ее громким доносом не был угодеп Афине (в деле, которое лучше было оставить без огласки), и птица была изгнана из свиты богини.

Стих 807. *Земляная смола* — асфальт.

Стих 810. *Скаптенсула* — город, который, по сообщению Геродота, находился во Фракии, а по другим источникам — в Македонии.

Стихи 848 слл. — Описывается так называемый «Источник Солнца» в Ливии (см.: Геродот, IV, 181).

Стихи 879—889. — Речь идет об источнике в Додоне (Эпир).

Стих 890. *...в море Арадском.* — Арад — остров у берегов Финикии.

Стих 908. *...камень, который... «магнитом» зовут...* — О «камне» магните, способном притягивать железные кольца и даже вкладывать в них силу делать то же самое с другими кольцами, пишет также Платон со ссылкой на Еврипида («Ион», 533 D).

Стих 1045. *Самофракийские кольца* — были золотыми, но оправленными в железо. Самофракия — остров в Эгейском море.

Стих 1108. *Гадес* — Кадикс, город, основанный в Испании финикийцами.

Стихи 1138—1286. *Этого рода болезнь...* — какая именно болезнь поразила осажденных жителей Афин во время Пелопоннесской войны в 430 г. до н. э., по описаниям древних авторов современные медики установить не могут. Традиционно ее именуют чумой, возможно, это был сыпной тиф или корь. Источником Лукреция была скорее всего II книга «Истории» Фукидида (47—52).

Стих 1139. *Кекроповы земли* — Аттика, по имени царя Кекропа.

Стих 1143. *Пандионово племя* — афиняне. Пандион — афинский царь, сын Кекропа.

Стих 1286. *...чем с телами родными расстаться.* — Поэма считается незаконченной на том основании, что здесь отсутствует заключение в формальном смысле. Однако последний стих «Илиады» — «Так погребали они необорного Гектора тело» — был на слуху у всей античности. Последний стих шестой книги поэмы Лукреция вполне мог восприниматься как достойное эпического произведения заключение.

Т. Васильева

Гераклит Эфесский

Фрагменты сочинения, известного позже под названиями «Музы» или «О природе»

Гераклит, сын Блосона, жил в Эфесе (Малая Азия) на рубеже VI и V веков до н. э.: античные биографы относили его «расцвет» примерно к 500 году. Как отпрыск рода Андроклидов (потомков легендарного основателя Эфеса — Андрокла), он должен был унаследовать почетный титул «царя», но отрекся в пользу брата. Он убедил тирана Меланком (ничем более не прославившегося) сложить с себя власть. Наконец, он вместе со своим единомышленником Гермодором (см. фр. 77) потерпел в Эфесе политическое фиаско, после чего, по-видимому, отошел от общественной деятельности. Умер он 60 лет. Вот примерно все, что можно утверждать достоверного о жизни этого великого философа. (Кое-что еще, правда, с достаточной долей вероятности выводится из косвенных признаков.) О нем ходило также довольно много домыслов и сплетен, с которыми — как и с более достоверными известиями о жизни и книге Эфесца — читатель может познакомиться по нашим публикациям и статьям в «Вестнике древней истории» 1974, № 4; 1975, № 1; 1976, № 2.

Пересказывать здесь учение Гераклита вряд ли возможно: слишком много в нем неясностей, слишком мало согласия между учеными. А если что им и кажется бесспорным, то зачастую лишь в силу привычки и бездумного повторения гипотетических представлений своих предшественников. Причин этому много, и не в последнюю очередь тут виновата и пресловутая «темнота» Гераклита, на которую жаловались сами древние. Но, быть может, главная причина в том, что философское сочинение Эфесца, просуществовав не менее восьми веков, дошло до нас лишь в виде разрозненных цитат, порой искаженных переписчиками, и более или менее умелых пересказов, иногда весьма невразумительных. Последовательность и взаимосвязь этих фрагментов неизвестны, а восстановление их порядка сопряжено с такими трудностями, что издатели греческого текста Гераклита, как правило, даже не берутся за эту задачу. Расходятся они между собой и относительно подлинности, чтения, перевода и толкования многих отрывков.

Поэтому предлагаемый здесь читателю перевод сделан не по какому-нибудь из существующих изданий, а по тексту, заново установленному нами в ходе многолетней работы над древними источниками о Гераклите. Фрагменты расположены в порядке произведенной нами реконструкции всего сочинения философа (которое, по-видимому, не превышало объемом среднюю античную «книгу», например — песнь «Илиады») и сами служат друг другу поясняющим контекстом. Это их расположение и перелод лучше, чем любое изложение, отражают в общих чертах и наше представление об учении Эфесца. Но, разумеется, скептически настроенный читатель волен нашим порядком пренебречь и рассматривать каждый фрагмент изолированно или в ином окружении. Да и мы сами не считаем предлагаемый вариант реконструкции окончательным и совершенным и продолжим работу по ее улучшению.

При переводе особенное внимание уделялось передаче на редкость богатой художественной формы Гераклитовой прозы — в первую очередь, его своеобразной силлабо-тонической ритмики (см. нашу статью в сб. «Античность и современность». М., 1972) и синтаксической архитектоники, но также, по возможности, и его звукописи и паронوماстики, т. е. сознательной игры слов для получения некоего подтекста (а зачастую и «антитекста»), взаимодействующего с непосредственным смыслом высказывания. (В этом тесном переплетении и взаимодействии слога и смысла и кроется основная причина Гераклитовой «темноты».) К сожалению, в переводе это не всегда передается, и часть этих формальных (но чреватых глубоким смыслом) особенностей пришлось опустить. Установка на преимущественную передачу формы, естественно, потребовала жертв: так, мы не стремились к филологически точному воспроизведению всего эксплицитного содержания фрагментов, ни к педантическому переводу каждого философского «термина» одним и тем же русским словом, ни, тем не менее, к передаче «внутренней формы» этих терминов.

Тексты, воспроизводящие собственные выражения Гераклита, набраны обычным шрифтом и напечатаны с разбивкой на ритмические отрезки («стихи»). Тексты, воспроизводящие античные пересказы Гераклита, набраны прямым петитом. В наклонные скобки взяты тексты, подвергнутые некоторой формальной обработке (сокращение или переформулировка небук-

вального изложения, реже — восстановление предполагаемого оригинала почти буквальной парафразы). В угловые скобки взяты дополнения, восстанавливающие содержание лакун (пропусков в тексте). В квадратных скобках, курсивом (основного кегля или петитным), печатаются условные вставки, намечающие предполагаемую связь между фрагментами. Курсивом же, но без скобок, набраны и подзаголовки, вводимые нами для облегчения чтения; набранные же прямо (перед фр. 1, 71 и 128), хоть и заимствованы нами у Диогена Лаэртия, по принадлежат не Гераклиту, а более поздним античным издателям его труда. Тексты, помещенные между звездочками, — сомнительной подлинности. Заведомо неподлинные тексты опущены.

Последовательная нумерация фрагментов предлагаемого свода — по необходимости, новая. Традиционная нумерация дается при каждом номере в скобках — по стандартному изданию Гераклита в «Досократиках» Дильса — Кранца (*Die Fragmente der Vorsokratiker, griechisch und deutsch* v. H. Diels, hrsg. v. W. Kranz, Bd. I, 6. Aufl., Berlin, 1951 = 16. Aufl., Dublin — Zürich, 1972). Для удобства нахождения фрагментов в нашем переводе по ссылкам на традиционную дильсовскую нумерацию, прилагаем список обратных соответствий:

фр. ДК = наш фр. (Д. — Дополнение)

В 1 ^a =	9	18 =	92	36 =	101
1 ^b =	14	19 =	11	37 =	156
2 =	123	20 =	29	38 =	58
3 =	60	21 =	121	39 =	71
4 =	147	22 =	93	40 =	69
5 =	160	23 =	2	41 =	8
6 =	61	24 =	31	42 =	26
7 =	97	25 =	30	43 =	81
8 =	25	26 =	120	44 =	75
9 =	146	27 =	27	45 =	106
10 =	133	28 =	3	46 =	80
11 =	166	29 =	73	47 =	86
12 =	109	30 =	41	48 =	139
13 ^a =	158	31 ^a =	43	49 =	72
13 ^b =	157	31 ^b =	45	49A =	152
14 =	159	32 =	128	50 =	7
15 =	164	33 =	76	51 =	132
16 =	165	34 =	10	52 =	140
17 =	13	35 =	68	53 =	23
				54 =	91

55	=	96	87	=	5	125	=	153
56	=	18	88	=	134	125A	=	74
57	=	36	89	=	122	126	=	56
58	=	145	90	=	42	126A	=	65
59	=	55	91 ^a	=	105	126B	=	—
60	=	53	91 ^b	=	108	127	=	—
61	=	155	92	=	88	128	=	161
62	=	138	93	=	87	129	=	66
63	=	34	94	=	4	130	=	—
64	}	= { Д.1	95	=	82	131	=	—
65			96	=	35	132	=	32
66	=	50	97	=	16	133	=	—
67	=	129	98	=	110	134	=	—
67A	=	116	99	=	37	135	=	—
68	=	163	100	=	64	136	=	33
69	=	162	101	=	94	137	=	47
70	=	17	101A	=	98	138	=	—
71	=	104	102	=	130	139	=	—
72	=	12	103	=	142	A 1,8—11	=	Д.1
73	}	= 15	104	=	70	A 1,9	=	59
74			105	=	57	A 1,12	=	1
75	=	114	106	=	39	A 6 ^a	=	151
76 ^a	=	54	107	=	100	A 6 ^b	=	149
76 ^b	=	51	108	=	6	A 10 ^a	=	131
76 ^c	=	52	109	=	82	A 12 ^{Nachtr.}	=	38
77 ^a	=	102	110	=	28	A 13	=	49
77 ^b	=	137	111	=	144	A 16,126		
78	=	85	112	=	126	—131	=	Д.2
79	=	84	113	=	124	A 16,129	=	{ 115
80	=	24	114	=	127			{ 113
81	=	67	115	=	107	A 16,130	=	{ 117
82	}	= 154	116	=	125			{ 119
83			117	=	103	A 16,133	=	118
84	=	150	118	=	111	A 18	}	= 141
84n	=	148	119	=	83	A 19		
85	=	78	120	=	40	A 22	=	{ 19
86	=	89	121	=	70			{ 21
			122	=	22	A 23	=	99
			123	=	90			
			124	=	20			

В переводе использовано также 10 текстов, отсутствующих у Дильса — Кранца. 8 из них имеются в издании Марковича (M. Marcovich, *Euclido. Frammenti*, Firenze, 1978): наш фр. 46=текст 25b (п.1) Марковича; 62=58b¹⁻³, с; 63=61a²; 79=70b³; 95=75a¹; 112=68a⁶; 135=47d³; 136=47d¹. Фр. 44 взят из Аристотеля, «О небе», 304^a21, а фр. 143 — из Аристотеля, «Топика», 159^b30=«Физика», 185^b21.

Так как греческий текст, положенный в основу настоящего перевода, по указанным причинам несколько отличается от текста любого существующего издания Гераклита, то во избежание недоразумений мы обязаны привести здесь все его самые существенные отклонения от стандартного текста Диельса — Кранца. Вот эти разночтения в латинской транслитерации:

Comparatio cum editione Dielsi—Kranzi (et per occasionem Marcovichii). 1 (A 1,12 DK) *gnōmē[n]* (codd.) *hē theōn* (<*kai an*)*thrōpōn*, *kosmoy* add. et ci. 2 (23) *anomoī* scr.; *edēsān* (= *edeēsān*) cod. 3 (28) *lectionem codicis retinui*. 7 (50) *eidenai* cod. 8 (41) *hoteēi* (= *hēitini*) *kybernēsai* (sc. *esti*) codd. 9 (1^a) *diaireōn kata physin* (sine *hekaston*) Hippol. 15 (74) *oyd' hōs* Schenkl; *tokeōnōn* (<*hylaktein*) add. (cf. A. G. VII, 79; 408; 479). 16 (97) *kai bayzoysi hon* codd. 20 (124) *sarx* codd.; *kekhymenton* (?) Usener. 24 (80) *ei de, khrē... erein* (= *erān*) ... *khreōmena* codd. 29 (20) [*epei*] *«dēn»* (scr.) [*phēsi*] (cod.) «*genomenoi...*»; *mallon* ꝛ A. Rüstow. 34 (63) *en(i noysoisi) tha(noysei)* (sive *tha(nēisi)*) *d(ei) eonti* ci. 42 (90) *antameibetai* codd. 44 (uide A. V. Lebedev ap. VDI, 1979, nr. 2; 1980 nr. 1). 46 (25b n. 1 Mch). 48 (64 + 65) *kalei de autos* scr. 55 (59) *graphēōn* cod. 56 (126) *psykhron* (pro *ta psykhra*) cod. 62 (58b¹⁻³ Mch). 63 (61a² Mch²). 65 (126A) (*Arktos heptasteros*)... *kata logon de hōriōn* (cod.) *symboletai hebdomast* (cod.) *kata Selēnēn*, (<*hē*) (add.) *diaireitai de kata toys* (cod., sc. *asteras*) (<*tēs*) (add., fort. frustra) *Arktoy* (scr.), *athanatoy Mnēmēs sēmeiōy* (scr.). 70 (104) *aoidais ēpyōn* te scr.; *khreion* te cod. 73 (29) *thnētōn* [<*hoi*] (del. Cobet) *de polloi*; sequenta in Clem. *gastri kai aidoiōis kai tois aiskhīstois tōn en hēmin metrēsantes tēn eydaimonian* Heraclito, nōn Demostheni, tribui. 74 (125A) *hymin* codd. 75 (44) *hyper toy nomoy, hyper toy ge nomimoy* (scr.), *hokōsper* codd. 79 (70b³ Mch). 89 (86) *secutus sum versionem Clementis alla ta men tēs gnōseōs bathē kruptei* (scr.) *apistiē* (cod.) *agathē* (cod.); *apistiēi* (Staehlin) *gar...* 95 (75a¹ Mch) *mallon* (cod.) *Sibyllēs* scr. 97 (7) [*ta ontā*] del.; *ti rhines* scr. 102 (77a) *mē* (cod.) *thanatos*. 109 (12) *kai psykhai de* (<*sophai*) add. 110 (98) *oy mōntai* scr. 112 (68a⁶ Mch). 120 (26) et 123 (2) *lectionem codicum integram retinui*. 132 (51) *hokōs* (<*hen*) add. 133 (10) *synaps'* (= *synēpsen*) *eis* (ci.) *oyla kai oyk oyla*. 134 (88) *taytō g'heni* scr. 135 (47d³ Mch). 136 (47d¹ Mch). 143 (Arist. Top. 159^b30, Phys. 185^b19). 145 (58) *epaitiōntai mēden azion mishthōi* cod.; *taytā Sauppe*; [*ta*] et [*tas*] del.; *noysoy* scr. 148 (84a n.). 150 (84b) *areskesthai* sive *arkeisthai* (pro *arkhesthai* codd.) scr. 152 v. 4 (40c¹ Mch). 164 (15) *ei kai* (pro *ei mē* codd.) scr. Д. 2 (A 16; I 148, 16) *enayetai* scr.

С. Муравьев

1. Этот сильно испорченный текст приведен Диогеном Лартием в качестве одного из заглавий книги Гераклита, что, судя по его содержанию и форме, позволяет рассматривать

его как пример обозначения книги при помощи первых ее слов.

2. *Правда* (здесь и ниже) = греч. Дике, богиня справедливости и правосудия.

4. *Фурии* = греч. Эринии, богини возмездия.

5. *...глаголу...* — Словом «глагол» («слово, речь, выражение» — Вл. Даль) здесь и ниже, но не всюду, передается греч. *logos*.

6. *Мудрое* (здесь и ниже) — то внешнее, приобщение чему делает мудреца мудрецом.

7. *Глагол* (с прописной буквы) — имманентное миру, заложенное в нем объективное Учение, высказываемое Гераклитом, но предсуществовавшее ему в качестве Глагола, принадлежащего Мудрому.

...оно... — т. е. Мудрое. Греч. оригинал многозначен (на что намекает и паронимасия *Глагол* ÷ *согласиться* — *logos* ÷ *hōpologein*): 1) «мудро (Мудрое есть в том, чтобы) признавать, что одно (нечто единое, Единое) знает все» (основной текст), но и 2) «признавать: Мудрое — в одном всезнании (есть единое всё-знать)». Ср. след. фр.

9. *Всегда* тяготеет одновременно и к слову «глаголет» (в оригинале — «существует»), и в какой-то мере и к слову «непонятливы».

13. Ср. у Архилоха: «И смыслят лишь в стольких вещах, со сколькими встречаются» (фр. 132 Уэст=68,3 Диль).

16. Намек на Гиппоакта (VI в. до н. э.) — поэта эфесских низов, известного своей желчью? Ср. «Греческая антология», VII, 408.

18. Согласно античной биографической традиции, слепой Гомер умер оттого, что не сумел разгадать смысл ответа (приведенного здесь Гераклитом), который ему дали рыбаки на его вопрос: каков был улов?

19. *Розль* (здесь и ниже) = греч. Эрида, богиня раздора, сестра бога войны Арея. Цитата из «Илиады», XVIII, 107.

Гармония — дочь Арея и Афродиты, богини любви.

23. *Раздор* (здесь и ниже) = греч. Пóлемос, персонифицированная война. Ср. «Илиада», XVIII, 309: «всеобщ Эпипалий (= Арей)»; Архилох, фр. 110 У. = 38Д.: «всеобщ Арей для человеков».

24. *Розль-Эрида* (Eris) здесь выполняет роль Эрота (Eros),

совокупляющего Правду-Дику с Раздором-Арсеом и порождающего все через них.

26. *Архилоху*. — Архилох Паросский (VII в. до н. э.), знаменитый поэт-лирик, ямбограф.

«Мертвых доли...» — из фр. 133 У. = 64-Д. Архилоха.

29. *Упокоиться* — т. е. умереть спокойно, ненасильственно. Смерть в бою представлялась грекам более желанной и почетной.

30. В оригинале — неперевоаемая паропомастическая конструкция-перевертыш, основанная на многозначности и родстве полусинонимов ποῖοι «гибели» (букв. «уделы [убитых]») и ποῖγαί «судьбы» (букв. «доли»), что помимо основного значения, приведенного в тексте, порождает и контрзначение: «Вящие (прижизненные) доли вящие смерти стяжают».

34. Ср.: Гесиод, «Труды и дни», ст. 122—123, 252—253, где речь идет о людях золотого века, умиравших «как будто объятые сном» (116); а также выше, фр. 29: «скорей, чем упокоиться».

35. Гераклит здесь обходится тремя словами, букв.: «Трупы (же) должествующи-быть-выброшенными-более навоза».

36. Ср.: Гесиод, «Теогония», 124; 748—757.

39. *Он* — Гесиод (из контекста цитатора). Ср.: «Труды и дни», 765—825.

41—65. Взаимосвязь этих фрагментов и некоторые отсутствующие в них детали отчасти проясняются пересказами античных комментаторов, приведенными в Дополнении 1, хотя полного доверия они, видимо, не заслуживают.

43. *Дувало* (prēstēr) — букв. «кузнечный мех», а здесь — скорее всего метафорическое обозначение «воздуха»-«воспарения» (А. В. Лебедев).

44. По мнению А. В. Лебедева, открывшего этот фрагмент, сравнение это, вероятнее всего, относится к «плавлению» моря из земли (фр. 45).

46. Метрический гекзаметр, имитирующий фр. 27 ДК Ксенофана:

Все из земли ведь возникло и в землю опять разрешится.

47. Цитата обрывается на полуслове.

55. Если в этом фрагменте (как, согласно всей античной традиции, и в фр. 53) тоже идет речь о взаимном превращении

основных веществ, то метафора *graphos* «буква» является прямым предтечей понятия *stoikheion* «буква→элемент».

58. *Фалес* Милетский (ок. 624 — ок. 546 до н. э.) — один из «Семи мудрецов» и основоположник наиболее ранней греческой философии, а также геометрии и астрономии, родоначальник ионийской школы.

65. Этот странный текст, в котором утверждается зависимость семи фаз Луны от семи звезд (Малой) Медведицы, весьма подозрителен, но полностью исключать возможность его аутентичности нельзя.

66. *Пифагор* Самосский (VI в. до н. э.) — мыслитель, религиозный и политический деятель, основатель пифагорейской школы, в которой число считалось основой всего сущего.

67. *...говорунов!..* — Здесь, по-видимому, непереводаемая игра слов, т. к. *κοριδῶν* может быть род. пад. мн. ч. двух разных слов, отличающихся только ударением: 1) «болтун», «лгун» и 2) «жертвенный нож для заклятия» (употреблялось и метафорически о лживых речах).

68. *«Любомудрый»* (*philosophos*) — возможно, намек на Пифагора, изобретшего, по преданию, само слово «философ» (т. е. любитель мудрости, в отличие от нескромного «мудрец»).

69. *Ксенофан* Колофонский (ок. 579—ок. 480 до н. э.) — поэт, философ и рапсоd, утверждавший единство, вечность и неизменяемость бога и отвергавший антропоморфизм гомеровских богов.

Гекатей Милетский (ок. 546—480 до н. э.) — историк, географ, общественный деятель, автор «Описания Земли» и «Генеалогий».

70. *...один... другой...* — Возможно: рапсоd Ксенофан и общественный деятель Гекатей (ср.: Геродот, V, 36; 125).

71. *Биант* Приевский (VII в. до н. э.) — один из «Семи мудрецов», оратор и поэт.

75. *...исконного...* — Букв.: «действительно принятого», т. е. освященного традицией.

83. *Собь* (*ethos*) — «свойства нравственные, духовные и все личные качества человека» (Вл. Даль).

Гений (*daimōn*) — своего рода божество. Ср.: Эпихарм, фр. 17 ДК: «Характер для людей — их добрый гений, а также — злой».

87. *Владыка... находится.* — Имеется в виду Аполлон Дельфийский, от чьего имени прорицала дельфийская жрица — Пифия.

...*знаменует.* — Дельфийский оракул славился неясностью и двусмысленностью своих пророчеств.

88. *Сивилла* — жрица-прорицательница, здесь, по-видимому, тождественная дельфийской Пифии.

Чрез бога того... — по-видимому, Аполлона.

91. *Лад* (ragtonic, ср. фр. 19, 25 и 132) — не только в не столько в музыкальном смысле, сколько в более общем («удачное соединение», «крепление», «сопряжение» (ср. «наладить», «приладить»).

92. ...*нечаемого...* — Паузу можно делать (запятую ставить) и перед этим словом, и после него. Ввиду же отсутствия у древних греков знаков для обозначения пауз, мы, возможно, здесь имеем намеренную двусмысленность.

100. *Варварские* — то есть не понимающие того, что сообщают им глаза и уши (как варвары не понимали того, что сообщали им греки).

106, 107. ...*глубокий глагол, ...растящий сам себя...* — Душа здесь мыслится хоть и ограниченной своей телесной оболочкою, но в некотором смысле и сопредельной космосу, из которого, через «окна» глаз и ушей, она «вбирает» в себя однородный с нею «воздух» — Глагол (ср. Дополнение 2). Эта постоянная циркуляция души «извне и вовне себя» и обеспечивает самовозрастание ее доли Глагола, т. е. ее собственного глагола (фр. 107), и делает ее похожей на купальщика, окунающегося во все новые воды (фр. 105, 109).

110. *Аид* — здесь: подземное царство, где, по древнегреческим верованиям, обрелись души (всех или некоторых) умерших (в отличие от фр. 104, где Аид — бог, владыка этого царства).

112—123. Эту весьма плохо сохранившуюся часть сочинения Гераклита несколько проясняет приведенный в Дополнении 2 пересказ, хотя он и грешит, по-видимому, некоторой модернизацией (чрезмерной физикализацией) его взглядов.

127. В начале этого фрагмента — многозначительная игра слов, которую можно в какой-то мере передать так: «*Со умом говорящие укрепиться должны на соумственном* (т. е. совместном)...» (хуп побі: хупбі).

128. Этот совершенно непереводаемый фрагмент, как алмаз, переливается всеми цветами радуги. В зависимости от расстановки акцентов и пауз он может принимать до дюжины несводных друг к другу значений. Основные два мы попытались передать в тексте. Добавим, что слово «только» может относиться как к предыдущему, так и к последующему слову и что первые два (или три) слова отрывка могут также выступать в качестве независимого предложения: «(Только) Мудрое едино», после которого надо поставить двоеточие или точку с запятой. Слово «Зевса» также многозначительно, ибо употреблена поэтическая форма род. п. Ζηνος (вместо обычной Dios), связанная народной этимологией со словом ζῆν «жить» — нечто вроде «Живеса».

132. *Противоположное крепление* (harmonie, ср. № 19, 25 и 91) — имеется в виду крепление древка лука и его тетивы, деревянных частей лиры (резонансной коробки, рогообразных брусев и перекладки) и ее струн. И в том и в другом случае гнутые деревянные части одновременно натягивают жилы и стягиваются ими, т. е. потенциально расходятся и сходятся, согласуются.

133. *Впрямло оно* — подразумевается «крепление» (harmonia — в контексте цитатора). Ср. коммент. к № 132.

139. *...луку имя «жизнь»...* — Лук по-гречески βίος, а жизнь — bios. Оба слова отличаются лишь местом ударения (повышения голоса).

146, 147. Понятие «счастье» (вероятно, eudaimonie) здесь еще не полностью отделилось от понятий «достаток» (золото) и «удовлетворение потребностей» (удовольствие).

153. *Болтушка* (кукеон, от кукаб «взбалтываю») — напиток кикеон, смесь воды, вина, меда или молока с ячменной мукой, который нужно было взбалтывать перед употреблением.

159. *Маги* — члены персидской касты жрецов (здесь, возможно, в расширительном значении «последователи мадеизма»).

Лены — менады, вакхавки, женщины, впадающие в экстаз под влиянием Диониса-Вакха.

Мисты — посвященные в мистерии (тайные культы) каких-либо богов, чаще всего — Диониса или Деметры.

163, 164. Имеются в виду дионисийские фаллические процессы, во время которых по улицам носили огромные изобра-

жения мужского члена («фаллосы»), пели непристойные песни и нарушали некоторые сексуальные табу.

Дионис — бог плодородия земли, растительности, виноделия, сын Зевса и Семелы, культ которого был особенно популярен в народной, земледельческой среде.

Аид — бог подземного царства мертвых, сын Кроноса и брат Зевса.

С. Муравьев

Парменид

Парменид из Элеи в Южной Италии жил в конце VI — начале V века до н. э. (ок. 540—470? ок. 520—450?); Платон в диалоге «Парменид» уверяет, что он еще приезжал в Афины в годы молодости Сократа. Его поэма «О природе» (в которой он называет себя «юноша», фр. I, 24), соответственно, написана, видимо, в самом начале V века. По Пармениду, истинно существует только Бытие, бесконечное, безначальное, неделимое, бескачественное, равное самому себе, постигаемое только мыслью (тождественное мысли), не имеющее иных атрибутов, кроме того, что оно есть; этому посвящена первая часть поэмы («Мир Истины»), сохранившаяся в уцелевших отрывках, по видимому, в очень значительной части. Множественный мир отдельных вещей, возникающих из смешения света и тьмы, существует лишь в ложных представлениях людей, опирающихся не на разум, а на ощущения, и допускающих в Бытии подобную разнокачественность («Мир Мнения»); этому посвящена вторая, хуже и отрывочнее сохранившаяся часть поэмы. Перевод сделан по изданию Л. Тарана (Принстон, 1974), нумерация фрагментов — по Дильсу — Крайцу (только фрагменты 14—15 перенесены после фрагмента 11).

Фр. 1. Поэт в сопровождении богинь — дочерей Солнца является к Богине-Правде, и она возвещает ему учение Истины. Врата на пороге ее царства (ст. 11) представлены такими, как обычно у греков: не на петлях, а на вертикальных стержнях (ст. 18), вращающихся в гнездах порога и верхней стрелоки.

Фр. 6. *Люди о двух головах...* (ст. 5) — выпад против последователей Гераклита с его диалектикой единства противоположностей.

Фр. 8. *Мойра* (ст. 37) — в греческой мифологии богиня судьбы, у Парменида — олицетворение порядка природы (как и Непизбежность во фр. 10). *Шар* (ст. 43) избран символом равного себе Бытия, по-видимому, потому, что он один сохраняет равновесие, будучи поставлен на любую свою точку.

Фр. 10. *...светоч... незримость творит...* (ст. 2—3) — затмение Солнца; «труд... Сежены» (ст. 4) — фазы Луны.

Фр. 11. *Небесное молоко* — Млечный Путь; *Крайний Олимп* — небесный свод.

Фр. 17. Речь идет о зачатии в женской матке.

Фр. 18. Отрывок сохранился в пересказе латинского медика Целия Аврелиана (V в. н. э.), отсюда римские имена («Венерино семя»). *...Двоуким семенем страждет.* — То есть рождается гермафродитом.

Эмпедокл

Эмпедокл из Акраганта в Сицилии жил в V веке до н. э. («расцвет» его творчества греческие биографы условно относили к 444—441 гг.). Он был политическим деятелем, врачом и поэтом, а в подражание Пифагору старался держаться пророчком и полубогом; об этом ходило много легенд. Он написал две поэмы, общим объемом ок. 5000 строк (может быть, преувеличено): «О природе», с изложением собственного учения о строении мира, и «Очищения», с изложением пифагорейского учения о переселении душ, возмездии и искуплении. Эмпедокл представлял Бытие не единым, а состоящим из 4 стихий — Огня (Солнца, Гефеста), Воздуха (Эфира и пр.), Воды (Моря и пр.) и Земли, над которыми властвуют две силы — Любовь (Афродита) и Раздор (Гнев, Вражда); под влиянием Любви все стихии сливаются в единый шар-Сферос (образ парменидовский), под влиянием Раздора вновь разделяются, и этот круговой цикл повторяется вновь и вновь. Перевод отрывков Эмпедокла, сделанный Г. И. Якубанисом (1906), сверен с последним изданием Дильса — Кранца (1961) и сильно переработан при редактировании; при этом местами использованы обороты, найденные другими переводчиками Эмпедокла — Ф. Ф. Зелинским (в антологии «Древнегреческая литература эпохи независимости». Пг., 1920) и А. Ф. Лосевым (в цитатах у Секста

Эмпирика — «Сочинения». М., 1975—1976). Следует заметить, что Якубанис порой вводил в текст фрагментов слова, в подлиннике отсутствующие и восстанавливаемые лишь по пересказу античных цитаторов. Самые краткие и бессодержательные фрагменты из одного-двух слов (18, 19, 52, 69, 70, 97, 99, 148—153) опущены; фрагменты 95, 96 и 98 переставлены.

Фр. 1. *Павсаний* — возлюбленный Эмпедокла и адресат его поэмы, ближе не известен.

Фр. 3. *...языка показаниям...* (ст. 11) — т. е. вкусу (а не слову).

Фр. 6. *Зевсом* здесь Эмпедокл называет Огонь, *Аидомеем* (Аид, бог подземного царства) — Землю, *Герой* — Воду, *Неслис* (темное мифологическое имя) — Воду.

Фр. 17. *...двойко рожденье, двойка и гибель...* (ст. 3) — в зависимости от того, находится ли мир на стадии перехода от царства Раздора к царству Любви или от царства Любви к царству Раздора.

Фр. 24—25. Видимо, это оправдание больших повторений, встречающихся у Эмпедокла (напр., между фр. 17 и 26).

Фр. 30. *...среди членов...* — шара-Сфероса. Клятвой Эмпедокл называет, по-видимому, порядок природы (то же, что Мойра и Невбежность — см. коммент. к Пармениду, фр. 8); на неудобство этого термина указывал еще цитирующий этот фрагмент Аристотель (Метафизика, II, 4, 1000^b12).

Фр. 31. *Божи члены* — части Сфероса, которые приходят в движение, когда Раздор вновь начинает вытеснять Любовь.

Фр. 33—34. Речь идет о срастании всего в Любви.

Фр. 35. Эмпедокл представляет, что в пору господства Любви она занимает место в середине шара (вихря) четырех стихий, а Раздор оттесняется на периферию, в пору же господства Раздора — наоборот; но понятия «выше» и «ниже» в такой картине у него смешиваются, и отсюда — неожиданное упоминание о «педрах» в ст. 3.

Фр. 38. Текст испорчен (в рукописях — «о Солнца начале»), перевод — условный, по Дильсу — Кранцу. Эфиром (ст. 4) здесь назван Огонь (Титан — это Солнце), хотя обычно Эмпедокл называет Эфиром воздух.

Фр. 39. *...празднословные многих людей утвержденья...* — Аристотель, цитирующий эти стихи (О небе, II, 13, 294a21), относит этот выпад к Ксенофану.

Фр. 43—44. Эмпедокл представлял, что как луна светит лишь отражением солнечного света, так и само солнце светит лишь отражением вселенского Огня, скопившегося в другом полушарии и отражаемого на него то ли землю, то ли тою же луною.

Фр. 45. Описывается луна; ср.: Парменид, фр. 14.

Фр. 48. Земля преграждает лучи солнца, когда оно заходит за горизонт на другую ее сторону.

Фр. 53—54. Речь идет о движении эфира, тяготеющего то вверх (фр. 53), то вниз (фр. 54).

Фр. 57—67. Живые существа, по Эмпедоклу, начинают возникать, смешиваясь из четырех стихий при постепенном торжестве Любви над Раздором; при этом на первой стадии появляются отдельные, еще не сросшиеся члены тел (фр. 57—58); на второй они срастаются в беспорядочные чудовишные сочетания, вроде кентавров и химер (фр. 61); на третьей они уже образуют «естественные» гармонические тела, но еще рождающиеся непосредственно из стихий, а не друг от друга (фр. 62; «Эмпедокл утверждает, что люди родились из земли, как огородная зелень», — иронизировал над этим Варрон — «Сатиры», фр. 27); и, наконец, на четвертой они сами проникаются Любовью и начинают совокупляться и порождать подобные себе тела (фр. 63 сл.).

Фр. 68. *Сок появляется белый* — грудное молоко.

Фр. 84. Фонари в Древней Греции представляли собою масляные светильники, заслоненные от ветра прозрачными роговыми стенками, Эмпедокл рассуждает: как через такую стенку не проникают внутрь более грубые частицы воздуха, но проникают наружу более тонкие частицы огня, так и в глазу через зрачок не проникает снаружи водная стихия слез и т. п., но проникает изнутри огненная стихия зрения.

Фр. 98. *Гавань Киприды* — царство Любви с ее вселиянностью.

Фр. 96. Т. е. состав костей — 2 : 2 : 4 части соответственно Земли, Воды и Огня (Гефеста).

Фр. 100. *Клепсидра* («водокрад») — металлический сосудик для добывания жидкости со дна глубоких бочек и т. п., имевший форму опрокинутой воронки с затянутым решеткою широким концом. Если, зажав узкий конец пальцем, опустить клепсидру в воду, то вода в нее не вливалась; если же отпус-

тить палец, дать воде войти в сосуд, опять зажать отверстие и вытянуть клепсидру, то вода из нее не выливалась. Впоследствии словом «клепсидра» стали называться водяные часы.

Фр. 107. *Из них* — т. е. из четырех стихий. «Знание возникает из подобного... так что мышление есть то же, что и ощущение, или нечто похожее на него; перечислив, как каждое познается каждым (ср. фр. 109), Эмпедокл добавляет: «Ибо из них...» (и т. д.). Поэтому-то более всего мыслят кровью (ср. фр. 105), ибо в ней частицы стихий более всего перемешаны», — поясняет Феофраст, Об ощущении, 10.

Фр. 115. *«Демонами»* (ст. 3) греки называли все божественное, в данном случае — душу человека. По Эмпедоклу, она тоже участвует в мировом кругообороте, достигая высшего блаженства в пору господства Любви и худших мучений в пору господства Раздора («30 000 времен», ст. 6 — может быть, продолжительность периода между этими фазами), но дурными поступками она может ускорить свой переход от блаженства к мытарствам, а праведной жизнью — оттянуть его.

Фр. 128. Мифологическая картина золотого века отождествляется Эмпедоклом с фазой господства Любви в мироздании.

Фр. 129. Цитирующий эти слова Порфирий (Жизнь Пифагора, 30) относит их к Пифагору, хотя Пифагор жил, конечно, не в золотом веке, а всего лишь за столетие до Эмпедокла.

Фр. 134. *Дух* — в подлиннике $\rho\eta\gamma\epsilon\pi$, средоточие человеческой одушевленности, локализуемое обычно в грудобрюшной диафрагме.

Фр. 136—141. Пересказ пифагорейских заветов воздержания — неперемного условия спасительной праведности (см. коммент. к фр. 115): воздержания от мяса (потому что при переселении душ в убиваемых животных могут оказаться человеческие души), от листьев лавра, от бобов (самый знаменитый из пифагорейских запретов) и т. п.

Фр. 138. *Медью черпая душу* — то есть убивая мечом: знаменитый пример метафоры, приводимый Аристотелем в «Поэтике», 21. Метафора становится еще ярче, если вспомнить, что душа, по Эмпедоклу, заключается прежде всего в крови, фр. 105 (замечает Якубанис).

Фр. 143. Описывается обряд ритуального омовения.

Фр. 146. Описывая это возрождение праведных душ, Эмпедокл думает и о себе самом — пророке, поэте, враче и политическом вожде одновременно.

Эпикур

Эпикур (342—270 до н. э.) родился в семье афинского поселенца на Самосе, с 310 года вел философские занятия в Митилене на Лесбосе, а с 306 года и до смерти — в Афинах, в своем «Саду», ставшем для эпикурейцев священным местом. Из его очень многочисленных сочинений полностью сохранились лишь краткие резюме собственного учения — письмо к Геродоту о строении мира, письмо к Пифоклу о причинах небесных явлений, письмо к Менекею о наилучшем образе жизни (все адресаты — ученики Эпикура, ближе не известные) и «Главные мысли» в форме афоризмов, самое популярное из его произведений. Все они сохранились в составе жизнеописания Эпикура, составляющего X книгу сочинения Диогена Лаэртского (III в. н. э.) «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»; нумерация параграфов Диогена Лаэртского дается на полях, а вставки Диогена в эпикуровский текст выделены двойными скобками. Перевод сделан по изданию Диогена Лаэртского, подготовленному Х.-С. Лонгом (Оксфорд, 1958); местами использованы обороты, найденные в полном переводе фрагментов Эпикура у С. И. Соболевского (при изд.: Лукреций. О природе вещей, т. 2. М.—Л., 1947). Эпикур делил свое учение на две части — физику и этику. В физике он вслед за Демокритом представлял мир состоящим из атомов и пустоты; в отличие от Демокрита он, однако, допускал для атомов возможность минимального беспричинного отклонения от пути их полета («падения») в пустоте — нечто вроде свободы воли. Познание мира опирается на показания чувств: от всех предметов отделяются тончайшие пленки «видности», которые взаимодействуют с органами чувств, а «ощущения» этих взаимодействий и «внутренние чувства» («претерпевания»), т. е. удовольствие и неудовольствие, слагаются в картину мира. Это облегчается, во-первых, тем, что повторные впечатления от «видностей» слагаются в «предвосхищения» новых ощущений, а во-вторых, тем, что умственные операции с предме-

тами, непосредственно не ощутимыми, тоже возможны и достигаются «образным броском мысли», природу которого Эпикур не определяет. В этике высшей ценностью Эпикур считал удовольствие, а его представлял как свободу от неудовольствия — «бестревожность»; главной же частью «бестревожности» была свобода от страха перед богами, достигаемая разумом.

§ 35. *...все, что мы написали о природе...* — прежде всего, большое сочинение «О природе» (в 37 книгах); обзор всего предмета — так называемый «Большой обзор» в I книге, предназначенный для начинающих (есть предположение, что именно им пользовался Лукреций при сочинении своей поэмы); по аналогии с ним «Письмо к Геродоту», предназначенное для уже подготовленных учеников, называется иногда «Малый обзор» (см. § 85).

§ 36. *...а это бывает, когда все...* — Здесь и далее квадратными скобками отмечаются дополнения филологов нового времени в лакунах эпикуровского текста.

§ 37. *...не оставались они необсужденными...* — точнее, «чтобы наши объяснения не уводили от них в бесконечность», то есть в диалектическую игру понятиями, а держались наглядного смысла слов.

§ 38. *Держатья ощущений* — при суждениях о конкретном; *броском мысли* — при суждении об отвлеченных предметах; *претерпеваний* (т. е. наслаждения и боли) — при моральных оценках.

§ 42. *...не совершенно беспредельно, а лишь необъятно.* — Если бы количество разных видов атомов было бесконечно, то среди них были бы и очень крупные, видимые глазом (ниже, § 56); Демокрит это допускал, но Эпикур не допускает, как противоречащее чувствам, и ради этого вводит различие «беспредельности» и «необъятности».

§ 43. *...он говорит ниже...* — в § 61. *Поодаль* — то есть свободно движется, как в воздухе; *сцепятся* — как в твердых телах; *будут охвачены сцепленными атомами* — как жидкость в сосуде.

§ 44. *Ниже он говорит* — в § 54—56.

§ 47. Очень темное место. Общий смысл: «видности» расширяются очень быстро, но не бесконечно быстро, ибо это противоречило бы непосредственному ощущению: ощущение же говорит, что «видность» сперва достигает ближних на-

блюдателей, а потом дальних, и что при определении расстояния до источника «видностей» возможны ошибки. Это происходит оттого, что «видности» движутся беспрепятственно лишь до места ощущения, а само столкновение с органом чувств уже становится для них «препятствием».

§ 49. О восприятии посредством истечений через воздух учил Демокрит, о восприятии посредством лучей, идущих из глаза,— Парменид. Эпикур развивал учение Демокрита, но отмежевывался от его изобретателя.

§ 50. *...от непрерывного истощения видностей* представляющие возникает в органах чувств, от последнего их остатка (осевшего в сознании) — в мыслях. *...но ни подтверждение, ни неподтверждение не наступает...* — То есть всякое ощущение истинно, однако оно может быть неполно и нуждаться в дальнейшем подкреплении; если это подкрепление невозможно, то неполнота восполняется мнением, которое уже может и не быть истинным.

§ 55. *Любой величины* — возражение против Демокрита, см. коммент. к § 42.

§ 58. *...а не на совпадение их...* — То есть если мельчайшую частицу и возможно разделить на две меньшие, то мы будем иметь две мельчайшие частицы, а не две части одной.

§ 59. *...мерилом для атомов...* — То есть из двух атомов больше тот, в котором больше неделимых частей. *...невозможно* — то есть эти частицы существуют только как части атома, не имеющие собственного движения.

§ 60. *...от наших голов...* — Эпикур хочет обосновать свое учение о бесконечном падении атомов в пространстве сверху вниз (Демокрит термином «падение» не пользовался); для этого ему нужно доказать, что в бесконечном пространстве есть верх и низ; чтобы это доказать, он берет за начало отсчета не точку, а протяженную человеческую фигуру с головой и с ногами.

§ 61. *...быстро, как мысль...* — Мысль Эпикур считает тоже движением атомов, только самым быстрым.

§ 62. *...истинно только то...* — То есть домыслы «по аналогии» имеют силу только для видимых явлений, а невидимые явления постигаются только движением мысли.

§ 68. *...сказали вначале...* — См. § 63.

§ 70. *...непостоянные свойства, напр., для человека* — «быть

рабом», тогда как постоянные свойства — напр., «быть двуногим».

§ 72. *...время не поддается...* — То есть время не есть самостоятельный предмет, который можно было бы представить себе зримым образом (иметь в сознании его «предвосхищение»), а есть лишь свойства таких предметов, как день, ночь, движение и пр., отвлекаемые от них умом.

§ 76. *...предметы, еще не выданные...* — То есть заимствованные или новозобретенные.

§ 79. *...в наших рассуждениях о отдельных явлениях...* — напр., в вышеследующем письме к Пифоклу.

ПИСЬМО К ПИФОКЛУ

§ 89. *...как утверждают некоторые...* — по-видимому, Левкипп.

§ 90. О скоплениях атомов в начале мира учил Левкипп, о вихре и о разрастании до столкновения — Демокрит; сквозной детерминизм Демокрита («мнения о необходимости») был здесь, как и всюду, неприемлем для Эпикура.

§ 91. *Ведь именно так наблюдаются... огни...* — Эпикур рассуждает: отходя от огня, мы сперва перестаем чувствовать жар, а потом уже замечаем, что огонь кажется нашему взгляду меньше, чем он есть; жар солнца мы чувствуем; стало быть, мы еще не так далеко от него, чтобы оно казалось нам меньше, чем оно есть. Ср.: Лукреций, V, 566—584.

§ 92. *Восход и закат... может происходить...* — Первое мнение — Гераклита, второе — Анаксимена.

§ 93. Лагуна в начале параграфа содержала другие возможные объяснения движений светил — ср.: Лукреций, V, 509—533 (может быть, их гонит внешний ветер или внутренняя огонь, или они ищут в себе, как на пастбище, новую пищу для своего «сильнейшего жара»). О поворотах в движении светил первое мнение — Эмпедокла, второе — Анаксагора, третье — Гераклита (?) и стоиков, четвертое — Демокрита (с его «вихрем» частиц). *...рабских искищрений астрономов.* — То есть астрономы — рабы собственных теорий, в отличие от эпикурейцев, равно принимающих любое объяснение.

§ 94. Об ущербе луны первое мнение — Гераклита (с его поворачивающимися небесными «сосудами»), второе — Ксенофа-

на(?), третье — Анаксимена и Анаксагора. О свете луны первое мнение — Анаксимандра и Ксенофана, второе — Фалеса, Эмпедокла, Анаксагора.

§ 95. О пятнах на луне первое мнение — Анаксагора, второе — Анаксимена (?).

§ 96. О затмениях первое мнение — Ксенофана, второе — Анаксагора.

§ 98. *Продолжительность ночи и дня...* — Первое мнение — если считать, что над землей движется одно и то же солнце, второе — если считать, что каждый день загорается новое. *Предсказания погоды... по животным...* — например, если ласточки летают низко; *...по переменам воздуха...* — например, когда солнце сквозь туман кажется красным.

§ 99. Об облаках первое мнение неизвестно, второе — Демокрита, третье — Ксенофана. «Сжимаются» они, давая друг друга, «преобразуются» — под влиянием солнечных лучей (Лукреций, V, 510—516).

§ 100. *В сосудах* — то есть если подуть в узкогорлый сосуд.

§ 101. О молнии первое мнение — Демокрита, второе — Анаксимандра, третье — Анаксагора, четвертое — Эмпедокла, пятое — опять Анаксагора, шестое — ближе неизвестно, седьмое повторяет первое, демокритовское.

§ 103. Об ударах молнии второе мнение повторяет первое; разница лишь в том, что в первой теории больше подчеркнута роль ветра.

§ 104. *Впадать в баснословие* — то есть считать молнию наказанием от Зевса и т. п.

§ 106. *Вследствие обильного скопления воды* — то есть когда где-нибудь какая-нибудь материя (напр., влага идущего дождя) вытесняет много воздуха, то из этого места дуют ветры (?). Ветристым частицам, более тонким, труднее замерзнуть и легче разделиться на градины, водянистым — наоборот.

§ 109. То есть если смешение света и воздуха в разных частях атмосферы порождает разные цвета, то сливаются они в одну полосу оттого, что каждый распространяет свой свет и на окрестный воздух.

§ 112. *Некоторые звезды...* — близ небесного полюса, не скрывающиеся за горизонтом. Первое мнение — Анаксимена, второе — Демокрита, третье — Гераклита.

§ 113. Мнение о вихре и необходимости — Демокрита, о движении звезд к местам питания — Гераклита («смущаемое неравномерностями»).

§ 114. Как сказано выше — см. § 102.

§ 115. За появлениями животных — весенним прилетом ласточек и т. п.

ПИСЬМО К МЕНЕКЕЮ

§ 126. *Если ж родился...* — стих Феогвида, 427 (пер. В. В. Вересаева).

§ 124. *...судьбе, выдуманной физиками...* — Опять выпад против детерминизма Демокрита.

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ

§ 139. Первые четыре «главные мысли» считались ключом ко всей эпикурейской этике и носили название «тетрафармаков» — «четверолекарствие».

§ 148. *К естественной конечной цели* — то есть к достижению «бестревожности».

§ 150. *Справедливость... это договор...* — полемика против метафизической идеи дружбы у Платона, пифагорейцев и даже стоиков.

М. Гаспаров

СОДЕРЖАНИЕ

- Т. Васильева.* Философия и поэзия перед загадкой природы 5

Тит Лукреций Кар

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

Пер. Ф. А. Петровского

Книга первая

- Введение (1—145). Ничто не возникает из ничего (146—214), ничто не обращается в ничто (215—264). Существование атомов (265—328), существование пустоты (329—417), из них состоит все (418—482). Атомы плотны, вечны и неизменны (483—634). Критика Гераклита (635—704), Эмпелокла (705—829), Анаксагора (830—920). Задачи поэмы (921—950). Бесконечность пространства (951—1007). бесконечность материи (1008—1051), опровержение иных представлений (1052—1113). Заключение (1114—1117). 25

Книга вторая

- Вступление (1—61). Движение атомов (62—183), его вертикальность и отклонение (184—293); дополнительные замечания (294—332). Разнообразие форм атомов (333—477). Число форм и число атомов каждой формы (478—580). Соединения атомов (581—729). Бескачественность атомов (730—864) и ощущения людей (865—1022). Бесконечное множество миров (1023—1104), их возникновение и гибель (1105—1175). 57

Книга третья

- Вступление (1—93). Душа и дух: их материальность (94—176), их строение (177—322), взаимосвязь души и тела (323—416). Душа не живет после смерти (425—669), не живет до рождения (670—783), не живет вне тела (784—829). Нелепость страха смерти и страха загробных страданий (931—1023). Смерть и жизнь нужно принимать как неизбежность (1024—1094) . . . 91

Книга четвертая

- Вступление (1—25). «Призраки» (26—128), их образование (129—175) и движение (176—215). Зрение (216—378). Обманы зрения не мешают надежности чувств (379—521). Слух (522—614), вкус (615—672), запах (673—721). Умственные образы и призраки (722—822). Телесная деятельность, голод, ходьба (823—906), сон и сновидения (907—1036). Половое чувство и любовь (1037—1072), ее пагубность (1073—1208). Деторождение (1209—1277). Привычка и любовь (1278—1287). . . . 123

Книга пятая

- Вступление (1—90). Независимость мира от богов (91—234), он возник и он погибнет (235—415). Образование мира и его частей (416—508). Небесные тела: их размеры и движения (509—649), смена дня и ночи (650—770). Земля и жизнь на земле (772—924). Первобытные люди (925—1010). Происхождение общества (1011—1160). Происхождение религии (1161—1240). Развитие цивилизации (1241—1457). 159

Книга шестая

- Вступление (1—95). Атмосферные явления: гром и молния (96—422), смерчи, тучи и дождь (423—534). Землетрясения и вулканы (535—711). Удивительные реки (712—737), озера (737—839), источники (840—905). Магнит (906—1089). Болезни и эпидемии (1090—1137), чума в Афинах (1138—1286). 199

ПРИЛОЖЕНИЕ

Гераклит Эфесский

- Фрагменты сочинения, известного позже под названием «Музы» или «О природе». Перевод С. Муравьева * . 237

Парменид

- Из поэмы «О природе». Перевод М. Гаспарова * 269

Эмпедокл

- Из поэмы «О природе». Из поэмы «Очищения». Перевод Г. Якубаниса в переработке М. Гаспарова 275

Эпикур

- Письмо к Геродоту. Перевод М. Гаспарова 292
Письмо к Пифоклу. Перевод М. Гаспарова 306
Письмо к Менекею. Перевод М. Гаспарова 315
Главные мысли. Перевод М. Гаспарова 319
Комментарии Т. Васильевой, С. Муравьева, М. Гаспарова 325

Тит Лукреций Кар
Л 84 О природе вещей /Пер. с латин. Ф. Петровского; Вступ. статья Т. Васильевой; Худож. В. Носков.— М.: Худож. лит., 1983.— 383 с., 7 л. ил. (Б-ка античн. лит-ры).

В знаменитом произведении римский поэт Тит Лукреций Кар (I в. до н. э.) в поэтической форме излагает свое материалистическое мировоззрение,

Л 470300000-271 186-83
028(01)-83

ББК 84(0)3
А (Рим)

Тит Лукреций Кар
О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

Редактор А. Мурик

Художественный редактор Ю. Коннов

Технические редакторы О. Ярославцева, В. Кулагина

Корректор Н. Усольцева

ИБ № 2947

Слано в набор 25.11.82. Подписано в печать 14.09.83. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Елизаветинская». Печать высокая. Усл. печ. л. 22,39. Усл. кр.-отг. 23,44. Уч.-изд. л. 20,2. Тираж 50 000 экз. Заказ № 690. Изд. № VI-1024. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

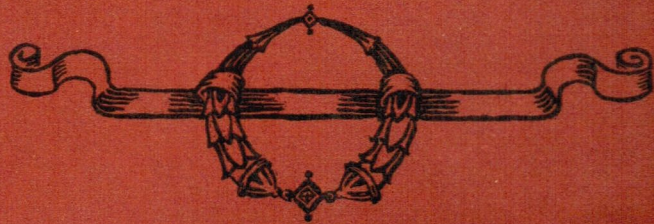
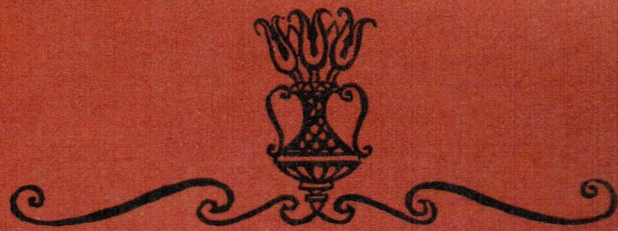
Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

ТИТ ЛУКРЕЦИИ КАР

ЛУКРЕЦИИ

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

Т И Т Л У К Р Е Ц И И К А Р